

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Филологический факультет

Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

на правах рукописи

Коломацкий Дмитрий Игоревич

**ДИСТРИБУЦИЯ РУССКИХ ПАССИВНЫХ ФОРМ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 10.02.21 —

прикладная и математическая лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

к. ф. н. доц. Е. Ю. Калинина

Москва

2009

Оглавление

Введение	3
I. Теоретические установки	7
Глава 1. Основные понятия: диатеза, залог, пассив	7
1. 1. Диатеза. Синтаксический нуль	7
1. 2. Залог	13
1. 3. Характер залоговой оппозиции	17
1. 4. Значение и определение пассива	23
1. 5. Русский пассив: синтетический и аналитический	54
II. Статистическое исследование	59
Глава 2. Описание выборки и общие статистические данные	59
2. 1. Описание выборки	59
2. 2. Метод: расчётные частоты и критерий χ^2	66
2. 3. Общие статистические данные	68
2. 4. Предварительные выводы и ожидания	80
Глава 3. Семантический класс глагола	82
3. 0. Постановка задачи и перечень семантических классов	82
3. 1. Возвратные глаголы	84
3. 2. Дистрибуция типов пассивных конструкций по семантическому классу	88
3. 4. Выводы	97
Глава 4. Вид и акциональность	99
4. 0. Постановка задачи. Видовая пара, акциональный ярлык и класс	99
4. 1. Вид	112
4. 2. Акциональный ярлык и акциональный класс	138
4. 3. Выводы	181

Глава 5. Актанты пассивной конструкции	185
5. 0. Описание задачи	185
5. 1. Гиперроли	186
5. 2. Параметры исследования	200
5. 3. Свойства актантов пассивной конструкции и их взаимозависимость.....	210
5. 4. Свойства актантов и тип пассивной конструкции.....	219
5. 5. Промежуточные выводы	228
5. 6. Свойства актантов и возможность смены типа пассивной конструкции.....	229
5. 7. Способ выражения Актора.....	230
5. 8. Выводы.....	243
Глава 6. Сочетание параметров и теория семантической переходности	246
6. 0. Постановка задачи	246
6. 1. Вид пассивного возвратного глагола и свойства актантов.....	247
6. 2. Акциональные ярлыки и свойства актантов	249
6. 3. Теория семантической переходности и грамматикализация.....	253
6. 4. Теория семантической переходности и спорные случаи	261
6. 5. Выводы.....	262
Заключение	263
Библиография.....	271
Приложения.....	293

Введение

Данная работа посвящена дистрибуции русских пассивных форм, одной из наиболее интересных проблем в области русского залога. **Объектом** исследования являются, таким образом, русские пассивные формы, а **предметом** исследования — свойства пассивных конструкций, содержащих пассивные формы различных типов, и параметры их распределения. **Целью** исследования является установить, от чего зависит выбор средства обозначения страдательного залога в каждом конкретном предложении. Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**: сформулировать теоретические установки и выбрать определение пассива; создать базу данных русских предложений с возвратными глаголами и страдательными причастиями на основе корпусов русских текстов; в выборке предложений с возвратными глаголами с помощью выбранного определения пассива выделить массив пассивных примеров; обработать созданную выборку, охарактеризовав каждое предложение по ряду параметров, относящихся к различным уровням языка; проанализировать полученные данные и выделить параметр или параметры дистрибуции пассивных форм. Характером работы определяется её **актуальность**: при наличии в языке нескольких показателей, формально выполняющих в языке одну и ту же функцию, возникает потребность в чёткой параметризации их распределения. Оптимальным **методом** для решения поставленных задач является корпусное исследование на обширном материале.

Древнерусская залоговая система была достаточно прозрачна: имелось только два средства образования пассива: причастие на *-м-* и причастие на *-н-/-т-*, между которыми имелось чёткое распределение по виду (см. [Стрельцова 1978]). Причастия обоих типов употреблялись как в атрибутивных, так и в предикативных контекстах (в современной русистике различение двух типов контекстов рассматривают как противопоставление, соответственно, полных и кратких причастий). Стройная картина была нарушена, когда в за-

логовой системе появились так называемые возвратные глаголы¹, чей показатель — постфикс *-ся*² — явился результатом грамматикализации рефлексивного местоимения. Грамматикализованное рефлексивное местоимение часто становится маркером пассива (см. [Haspelmath 1990]), но при этом для каждого языка этот синтетический пассив занимает свою нишу. Процесс внедрения нового маркера обычно сопровождается изменением существующей дистрибуции, хотя в общем случае это необязательно: новое средство образования пассива может появиться для обозначения каких-либо ситуаций, которые раньше никогда не описывались с помощью пассива. В русском языке появление нового пассивизатора, несомненно, связано с изменением дистрибуции: введение возвратных глаголов сопровождается снижением употребительности презентных причастий на *-м-* в предикативных контекстах, хотя сложно сказать, стал ли рост количества употреблений синтетического пассива причиной или, наоборот, следствием этого факта. М. И. Стрельцова склоняется к точке зрения, согласно которой внедрение возвратных глаголов стало именно следствием низкой употребительности причастий на *-м-*: в частности, эти причастия не выражали достаточно широкого диапазона видовых значений (см. [Стрельцова 1978: 154–159]).

Итак, появление нового показателя чаще всего изменяет существующую дистрибуцию. Проблема заключается в том, что это изменение и перераспределение областей употребления для каждого маркера в этом, новом, наборе происходит постепенно, этот процесс может даже останавливаться на долгое время (см. [Dahl 1998] о процессе грамматикализации, его причинах и стадиях); это затрудняет установление параметра дистрибу-

¹ Для удобства изложения мы будем называть возвратными любые глаголы с постфиксом *-ся/-сь*, вне зависимости от их значения.

² Для этого показателя в русистике также встречается не совсем оправданное именование «частица», см. например [Янко-Триницкая 2001], следствием ввода этого именованья является утверждение автора упомянутой работы, что *-ся* — единственная продуктивная частица, хотя само такое понятие, как «продуктивность частиц», весьма сомнительно.

ции. Возможно, именно поэтому на данный момент практически нет работ, посвящённых исключительно дистрибуции русских пассивных форм, что обуславливает **новизну** настоящего исследования. Существующие работы посвящены либо возвратным глаголам (в основном это классификации значений возвратных глаголов, напр. [Обнорский 1953], [Исаченко 1960], [Янко-Триницкая 1962, 2001], [Недялков 1978], [Генюшене 1983], [Веренк 1985], [Князев и Недялков 1985]), либо причастиям (прежде всего проблеме противопоставления так называемых акциональных и статальных причастий см. [Грамматика русского языка 1970], [Буланин 1978], [Князев 1989], [Гаврилова 1998], [Падучева 1998б]). Оба эти вопроса затронуты в настоящем исследовании, поскольку они непосредственно влияют на дистрибуцию пассивных форм. И всё же непосредственно проблема дистрибуции ставится весьма редко¹. Упоминания, прежде всего, заслуживает работа У. Харрисона [Harrison 1967], в которой речь идёт о проблеме выбора пассивных форм; хотя эта работа рассматривает исключительно каждый тип пассивных конструкций в отдельности, в ней присутствует ряд интересных наблюдений. Примечательна также работа К. Аиймера [Aijmer 2002], в которой последовательно отстаивается точка зрения, присутствующая (имплицитно или эксплицитно) во многих отечественных и зарубежных работах о русском пассиве (см. напр. [Грамматика русского языка 1970: 352], [Милославский 1978], [Зализняк 1980], [Князев и Недялков 1985], [Пупынин 1991], [Гаврилова 1998], [Буланин 2001], [Смолянинова 2001], [Unbegaun 1975], [Timberlake 1976], [Björklund 2003], [Blevins 2003]). В рамках этой концепции противопоставляются возвратные глаголы и причастия на *-н/-т-*, между которыми, как утверждается, присутствует распределение по виду

¹ Помимо упоминаемых ниже работ, существует также работа [Князев 1999б], но её автор рассматривает не все случаи, когда возможно употребление и причастия, и возвратного глагола, а те, когда причастие теряет пассивность (и тем самым приближается по значению к возвратному глаголу; эта проблема также обсуждается в настоящей диссертации) или явно образовано от возвратного глагола (видимо, именно так следует интерпретировать термин *соотносительность*, в таком же смысле сходный термин употребляет Н. А. Янко-Триницкая).

(причём не по виду самой пассивной формы, а по виду образующего глагола). Как будет показано в главе 4, распределение по виду пассивной формы действительно наблюдается (хотя и с достаточным количеством исключений), при попытке же говорить о распределении по виду образующего глагола мы сталкиваемся с определёнными методологическими трудностями. Однако важнее всего тот факт, что может существовать распределение по другим параметрам.

Основные теоретически значимые результаты исследования:

- ◆ характерные отклонения от расчётных частот в целом соответствуют теории семантической переходности [Hopper & Thompson, 1980], описанной в главе 6;
- ◆ распределение пассивных форм по виду существует, но не в виде дополнительной дистрибуции;
- ◆ актанты пассивной конструкции стремятся иметь схожие свойства;
- ◆ агентивное дополнение необязательно должно представлять собой именную группу в форме творительного падежа.

Апробация работы: основные положения диссертации были представлены и обсуждены в ходе докладов на Ломоносовских чтениях в МГУ им. Ломоносова (апрель 2004 г.), научной конференции молодых учёных в ун-те г. Тарту (апрель 2006 г.), в Институте проблем информатики РАН (март 2009 г.), а также на Кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Автор выражает благодарность Е. Ю. Калининой за научное руководство, А. Е. Кибрику, Кристоферу Аиймеру, Мартине Бьёрклунд, А. А. Бонч-Осмоловской, Г. И. Кустовой, Н. В. Перцову и С. С. Саю за предоставленные работы и ценные замечания, И. М. Кобозевой, Н. К. Рябцевой, В. А. Плунгяну, С. Ю. Толдовой, С. Г. Татевосову, Е. Б. Козеренко, а также Ю. В. Адаскиной, М. М. Брыкиной, А. А. Волковой, Ф. И. Дудчуку и О. Б. Маркус за помощь, материалы, рекомендации и плодотворнейшее обсуждение отдельных частей работы на разных стадиях исследования.

I. Теоретические установки

Глава 1. Основные понятия: диатеза, залог, пассив

Данную главу мы начнём с определения диатезы, после чего перейдём к понятию залога. Когда же эти два основных понятия будут определены и будет обрисован круг проблем, с ними связанных, мы изучим подходы к рассмотрению противопоставления актива/пассива, а затем — противопоставление глагольного и причастного пассива в русском языке. Эти рассуждения создадут должную теоретическую базу для последующих поисков основания дистрибуции пассивных форм.

1. 1. Диатеза. Синтаксический нуль

Интересно, что далеко не все учёные, говоря в своих теоретических исследованиях о залоге, об активе и пассиве, упоминают диатезу как базовую для всех этих понятий категорию. Тем не менее, в каждой работе (как это можно будет увидеть дальше) понятие диатезы и её главенствующая по отношению к понятию залога роль подразумевается, даже если об этом не говорится. Ни одно определение залога и, далее, актива и пассива, не обходится без фраз типа «субъекту соответствует подлежащее, объекту соответствует прямое дополнение» (см., напр., указание на это в работах [Грамматика 1970: 351], [Падучева 1974], [Бондарко 1991]). Тем временем, именно такое словесное описание отображает диатезу фразы. По В. С. Храковскому [Храковский 1991: 142], диатезой называется соответствие между совокупностью обозначений элементов смысловой структуры, свойственной лексеме данной глагольной словоформы, и совокупностью элементов синтаксической структуры, входящих в окружение данной глагольной словоформы. Более краткое определение диатезы предложил И. А. Мельчук: «Диатезой (лексемы L) называется соответствие между семантическими и синтаксическими актантами лексемы L» [Мельчук 1997–2000, т. II: 163]. В. А. Успенский [Успенский 1977: 82] предложил следующий вариант:

диатезой называется соответствие между ролями и синтаксическими обозначениями выражающих эти роли именных словоформ. Пространные (в том числе и философские, в терминах постмодернизма Томаса Куна и Имре Лакатоша) рассуждения о понятии диатезы мы находим в интереснейшей работе Д. Дэжэ [Дэжэ 1978].

Возможны разные определения; целью настоящей работы не является выбрать из них лучшее или предложить своё и мотивировать его использование. Для нашего исследования достаточно в данном случае просто сформулировать некую квинтэссенцию сказанного выше, чтобы взять её за основу при дальнейшем рассуждении о категории залога. А именно: постулируется наличие двух уровней (семантического и синтаксического), между которыми диатеза и устанавливает соответствие¹.

Элементы, составляющие «семантическую строку» диатезы, в традиции русистики соответствуют семантическим валентностям лексемы², в генеративной грамматике — так называемым θ -ролям, в падежной грамматике Ч. Филлмора — глубинным падежам (см. [Кобозева 2000: 145–146]), в функционализме — (макро)ролям [Foley & van Valin 1984], [van Valin, в публикации]. Семантическим валентностям (ролям участников в толковании предиката) соответствуют синтаксические аргументы. По-видимому, ближе всех именно к теории диатез, сформулированной в отечественной лингвистике, работы [Dowty 1991] и [Ackermann & Moore 2001], в которых идёт речь о выборе синтаксического оформления семантических (прото-)ролей (argument selection).

¹ В отдельных работах постулируется третий уровень, уровень референтов. В работах [Храковский 1981] и [Генюшене 1983] мотивируется использование трёхуровневой диатезы для рефлексивных глаголов. При этом для пассивного преобразования, как отмечается в упомянутых работах, третий, дополнительный, уровень не является релевантным, но если предметом исследования становится классификация всех значений рефлексивных глаголов, дополнительный уровень, по утверждению авторов, становится необходимым.

² За исключением работы [Успенский 1977], автор которой исходит из ролей и, тем самым, предлагает определение, более близкое западной традиции. Что же касается семантических валентностей, то надо помнить, что при определении семантических валентностей исследователь не может полностью абстрагироваться от синтаксиса, см. об этом [Плунгян и Рахилина 1998].

На семантическом уровне диатезы проблема определения состава участников сводится к установлению обязательных семантических валентностей глагола, связывающих значение слова с его актантами и отделению их от «семантических зависимостей [более слабого типа], соединяющих значение слова <...> с его сирконстантами» [Кобозева 2000: 143] (см. также [Панеева 1978]). Эта проблема не так проста, как может показаться (см. [Храковский 1998], где отмечается, что сирконстанты не всегда факультативно и свободно употребляются в любой конструкции, а также способны нести на себе признаки предиката, как в примере *Если бы я мог, сходил бы вчера/завтра в кино*; см. также [Тестелец 2001: 181 и далее]), но подробно останавливаться на ней в настоящей работе не представляется возможным.

«Синтаксическая строка» диатезы содержат синтаксические аргументы лексемы, причём необходимо произвести такой синтаксический анализ, чтобы все элементы получили необходимые пометы (см. [Успенский 1977]). Анализ проводится, по крайней мере, на такую глубину, чтобы восстановить составляющие, удалённые в результате эллипсиса.

На синтаксическом уровне существует феномен расщепления валентностей (случаи типа *Он ударил человека по лицу*), случаи, когда двум семантическим валентностям соответствует одна синтаксическая (*Они дерутся*)¹, и, наконец, проблема невыраженных синтаксических актанта. При этом надо разделять случаи сирконстантов, которые чаще всего факультативны и могут отсутствовать в диатезе, и случаи, когда невыраженным оказывается актанта, реализующий семантическую валентность предиката. Эти, последние, случаи иллюстрируют проблему синтаксических нулей.

Развёрнутая концепция синтаксических нулей представлена в работе [Мельчук 1974]. Понятие синтаксических нулей (нулевой словоформы или лексемы) строится как обобщение понятий морфологических нулей — нулевой морфы или нулевой морфемы, которые

¹ О проблемах соответствия семантических и синтаксических валентностей см. также [Муравенко 1998].

принимаются за исходные в силу их достаточной ясности (вроде *плит-∅*). «Языковой нуль» вообще — это «либо нулевой знак, то есть знак, означаемым которого является пустая цепочка, либо соответствующая нулевая «-эма», то есть образованное на основе определённых принципов множество эквивалентных знаков, содержащее только одну нулевую «алло-» (=один нулевой знак)» [Мельчук 1974: 345]. Тогда «синтаксическим аналогом нулевой морфы является нулевая словоформа (= нулевая лекса), имеющая в качестве означаемого пустую цепочку фонем; другими словами, это такой символ в представлении фразы на *n*-м синтаксическом уровне, который при движении «вверх», к тексту, всегда пропадает — переходит на уровне *n* + 1 в пустую цепочку (во фразовом сегменте ему не отвечают никакие фонемы), а при движении «вниз», к смыслу, переходит в определённый комплекс символов уровня *n* – 1. Аналогом нулевой морфы является нулевая лексема — одноэлементное множество лекс, содержащее только нулевую лексу» [там же: 349]. Нулевая лекса ущербна только в плане нулевого означаемого; означаемое и синтактика у неё полные.

Применим эти теоретические замечания к материалу русского языка. Рассмотрим следующие примеры:

(1) Улицу засыпали песком.

(2) Улицу засыпало песком.

Различие в смысле очевидно: в примере (1) засыпание осуществили люди, в примере (2) — заведомо некие стихийные силы. Соответственно, по И. А. Мельчуку, целесообразно считать, что в (1) и (2) имеются нулевые словоформы (= лексы) $\emptyset_{(мл)}$ ^{люди} и $\emptyset_{(сп,ед)}$ ^{стихи}.

Если не усматривать во фразах (1) и (2) нулевых словоформ, а в их структурах — нулевых лексем, то возникают трудности — семантические (непонятно, чему следует приписать смыслы ‘«люди»’ и ‘«стихия»’; если не этому нулю — то сказуемому, но тогда формы глаголов будут всегда иметь очень много значений, заключая в себе значение Ак-

тора¹⁾ и синтаксические (если нет этих словоформ, то каким образом глагол получает грамматические формы, с чем они согласуются?)²⁾. Лексемы $\emptyset_{(мн)}$ и $\emptyset_{(ср,ед)}$ не имеют синонимов, так что соответствующие означаемые не могут быть адекватно и естественно выражены по-русски каким-то другим (и притом общим) способом. Эти лексемы имеют ограниченную сочетаемость и не употребляются, например, в позиции подлежащего пассива:

(3) *Там $\emptyset_{(мн)}$ были расстреляны палачами.

Помимо сказанного, эти лексемы, наряду с лицом и числом имеют, по утверждению И. А. Мельчука, и падеж, причём только именительный. Именно поэтому при конверсировании фразы (4) *Его всего исцарапали* мы получаем фразу (5) *Он был весь исцарапан*, которая не синонимична фразе (4) и теряет информацию о Акторе, потому что нулевая лексема должна была бы оказаться в позиции так называемого агентивного дополнения, а творительный падеж для неё неприемлем.

Есть основания утверждать, что описываемый факт, вопреки мнению И. А. Мельчука, не связан с падежом нулевой составляющей, поскольку в иных контекстах нулевая лексема явно присутствует (*Он был жестоко избит*). Причины невозможности, скорее, иные, ведь в предложении *Он весь исцарапан* мы имеем дело с так называемым статальным пассивом; по всей вероятности, именно его свойствами, а не ограничением на употребление нулевой лексемы, объясняется разница в интерпретации. В целом, если согласиться с точ-

¹ Здесь и далее: термином «Актор» обозначается гиперроль, объединяющая в себе роли Агенса и Причины/Стимула; данная гиперроль противопоставляется гиперроли Претерпевающего. Общим гиперролям могут принадлежать роли Экспериенцера и Адресата/Получателя. Более подробно о гиперролях см. главу 5.

² В этой связи приведём слова Я. Г. Тестельца о синтаксических нулях: «В отличие от внешне выраженных единиц (фонем, морфем, слов и т. д.), без которых не может обойтись ни одно лингвистическое описание, нулевые единицы постулируются по решению исследователя, и многие лингвисты обходятся в своей работе без них. Описание, лишённое синтаксических нулей, всегда возможно, но оно оказывается либо неполным, либо излишне громоздким» [Тестелец 2001: 270]. Уместность постулирования синтаксических нулей подчёркивается также в работе [Кибрик 1992: 180].

ной зрения И. А. Мельчука и принять, что информация об Акторе пропадает вовсе, то нарушается принятая в лингвистике презумпция о неизменности числа семантических актантов (подробно описанная на стр. 45 настоящей работы), так как семантическая позиция Актора, по И. А. Мельчуку, просто удаляется из диатезы.

Совершенно очевидно, что выбор между «отсутствующим» и «подразумеваемым» Актором и, в целом, между «отсутствием» и «выраженностью нулём» очень важен (см. [Кибрик 1997: 55] и [Шмелёв 1998]), и от ответа на соответствующий вопрос зависят и последующие решения. И если в случае с так называемыми двучленными пассивными конструкциями присутствие выраженного нулём Актора очевидно, то в других областях ясности меньше. Имеется в виду, прежде всего, известное противопоставление пассива и **декаузатива** (см. стр. 50 и далее)

Диатеза приписывается каждой конкретной словоформе. Существует, однако, базовая диатеза, приписываемая лексеме. «...Именно базовая диатеза приписывается лексеме как таковой. Диатеза же «вообще» приписывается только словоформам: разные лексы одной лексемы вполне могут иметь разные диатезы; более того, именно такая ситуация и должна иметь место в языках, обладающих грамматической категорией залога» [Мельчук 1997–2001, т. II: 163].

Есть случаи, когда при восстановлении исходной для двух конструкций диатезы результатом является диатеза, которая в силу определённых запретов, накладываемых грамматикой языка, не может быть выражена в данном естественном языке. Так, в [Belletti & Rizzi 1988] утверждается, что субъект некоторых эмотивных глаголов не является «внешним аргументом», то есть изначально не находится в позиции подлежащего, а является частью глагольной группы. Это означает, что он изначально не заполняет субъектную позицию, но соответствующее представление диатезы не находит выражения в естественном языке.

Такое же явление может существовать и на уровне лексическом — по каким-либо причинам Актор в пассивной конструкции не может быть выражен. В качестве примера можно привести безличные пассивы; в этих конструкциях запрет на выражение Актора можно объяснить стремлением синтаксиса иметь локутора в качестве подлежащего, а не косвенного дополнения, сочетающимся с тем фактом, что локутор является самым предпочтительным для пассива Актором. Возникающее противоречие разрешается запретом на выражение Актора (см. об этом [Shibatani 1998]).

Подводя краткий итог, сформулируем ещё раз понятие диатезы. Диатезой мы будем считать соответствие между набором семантических ролей (формальный способ отобразить набор семантических валентностей) данной лексемы (или словоформы, если мы говорим о производной диатезе) и набором синтаксических аргументов (включая синтаксические нули).

В заключение хочется подчеркнуть: большинство исследователей используют понятие диатезы в своих работах, даже если эксплицитно оно не упомянуто. Так, Г. Г. Сильницкий определяет залог как грамматическую категорию, которая «отображает регулярные соответствия между элементами валентностных парадигм глагольных лексем, коррелирующие с регулярными изменениями в значении этих лексем. Иными словами, залоговые разряды фиксируют регулярные соответствия между определёнными изменениями глагольной валентности и определёнными семантическими сдвигами в глагольном значении» [Сильницкий 1974: 54]. Последняя фраза явно даёт понять, что имелась в виду именно диатеза.

1. 2. Залог

Отправной точкой для перехода от понятия диатезы к понятию залога можно считать работу А. А. Холодовича [Холодович 1979: 277–292]. Диатеза, по Холодовичу,— это схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Отсюда залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Иными словами, залог

— это грамматически маркированная в глаголе диатеза (см. также [Мельчук 1997–2000, т. II], [Плунгян 2000], [Перцов 2001]).

Как понимается «маркированность в глаголе»? Это может быть специальный знак (синтетический, то есть аффиксация, или аналитический), преобразование знака (операция над означающим, то есть модификация, или операция над синтактикой, то есть конверсия). Если переносить эти общетеоретические замечания на материал данной работы, то мы имеем дело со специальным синтетическим знаком (аффиксом *-ся*) и аналитическим знаком (форма причастия со связкой).

Примечателен тот факт, что работы, посвящённые изучению пассива, и особенно более частные работы по пассивным конструкциям, часто обходят понятие залога как такового. Это означает, как это ни парадоксально, что пассив, а синонимом этого понятия принято называть понятие «страдательный залог», рассматривается отдельно от залога. Такой подход отмечен практически во всех западных работах, в числе которых [Harrison 1967], [Freidin 1975], [Langacker & Munro 1975], [Timberlake 1976], [O'Grady 1980], [Haspelmath 1990]¹, [Franks 1995] и др. Связано это с тем, что залог — морфологическая категория, а пассив выражается не только и даже не столько в морфологии глагола, сколько в синтаксисе предложения. Поэтому рассуждения о пассивных конструкциях часто имеют в качестве своей основы синтаксическую теорию, в то время как залог по-прежнему рассматривается, во всяком случае, академическими грамматиками, на уровне морфологическом, поскольку залог — категория глагола, не важно, словоизменительная или словообразовательная; а главы, рассматривающие залог, присутствуют как в учебнике морфологии [Плунгян 2000], так и в учебнике синтаксиса [Гестелец 2001].

Данная проблема не нова: уже достаточно давно отмечено, залоговые отношения не представляют собой последовательной системы ([Грамматика русского языка 1960: 410],

¹ Отметим, что Мартин Хаспельмат в своей работе рассматривает пассив прежде всего как категорию глагола, что делает рассмотрение пассива в отрыве от залога не совсем верным.

[Unbegaun 1975: 245)]¹. Какое решение мы можем предложить? Следует ли нам выбрать один уровень и исходить в дальнейшем рассмотрении из него?

Очевидно, что именно следствием данной дилеммы явилось множество разных определений залога, которые, если следовать классификации В. С. Храковский в его статье из «Лингвистического энциклопедического словаря», можно разделить на три группы [ЛЭС: 160–161]. Согласно семантическим определениям формы залога выражают различные отношения глагольного действия к его субъекту или различные отношения глагольного действия к его субъекту и объекту. В синтаксических определениях утверждается, что формы залога выражают различные отношения глагола к подлежащему; немаркированная форма залога указывает на исходное синтаксическое употребление глагола, формы производных залогов указывают на изменение исходного синтаксического употребления. По семантико-синтаксическим определениям, формы залога выражают различные отношения глагольного действия и его субъекта к подлежащему и дополнению; формы залога выражают одно и то же отношение между субъектом и объектом, однако при каждой форме залога субъект и объект выражаются различными членами предложения.

Наиболее разумным в такой ситуации представляется рассматривать все уровни языка. Действительно, в лингвистической литературе распространено мнение, что «залог представляет собой единственную в своём роде категорию, характеризуемую признаками трёх языковых уровней — лексического, морфологического и синтаксического» [Сильницкий 1974: 71]. Г. А. Золотова отмечает, что «не в разделении, не в противопоставлении грамматических уровней цель грамматического анализа, а в наблюдении, осознании результата совместных усилий семантики, морфологии, синтаксиса» [Золотова 2001: 108].

В работе [Бондарко 1971] вводится (и затем развивается в работах [Бондарко 1991, 1998a]) понятие **функционально-семантической категории**: «Функционально-семанти-

¹ Иными словами, залоговые отношения не образуют «таких последовательных соотношений между залоговыми формами и залоговыми значениями, какие свойственны другим категориям глагола, — категориям лица, времени, вида, наклонения» [Грамматика русского языка 1960: 410].

ческая категория не относится к какому-либо одному языковому уровню или аспекту. Она порождается элементами разных уровней, разных сторон языка. С этой точки зрения она может трактоваться как своего рода «комплексная» категория. Если иметь в виду результат этого порождения — взаимодействия в речи различных элементов, образующих семантические комплексы, то следует говорить уже не об уровне или аспекте, а о каком-то ином измерении — функционально-семантическом плане или функционально-семантической сфере» [Бондарко 1971: 10].

Функционально-семантическая категория «Залоговость» в данной концепции охватывает грамматическую категорию залога и относящиеся к той же семантической сфере словообразовательные, лексико-синтаксические и лексические средства. Центром (ядром) функционально-семантической категории является, по мнению А. В. Бондарко, морфологическая категория (в силу некоторых её свойств). Тем самым подчёркивается важность морфологической категории, но также в круг рассмотрения принимается ряд явлений других уровней¹. В этой связи следует также упомянуть работу [Храковский 1974: 5], согласно которой в любом предложении содержится информация двух типов:

- 1) Информация о ситуации, обозначаемая в любом предложении с глаголом, называющим данную ситуацию;
- 2) Необязательная информация об атрибутах, наличие или отсутствие которой не определяется ситуацией, называемой глаголом. С лексикографическим толкованием глагола связана только обязательная информация.

¹ Это разумно ещё и потому, что точка зрения о приоритетной позиции именно морфологической категории не бесспорна. Так, Дэвид Эмбик [Embick 1997] утверждает, что «главенство» в поле залоговости (если использовать этот термин) принадлежит синтаксису, поскольку морфологическое маркирование отражает прошедшие ранее синтаксические преобразования, а не осуществляет (effects) их. Интересно, что это представление отражено уже в «Грамматике русского языка» 1960 г., где сказано, что «категория залога обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, **находящие своё выражение** (полужирный шрифт мой. — Д. К.) в форме глагола» [Грамматика русского языка 1960: 410].

Как можно видеть, ядро значения предложения обеспечивает глагол, но существенную часть составляют и значения партиципантов. Отсюда вытекает следующее утверждение: «Информация, обязательно содержащаяся в предложении, равна информации, содержащейся в лексикографическом толковании глагола, который является вершиной этого предложения» [Храковский 1974: 5]. Глагол, таким образом, вносит обязательную информацию в предложение, но при этом не всю информацию.

Итак, категория залоговости охватывает весь круг разноуровневых явлений, связанных с перераспределением синтаксических ролей в диатезе. Понятие залоговости также отвечает требованиям нашего исследования, в котором нашей задачей будет поиск параметра дистрибуции пассивных форм: чем более полным будет поиск, тем больше шансов обнаружить параметр распределения.

После того, как сформулирован подход к рассматриваемой области, возникает проблема характера залоговой оппозиции, а именно: является ли залоговая оппозиция привативной или эквиполентной? В первом случае речь идёт о противопоставлении маркированности и немаркированности (соответственно, выделяются два значения — актив и пассив), во втором — о наборе равноправных значений. Разрешить этот вопрос необходимо, чтобы адекватно производить разметку корпусных данных, в которых пассивность фразы не дана по умолчанию — а именно, разметку выборки предложений с возвратными глаголами.

1. 3. Характер залоговой оппозиции

В большинстве западных работ залоговая оппозиция считается эквиполентной (в качестве примера можно привести работы [Haspelmath 1990], [Shibatani 1985], [Kibort 2004]). В рамках же теории функциональной грамматики была высказана точка зрения о привативности залоговой оппозиции. Эта же точка зрения содержится в [Русская грамматика 1980: 613]. Маркированным членом в данной концепции считается пассивность, поскольку именно пассивные конструкции обнаруживают более чёткую выделенность се-

мантического признака, а значение пассивности, в отличие от активности, можно чётко сформулировать (в частности, оно формулируется ниже в определении пассива). При этом противопоставление актива и пассива охватывает всю глагольную лексику (за пределы оппозиции залогов не выводятся несоотносительные по залогу образования вроде *бездельничать*).

К достоинствам данной теории можно отнести тот факт, что она предполагает чёткое разделение всех глаголов на классы, которое, тем не менее, не запрещает вводить различные залоговые конструкции, предлагаемые лингвистами. Часть из них будет выделяться в рамках пассива, а часть — в рамках актива. Иными словами, хотя мы выделяем оппозицию актива и пассива как главную, все остальные значения тоже сохраняются. Далее, в рамках данной концепции каждый глагол имеет значение залога, что представляется важным для прикладного исследования.

Существует, однако, точка зрения, что залог не является обязательной категорией, и в таком случае мы не только не будем считать достоинством то, что каждому глаголу приписано значение залога, мы даже будем считать это недостатком теории — ведь она постулирует обязательность, которой, на самом деле, нет.

В пользу точки зрения о наличии обязательности можно привести различные аргументы. Так, в работе [Bybee 1985] рассматривается концепция семантической релевантности, согласно которой более релевантная информация имеет тенденцию кодироваться лексическими средствами (см. об этом также [Dahl 1998], где используется понятие «риторической значимости»). Такие явления наблюдаются, в том числе, в сфере залога: «...залог релевантен и для глагола, и для его аргументов. Он сигнализирует «отклонения субъекта от нормы», меняет роли именных групп в предложении, как и перспективу, с которой рассматривается ситуация, описываемая глаголом. Поэтому неудивительно, что залог может кодироваться в именных группах, в глаголе или одновременно и в именных группах, и в глаголе. Различия в перспективе, напоминающие различие по залогу, выражаются и

лексически, например, в глаголах *покупать* и *продавать*... <...> Значение, выражаемое категориями залога достаточно важно для глагола, чтобы сочетаться и с лексическим выражением, <...> степень изменения семантики достаточна для того, чтобы привести к лексикализации, по крайней мере, в некоторых случаях» [Bybee 1985: 20–21].

Эта «семантическая релевантность», подтверждаемая случаями лексикализации, и может служить аргументом в пользу обязательности категории залога. Многие морфологические категории, которые признанно считаются обязательными, тоже демонстрируют способность к лексикализации. Примером может служить категория падежа, значение которой во многих языках выражается исключительно предлогами, а не флексиями, как в русском языке.

В работе Мартина Хаспельмата делается ещё одно утверждение, которое может являться аргументом в пользу обязательности категории залога: без пассивной морфологии глагола не бывает пассивных конструкций [Haspelmath 1990: 27].

И всё же представление об универсальности пассива (ср. [Dryer 1982], [Perlmutter & Postal 1983]) в современной лингвистике нельзя назвать популярным. Более того, утверждается, что «для языка нормальнее не иметь пассива, нежели иметь пассив» [Kibort 2004: 66]. Если при этом принять точку зрения о привативности залоговой оппозиции, необходимость пассива автоматически будет означать необязательность категории залога.

Против точки зрения об обязательности залога также можно привести аргумент, описанный в работе Н. Р. Сумбатовой [Сумбатова 2002]. Как утверждается в работе, критерий обязательности категорий обычно рассматривается проще, чем должен рассматриваться и никогда не выполняется с достаточной строгостью (а слишком нестрого его формулировать нельзя). Таким образом, критерий обязательности не стоит применять в настолько широком масштабе во всей грамматике (хотя и отказываться полностью от него не следу-

ет)¹. Вместе с тем, что применимость критерия обязательности оказывается под вопросом, то же самое происходит и с привативными оппозициями, которые, соответственно, требуют обязательной принадлежности некоторого элемента к одному из полюсов этой оппозиции. Таким образом, теория о привативности залоговой оппозиции, тем более, если мы затем попытаемся применить наши теории к типологическим данным, теряет свои позиции.

Существует ещё один, достаточно весомый, аргумент против привативности залоговой оппозиции в области возвратных глаголов. Заключается он в том, что если мы признаем привативность залоговой оппозиции и постулируем наличие двух залогов, то это будет означать, что имеет место омонимия двух разных показателей *-ся*. При привативности залоговой оппозиции одни глаголы попадут в класс актива, а другие — в класс пассива. Из этого, несомненно, мы заключим, что один *-ся* будет залоговым (не будем сразу говорить *словоизменительным*, но, возможно, и так), а второй *-ся* — нет. Постулировать омонимию в любом исследовании крайне нежелательно прежде всего с точки зрения научной работы как таковой, поскольку признание омонимии часто является знаком неспособности установить закономерность. Если же вернуться к конкретной области, то нетрудно вспомнить, что постфикс *-ся* образовался из рефлексивного местоимения. Известно, что в процессе грамматикализации рефлексивное местоимение может стать пассивным постфиксом (подробнее о грамматикализации см. далее), а пассивный постфикс, помимо пассивного значения может иметь и другие — в частности, рефлексивное, реципрокальное и другие [Haspelmath 1990: 33–34] — которые мы теперь отнесём к активному классу. Таким образом, полисемию мы вынуждены превратить в омонимию.

¹ Примечательно в этой связи введённое ещё в 1980 году Т. В. Бульгиной разделение формальной и содержательной обязательности [Бульгина 1980: 328–329]. Описываемая же работа Н. Р. Сумбатовой фактически развивает изложенную в работах [Перцов 1996а, 1996б] мысль о том, что словоизменительность не предполагает обязательность по умолчанию (это утверждение в обеих работах доказывается с помощью так называемых квазиграммем).

Есть, однако, и мнение, что омонимию признать можно. Так, в работах [Исаченко 1960], [Зализняк 1980] и [Буланин 1986] утверждается, что постфикс *-ся* в пассивном значении вполне регулярен, и его можно назвать словоизменительным; другое же *-ся* предлагается считать незалоговым, причём в большинстве случаев одно значение от другого отделить несложно.

Итак, как можно видеть, точка зрения о привативности залоговой оппозиции весьма спорна. В то же время ценность такой позиции для прикладного исследования сложно переоценить. Так, одним из следствий привативности залоговой оппозиции является тот факт, что «несоотносительные по залогу образования» не выводятся за пределы залоговой оппозиции [Бондарко 1991: 137]». В процессе обработки корпусных данных были выявлены случаи, когда два глагола, являющихся практически полными синонимами, должны быть отнесены к разным классам. Такими, например, парами будут глаголы *ложиться* и *укладываться*, *оглянуться* и *повернуться*. В обоих случаях первый глагол пары не имеет соответствующего глагола без постфикса *-ся* (**ложить*¹ и **оглянуть*), а у второго такой глагол есть (*укладывать*, *повернуть*). Таким образом, вторые глаголы будут включены в залоговую оппозицию, а первые — нет, что нелогично. Теория же привативной оппозиции в таком случае включит оба глагола в залоговое противопоставление, и примеры (6) и (7) будут отнесены к одному залогу — активному²:

(6) Я оглянулся и увидел её.

(7) Я повернулся и увидел её.

Способ соединить менее противоречивую теорию эквиолентной оппозиции и применимую для целей прикладного исследования теорию привативной оппозиции всё же су-

¹ Этот глагол присутствует в разговорной речи, но не в кодифицированном литературном языке.

² Впрочем, сам по себе данный аргумент недостаточно силён: синонимия никогда не может гарантировать формального сходства. Так, например, в близкой настоящей работе области валентностей существует описанная в [Плунгян и Рахилина 1998] проблема слов типа *потом* и *позже*: при их синонимии состав их валентностей разный.

ществует. В этой связи заслуживает упоминания работа [Shibatani 1985], в которой предлагается постулировать **континуум залоговых значений**, при этом на полюсах его находятся активные и пассивные значения¹, а остальные значения располагаются между ними.

Если принять данную концепцию, вопрос о привативности и эквиполентности залоговой оппозиции становится лишь вопросом оформления теории. Сформировав континуум залоговых значений, мы можем изучать его таким, какой он есть, или условно разделить его без остатка на две части — активную и пассивную. Это означает, что если в настоящей работе говорится об исследовании пассива, то это не значит, что мы исследуем только правый полюс рассмотренного континуума залоговых значений. Континуум делится на две области: область значений, удовлетворяющих определению пассива, и область значений, ему не удовлетворяющих.

Теория континуума залоговых значений кажется наиболее приемлемой, прежде всего, потому, что позволяет избежать теоретических споров о природе залоговой оппозиции. Для целей настоящей работы мы разделим континуум залоговых значений на две области: пассивную и активную, что формально равносильно постулированию привативной залоговой оппозиции, но по содержанию этого не подразумевает. Вопрос о том, следует ли считать залоговую оппозицию «по природе» привативной, остаётся открытым; в задачи настоящего исследования не входит дать на этот вопрос однозначный ответ. В то же время использование континуума не только целесообразно, но и, как представляется, действительно отражает природу языка, в котором полярные значения встречаются достаточно редко. Говорить о большей или меньшей степени пассивности так же уместно, как говорить о большей или меньшей переходности (см. главу 6) или большей или меньшей аген-

¹ Полярность актива и пассива объясняется тем, что в активе Актор занимает самую высокую позицию (подлежащего), Претерпевающий — низкую позицию прямого дополнения; в пассиве занимавший позицию подлежащего партиципant активной конструкции перемещается на низкую (даже более низкую, чем у прямого дополнения) позицию, а занимавший позицию прямого дополнения партиципant активной конструкции — на самую высокую. Отметим также, что по-настоящему полярным пассивным значением будет *собственно пассив* (см. стр. 41).

тивности семантической роли (в случае семантических ролей мы имеем дело с интересным случаем, когда две области, на которые мы делим континуум, пересекаются; см. об этом главу 5).

1. 4. Значение и определение пассива

В перечень рассматриваемых в данном разделе проблем входит, помимо собственно проблемы определения функции пассива, проблема соотношения пассивной и активной конструкции, поскольку, как представляется, пассивные конструкции нельзя по умолчанию рассматривать в отрыве от соответствующих им активных конструкций; тем самым, предстоит обсудить следующие вопросы:

1. Синонимия активной и пассивной конструкции; производность пассивной конструкции от активной;
2. Общая функция пассива;
3. Набор формальных признаков пассива.

1. 4. 1. Синонимия активной и пассивной конструкции; производность пассивной конструкции от активной

При рассмотрении данного вопроса нам необходимо будет различить абсолютную и относительную синонимию. Следуя работе [Храковский 1974], будем называть конструкции абсолютными синонимами, если они синонимичны на уровнях:

- 1) лексикографического толкования глагола-вершины;
- 2) лексем;
- 3) грамматических значений;
- 4) актуального членения.

Если следовать этому определению, то активная и пассивная конструкции не могут быть абсолютными синонимами. О синонимии можно говорить лишь на уровне 1). На уровне 2), по мнению В. С. Храковского, нет синонимии даже между разными типами

пассивных конструкций, а именно, между двучленной и трёхчленной, и синонимом активной конструкции на этом уровне является только трёхчленная (то есть содержащая именную группу в форме творительного падежа), так как в двучленной конструкции не выражен Агенс. Однако если вспомнить концепцию синтаксических нулей И. А. Мельчука, то можно утверждать, что синонимию можно усмотреть и на этом уровне, так как нуль в таком случае считается полноправной лексемой. На уровнях 3) и 4) синонимию в любом случае констатировать невозможно. Фактически сказанное выше означает, что синонимия между активной и пассивной конструкциями наблюдается на **пропозициональном** уровне, то есть на уровне содержания (см. об этом стр. 45 и далее)¹.

Итак, активная и пассивная конструкция являются не абсолютными, но относительными синонимами, что исключает их полную взаимозаменяемость в любом контексте. Это и неудивительно: абсолютные синонимы встречаются крайне редко, так как передают идентичную информацию.

Существует, однако, и точка зрения, что активная и пассивная конструкции вовсе не являются синонимами. Апологетом её является Пол Зифф [Ziff 1966]. Среди рассуждений автора об отсутствии синонимии конструкций можно выделить аргумент, строящийся на анализе следующей пары примеров:

(8) а. Только немного людей посетило каждую свадьбу.

б. Каждая свадьба была посещена немногими людьми.

Предложения вроде (8) а) двусмысленны: неизвестно, имеется ли в виду каждый раз одна и та же группа людей или разные. Пример же (8) б) такой двусмысленностью не обладает. Таким образом, синонимия отсутствует [Ziff 1966: 226–227]².

¹ Об относительности синонимии и исключений из равенства активной и пассивной конструкции на пропозициональном уровне (например, различие в сфере действия отрицаний, местоимений и т. д.) см. также [Kibort 2004: 158–164].

² Мы могли бы опровергнуть это утверждение следующим образом — так как верно, что в паре (8) а) влечёт б), а б) влечёт а), то синонимия всё же есть. Однако такой ход мыслей П. Зифф заранее отвергает —

В данном случае, как представляется, разногласие просто отсутствует. По-видимому, автор не считает пару примеров (8) абсолютными синонимами, которыми они и так не являются. Относительная же синонимия существует. Действительно, в случае примеров (8) имеет место синонимия на уровнях 1) и 2) (по предложенному В. С. Храковским перечню).

После того, как мы установили относительную синонимию активных и пассивных конструкций, рассмотрим вопрос о возможной производности пассивной конструкции от активной. Если постулируется такая производность, то значение пассива автоматически считается производным от значения актива. Если же производность не будет доказана, то пассив в принципе будет неверно по умолчанию сравнивать с активом.

В середине 60-х гг. XX в. Ноам Хомский выдвинул гипотезу о том, что существует пассивная трансформация, преобразующая активные конструкции в пассивные. Более точно, это означает, что пассивные и активные конструкции имеют на некотором глубинном уровне одну и ту же структуру. Однако многие лингвисты, как и сам Ноам Хомский, впоследствии, опровергли эту гипотезу, и в результате общепринятым стал такой вывод: ни на одном из уровней пассивная и активная конструкции не имеют одинаковой структуры; пассивной трансформации не существует.

В задачи данной работы не входит обсуждать данную гипотезу в полном объёме как таковую. По-видимому, в настоящее время никто из лингвистов больше не говорит о наличии единой пассивной трансформации. Несколько примечательных примеров на данную тему, однако, хотелось бы привести.

В частности, интересны рассуждения на тему агентивного дополнения, которое, как считается в традиционной русистике, обозначает Актора, пониженного в статусе с подле-

рассмотрим предложения *Кто-то был ребёнком* и *Кто-то был родителем*. Естественно, что первое верно тогда и только тогда, когда верно второе (то есть точно так же выполняются импликации), но эти предложения заведомо не являются синонимами [Ziff 1966: 231]. На самом деле отсутствие синонимии конструкций в данном случае связано с её отсутствием на уровне лексем.

жащего до косвенного дополнения. Из такой формулировки следует, что агентивное дополнение на некотором этапе преобразования семантических отношений в синтаксические соответствовало подлежащему активной конструкции, который в результате пассивной трансформации потерял статус подлежащего. Именно на опровержении этого факта многие лингвисты строили свой отказ от трансформационной теории. Рональд Лангаккер и Памела Манро отмечают: «Никакая агентивная или инструментальная группа <...> не рассматривается как неотъемлемая часть пассивной конструкции *per se*. Если такая группа появляется, то признаётся, что она появляется из внешнего источника, например, из присоединённого предложения. Отсюда следует, что пассивные конструкции имеют разные глубинные структуры: пассивная конструкция не образуется от той же абстрактной репрезентации, которая является глубинной для соответствующего активного предложения, но от репрезентации с особыми семантическими и синтаксическими свойствами. Следовательно, нет никакого одного особого правила, которое можно было бы назвать пассивной трансформацией» [Langacker & Munro 1975: 791–792].

Это рассуждение интересно соотнести с теорией синтаксических нулей И. А. Мельчука. Если придерживаться его теории, нет смысла постулировать внешний источник для агентивного дополнения — достаточно в случае лексической невыраженности агентивного дополнения обозначать его соответствующим нулём.

В остальном же автор не видит своей задачей обсуждать аргументы за или, скорее, против существования пассивной трансформации. Вместо этого мы построим дальнейшее рассуждение следующим образом: если универсальной пассивной трансформации не существует, то это не значит, что пассив не произведен от актива. Возможно, нам удастся найти адекватные альтернативные методы описания этой оппозиции.

Прежде всего, небезынтересно следующее: в той же работе Р. Лангаккера и П. Манро, несмотря на несогласие с существованием пассивной трансформации, упоминают термин «пассивизация» — более того, делается утверждение, что «пассивизация — универсаль-

ное явление и, по крайней мере, определённые аспекты пассивизации должны быть описаны как действительные универсалии в лингвистической теории» [Langacker & Munro 1975: 790]. Итак, авторы по умолчанию принимают, что деривация всё же имеет место. Она, очевидно, имеет место и на морфологическом уровне, и на семантическом; после этого не обязательно постулировать универсальную синтаксическую трансформацию (хотя определённые закономерности в изменении кодирования актантов всегда имеются).

Такой вывод представляется наиболее правдоподобным; однако большинство лингвистов вообще избегают понятия «пассивизации» и изучают, например, типологию пассива. Впрочем, и в таких работах определение пассива по умолчанию принимает активную конструкцию исходной. Так, в работе [Kazenin 2001] о семантической деривированности явно не говорится (рассматривается пассивная конструкция и «соответствующая» активная), но с морфологической деривацией в любом случае автор считается, и сомневаться в её наличии не приходится.

То, что деривация пассива в типологии присутствует на морфологическом уровне, отрицают Дэвид Перлмуттер и Пол Постал. Они описывают различные, по их мнению, ложные стратегии характеристики пассива и доказывают их несостоятельность. Авторы приводят пример из китайского языка, в котором между активной и пассивной конструкцией в глагольной морфологии отличие отсутствует [Perlmutter & Postal 1983: 8]. Эта точка зрения, однако, оспаривалась, и многие лингвисты доказывали, что явления, которые называют пассивом без пассивной морфологии, на самом деле не являются пассивом как таковым (такую точку зрения мы находим, например, в работах [Храковский 1991] и [Плунгян 2000]). Мартин Хаспельмат в своём определении пассива по-прежнему придерживается точки зрения, что пассив предполагает пассивную морфологию [Haspelmath 1990: 27].

Итак, мы наблюдаем две точки зрения: либо мы признаём только соответствие и неполную синонимию актива и пассива, либо мы признаём производность пассива от актива. Мы скорее выбираем второе, нежели первое, и вот какие на это есть причины.

- ♦ **морфологическое маркирование:** на одном из уровней языка, а именно — морфологическом, наблюдается деривация, наличие которой сложно отрицать;
- ♦ **пассив по своей дистрибуции ограничен по отношению к активу,** что может происходить только при движении от исходной конструкции к производной.
- ♦ **изменения в диатезе:** пусть мы и не говорим о единой пассивной трансформации, можно говорить о том, что (как бы мы точно ни сформулировали функцию пассива) диатеза пассивной конструкции производна по отношению к диатезе активной конструкции. Одну диатезу можно произвести от другой, а исходной будет активная диатеза в силу, например, того, что в активной диатезе выражены более «прямые» синтаксические роли, соответствующие по «логике» семантическим ролям¹.

Ещё один формальный аргумент в пользу исходности активной конструкции предлагает В. С. Храковский, говоря о трёх признаках исходной (из набора) конструкции [Храковский 1974: 12]:

- 1) В исходной конструкции лексически, с помощью актантов, обозначаются все участники, входящие в толкование ситуации, называемой глаголом-вершиной;
- 2) Каждый участник в исходной конструкции имеет своего референта в объективной действительности;
- 3) В исходной конструкции иерархия семантических понятий изоморфна иерархии синтаксических понятий (участник X, преимущественно субъект, обозначается подлежащим, и т. д.).

¹ По В. М. Никитевичу, «субъектно-объектные отношения глагола в предложении могут соответствовать отношениям между Субъектом и Объектом в реальной действительности — грамматическая формула соответствует логической формуле суждения (*Рабочий строит дом*) и, с другой стороны, не соответствовать им — грамматическая формула предложения противоречит логической формуле суждения (*Дом строится рабочим*). В способности языка передать субъектно-объектные отношения действия конструкциями, которые не совпадают с логической схемой суждения, и проявляется грамматическая сущность категории залога» [Никитевич 1963: 217].

Исходя из сказанного выше, мы всё же признаём общую производность пассивных конструкций от активных.

1. 4. 2. Общая функция пассива

Может показаться необычным порядок нашего изложения. Обычно рассуждения о функции пассива следуют за определением, а не предшествуют ему. Представляется, однако, обоснованным выбрать именно такую последовательность. Фактически мы формулируем общее, содержательное, определение пассива, а затем, в следующем подразделе, определим пассив набором формальных признаков, которые отражают его главную функцию.

М. Сибатани выделяет следующие основные функции пассива [Shibatani 1985: 830]:

- ◆ пассивы делают возможным удаление субъекта на синтаксическом уровне, когда этому способствует контекст;
- ◆ пассивы передвигают топикальный неагентивный элемент в позицию субъекта;
- ◆ пассивы создают семантическую опору (pivot), так что может применяться кореферентное сокращение, такое, как, кореферентное удаление субъекта и Equi NP Deletion.

В выделенных функциях пассива присутствуют два главных момента; формулируем их наиболее общим языком. Во-первых, над подлежащим исходной конструкции мы проводим «некую операцию понижающего характера», во-вторых, проводим «некую операцию повышающего характера» над прямым объектом.

По Е. В. Падучевой [Падучева 1974: 225], пассив обозначает:

- ◆ изменение семантической интерпретации подлежащего;
- ◆ запрет на прямое дополнение;
- ◆ появление валентности на агентивное дополнение, интерпретируемое как семантический субъект.

В данном случае, однако, не прослеживается процесс повышения статуса семантического объекта. Также отсутствует акцент на том, что синтаксический статус логического субъекта понижается, хотя это имплицитно следует из того, что последний получает синтаксическую роль агентивного дополнения, которое, как известно, по своему статусу ниже подлежащего.

Можно ли всё же сформулировать общую, главную функцию пассива? По-видимому, она будет находиться на уровне семантики или даже прагматики, и следствием «эффекта» пассива на этих уровнях будет изменение в синтаксисе и морфологии. Можно заметить, что в попытках найти базовую функцию лингвисты придерживались чаще всего одного из двух направлений: рассмотрение изменения статуса Актора в предложении или ситуации в целом.

М. Сибатани считает главной функцией пассива **дефокусирование агенса**. Автор не случайно выбирает такой общий термин, поскольку считает формулировки вроде «понижение синтаксического статуса» и др. слишком узкими. Мартин Хаспельмат видит ещё более общую функцию пассива — а именно, **деактивацию (inactivization) ситуации** [Haspelmath 1990: 59]. Не случайно многие авторы подмечают такие свойства ситуаций, обозначаемых пассивом, как статичность [Мещанинов 1982: 117].

Эта точка зрения представляется наиболее правдоподобной — при такой формулировке функции пассива мы способны вывести значение пассива на всех уровнях. И всё же остаётся вопрос: является ли повышение Пациенса производным от понижения Агенса процесса? В качестве аргумента против такой зависимости использовались примеры вроде польского *Школу построено*, где Пациенс так и не был поднят в позицию подлежащего, хотя агенс потерял этот статус. Такие примеры есть и в диалектах русского языка:

(9) У меня вчера было телёнка зарезано [Keenan 1985: 272].

В современной лингвистике, однако, последовательно проводится разделение двух явлений: безличный пассив и имперсонал (см. [Blevins 2003], [Kibort 2001, 2004])¹. Имперсонал допускает присутствие объекта исходной конструкции в форме винительного падежа (что для русского языка формально означает сохранение синтаксической переходности конструкции), накладывает ограничение на свойства Актора (только человек) и, наконец, сочетается, в отличие от безличного пассива, не только с так называемыми неэргативными глаголами (одновалентные глаголы с единственным актантом – Агенсом, например *ходить, говорить*), но и с неаккузативными глаголами (одновалентные глаголы с единственным актантом – Пациенсом, например, *падать, умирать*). Безличный пассив сочетается только с неэргативными глаголами (см. [Perlmutter & Postal 1983])²:

(10) Зато об успехах **говорилось** нехотя, сквозь зубы. (*Вместо дискуссии — подвох. «Известия», 88-07-10 (1.001). Утсальский корпус*)

(11) Да тут, по правде сказать, и косить-то неспособно. Откос! Чуть не так махнул — и полетел вместе с косой в реку. Так что тут у нас лет пять не кошено и не **хожено**. (*Юрий Домбровский. Хранитель древностей (1964). НКРЯ*)

(12) *На улицах гололёд, всё чаще падается.

(13) *Сколько было на этой дороге падано!

Таким образом, если разделять пассив и имперсонал, то ситуация, при которой Актор теряет статус подлежащего, а Претерпевающий не получает на поверхностно-синтаксическом уровне более высокого статуса, в русском языке невозможна³.

¹ Как бы то ни было, оба типа, возможно, являются результатом своего рода «компромисса», описанного на стр. 13.

² Впоследствии было обнаружено, что данный тест (работающий для русского языка) не универсален: так, М. Сибатани отмечает, что в турецком языке возможны примеры, переводимые дословно как *В озере тонется* [Shibatani 1998: 123] (см. также [Dietrich 1999]).

³ Это означает, что, используя терминологию работы [Woolford 1993], в русском языке, равно как и в английском, пассив *асимметричен*.

Именно наличие безличного пассива часто используется в качестве аргумента в пользу точки зрения, что базовой функцией пассива является понижение статуса Актора (см., например, [Храковский 2000a] и [Kazenin 2001¹]).

С выбранной нами главной функцией пассива связана функция тематизации Претерпевающего: дезактивация ситуации влечёт дефокусирование Актора и вывод Претерпевающего на первый план. Таким образом, Претерпевающий может выводиться для перевода его в статус темы.

Пассив имеет, по крайней мере, ещё одну функцию более «практического» характера. Во многих работах упоминается использование пассива для связывания текста (в особенности заслуживает внимания работа [Королёв 1969a], в которой также перечисляется ряд дополнительных факторов, делающих предпочтительным употребление пассива). Если некий партиципant занимал позицию подлежащего в предыдущем предложении, он (если не будет выведен из повествования вовсе) будет стремиться занять эту же позицию и в следующем предложении; тем более, если это происходит в рамках одного сложного предложения. Впрочем, случаи, когда такая функция пассива накладывает на его употребление действительно жёсткие ограничения, достаточно редки; скорее, она взаимодействует с другими функциями, дополняя их. Так, в следующей паре примеров оба кажутся одинаково приемлемыми:

(14) а) Он выпил, ввязался в драку, и его страшно избили.

б) Он выпил, ввязался в драку и был страшно избит.

1. 4. 3. Определение пассива

Определение пассива мы заимствуем из работы [Kazenin 2001], который, в свою очередь, ссылается на определение Мартина Хаспельмата [Haspelmath 1990]. Между этими

¹ Отметим, что сам автор работы, приводя эту точку зрения в качестве обзора мнения многих лингвистов, признаёт, что в силу ряда причин она не может служить основанием для признания понижения субъекта главной функцией.

определениями наблюдается, однако, небольшая разница. М. Хаспельмат предлагает считать конструкцию пассивной, если:

- 1) подлежащее активной конструкции в пассивной соответствует либо факультативному косвенному дополнению, либо не соответствует ничему;
- 2) прямой объект активной конструкции (если таковой был) в пассивной соответствует подлежащему в пассиве;
- 3) конструкция каким-то образом ограничена по отношению к другой не связанной ограничениями конструкции (активной), например, менее употребительна, имеет более специальную функцию, менее продуктивна [Haspelmath 1990: 27].

К. И. Казенин добавляет к этому определению ещё два параметра, которые эксплицитно не были представлены в определении М. Хаспельмата, однако выводились из его рассуждений. Так, приведённое на стр. 19 настоящей работы соображение относительно пассивной морфологии отражено в первом пункте нижеследующего определения у К. И. Казенина (добавление пятого пункта, как мы увидим, тоже весьма правомерно), согласно которому конструкция считается пассивной, если:

- 1) используемая в конструкции глагольная форма каким-либо образом морфологически образована от формы, используемой в немаркированной (активной) конструкции;
- 2) Актор не выражен или выражен факультативным косвенным дополнением при производной глагольной форме;
- 3) подлежащее, если оно имеется, не выражает Актора;
- 4) конструкция каким-либо образом ограничена в своей дистрибуции по отношению к немаркированной (активной) конструкции;
- 5) пропозиционная семантика конструкции идентична пропозиционной семантике конструкции немаркированного (активного) залога; в частности, число участников и их роли не меняются [Kazenin 2001: 899].

Сразу отметим, что пункт 4) данного определения скорее дескриптивный, нежели рестриктивный. Безусловно, проверить дистрибуцию глагола можно, но в нашем случае, при проведении корпусного исследования, он будет являться именно дескриптивным. Поэтому в самой обработке данных этот параметр не принимал участия.

Помимо этого, меняется и второй параметр определения М. Хаспельмата. К. И. Казенин несколько изменил формулировку по двум причинам: во-первых, третий параметр нового определения, соответствуя по сути второму параметру предыдущего, охватывает случай, когда подлежащее отсутствует. Во-вторых, в позицию субъекта в разных языках может выдвигаться не только прямой объект (*John was given a book*).

Нужно отметить, что использование типологического определения для исследования русского пассива — шаг нестандартный. Автор осознаёт, что этот факт может считаться как достоинством, так и недостатком работы. Дело в том, что, следуя этому определению, мы, как, кстати, отмечает и сам К. И. Казенин, придём к некому расширению круга примеров, которые мы назовём пассивными. Если рассматривать использование такого определения как слабость работы в области русистики, то последующее изложение статистических данных и выводов из них можно считать не констатацией правильности или ложности существующей теории, а результатами эксперимента. В самом деле, весьма интересно найти ответ на вопрос, какими окажутся результаты, если исходить из типологических установок при исследовании языкового материала.

Стоит, однако, отметить, что сформулированное К. И. Казениным определение, по-видимому, вполне согласуется с тем, что было уже сказано по поводу значения пассива большинством лингвистов — как отечественных, так и западных. Если это удастся обосновать, то, возможно, придётся признать, что данное определение не вносит никаких необоснованных изменений в теорию пассива, а некоторое «расширение» круга пассивных примеров является всего лишь последовательным рассмотрением языкового материала исходя из теоретических представлений, которые не являются новыми и совпадают с су-

ществующими теориями. Следующим шагом может быть либо признание более широкого круга пассивных примеров (относительно принятого в традиции русистики), либо формулирование нового понятия; этот вопрос будет затронут ниже (см. стр. 46 и далее).

Параметр первый: используемая в конструкции глагольная форма каким-либо образом морфологически образована от формы, используемой в немаркированной (активной) конструкции.

Несколько замечаний по этому пункту уже было сделано. Необходимо добавить ещё одно важное замечание, а именно подчеркнуть, что в формулировке речь идёт именно об образовании **формы** от **формы**, а не некой более абстрактной производности. Должно иметься соответствие [X]ся — [X], а для причастия должен наличествовать финитный глагол (или нулевая связка), иначе мы не будем признавать морфологической деривации. Так, например, глагол *усесться* не будет считаться производным глаголом (то есть имеющим пару без постфикса *-ся*), так как не существует глагола **усесть*, хотя существует глагол *сесть*.

Если наличие непроизводных возвратных глаголов не вызывает удивления, то существование причастий, предполагаемые финитные формы для которых не употребляются в языке вовсе (хотя их и нельзя объявлять несуществующими) — факт примечательный. На данный момент зарегистрировано уже более двадцати случаев, когда причастие, с одной стороны, явно образовано от глагола, а с другой стороны, этот глагол в финитной форме употребляется или редко, или не употребляется вовсе. Это такие глаголы, как *меблировать* (*меблированная комната*), *забрасывать* (*заброшенный дом*), *коррумтировать* (*коррумтированные чиновники*), *моторизовать* (*моторизованная дивизия*), *окровавить* (*окровавленная рука*), *цивилизовать* (*цивилизованная страна*) и др. Данный феномен можно сопоставить с наблюдением С. С. Сая [Сай 2007] о том, что в современном русском языке носители русского языка способны образовывать возвратные глаголы при отсутствии «исходного», непроизводного, глагола (*выпендриваться*). При этом как подобные глаголы

нельзя назвать пассивными, так и описываемые слова сложно причислить к пассивным причастиям.

Итак, совершенно очевидно, что этот параметр обоснованно включён в определение пассива. Типологией показано, что пассив не встречается без пассивной морфологии. Но всё же посмотрим, не одиноки ли мы в нашей точке зрения, что указание пассивную морфологию должно присутствовать в определении пассива. По «Грамматике русского языка» 1960 г., «не всякие отношения между субъектом и объектом действия являются залоговыми, а только те, которые получают в глаголе своё грамматическое оформление» [Грамматика русского языка 1960: 410]. В. А. Плуноян приводит такое определение пассива: «Появление у глагола особого морфологического оформления однозначно коррелирует с передачей статуса участника с наиболее высоким рангом исходному прямому дополнению и присвоения ему статуса подлежащего» [Плуноян 2000: 200]. По И. А. Мельчуку, «категорией залога называется такая категория, **граммемы** которой указывают на определённое изменение базовой диатезы данной лексемы... (полужирный шрифт мой. — *Д. К.*)» [Мельчук 1997–2000, т. II: 164].

А. В. Бондарко тоже признавал ядром функционально-семантической категории залоговости морфологическую категорию. Таким образом, не обсуждая главенство или (его отсутствие) уровня морфологии, мы вынуждены признать, что упоминание пассивной морфологии в рассмотрении пассива — явление далеко не новое. Единственным примером работы, в которой пассивным признан глагол, не имеющий непроизводного коррелята (а именно, глагол *нравиться*), является работа [Милославский 1978].

При этом необходимо внести ясность в следующем вопросе: если мы предполагаем наличие морфологической деривации, это не значит, что мы утверждаем что-либо о том, является ли залог словообразовательной категорией или словоизменительной; и в данный момент разрешение этого вопроса не входит в задачи данной работы. Любой ответ подразумевает наличие показателя; и наличие показателя — в данном аспекте единственное,

что необходимо для положительного ответа анализатора по данному параметру. Однако существуют ещё некоторые «побочные» моменты, которые необходимо учесть.

Так, не дан ответ на вопрос, каким именно образом необходимо определять деривацию — от соответствующей формы (конечно, не по лицу или числу, а по времени) или, например, от неопределённой; но это и не играет никакой роли, поскольку по определению в пассиве не существует форм, которых не было бы в активе. Исключение могут составлять случаи возможной стилистической неприемлемости определённой грамматической формы активного залога — но только стилистической и только в определённом контексте:

(15) а) Выкладывайте всё, что у вас имеется.

б) [?]Выкладывайте всё, что вы имеете.

Необходимо сделать ещё одно важное замечание. Многие лингвисты отмечали, что одного морфологического маркирования бывает недостаточно, чтобы считать глагол с постфиксом *-ся* образованным от исходного глагола (см., например, [Kazenin 2001: 910], где автор цитирует апологетов семантического подхода к залогам). Так, по утверждению Эдварда Кинэна, «семантическая интерпретация деривированной структуры зависит (является функцией от) значения, от которого она образована» [Keenan 1985: 265].

Это рассуждение имеет самое прямое отношение к первому параметру пассивности. Рассмотрим, например, глагол *садиться*. Для него существует «пара» — глагол *садить*. Однако видно, что в современном русском языке глагол *садить* перешёл в область разговорной речи и больше не является синонимом глагола *сажать*, поэтому значение глагола *садиться* нельзя считать производным от глагола *садить*; логично было бы поэтому и считать сам глагол *садиться* не имеющим соответствующего глагола без *-ся*. То же самое наблюдается в парах *являться* (в значении *быть*) и *являть*, *процаться* и *процать*, *казаться* и *казать* и других.

Таким образом, формулировку параметра №1 необходимо дополнить: «используемая в конструкции глагольная форма каким-либо образом морфологически **и семантически** образована от формы, используемой в немаркированной (активной) конструкции». Установить наличие или отсутствие семантической деривации можно при помощи обращения к толкованию или, более строго, к компонентному анализу. Если глагол с постфиксом *-ся* действительно образован от некоторого глагола без постфикса, значение первого должно представлять собой значение исходного глагола плюс значение постфикса. Безусловно, можно возразить: значение целого часто (или всегда, как утверждают некоторые учёные) не складывается из суммы составляющих. Поэтому мы можем в данном случае сделать формулировку этого правила менее строгой, но от этого не менее применимой практически: в значении производного глагола должен присутствовать (ядерный) компонент значения исходного глагола.

Мы также можем предугадать один контраргумент, который будет звучать примерно следующим образом: как известно, и такая точка зрения обоснована (см., например, [Haspelmath 1990: 25 и далее]), многие языковые факты устанавливаются на уровне диахронии, и ограничиться в исследовании только уровнем синхронии означало бы забыть об истории и развитии языка. Но, несмотря на то, что М. Хаспельмат указывает на важность учёта диахронии в исследовании залога, в данном случае мы по понятным причинам не можем использовать диахронические данные. Так, уже упомянутый выше глагол *являться* в предложениях типа *Он является председателем* мы не будем считать производным от глагола *являть*, хотя в истории своей глагол *являть*, несомненно, послужил толчком для образования глагола, но в данный момент семантика глагола *являться* очень сильно отделилась от исходной, что можно вполне формально установить на уровне толкования. Такое ограничение вполне обоснованно: так, в теории современного русского языка едва ли кто-либо называет слова вроде *вначале* предложными группами.

Если сформулировать сказанное выше кратко, мы заключаем: многие значения являются на уровне диахронии родственными, но во избежание путаницы (один раз признав возможность обращения к диахронии, мы вынуждены будем последовательно применять её и в других вопросах) представляется необходимым ограничить анализ значения только синхронией.

В то же время нельзя подходить к данному параметру слишком строго. Существует точка зрения, что, чтобы признать глагол с постфиксом *-ся* производным, необходимо иметь возможность заменить *-ся* на иную составляющую так, чтобы получившаяся фраза существовала в языке. Подобные рассуждения мы находим, в частности, у Жака Веренка [Веренк 1985: 291–295], который приводит пример глагола *подниматься*. Автор утверждает, что если для глагола, например, *утешаться*, возможна такая замена показателя *-ся* на *себя* (*утешать себя*), а для глагола, например, *бриться* возможна замена на неотъемлемую принадлежность (*брить себе щёки*), то для глагола *подниматься* адекватная замена подобного рода невозможна. Однако для пассивного *-ся* такое рассуждение заведомо неуместно, поскольку в пассивном значении этот постфикс по определению не может быть заменён на рефлексивное местоимение. В данном случае можно применять критерий замены на страдательное причастие, но и это не будет в полной мере правомерным, поскольку исключает фактор дистрибуции русских пассивных форм.

В заключение рассмотрения параметра 1 снова напомним о достоинстве точки зрения, согласно которой все глаголы относятся к какому-либо залогу. Ведь в таком случае и глаголы, признаваемые активными по своей семантике, и глаголы, которые не имеют пары без постфикса *-ся*, попадут в один класс — активный. В противном же случае глаголы со сходной семантикой попадут в совершенно разные классы. Примеры тому приводились выше.

Параметр второй: Актор не выражен или выражен факультативным косвенным дополнением при производной глагольной форме

При рассмотрении данного параметра нашей задачей будет не столько описать возникшие проблемы или переформулировать его, сколько обрисовать круг вопросов, которые необходимо чётко определить для точности исследования материала.

В том, оправданно ли присутствие в определении пассива данного параметра, сомнений не возникает. Подавляющее большинство лингвистов согласно с тем, что пассив понижает синтаксический статус участника, занимавшего в активной конструкции позицию подлежащего. Точка зрения о пассивизации как дезактивизации (в общем смысле) ситуации тоже подразумевает (влечёт) понижение статуса Актора; формально же это выражается в том, что Актор больше не занимает позиции подлежащего и перемещается в более низкую по иерархии синтаксических позиций позицию косвенного объекта, соответственно на поверхностном уровне либо отсутствует (в том смысле, что он выражен лексическим и синтаксическим нулём), либо выражен именной группой в косвенном падеже.

При этом в формулировке данного пункта присутствует понятие Актора, за счёт введения которого, по-видимому, и происходит расширение круга пассивных примеров. В работах, посвящённых русскому пассиву, обычно приводятся примеры, в которых подлежащее активной конструкции обозначает Агенса (каноническая пара примеров: *Рабочие строят дом — Дом строится рабочими*). Хотя эксплицитно не указывается, что только Агенса может быть вторым (после подлежащего) главным участником пассивной конструкции, в пассивности примеров, содержащих партиципанта с ролью, например, Стимула/Причины, принято сомневаться. В то же время участник с этой ролью может обозначаться даже традиционной именной группой в форме творительного падежа:

- (16) Мы оба, сильные и молодые, вновь **подогреваемые своей мечтой**, сгибаясь под тюками, не успевшими просохнуть, отправились по известному адресу. (*Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985). НКРЯ*)

Расширение круга возможных партиципантов, занимающих позицию косвенного объекта, с роли Агенса до гиперроли Актора, представляется оправданным; более того, в существующей литературе нет прямых аргументов в пользу того, что им может быть только Агенси, поскольку подлежащее активной конструкции необязательно должно обозначать участника, постоянно и физически контролирующего действие.

Процедура выявления Актора среди двух актантов (которая важна для определения возможной пассивности конструкций с возвратными глаголами), будучи проведена последовательно, приводит к тому, что пассивными приходится считать те примеры, которые в русской лингвистической традиции пассивными никогда не считались. Речь идёт, прежде всего, о глаголах эмоций (*обрадоваться, разочароваться*), которые, следуя определению, должны быть объявлены пассивными в силу того, что из двух актантов Актором, по концепции гиперролей, уместно считать участника с ролью Стимула (*Я обрадовался ему, Я разочаровался в нём*), а подлежащее, таким образом, Актором не является, что, при наличии производности глагольной формы, влечёт к признанию пассивности конструкции. Подробное обсуждение этого вопроса представлено вместе с теорией гиперролей в главе 5.

Что же касается косвенного дополнения в пассивной конструкции (которое обычно именуется агентивным или, реже, субъектным дополнением), то это дополнение, согласно данному параметру определения, необязательно должно представлять собой именную группу в форме творительного падежа. За счёт такой, более широкой, формулировки круг пассивных примеров снова расширяется. И вновь эта, кажущаяся нетрадиционной, точка зрения оказывается далеко не новой.

Ещё в древнерусском языке агентивное дополнение выражалось не только именной группой в творительном падеже, но и предложной группой с предлогом *от* и ИГ в родительном падеже; более того, это средство использовалось ещё **до появления ИГ в форме творительного падежа** как средства выражения Актора [Данков 1981: 99–103]. В. С. Хра-

ковский выделяет такие возможные средства выражения агентивного дополнения [Храковский 1991: 164–180]:

1. Творительный падеж:

(17) Даль **окуталась синим туманом**.

Данный пример нельзя назвать удачным, поскольку *синий туман* скорее является участником с ролью Инструмент. Меньше сомнений вызывает пример на агентивное дополнение в форме творительного падежа, содержащийся в корпусе:

(18) Эта работа **возглавляется первыми секретарями партийных комитетов**. (*В Центральном комитете КПСС. «Правда», 88-08-14 (761). Упсальский корпус*)

2. Предложный падеж:

(19) **В народе** этот день **отмечается бурно**.

Участник *народ* является Агенсом; весьма сомнительны примеры типа:

(20) ²В народе этот день отмечается рабочими бурно.

3. Дательный падеж (см. также см. также [Веренк 1985: 296]):

(21) **Мне думается**, что надо этот праздник упразднить.

В данном случае тоже резонно считать, что Актором является референт местоимения первого лица, а исходной конструкцией будет:

(22) Я думаю, что надо этот праздник упразднить.

4. Родительный падеж с предлогом у (см. также [Русская грамматика 1980, т. II: 157], [Веренк 1985: 296] [Пупынин 2001: 59] и [Wiemer 2004: 308–310]):

(23) Там **у него хранились** книги.

Итак, мнение, что агентивное дополнение может выражаться не только творительным падежом, достаточно распространено. Именно поэтому наше определение содержит фразу «в косвенном падеже», а не, например, «в инструментальном падеже». Можно даже при-

вести примеры случаев, когда форма творительного падежа неприемлема, а другой косвенный падеж может быть употреблён (**Мной думается*; **Им хранились книги*). Это наблюдение, как представляется, свидетельствует не в пользу того, что агентивное дополнение должно быть только именной группой в форме творительного падежа, а как раз наоборот — в пользу того, что ИГ в форме других косвенных падежей также занимают свою нишу в наборе средств выражения Актора¹. Подробнее об этом см. в главе 5.

Подчеркнём, что именной группой в косвенном падеже, отличном от творительного, может выражаться Агенс (а не просто Актор в целом); это утверждение наглядно иллюстрирует пример (19) и, отчасти, пример (23), где присутствует участник с ролью Агенса-Инициатора (см. главу 5 и работу [Гаврилова 2003]). Это ещё раз доказывает, что точка зрения об «альтернативных» способах выражения Актора имеет право на существование.

Параметр третий: подлежащее, если оно имеется, не выражает Актора.

Как уже было сказано, большинство лингвистов в описании значения и функции пассива делают упор на понижение статуса субъекта активной конструкции; но встречается и точка зрения, что нельзя исключать из главных функций и повышение синтаксического статуса Претерпевающего. Поэтому вполне резонно включить упоминание и об этой точке зрения в наше определение. Такое определение может только стать избыточным, но исказить круг пассивных конструкций оно не должно. Заметим, что именно в этом параметре постулируется теоретическая возможность образования пассива от непереходных глаголов (поскольку подлежащее может отсутствовать).

¹ Тот факт, что форма творительного падежа традиционно считается канонической формой агентивного дополнения, не даёт нам права утверждать, что ИГ в форме творительного падежа представляет собой «ядерное» средство выражения Актора, а ИГ в другой форме — «периферийное». Напомним, что ИГ в творительном падеже стала использоваться для обозначения Актора позже, чем ИГ в форме родительного падежа с предлогом *от*.

Параметр четвёртый: конструкция каким-либо образом ограничена в своей дистрибуции по отношению к немаркированной (активной) конструкции.

Этот параметр носит скорее дескриптивный характер и обычно не используется для того, чтобы определять пассивность или непассивность примера. Если остальные параметры являются как бы признаками пассивной конструкции, то этот параметр — её свойством. Кроме того, он представляется достаточно спорным, поскольку речь идёт не об ограничении дистрибуции пассивной формы¹, а о меньшей употребительности самой пассивной конструкции по отношению к парной активной. С одной стороны, конструкцию *Дом строится рабочими* можно однозначно признать менее употребительной, чем конструкция *Рабочие строят дом*, однако если отойти от канонических трёхчленных конструкций, то данное утверждение уже не кажется бесспорным. Так, несомненно пассивное *На этой улице строится торговый центр* нельзя считать менее употребительным, чем *На этой улице строят торговый центр*. Более того, пассивные конструкции типа *Государственные средства систематически расхищаются* обычно гораздо более употребительны, чем их активные корреляты, в силу того, что Актор неизвестен либо не называется из этических соображений. Существует ряд работ, в которых описываются факторы, делающие употребление именно пассива более предпочтительным, причём не только в русском языке (см. [Королёв 1969а], [Jenkins 2003])².

В любом случае представляется затруднительным использовать этот параметр в корпусе текстов вследствие того, что «ограниченность в дистрибуции», пусть и не является

¹ Например, об уже упоминавшемся выше глаголе *садиться* было сказано, что с точки зрения семантики нельзя признать его образованным от глагола *сидеть*, употребляемого в основном в разговорной речи. Дополнительным аргументом в пользу непроизводности глагола *садиться* может служить тот факт, что глагол *садиться* употребляется намного чаще и, главное, с большим количеством различных аргументов и ситуаций, чем глагол *сидеть*. Это же рассуждение можно провести и в случае с глаголами *казаться* и *казать*.

² Наконец, использование концепции синтаксических нулей предполагает наличие случаев, когда активная конструкция может оказываться грамматичной, но при этом стилистически неприемлемой (см. обсуждение примера (25) ниже).

понятием абсолютно абстрактным, часто весьма сложна для установления; поэтому спорность данного параметра не повлияет на обработку корпусных данных.

Параметр пятый: пропозиционная семантика конструкции идентична пропозиционной семантике конструкции немаркированного (активного) залога; в частности, число партиципантов и их роли не меняются.

В данном случае пассив рассматривается исключительно на семантическом уровне, и затрагивается рассуждение об интерпретационном характере пассивизации. Если сформулировать данный параметр несколько иначе, мы получим ту же идею, к которой пришли немногим раньше: прагматика двух конструкций может быть разной (прежде всего, смещаются акценты на участниках), но объективное значение должно сохраняться.

Этот параметр в разных формулировках встречается в литературе очень часто. Так, по Р. О. Якобсону, образование пассива меняет «отношение между сообщаемым фактом и его участниками безотносительно к факту сообщения или говорящему лицу» [Якобсон 1972: 101]; Е. В. Падучева постулирует неизменность количества семантических валентностей глагола [Падучева 1974: 220], аналогичные утверждения мы находим и в западных работах: [Wunderlich 1997], [Ackema & Moore 2001] (в которых говорится о неизменности семантической формы и «прото-свойств» актантов); в работе [Бондарко 1978] говорится о залоговой оппозиции как разных синтаксических интерпретациях одного семантического явления; о неизменности пропозициональной семантики именно в этой формулировке пишут И. А. Мельчук [Мельчук 1997–2000, т. II: 164] и вслед за ним В. А. Плунгян [Плунгян 2000: 194]. Мысль развивает И. А. Мельчук: «...Залог изменяет базовую диатезу лексемы, не затрагивая её означаемого. Другими словами, граммы категории залога не имеют непосредственного отношения к семантической структуре глагола (точнее говоря, к его «пропозициональному» смыслу). Об «асемантическом» характере залога свидетельствует и целый ряд психолингвистических экспериментов <...>: для наивного говорящего оказывается более трудной задачей описать или по крайней мере об-

наружить противопоставление по залогам, чем противопоставление по наклонениям и модальностям <...>. Тот факт, что залог не меняет пропозиционального содержания глагольной словоформы, является крайне важным — может быть, самым важным для понимания природы этой категории» [Мельчук 1997–2000, т. II: 172]¹.

В связи с пятым параметром определения следует упомянуть проблему возможного изменения пропозиционального содержания в пассивных конструкциях с Актором, выраженным ИГ в косвенном падеже. Автору приходилось сталкиваться с мнением, что если Актор выражен именной группой в форме, отличной от формы творительного падежа, то о синонимии активной и пассивной конструкции говорить нельзя (что служит аргументом в пользу того, что агентивное дополнение может представлять собой только ИГ в творительном падеже). В то же время, как мы наблюдали (см., напр., пару предложений (21) и (22)), пассивной конструкции по-прежнему можно поставить в соответствие синонимичную ей активную конструкцию. При этом, как мы видели, активная конструкция может быть стилистически неприемлема (пара примеров (15)); стилистическая неприемлемость, однако, не может быть приравнена к неграмматичности, а пропозициональная семантика двух конструкций по-прежнему остаётся идентичной. См. в этой связи рассуждение об абсолютной и относительной синонимии выше.

Итак, предложенное определение пассива, по-видимому, действительно соответствует теоретическим представлениям о пассиве, существующим в лингвистике²; его можно счи-

¹ Цитата может навести на мысль, будто залог является понятием исключительно синтаксическим и к семантике никакого отношения не имеет; по-видимому, именно таким выводом и объясняется существовавшая точка зрения, что залог исключительно синтаксичен. Как отмечает автор, «выбор той или иной граммемы залога производится говорящим на основании семантических факторов» [Мельчук 1998: 172]; само же преобразование, выполняемое пассивизацией, осуществляется на уровне не пропозициональном, но коммуникативном. То, что две соответствующие структуры, активная и пассивная, не синонимичны на коммуникативном уровне, хотя синонимичны на пропозициональном, имеет следствием отсутствие полной синонимии между этими двумя конструкциями.

² За исключением параметра об ограниченности дистрибуции, который, однако, не повлиял на разметку корпусных данных.

тять избыточным, но недостатком в данном случае это не является, кроме того, оно типологически обосновано — если мы исследуем пассив в русском языке по этому определению, результаты можно будет применить и в типологических исследованиях. Единственным исключением является имперсонал, который, согласно этому определению, окажется подклассом пассива, будучи приравненным к безличному пассиву, что на данный момент активно оспаривается многими западными лингвистами (см. стр. 31). В русском литературном языке имперсонал не представлен, поэтому в данном случае этот (по-видимому, ещё не окончанный) спор не повлияет на обработку данных.

Однако даже обоснованное и аргументированное определение, соответствующее теоретическим воззрениям лингвистов, при практической обработке корпусных данных даёт совсем иные результаты и заставляет в некоторых случаях делать выводы, идущие вразрез с существующей традицией. Это, однако, не явилось для нас неожиданностью. Дело в том, что обычно при изучении пассива рассматриваются канонические примеры типа *Дом строится рабочими*; при этом и другие конструкции, в которых Актором является участник не с ролью Агенса, а с одной из других ролей, также принадлежащих гиперроли Актора, также подходят под концепцию пассива. Конструкции с ролями Пациенса и Агенса на позициях подлежащего и косвенного дополнения можно считать «ядром» пассивных конструкций, но при этом не надо упускать из внимания и «периферию». Для того круга явлений, который соответствует лингвистической традиции понимания пассива, может быть принят иной термин (например, *собственно пассив*, *пассив в узком смысле* или парадоксальное *агентивный пассив* — по роли Агенса, единственной, допустимой для Актора в такой трактовке). Наконец, как уже было сказано, представленные ниже данные и выводы можно рассматривать только как результаты эксперимента по применению типологического определения к корпусным данным. Примечателен в этой связи тот факт, что предлагаемая теория, объясняющая выявленные тенденции, применима к «традиционному» пассиву даже в большей мере, чем к типологическому. См. об этом подробнее в главе 6.

1. 4. 4. Частные залоговые значения

После того, как мы определили пассив, нашей задачей останется понять, как соотносятся с активом и пассивом остальные выделяемые разными учёными залого, такие, как реципрок, рефлексив и другие. В наши задачи не входит распределить все когда-либо упоминавшиеся и выделяемые разными авторами залого на этой шкале. Однако нашей задачей будет показать, каким образом мы используем континуум для нашего исследования.

Следует ещё раз подчеркнуть, что наши утверждения на самом деле не будут звучать так: «Рефлексив относится к активу»; они будут иметь вид «Пример *Иван моется* не является пассивным» — ведь нам не будет необходимости относить этот пример ещё к какому-то классу. Но в данном рассуждении придадим этим утверждениям такую, первую, форму.

Итак, рассмотрим, например, рефлексивные примеры вроде примера (24):

(24) Иван моется.

Напомним: при анализе примеров параметр 4 мы не используем.

Предполагаемая исходная конструкция: *Иван моет себя.*

Параметр 1: Глагол образован от глагола *мыть*.

Параметр 2: Актор выражен, и притом именной группой в именительном падеже.

Параметр 3: Подлежащее выражено и обозначает Актора.

Параметр 5: Пропозициональная семантика конструкций *Иван моется* и *Иван моет себя* идентична.

Таким образом, пример (24) мы относим к неpassиву (активу).

Понятно, что реципрокальные примеры вроде *Маша и Ваня целуются* тоже попадут в неpassивный класс.

Рассмотрим более сложный случай:

(25) Дверь не открывается.

Предполагаемая исходная конструкция: [$\emptyset^{\text{любой}}$ / *Никто*] *не может открыть дверь*¹.

Параметр 1: Глагол образован от глагола *открывать*.

Параметр 2: Актор выражен нулевой лексемой.

Параметр 3: Подлежащее не обозначает Актора.

Параметр 5: Пропозициональная семантика двух конструкций идентична.

Следовательно, данный пример мы считаем пассивным.

Большую трудность для установления исходной конструкции представляют примеры вроде *Дверь плохо открывается*; однако, принимая во внимание то, что слово *плохо* в данном случае означает негативную оценку (отклонение от нормы в худшую сторону) не с точки зрения качества, а с точки зрения лёгкости выполнения процесса, можно поставить в соответствие этой конструкции конструкцию $\emptyset^{\text{любой}}$ *открывает дверь с трудом*².

Стоит отметить, что ситуация с примерами подобного рода в русском языке и в английском принципиально разная — если английское *Sweater washes well* можно признать не относящимся к пассиву в силу отсутствия маркера на глаголе, то русское *Дверь плохо открывается* разумно считать пассивным (см. прежде всего посвящённую этому предмету работу [Пупынин 2001]). Вполне нормально будет предположить, что граница пассивной и активной областей на нашем континууме вполне может проходить по-разному в разных языках.

Ещё одним сложным случаем являются так называемые отсубъектные глаголы на *-ся*, образованные от непереходных глаголов. Конструкции типа *Мне не спится* многие учё-

¹ О наличии такого нуля со значением «любой» упоминает И. А. Мельчук (см. [Мельчук 1974: 353]). Возможность второго соответствия (*Дверь не открывается — Никто не может открыть дверь*) постулируется в работе Е. В. Падучевой (см. [Падучева 1974: 228]).

² На самом деле нам нет необходимости прибегать и к таким рассуждениям: как мы знаем, исходная конструкция не должна непременно допускаться языком. Таким образом, можно говорить о конструкции $\emptyset^{\text{любой}}$ *плохо открывает дверь*, которая во избежание двусмысленности языком не допускается.

ные не считают пассивными. Такая точка зрения отстаивается, в частности, в работе [Бондарко 1991], [Яхонтов 1974] и других. В то же время, в работе Е. В. Падучевой [Падучева 1974] описана возможность установления исходной конструкции для подобных предложений; исходной конструкцией в таком случае можно признать предложение *Я не могу спать*. В работах [Davidson 1980] и [Храковский 1991] также отмечается пассивность этих предложений. Агнс имеет форму косвенного дополнения, а семантическим объектом является инфинитив *спать*; «пассив, выражающийся рефлексивным агенсом, в данном случае означает возможность/невозможность» [Davidson 1980: 59]. Дополнительным аргументом может служить то, что отсубъектные конструкции во многих языках выражаются исключительно пассивным маркером (ср. нем. *Es wird geraucht*). Таким образом, неудивительно, что согласно нашему анализу подобные предложения будут отнесены к пассивному классу.

1. 4. 5. Пассив и декаузатив

Одной из проблем, с которыми мы сталкиваемся, применяя формальное определение к корпусному материалу, является также проблема различения декаузатива и пассива. Каноническими примерами на декаузатив считаются следующие предложения:

(26) Дверь открылась.

(27) Чашка разбилась.

Считается, что Актор в этом предложении выведен из рассмотрения (см. [Князев и Недеялков 1985], [Siewierska 1988], [Падучева 2001б], [Say 2005]). Декаузатив противопоставляется пассиву как конструкция с *лексически* удалённым Актором, в то время как в пассиве, если Актор не выражен, он удалён *синтаксически*. Однако мы можем утверждать, что Актор в любом случае присутствует в конструкции. Такое же утверждение содержится в работах [Гаврилова 1978] и [Kibort 2004]. В работе [Harrison 1967] примеры, подобные примерам (26) и (27), считаются пассивными; в [Мельникова 2002: 33] указывается, что декаузативы сохраняют каузативный компонент исходного глагола.

Данное утверждение можно проиллюстрировать с помощью следующего теста: известно, что в русском языке существует словосочетание *сам(а/о) собой*, служащее для обозначения действия, которое якобы происходит без внешнего вмешательства. Рассмотрим пример, который мог бы встретиться в сказке для описания чудесного события:

(28) Смотрю — дом сам собой построился.

Примечателен тот факт, что упомянутое словосочетание не может быть употреблено в тех случаях, когда подлежащее действительно может выполнять описываемое действие:

(29) *Иван сам собой побрился.

Данный тест может быть применён к примерам (26), (27) и (28), что может служить аргументом в пользу того утверждения, что Актор присутствует, и он не совпадает с подлежащим¹.

Е. В. Падучева в работе, посвящённой декаузативу [Падучева 2001б], отмечает, что предполагаемым Актором в декаузативе не может быть настоящий Агенс, хотя в примере (26) мы обнаруживаем именно возможного Актора с ролью Агенса². Скорее, Актором не может быть человек, или, если быть более точным, декаузатив невозможен с глаголами, обозначающими действия, которые может совершать только человек (в принципе человек может быть Актором, см. пример (31)). Именно этим объясняется недопустимость приводимого в работе Е. В. Падучевой примера:

(30) *Чашка принеслась.

¹ При употреблении словосочетания *сам собой* явно предполагается, что ни один человек (каковым является *Иван*) при нормальном положении вещей сам выполнить описываемое действие не может; противоречие обуславливает неприемлемость примера 1)а)і)(29)(29).

² Возможно, автор придерживается точки зрения, согласно которой роль Агенса подразумевает одушевлённость (точнее говоря, денотата-человека), однако это создаёт терминологическую путаницу, поскольку такая презумпция относительно природы Агенса не общепринята.

Декаузатив иллюстрирует отмечаемое в [Kibort 2004: 35] противопоставление значения, получаемого в результате **семантической декомпозиции** (и отражающего, в том числе, реальный состав участников) и **концептуального** значения, отражающего наше представление о ситуации и её участниках¹ (см. также противопоставление денотативной ситуации и факта языка в [Храковский 1974: 9]). Применительно к процессу декаузативизации это противопоставление выражается в дилемме, какой из членов оппозиции — инхоативный или декаузативный — считать исходным, немаркированным. А. Киборт утверждает, что немаркированным в любом случае является переходный член оппозиции, но в разных языках направление деривации может отличаться от семантического направления именно за счёт иного концептуального понимания этого процесса [Kibort 2004: 35–36] (см. также [Piñón 2001]). В русском языке в этом смысле наблюдается полное совпадение, поскольку инхоативный член действительно деривирован от каузативного, в отличие от английского языка (см. [Peggy 1969: 62]).

В любом случае, мы приходим к выводу, что декаузатив отличается от пассива только определённым ограничением на одушевлённость Актора, который, кроме того, в декаузативе по определению не может быть эксплицирован. Но речь при этом идёт только об **устранении синтаксической валентности** (что противопоставляется **невыраженной** валентности в случае двучленных пассивных конструкций), а в ряде случаев, возможно, уместно говорить о так называемом **ложном актанте** («зависимое, соответствующее участнику вершины, но не проявляющее грамматических признаков актанта» [Тестелец 2001: 205]) и, соответственно, синтаксическом нуле:

¹ В этой связи интересно изложенное в [Цейтлин 1978] наблюдение, что именно декаузативы чаще других встречаются среди окказионализмов с постфиксом *-ся*; в целом это согласуется с концепцией неопределённости, изложенной в [Арутюнова 1999].

(31) Он толкнул дверь ногой, и она **открылась**.¹

Итак, поскольку Актор присутствует в семантической строке диатезы, грань между декаузативом и пассивом, который, как мы увидим, изначально не предполагает ограничений ни на свойства, ни на эксплицированность Актора, становится едва различимой (хотя именно синтаксический нуль в декаузативе без достаточных оснований вводить не следует: как отмечает А. Е. Кибрик, «постулирование нуля [по сравнению с постулированием отсутствия] всегда более ответственно» [Кибрик 1997: 56]). Если использовать терминологию, более близкую генеративной грамматике, Актор остаётся на уровне семантической формы, но блокируется на уровне тета-структуры [Wunderlich 1997: 48]. Решение о близости декаузатива пассиву фактически будет зависеть от того, к какому из уровней диатезы считать ближе уровень тета-структуры — семантическому или синтаксическому. Можно привести аргументы в пользу обеих точек зрения, но в любом случае это ещё раз показывает, что при существующей теории диатез разница между декаузативом и пассивом не так велика, как казалось ранее. Поскольку Актор в любом случае по-прежнему присутствует на уровне семантической формы, под большинство определений пассива декаузатив подходит. Наконец, в силу того, что в данной работе пассив понимается как область континуума залоговых значений (см. стр. 22), то декаузатив мы отнесём к пассивной области, что при этом не будет означать, что он приравнивается к каноническому пассиву.

Не будет лишним добавить, что Е. В. Падучева в своём исследовании русского декаузатива исходит из презумпции, что в русском языке отсутствуют пассивные возвратные глаголы совершенного вида, что опровергается лингвистической литературой ([Храковский 1991: 155], [Перцов 2003]).

¹ Пример *Я смахнул чашку, и она разбилась* не так однозначен, поскольку здесь имеет место разделение так называемых *cause* и *causing* [Kratzer 2005], и человек выступает как бы каузатором, а непосредственным агенсом — некая сила.

1. 5. Русский пассив: синтетический и аналитический

Рассмотрим общую картину русского пассива, который, как это известно, выражается конструкциями двух типов: синтетическими (с возвратным глаголом) и аналитическими (с пассивным причастием).

В лингвистической литературе часто ставится вопрос о том, какое из двух средств выражения является «ядром» выражения русского пассива, а какое вторично (то есть находится на периферии). А. В. Бондарко [Бондарко 1991: 136] считает ядром пассива конструкции со страдательными причастиями; эта точка зрения, в самом деле, достаточно популярна, и подкрепляется она обычно следующими аргументами:

- ♦ страдательное причастие является формой глагола, в то время как образование с постфиксом *-ся* формой глагола не является, а является отдельным глаголом¹;
- ♦ страдательное причастие имеет только одно значение — страдательное, в то время как глаголы на *-ся* имеют не только пассивное значение (и пассив даже не является их главным значением²).

В свете современного развития морфологии можно было бы признать первый аргумент неубедительным: различие между словообразованием и словоизменением (особенно в категории залога) и возможность существования словоизменительных, то есть обязательных, категорий, поставлены под сомнение; об этом говорилось выше. Кроме того, пассивное *-ся* может быть признано словоизменительным показателем. Второй аргумент, однако, выглядит вполне убедительно.

¹ Эта точка зрения поддерживается, в частности, в [Грамматика русского языка 1970], [Babby 1975] и [Храковский 1978]; Н. В. Перцов склоняется в работе [Перцов 2006] к противоположному выводу.

² О полисемии постфикса *-ся* и классификациях возвратных глаголов см. [Обнорский 1953], [Исаченко 1960], [Янко-Триницкая 1962, 2001], [Недялков 1978], [Генюшене 1983], [Князев и Недялков 1985], [Пахомова 1990], [Калашникова и Сай 2006], [Сай 2007а] а также [Кретов 1978] и [Мельникова 2003]. Новые разговорные употребления возвратных глаголов, вызванные расширением сферы употребления единиц, общих для разговорной речи и кодифицированного языка [Земская 1973: 214] (см. также [Мирошникова 2002]), описаны в [Земская и Китайгородская 1981], [Сай 2005, 2007б, 2007в].

Жак Веренк, напротив [Веренк 1985: 289] придерживается точки зрения, что ядром пассива являются конструкции с глаголами на *-ся*, поскольку:

- ♦ формы аналитического пассива состоят из двух ударных слов, а формы синтетического пассива — из одного;
- ♦ страдательные причастия не употребляются в немаркированных формах: несовершенного вида и настоящего времени.

Первый аргумент, постулирующий превосходство синтетических форм над аналитическими, вряд ли можно назвать достаточно сильным, чтобы при отсутствии других свидетельств позволить признать глаголы на *-ся* ядром морфологического пассива. Второй аргумент также не представляется достаточно убедительным. Если имеются два средства, распределённые по двум разным областям морфологических форм, едва ли можно отодвинуть одно из них на периферию исключительно из-за того, что его область определения представляет собой, на наш взгляд, маркированную категорию. Если настоящее время можно признать немаркированной формой, но несовершенный вид — едва ли: достаточно вспомнить, что несовершенный вид часто образуется от совершенного.

Самым убедительным, таким образом, является аргумент о многозначности постфикса *-ся* при её отсутствии у страдательного причастия. Отметим, что этот аргумент действует при условии, что мы не постулируем омонимии *-ся* пассивного и *-ся* непассивного. Наконец, известно, что именно причастные конструкции использовались в русском языке для обозначения пассива с момента начала существования залоговой оппозиции.

Существует, наконец, точка зрения, отражённая в [Храковский 1991: 154], что необходимость разделения морфологического пассива на ядро и периферию отсутствует в принципе. Действительно, такое разделение не представляется нам достаточно значимым, и статистические данные также не представляют никаких аргументов в его пользу.

Если постфикс *-ся* многозначен, то для причастий существует известная проблема частеречной принадлежности. Как отмечается в работе [Babby 1973], на поверхностно-

синтаксическом уровне причастия ведут себя точно так же, как и глубинные прилагательные и с точки зрения синтаксиса являются чистыми прилагательными. Единственным отличием причастий от прилагательных является тот факт, что у причастий сохраняются глагольные категории, прежде всего, времени (а также вида и залога, см. [Буланин 2001: 167]). Это фактически означает, что причастия, обозначающие состояния, фактически являются претендентами на то, чтобы считаться отглагольными прилагательными. Используемые в контексте с так называемыми стательными причастиями обстоятельства временного момента обозначают не момент совершения действия, а момент фиксации состояния [Падучева 1998б: 148], что фактически приравнивает эти причастия к прилагательным:

(32) а) Я приехал в пять часов, и в пять часов дверь уже была открыта (стояла открытой).

б) Я приехал неделю назад, забор был уже зелёный.

Для таких дериватов (типа *открытый* в примере а) из пары (32)) даже постулируется особый залог «статив» [Буланин 1978] и особый «стательный» вид [Гаврилова 1998].

Неслучайно стательный пассив в английской традиции часто именуется «адъективным» в противовес «глагольному»: см., напр., [Belletti & Rizzi 1988]; в [Embick 2004: 355] отмечается, что первый тип пассива образуется лексически, а второй — синтаксически¹. Впрочем, это противопоставление иногда используется иначе: в работе [Levin & Rapoport 1986] термин «адъективный пассив» используется как эквивалент пассива с полными причастиями в русском языке — то есть пассив с причастием в атрибутивной позиции.

Отличить причастие от прилагательного остаётся возможным по сохраняющейся валентности Актора, которая для прилагательных нехарактерна. Но и этот аргумент не абсо-

¹ Иными словами (если применить это разделение к традиции русистики), при образовании адъективного пассива причастие не является формой глагола. В самом деле, такие причастия могут обозначать состояния даже в том случае, когда сама глагольная лексема не предполагает наличия акционального ярлыка «состояние» (см. главу 4). В лексикалистской работе [Aranovich & Runner 2001] утверждается, что такого различия не существует, но правила для образования двух типов причастий по-прежнему разные, хоть они и действуют на одном и том же уровне.

лютен: в работах [Кустова 2006, 2007] утверждается, что в процессе образования отглагольного прилагательного к нему может перейти модель управления глагола, что не мешает, по мнению Г. И. Кустовой, словам типа *убеждён* и *слышен* оставаться прилагательными, хотя и близкими к глаголу. Дериват *слышен* близок по значению словам типа *осуществимый* — словам со значением потенциальности, относительно которых в [Русская грамматика 1980: 666] мы находим, что значение «способный подвергаться действию» также характерно для причастий, как и значение «подвергающийся действию». Так называемый «фацитатив» или «квалитативный пассив» (см. [Пупынин 2001]) в целом не является для языка чем-то аномальным и входит в перечень пассивных значений.

Видно, что вопрос о границе между причастиями и прилагательными совсем не прост. Для целей нашего исследования целесообразно включить спорные случаи в перечень причастий и считать причастиями слова типа *слышен* и *осуществимый* и прочие дериваты, находящиеся «на границе» статальных причастий и прилагательных. Такой шаг позволит сделать картину дистрибуции пассивных форм более полной: например, слово *слышен* может быть заменено на возвратный глагол *слышится*, а если это слово объявить прилагательным, данный случай выпадет за рамки нашей работы, что сделает беднее картину возможных замен.

Мы подошли к главному для нас вопросу о наличии дистрибуции русских пассивных форм. Именно тому, чтобы ответить на этот вопрос, и посвящена данная работа. В поисках ответа мы исследуем различные параметры, которые могут быть основаниями распределения: семантический класс глагола, видовые и акциональные свойства глагольной словоформы и глагольной основы и, наконец, свойства актантов пассивной конструкции. Почему именно эти параметры были выбраны для статистического исследования?

Несомненно, среди всех исследований, каким-либо образом затрагивающих дистрибуцию пассивных форм (исследований, посвящённых именно дистрибуции пассивных форм — единицы), большинство содержит указание на то, что имеет место дистрибуция по виду

глагола (пассивные возвратные глаголы образуются от глаголов несовершенного вида, причастия на *-н-/-т-* — от глаголов совершенного вида¹); но по результатам статистического исследования можно утверждать, что ситуация выглядит несколько иначе, хотя определённая связь залога (активности/пассивности) и вида/акциональности (см. [Пупынин 1984, 1991]) существует (в частности, можно говорить о распределении по виду самой пассивной формы). На то, что может существовать распределение по семантическому классу, указывается в работе В. И. Данкова: утверждается, что причастия образуются от семантически более «сильных» глаголов (*убить, обидеть*), а пассивные возвратные глаголы — от более «слабых» (*дать, творить, родить*) [Данков 1981: 65–66]². Наконец, разумно исследовать и свойства актантов, охватив, таким образом, и уровень синтаксиса, который для пассива имеет решающее значение. Согласно теории семантической переходности П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper & Thompson 1980], переходность является свойством не только самого глагола, но и всей клаузы, и, следовательно, определяется не только свойствами глагола, но и характеристиками актантов. Примечательно, что именно эта теория способна объяснить статистические данные, приводимые в следующих разделах.

¹ При этом причастия на *-м-* оказываются за рамками исследований, хотя известно, что они также образуются от глаголов несовершенного вида.

² Обратим внимание на некоторую расплывчатость такой формулировки, как «сильный глагол» или «слабый глагол». Возможно, нам удастся внести в неё большую ясность в следующих главах.

II. Статистическое исследование

Глава 2. Описание выборки и общие статистические данные

В этой главе описана база данных, созданная для исследования дистрибуции пассивных форм: источники, состав выборки, набор параметров для классификации. Затем мы познакомимся с общими статистическими данными, касающимися дистрибуции пассивных форм и не зависящими от тех свойств, которые будут рассмотрены в следующих разделах данной главы.

2. 1. Описание выборки

База данных русских пассивных форм и лексем была сформирована на базе двух корпусов: Уппсальского корпуса (на базе проекта университета г. Тюбинген «Тюбингенские корпуса русских текстов», главная страница поиска находится по следующей ссылке: <http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/rus/korpora.html>) и Национального корпуса русского языка (<http://corpora.yandex.ru>). Всего в выборке **5961** предложение. Состав её следующий:

- ♦ предложения с возвратными глаголами (простой поиск по маске ‘*ся/*сь’ с ручной фильтрацией) — 3154 предложения;
- ♦ предложения с пассивными причастиями (поиск по корпусам с морфологической разметкой и снятой омонимией) — 2807 предложений, из которых 993 с причастиями на *-м-*, 1814 — с причастиями на *-н-/-т-*.

Несмотря на то, что для пассивных причастий поиск проводился по морфологическим характеристикам, результаты не всегда соответствовали ожиданиям. Так, изначально предполагалось, что в выборку причастий на *-н-/-т-* поровну войдут перфективные и имперфективные причастия, но даже поиск по маске «несовершенный вид» выдал большое количество перфективных причастий. Кроме того, в ряде случаев встретившееся слово

нельзя было считать причастием; известны также случаи неpassивных употреблений страдательных причастий, о которых будет сказано позже.

На основе всех трёх частей выборки была сформирована таблица глаголов, в которую вошли все глаголы базы, образующие пассив (например, для вхождения причастия *построен* был создан вход *построить*) — то есть все глаголы, за исключением непроизводных возвратных глаголов. В таблице глаголов содержится 1611 лексем. Затем эти лексемы были сгруппированы по глагольным основам (так, глагол *строить* и глагол *построить* были объединены в один вход *строить* новой таблицы)¹, и, таким образом, была сформирована таблица глагольных основ (1421 запись)². Форма глагольных основ содержит подчинённую форму глаголов.

В связи со сказанным интересно изучить первую диаграмму, демонстрирующую сравнение для трёх типов пассивных конструкций особого коэффициента, который соответствует средней частоте встречаемости каждой лексемы. Этот коэффициент является результатом деления общего числа различных лексем, встретившихся в данной части базы, на число примеров этой части. Таким образом, мы увидим, каково лексическое разнообразие в каждой из частей выборки.

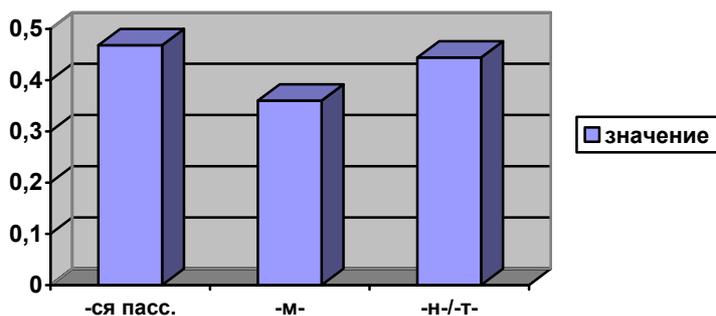

Диаграмма 2-1. Коэффициент продуктивности

¹ То, что за вход в таблице глагольных основ были взяты имперфективные члены пар, не является следствием каких-либо теоретических установок автора в области вида. Впрочем, точка зрения о немаркированности именно несовершенного вида достаточно популярна (см. напр. [Исаченко 1960], [Бондарко 2004]).

² Условное рабочее название, которое можно наблюдать на изображении формы в приложении — «гиперглаголы».

Результат этого деления для всех трёх типов конструкций отличается незначительно (между минимальным и максимальным значением разница составляет одну десятую), и в то же время показательно, что именно показатель *-м-* оказался статистически наименее продуктивным (поскольку количество разных лексем в отношении к количеству примеров минимально), а пассивные возвратные глаголы демонстрируют даже большее разнообразие, чем причастия на *-н-/-т-*.

Рассмотрим поля, содержащиеся в каждой из таблиц. В приложении можно найти изображения форм, созданных на основе этих таблиц и более удобных для ввода и анализа данных.

2. 1. 1. База примеров — общие поля

Предложение — основной вход, иногда укорачивается для удобства; как правило, в одном предложении один возвратный глагол, если в одном предложении более одного глагола, создаётся отдельный вход.

Полный текст оригинала — полный результат корпусного поиска (иногда недоступен, так же как и источник), который производился с настройкой вывода одного предложения до искомого и одного после (всего три предложения). Это было необходимо на случай, если некоторые нужные сведения содержатся в контексте (прежде всего, свойства актантов, если в самом пассивном предложении один из актантов выражен анафорическим средством).

Источник и Жанр текста.

Образован от: для возвратных глаголов — невозвратный парный глагол, для причастий — исходная форма глагола.

Форма: лицо, число и время (в основном только для возвратных глаголов).

Акциональный ярлык словоформы: состояние, процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультипликативный процесс, итератив (условный ярлык, см. главу 4).

Область «свойства актантов» — набор полей, почти полностью идентичный для каждого из актантов: флажки «пропозитивный»/«сентенциальный», «абстрактная ИГ», одушевлённость, денотативный статус, флажок «собирательный» для слов типа *молодёжь*, *партия*. В случае подлежащего присутствует флажок «Нет» для безличных предложений, в случае Актора — флажок «Неясно» для предложений, в которых свойства Актора неясны (см. главу 5). Кроме того, для Актора присутствуют поля «тип деятеля» (семантическая роль) и «падеж деятеля» (способ выражения Актора).

2. 1. 2. Особые поля: возвратные глаголы

Исходная форма глагола (для причастий это поле отсутствует, так как оно эквивалентно полю «образован от»).

Пассивность — флажок ставится, когда пример пассивен; **Возможно ли обратное** — можно ли перестроить фразу с той же глагольной формой так, чтобы она изменила значение поля «пассивность» на противоположное.

Акциональный класс — заполняется в случае если глагол непроеизводный, в противном случае акциональный класс указывается в таблице глагольных основ; также это поле изначально было зарезервировано за возможными случаями, когда акциональный класс образованного глагола отличается от акционального класса исходного, но в таких случаях, как и для семантического класса, создаётся новый вход в базе основ.

Блок **возможности замены на причастие** содержит флажок «возможно ли причастие», поля «тип причастия» (возможно значение «2», если возможны оба причастия), «вид причастия», «акциональный ярлык причастия», а также поля «изменение основы причастия» — если для образования причастия надо добавить приставку или полностью изменить основу, как для пары *обжечься* — *обожжённый*, и «причина невозможности причастия», когда она явно видна; возможные значения этого поля представлены ниже.

Также представлены поля «Сложности», «Примечание», а также поле «К опросу», в котором отмечены примеры, вызывающие некоторые сомнения относительно возможно-

сти замены возвратного глагола на причастие или на противоположный по признаку «пассивность/непассивность»¹.

2. 1. 3. Особые поля: причастия

Вид — для причастий это поле по понятным причинам содержится и в базе примеров, а не только в базе глаголов; для возвратных глаголов в этом нет необходимости.

Тип причастия для причастий на *-н-/-т-*: *-н-*, *-т-*, с приставкой, без приставки. Относительно распределения показателей *-н-* и *-т-* ясно, что имеет место дополнительная дистрибуция (крайне редко можно встретить разговорный вариант с другим показателем, например, причастие *куплето* от глагола *купить* у некоторых носителей), и основание этой дистрибуции лежит в фонетических свойствах (так, за исключением глаголов *дать*, *звать*, *печь*, *рвать* и *(с)жечь* все встретившиеся односложные основы образуют причастие на *-т-*) или просто сложилось исторически. Дополнительное исследование показало, что глаголы, образующие причастие на *-т-*, не образуют причастие на *-м-* (*бить* — *битый* — **бимый*)². Списки глаголов корпуса, образующих причастия с показателями *-н-* и *-т-* можно найти в приложении.

Непассивность — флажок ставится, если пример непассивен.

Прилагательное — флажок ставится, если (несмотря на поиск по параметру «причастие») имеет место вхождение чистого прилагательного.

Возможность замены на *-ся*: собственно возможность замены, вид и акциональный ярлык возвратного глагола, изменение основы, изменение способа выражения Актора при

¹ Изначально предполагалось использовать поле «К опросу» для создания анкеты, опрос по которой помог бы разрешить сложные случаи. К сожалению, определённые методологические трудности сделали создание адекватного опроса невозможным.

² Единственное исключение — глагол *знать*, для которого в корпусе встретилась форма *не знато* и существует разговорное употребление *знамо*. Если глагол, образующий причастие на *-т-*, принадлежит к совершенному виду, его парный глагол несовершенного вида может образовать причастие на *-м-* (*достигнуть* — *достигаемый*).

замене причастия на возвратный глагол, потеря пассивности при замене на *-ся* (то есть причастие может быть заменено только на непассивный возвратный глагол; далее при исследовании возможных замен причастий на возвратные глаголы рассматриваются только те случаи, когда пассивность возвратного глагола сохраняется). Отметим, что в базах причастий на *-м-* и на *-н-/-т-* отсутствует поле замены на причастие другого типа (*-м-* на *-н-/-т-* и наоборот). Это сделано не только потому, что в основном в литературе, посвящённой русскому залогу, рассматривается именно противопоставление причастий и финитных глаголов, но и потому, что увеличение объёма диаграмм и числовых данных в этом конкретном случае кажется неоправданным. Причастия на *-м-* — презентные, точнее — обозначающие действие, одновременное с моментом, о котором идёт речь; причастия на *-н-/-т-* отсылают к моменту, предшествующему описываемому — возможность замены в конкретном примере прежде всего определяется этими характеристиками. Причастия двух типов также обладают (за рядом исключений) противоположными видовыми характеристиками. Помимо этого ясно, что их взаимозаменяемость в конкретном примере ограничена позицией в предложении: причастие на *-м-* редко употребляется в предикативной позиции. В силу этого представляется не перегружать излишне ту часть исследования, которая касается смены типа конструкции в конкретном примере, и сосредоточиться на противопоставлении возвратных глаголов и причастий, которое менее неоднозначно. При этом по другим данным (в том числе и по данным образования пассива несколькими способами) мы по-прежнему сможем сделать определённые выводы и относительно дистрибуции причастий между собой.

В таблицах причастий, помимо перечисленных, имеются поля «Сложности», «Комментарий», «К опросу» — в случае возникновения сомнений по поводу возможности подстановки возвратного глагола.

2. 1. 4. База глаголов и глагольных основ

Таблица глаголов является подчинённой по отношению к базе глагольных основ (на снимке экрана в приложении форма глаголов включена в форму глагольных основ / гиперглаголов — её можно отличить по более светлому оттенку). Фактически для каждого входа таблицы глаголов существует только одно содержательное поле — **вид глагола**, в остальном она содержит флажки возможного образования конструкций того или иного типа, а также реальных фактов образования пассива тем или иным способом, зафиксированных в корпусе (на диаграммах ниже это разделение соответствует обозначениям «потенциально» и «реально»/«фактически»). Например, от глагола *арендовать* теоретически возможно образовать пассив с помощью возвратного постфикса, но примера на соответствующий возвратный глагол в базе нет — для глагола проставляется флажок «потенциальное пассивное -ся», поле «пассивное -ся фактически» остаётся пустым. Глагол *ассигновать*, напротив, содержит пример на производный коррелят в корпусе. Очевидно, что множество глаголов, имеющих пример в корпусе на свой пассивный дериват, составляет подмножество глаголов, потенциально образующих пассив этим способом. Если вхождение в базе примеров на данный глагол есть, оно отображается в виде упрощённой формы к соответствующей базе.

Таблица глагольных основ содержит следующие поля (помимо представленного в форме служебного поля поиска):

Гиперглагол — собственно глагольная основа (условно вход совпадает с основой несовершенного вида).

Тип (наличие видовых форм) — обычный (парный), *imperfectiva tantum* (*вращать*), *perfectiva tantum*¹, двухвидовой, совершаемость (формально не имеет пары, как *tantum*, но

¹ В принципе от глаголов *imperfectiva tantum* и *perfectiva tantum* часто возможно образовать глаголы СВ и НСВ соответственно, но они не будут составлять видовую пару, а будут совершаемостями (*вращать* —

по иной причине, напр. *завдвигать*, *поддёргивать*, *покачивать*). Супплетивные пары типа *брать/взять* формально состоят из двух членов tantum.

Семантический класс, Акциональный класс, Тип видовой пары — классификации и статистику см. в соответствующих главах.

Флажки **приставка в СВ** (если при образовании СВ добавляется приставка), **член тройки** (*чеканить* — *отчеканить* — *отчеканивать*).

Надо сказать, что в дальнейшем будет использовано большинство из перечисленных параметров классификации, но всё же не все.

2. 2. Метод: расчётные частоты и критерий χ^2

Когда изучается сочетание нескольких параметров (например, свойства подлежащего и тип пассивной конструкции), главный вопрос, на который нам нужно ответить — существует ли связь между изучаемыми признаками, или же распределение их случайно. Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы будем сравнивать наблюдаемые частоты с расчётными частотами, которые рассчитываются исходя из предположения, что признаки не зависят друг от друга (то есть, например, свойства подлежащего никак не влияют на выбор типа пассивной конструкции). Расчётным частотам часто оказываются эквивалентны общие частоты выборки. Например, если денотативный статус подлежащего никак не влияет на выбор типа пассивной конструкции, то распределение денотативных статусов подлежащего в конструкциях каждого типа должно повторять распределение по всей выборке.

Расчётная частота высчитывается для каждой наблюдаемой частоты по следующей формуле:

$$E = \frac{S_r \cdot S_c}{S_t},$$

завращать); существуют также случаи троек, и один из членов остаётся tantum (*чеканить* — *отчеканить* — *отчеканивать*, хотя в этой тройке наблюдается отчётливый сдвиг значения).

где S_r — сумма значений в строке, S_c — сумма значений в столбце, а S_t — сумма значений всей таблицы.

Чем больше расчётные частоты отличаются от наблюдаемых, тем выше вероятность, что распределение не случайно, и признаки взаимосвязаны.

Вероятность случайности распределения можно математически установить с помощью критерия хи-квадрат (χ^2). В нашем исследовании мы нередко будем прибегать к этому методу для проверки гипотез.

Расчёт вероятности случайного распределения происходит в два этапа. На первом этапе для каждой наблюдаемой частоты по приведённой формуле считается расчётная чистота. После получения расчётных (ожидаемых) частот вычисляется значение критерия хи-квадрат, для чего используется следующая формула:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^r \sum_{j=1}^c \frac{(O_{ij} - E_{ij})^2}{E_{ij}},$$

где r обозначает строки, а c — столбцы; O — наблюдаемая частота, а E — ожидаемая.

Значение критерия сравнивается с критическим значением для определённой степени свободы (которая зависит от числа столбцов и строк в таблице), на основании чего и делается заключение о случайности распределения.

Сейчас существует возможность вычислять значение критерия хи-квадрат автоматически, преобразуя его значение в вероятность случайности распределения (в частности, эта возможность реализована в Microsoft Excel). Именно эту вероятность, рассчитанную с помощью данного критерия, можно будет видеть в ряде разделов настоящего исследования.

Безусловно, если математическая вероятность случайности будет мала, это ещё не будет означать, что явление представляет лингвистический интерес; однако если вероятность будет велика, то отсутствие лингвистической значимости гарантировано.

Как было сказано, вместо расчётных частот в работе используются также общие частоты: так, например, в главе 4 статистика видовых и акциональных характеристик глаголов, образующих пассив тем или иным способом, сравнивается с аналогичной статистикой для всех глаголов базы, что позволяет выявить отклонения от общих частот в ту или иную сторону. Поскольку первая часть главы 4 содержит общие данные для каждого средства образования пассива, которые нельзя сопоставить с расчётными частотами, вместо них используются общие частоты. Для наглядности общие частоты используются затем и на диаграммах взаимозависимости признаков.

2. 3. Общие статистические данные

В данном разделе мы изучим самые общие статистические данные: грамматическую форму глагола (или связки при причастии) в пассивных конструкциях, возможность для глаголов образовывать пассив разными способами, долю пассивных и непассивных возвратных глаголов в примерах, процент случаев, когда возможна смена типа конструкции в конкретном предложении (например, можно заменить причастие на возвратный глагол) вне зависимости от различных свойств глагола или конструкции. Исключением станет одна диаграмма, на которой представлено распределение причин невозможности замены возвратного глагола на причастие. Это поле («причина невозможности причастия») было создано в порядке эксперимента для получения общего набора свойств, которые могут влиять на возможность замены. В последующих главах эти свойства рассмотрены подробно, в данной же части работы мы рассмотрим результаты для упомянутого поля, чтобы получить общее представление о том, что же может влиять на замену одного пассивизатора другим.

2. 3. 1. Грамматическая форма глагола или связки при причастии

Общеизвестна точка зрения, согласно которой пассив редко употребляется в формах 1-го и 2-го лица и императива (см. в частности [Филякова 1986], [Храковский 1991: 157–

159], [Храковский 2000а]). Статистика подтверждает эти предположения, причём нельзя сказать, что ограничение по лицу существует только для возвратных глаголов, от которых в силу полисемии постфикса *-ся* можно было ожидать ещё меньшего числа вхождений этих форм, чем для причастий (постановка локутора в позицию подлежащего в конструкции с возвратным глаголом может влиять на залоговую интерпретацию примера, для причастия такое практически невозможно). И всё же, в корпусе встретились пассивные примеры и на 1-е и 2-е лицо, и даже на повелительное наклонение, при этом в каждом примере отчётливо заметно присутствие Актора (*старушка* в примере (33), адресант в примере (34), обстоятельства или люди в примере (35)):

- (33) Конечно, если бы я знал, кто эта старушка, я бы не стал показывать ей язык. Это была фея Вежливости и Точности — недаром она была в таком чистеньком платочке, с такими чистенькими очками на носу... И вот она ушла, а **я превратился** в песочные часы. (Каверин, В., *Песочные часы*, в кн. «Сказки», М., 1971, стр. 3–16 (3.602). Упсальский корпус)
- (34) Потом **вы**, конечно, будете и в самой лаборатории **использованы**, люди нам нужны, но пока вот при собаках. (Юрий Домбровский. *Обезьяна приходит за своим черепом (1943–1958)*. НКРЯ)
- (35) — Ну да, и тяни из себя жилы всю жизнь... Им удовольствие, а мы **мучайся**... (Дубов, Н., *Небо с овчинку, «Собрание сочинений в 3-х томах», т. I, М., 1970. Упсальский корпус*)

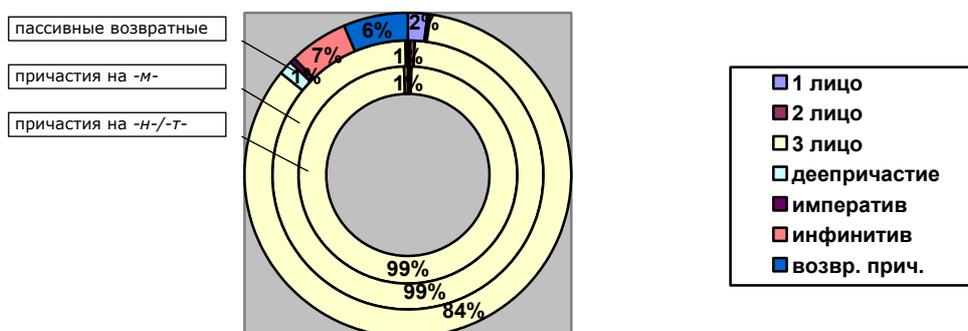

Диаграмма 2-2. Форма глагола (связки)

Примечательно также, что форма инфинитива совершенно не характерна для конструкций с пассивными причастиями, а с возвратными глаголами встречается относительно часто.

2.3.2. Способность глаголов и глагольных основ образовывать пассив несколькими способами

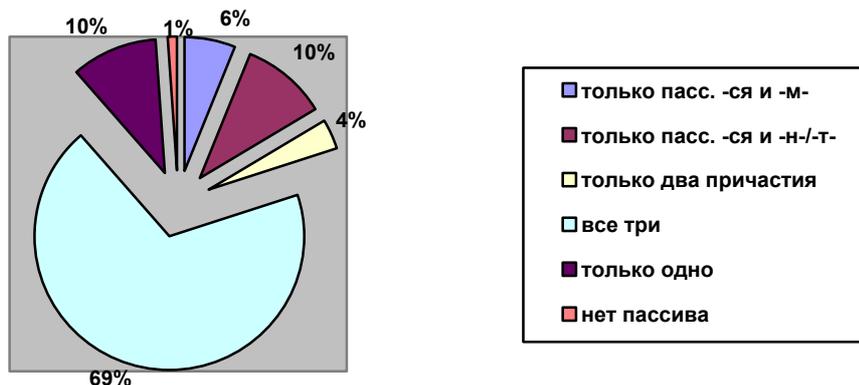

Диаграмма 2-3. Глагольные основы и способы образования пассива (потенциально)

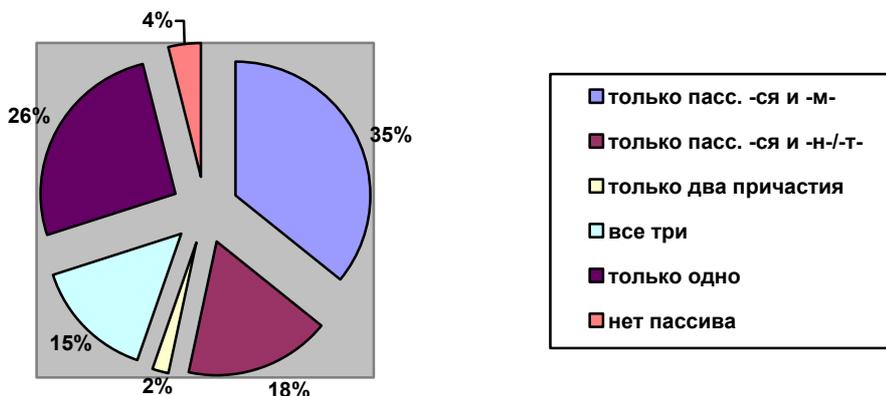

Диаграмма 2-4. Глаголы и способы образования пассива (потенциально)

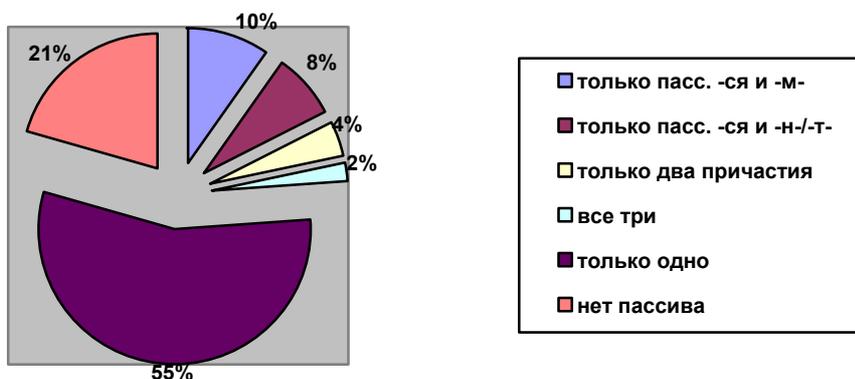

Диаграмма 2-5. Глаголы и способы образования пассива (реально)

Опция «только одно» для удобства изучения раскрыта отдельно на следующей диаграмме:

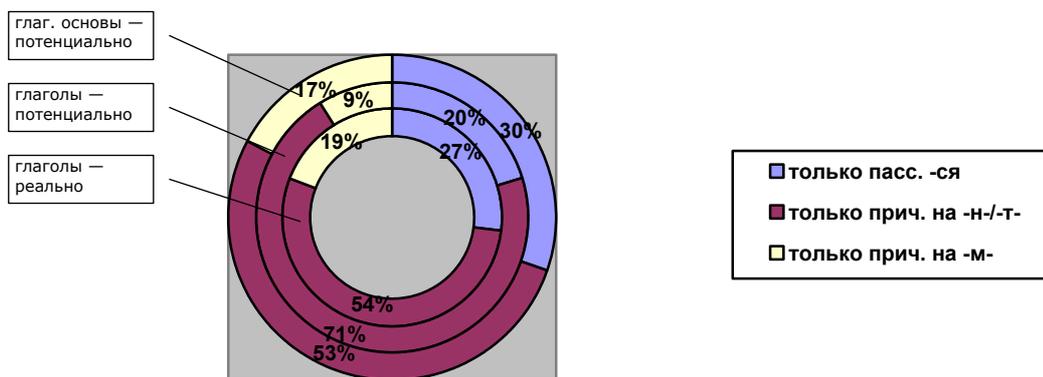

Диаграмма 2-6. Единственный способ образования пассива

Очень показателен переход от глагольных основ к собственно глаголам¹, который демонстрирует, насколько категория вида ограничивает выбор средства образования пассива: ведь при объединении двух глаголов в одну глагольную основу мы убираем из рассмотрения именно категорию вида; и в этом случае оказывается, что более двух третей всех глагольных основ образуют пассив всеми тремя способами. Тем не менее, для оставшейся трети случаев основание распределения необходимо искать в других областях.

Что касается диаграмм, основанных на таблице глаголов, то разницу между данными о возможности присоединения и реальном наличии вхождений можно наблюдать уже сейчас: на третьей диаграмме увеличилась доля вариантов 'только одно' и 'нет пассива'. Это означает, что в корпусе встретился только один тип конструкции или пассива не встретилось вовсе, но это не означает, что пассив не образуется или что другие типы конструкций невозможны. В этом смысле более показательна диаграмма потенциального образования пассива; с другой стороны, тот или иной тип конструкции с теми или иными глаголами может быть более или менее употребителен, и это иллюстрирует вторая диаграмма. При

¹ Статистику реальных вхождений глагольных основ привести не представляется возможным, поскольку для глаголов, не встретившихся в корпусе, отдельного входа заведено не было; соответственно, в ряде случаев глагольная основа представлена в базе данных одним, а не двумя глаголами, и статистика оказалась бы заведомо непоказательной. Таблица возможности образования пассива тем или иным способом от глагольной основы создавалась вручную.

этом видно, что в корпусе представлены случаи, когда один и тот же глагол (заметим, не глагольная основа, а именно сам глагол, то есть в данном случае изменение основы не допускается) образует пассив разными способами. Потенциальная статистика демонстрирует ещё более значительную степень совместимости пассивизаторов, особенно *-ся* и *-м*¹ (*возглавлять, воспитывать*); любопытно также, что велика доля глаголов, образующих пассив только с помощью возвратного глагола и причастия на *-н-/-т-* (*брить, вскрыть, завершить*). Поскольку причастия на *-н-/-т-* чаще образуются от перфективных глаголов, то в ряде случаев мы можем постулировать образование пассивных возвратных глаголов совершенного вида, которое часто ставится под сомнение (см. главу 4).

Доля случаев, когда пассив от глагола образуется только с помощью причастий обоих типов (*казнить, кусать*), очень мала, что можно объяснить диахронически: известно, что изначально залоговая система русского языка была представлена только двумя причастными конструкциями, которые были, видимо, дополнительно распределены по виду производящего глагола, что делает маловероятным образование двух причастий от одного глагола (см. [Стрельцова 1978], [Данков 1981]). Поэтому случаи образования только двух причастий малочисленны. В то же время более поздние глаголы, допускающие и пассивный возвратный глагол, демонстрируют большую гибкость: потенциальная доля глаголов, образующих пассив всеми тремя способами (*адаптировать, исследовать*), составляет 15%, что немало.

Как мы видим, результаты исследования возможных комбинаций могут быть вызваны разными факторами: с одной стороны, видно, что одним из оснований разделения типов конструкций действительно может стать вид глагола (например, когда мы наблюдаем, что пассивный возвратный глагол в два раза чаще образуется от тех же глаголов, что образуют

¹ Этот факт может служить подтверждением основной теории о распределении по виду, поскольку по своим свойствам, прежде всего видовым и акциональным, дериваты на *-ся* и на *-м* близки; это также означает, что различие между ними должно происходить по каким-либо дополнительным параметрам.

также и причастие на *-м-*, чем от тех, которые также образуют причастие на *-н-/-т-*), с другой стороны, в случае выбора между причастием на *-м-* и возвратным глаголом роль играют другие факторы — например, позиция пассивной формы в предложении, ведь причастие на *-м-* чаще всего употребляется в атрибутивной позиции. Если же рассмотреть выбор между пассивным возвратным глаголом и причастием на *-н-/-т-*, когда оба этих средства образования пассива могут употребляться в одинаковом контексте, то решающим может стать акциональный ярлык или же свойства актантов. Наконец, если глагол образует пассив только одним способом, то объяснение (если оно существует), должно лежать в области его лексических свойств. Из всего сказанного следует, что основания дистрибуции находятся на разных уровнях, и среди этих оснований нет одного главенствующего; скорее, все они соединяются в одну общую тенденцию, которую мы и попытаемся обнаружить.

Ещё один примечательный факт: если пассив образуется только одним способом, то это скорее всего причастие на *-н-/-т-* (*бить, выбросить*). Видимо, это объясняется тем, что причастия на *-н-/-т-* могут употребляться в любом контексте и накладывают наименьшие ограничения на свойства актантов, а кроме того присутствуют в залоговой оппозиции с самого начала её существования. Впрочем, если сложить доли причастий на *-м-* и пассивных возвратных глаголов, в кольце реальной встречаемости наблюдается практически полный паритет (правда, поскольку не все возвратные глаголы имперфективны, это не совсем показательный результат; зависимость от вида будет рассмотрена подробно позже). Что же касается пассивных возвратных глаголов, то их мы рассмотрим далее отдельно, противопоставив непассивным.

2. 3. 3. Пассивные и непассивные возвратные глаголы

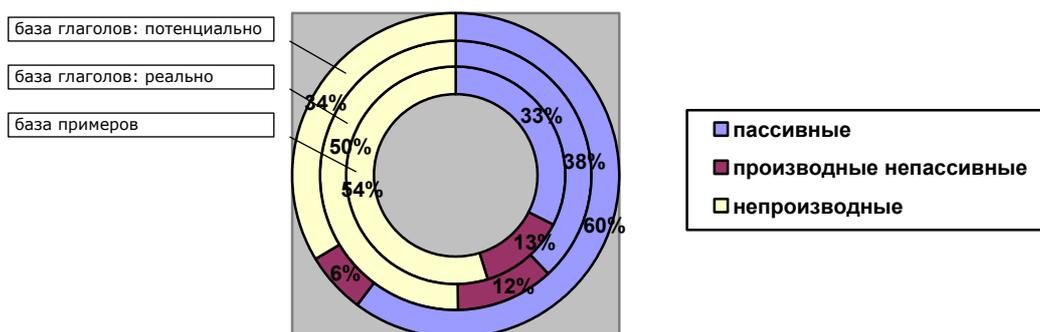

Диаграмма 2-7. Типы возвратных глаголов

Сами непроизводные возвратные глаголы в базе глаголов отсутствуют, поэтому данные внешнего и среднего кольца получены путём анализа базы примеров с исключением повторов лексем (абсолютные значения, тем самым, в этих двух кольцах одинаковы). В любом случае мы получаем крайне интересный результат: среди непассивных возвратных глаголов всегда преобладают непроизводные. Действительно непассивные глаголы, которые имеют невозвратный коррелят, но не являются пассивными (*ругаться, схватиться, уволиться*), в меньшинстве. Обратим внимание на внешнее кольцо, где область 'производные непассивные' отражает именно долю глаголов, которые не могут образовать пассив (их абсолютная частота встречаемости равна 114), в отличие от остальных двух колец, в которых отражена доля тех глаголов, пассивное употребление которых просто не встретилось, и в которых доля непассивных производных глаголов выше. Таким образом, если считать, что изначально любой глагол имел невозвратный коррелят, можно сделать вывод, что на данном этапе эволюции русской залоговой системы относительно «молодой» показатель *-ся* наиболее продуктивен именно как показатель пассива, и статистически это его основное значение¹.

¹ Безусловно, на такой вывод влияет принятое определение пассива. См. пространное обсуждение этой проблемы в главе 1.

Применительно к пассивным и непассивным возвратным глаголам интересно также изучить статистику грамматических форм, в том числе и по времени (изучать категорию времени в сравнении для возвратных глаголов и причастий затруднительно: относительно временной принадлежности причастий на *-н-/-т-*, прежде всего стательных, продолжают-ся споры (см. [Падучева 1998a]), а для причастий на *-м-* скорее можно говорить не о на-стоящем времени, а об одновременности):

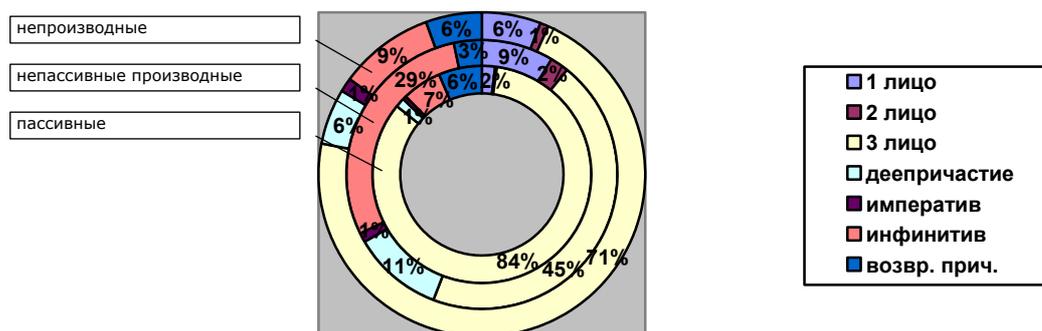

Диаграмма 2-8. Форма глагола: личные и прочие формы

Видно, что доля формы 3-го лица выше всего именно у пассивных возвратных глаго-лов, и это не удивительно. Интересен факт сходства пассивных возвратных глаголов с не-производными глаголами: между ними больше сходства, чем между непроизводными и производными непассивными. По-видимому, непроизводные глаголы также не сочетают-ся с формами, предполагающими наличие локутора в позиции подлежащего, но по иным причинам, нежели пассивные возвратные. Непроизводные глаголы также сравнительно редко употребляются в форме инфинитива, что, возможно, объясняется тем, что среди этих глаголов многие имеют дефектные парадигмы, в которых форма инфинитива факти-чески отсутствует (не употребляется) — как, например, глагол *приходится* (что-то де-лать). В целом же видно, что наибольшую свободу в выборе формы демонстрируют про-изводные непассивные возвратные глаголы, хотя и для этих глаголов доля форм 1-го и 2-го лица едва превышает одну десятую, а форма третьего лица встретилась почти в поло-вине случаев.

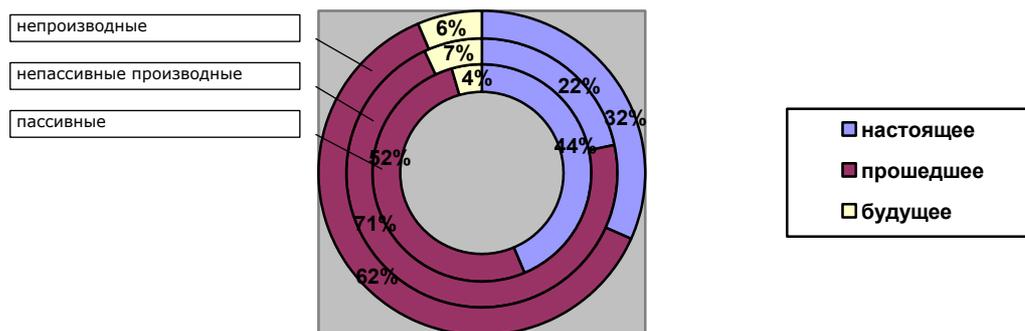

Диаграмма 2-9. Форма: время (где возможно установить)

Доля будущего времени невелика для всех типов возвратных глаголов, а вот в соотношении долей прошедшего и настоящего времен непроизводные глаголы вновь оказываются посередине между пассивными и непассивными производными. Доля прошедшего времени у пассивных возвратных глаголов — наименьшая среди всех трёх типов, что косвенно указывает на постулируемую в русистике имперфективность пассивных возвратных глаголов. Собственно непассивные возвратные глаголы, напротив, значительно чаще употребляются именно в прошедшем времени, чему можно найти объяснение в рамках теории семантической переходности (см. главу 6). Впрочем, не нужно забывать, что количество примеров с собственно непассивными глаголами относительно невелико (особенно за вычетом форм, не имеющих соотнесённости по времени), и есть вероятность того, что результаты объясняются малым количеством примеров.

2.3.4. Возможность смены типа конструкции в конкретном предложении

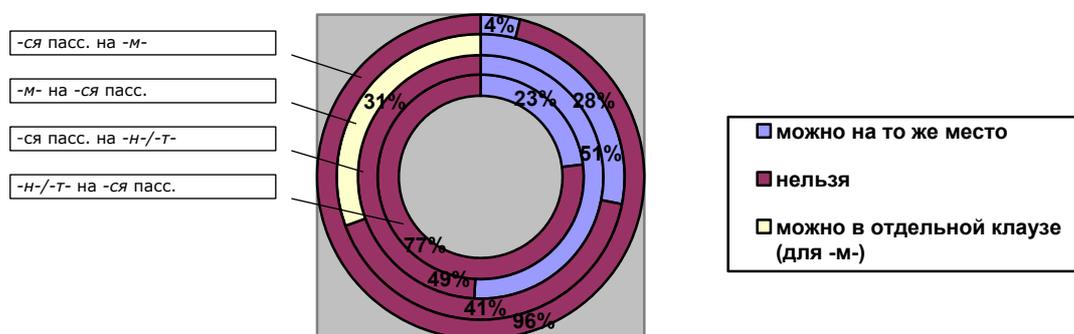

Диаграмма 2-10. Замены в конкретных предложениях

В пункт ‘нельзя’ для замены причастий на возвратные глаголы включены также случаи, когда при замене теряется пассивность фразы, например:

- (36) а) Если же народные заседатели, к примеру, **будут объединены** в самостоятельную организацию, они должны **будут** принять решение сами. (*Крайняя необходимость*. «Известия», 87-09-16 (1.910). Упсальский корпус)
- б) Если же народные заседатели, к примеру, **объединятся** в самостоятельную организацию, они должны **будут** принять решение сами.

Прежде всего отметим, что, если сами глаголы часто образуют и причастие на -м-, и пассивный возвратный глагол, то в самих примерах пассивный возвратный глагол заменяется на причастие крайне редко; впрочем, это связано с разницей в позициях в предложении. Обратная замена возможна гораздо чаще, причём специально с учётом различий в позиции была введена опция ‘только в отдельной клаузе’ для тех случаев, когда возвратный глагол можно подставить только в том случае, если обособить его в отдельном предложении:

- (37) а) Таким образом, борьба с ядовитой продукцией профессора Мезонье и его школки (кстати, во многом **поддерживаемой** в Советской России) должна стать во главе

угла работы нашего института. (Юрий Домбровский. *Обезьяна приходит за своим черепом* (1943–1958). НКРЯ)

- б) Таким образом, борьба с ядовитой продукцией профессора Мезонье и его школы (которая, кстати, во многом **поддерживается** в Советской России/Советской России)...

В паре возвратный глагол — причастие на *-н-/-т-* ситуация противоположная: глагол заменяется на причастие чаще, чем причастие на глагол. Это, по всей вероятности, связано с видовыми и акциональными характеристиками двух типов пассивных конструкций. Так ли это, мы узнаем несколько позже, хотя некоторое представление об этом можно получить уже из следующей диаграммы, на которой представлены вероятные причины невозможности замены возвратного глагола страдательным причастием любого типа (в этой статистике охвачены все возвратные глаголы, а не только пассивные):

Диаграмма 2-11. Причины невозможности подстановки причастия

Следует пояснить два из перечисленных вариантов: ‘акциональность’ и ‘эффект Агенса-человека’, которые фактически соответствуют двум главам настоящей работы. В первом случае речь идёт о случаях, когда акциональные характеристики глагола не позволяют подставить причастие, которое в данном контексте будет иметь другие акциональные свойства:

(38) Назначенные к сносу дома не сносили, новые **строились** (***были построены**) медленно. (Грекова, И., *Кафедра*, в кн. «Кафедра», М., 1980, стр. 30–44 (4.998). Упсальский корпус)

Во втором случае подразумеваются предложения, в которых Актор не является человеком, а интерпретация с Актором-человеком невозможна (и в то же время Актор присутствует в виде некой внешней силы, такой, как время или обстоятельства):

(39) Фрося не удивилась, увидев нас. Улыбнулась, как обычно, когда мы приходили, озабоченно, хмуровато. Конечно, она **изменилась** (***была изменена**) — сгорбилась, усохла, только руки остались такими же... (Гранин, Д., *Дом на Фонтанке*, в кн. «Однофамилец», М., 1983, стр. 410–424 (4.426). Упсальский корпус)

2. 3. 5. Потеря пассивного значения при замене причастия на возвратный глагол

Как уже было сказано выше, при изучении возможности замены причастия на глагол учитывалась возможность того, что возвратный глагол потеряет своё пассивное значение (и непассивная интерпретация оказывается единственно возможной). Приведём пример на это явление:

(40) а) Своего жилья нет примерно у пятой части из почти 100 тысяч **увольняемых** в связи с сокращением Вооруженных Сил офицеров. (*Вооруженные силы — как идет сокращение*. «Известия», 89-09-16 (1.721). Упсальский корпус)

б) Своего жилья нет примерно у пятой части из почти 100 тысяч **увольняющихся**...

Доля случаев, в которых пассивность при замене причастия на возвратный глагол теряется (эти случаи в дальнейшем будут исключены из рассмотрения при изучении возможности замены), достаточно мала, особенно для причастий на -м-:

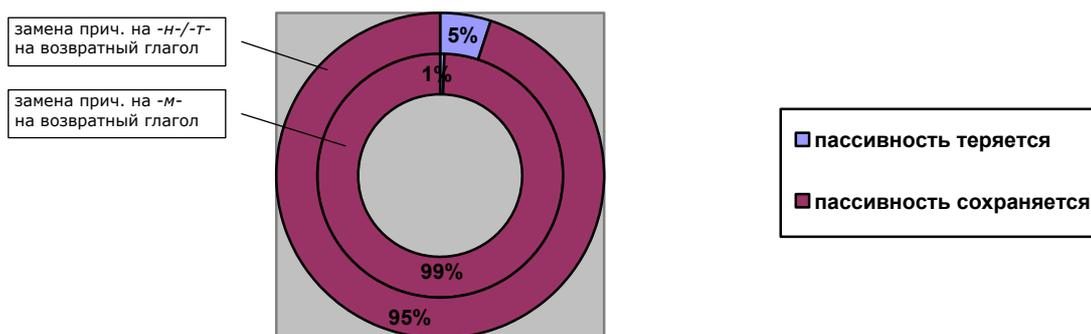

Диаграмма 2-12. Потеря пассивности

2. 4. Предварительные выводы и ожидания

В данной главе мы познакомились с составом базы данных и методами исследования, а также изучили ряд общих диаграмм, из которых уже можно сделать ряд интересных выводов. Прежде всего, весьма примечательно, что возвратные глаголы, имеющие невозвратные корреляты, чаще всего могут быть пассивными, а строго неpassивных глаголов — меньшинство. Помимо выявленного факта, что причастие на *-м-* не образуется от глаголов, образующих причастие на *-т-*, это самый интересный результат, который был получен на данном этапе. Мы также установили, что каждый глагол может образовывать пассив несколькими способами, а таких глаголов, которые допускают только один способ образования страдательного залога (причём это в большинстве случаев причастие на *-н-/-т-*) — примерно четверть от общего числа, что не так много. От чего зависит возможность образовать пассив тем или иным способом? Ответу на этот вопрос и будут посвящены последующие разделы работы.

Уже можно утверждать, что распределения по грамматической форме нет: в целом все три типа пассивных конструкций одинаково редко употребляются в формах, отличных от формы 3-го лица. Возвратные глаголы демонстрируют несколько большую гибкость, но среди всех типов возвратных глаголов пассивные наиболее привязаны именно к форме 3-го л.

Возможно, есть общая связь между семантикой глагола и способом пассивизации. Если же глагол образует и причастие на *-н-/-т-*, и пассивный возвратный глагол, то можно предположить, что таким образом он реализует видовое различие. Существует ли распределение пассивных форм по виду¹? Или же, если и возвратный глагол, и причастие от одного исходного глагола перфективны, быть может, они отличаются по акциональным характеристикам? Как мы видели, несовместимость акциональных свойств является одной из причин невозможности замены возвратного глагола на причастие (пример (38)), что свидетельствует о возможной дистрибуции по этому признаку. Кроме того, замена подчас невозможна из-за того, что в конкретном примере Актор представляет собой некую абстрактную силу, в то время как причастие на *-н-/-т-* требует Актора-человека (пример (39)). Данное наблюдение может говорить о том, что возвратные глаголы и причастия на *-н-/-т-* накладывают разные ограничения на актанты, и что свойства актантов в пассивных конструкциях разных типов могут отличаться. Эти предположения нам и предстоит проверить.

¹ При этом надо различать распределение по виду самих форм и производящих глаголов, о чём также пойдёт речь в главе 4.

Глава 3. Семантический класс глагола

3. 0. Постановка задачи и перечень семантических классов

В этом разделе мы попытаемся выяснить, существует ли дистрибуция пассивных форм по семантическому классу глагола. Это попытка установить наличие дистрибуции на основании только свойств лексемы. В следующем разделе также будет присутствовать параметр, характеризующий глагольную основу в целом — акциональный класс; но понятие акционального класса опирается на концепцию акциональных ярлыков, которые характеризуют каждую словоформу. Таким образом, семантический класс глагола можно считать параметром наиболее абстрактным в том смысле, что он наименее зависим от конкретной формы глагола и актантов предложения. Что касается актантов, то семантический класс в известной степени предопределяет состав актантов в предложении: это, прежде всего, касается одушевлённости, в меньшей степени — конкретности/абстрактности или денотативного статуса. Забегая вперёд, скажем, что одушевлённость актантов среди всех факторов, определяющих выбор типа пассивной конструкции, занимает по важности последнее место. И, тем не менее, определённую зависимость от семантического класса мы сможем наблюдать. Стоит при этом отметить, что если зависимость типа конструкции от вида и акциональных характеристик постулируется в большом количестве работ, то о работах по распределению пассивных форм по семантическим классам автору ничего не известно. Безусловно, существуют многочисленные классификации возвратных глаголов по их значению (но не по семантическому классу образующего глагола), но как параметр распределения семантический класс не рассматривается (за исключением косвенных упоминаний, как, например, приведённое выше указание В. И. Данкова на определённую зависимость типа конструкции от семантики глагола [Данков 1981: 65–66]).

На диаграммах ниже сначала представлены данные для возвратных глаголов: будет показано, есть ли отличие в семантическом классе пассивных и непассивных возвратных

глаголов. Данные взяты как из базы предложений, так и из базы глаголов (указывается в названии диаграммы). Затем конструкции с пассивными возвратными глаголы мы сравним с другими двумя типами пассивных предложений. Внешнее, разрывное, кольцо соответствует расчётным долям каждого класса. В большинстве случаев эти доли совпадают с долями каждого класса в общей базе глаголов, но при обращении к базе примеров они могут быть несколько иными вследствие того, что лексемы в каждой из баз повторяются неравное количество раз.

Перечень семантических классов, используемый в работе, с небольшими изменениями заимствован из классификации Национального корпуса русского языка. Приведём его здесь, снабдив примерами на глаголы, встретившиеся в корпусе:

1. Бытийные

- начало существования (*возрождать, основывать*)
- прекращение существования (*устранять*)
- остальные (*переживать* [в значении ‘проживать, проходить через’])

2. Восприятие (*воспринимать, замечать*)

3. Движение

- изменение положения тела, части тела (*высунуть, задира́ть*)
- остальные (*везти, ездить*)

4. Запах (*пригонять запах*)

5. Звук (*заглушать, издавать*)

6. Изменение состояния или признака (*адаптировать, видоизменять, искажать*)

7. Контакт и опора (*обдуть, обнимать, пристыковывать*)

8. Ментальная сфера (*верить, воображать, думать, забывать*)

9. Местонахождение (*заслонять, хранить* [где])

10. Поведение человека (*гипнотизировать, спасать, спорить*)

11. Помещение объекта (*вкапывать, впрягать, вставля́ть*)

12. Посессивная сфера (*арендовать, брать, воровать*)
13. Природное явление (*извергать, излучать*)
14. Психика:
 - воля (*заботить, предпочитать, хотеть*)
 - эмоции (*возбуждать, волновать, радовать*)
15. Речь (*велеть, высказывать, говорить*)
16. Свет (*затемнять, озарять*)
17. Служебные
 - каузативные (*вызывать* [‘стать причиной’], *подвергать* [обработке])
 - общие глаголы действия (*выполнять, делать, использовать*)
 - фазовые (*возобновлять, завершать, начинать*)
18. Физиология (*выдыхать, глотать*)
19. Физическое воздействие
 - создание физического объекта (*изготавливать, сооружать*)¹
 - уничтожение (*взрывать, истреблять, казнить*)
 - остальные (*асфальтировать, варить*)
20. Остальные (не принадлежащие ни к одному из перечисленных) (*вытеснять, дати-ровать* и др.)

3. 1. Возвратные глаголы

Обратим внимание на то, что диаграммы базы глаголов отличаются по своему устройству от диаграммы базы примеров: в первых двух (потенциальная и реальная присоединяемость *-ся*) содержатся доли семантических классов для **любо**ых возвратных глаголов и для **пассивных** возвратных. Напротив, третья диаграмма, отображающая доли классов по

¹ См. работу [Ріі́он 2007], в которой глаголы создания абстрактной сущности и физического предмета также отнесены к разным семантическим классам.

данным базы примеров, содержит данные для **непассивных** (а не любых возвратных) в противовес **пассивным** глаголам. Эта разница подходов даст возможность взглянуть на результаты с разных сторон, благодаря чему мы сможем сделать ряд интересных наблюдений.

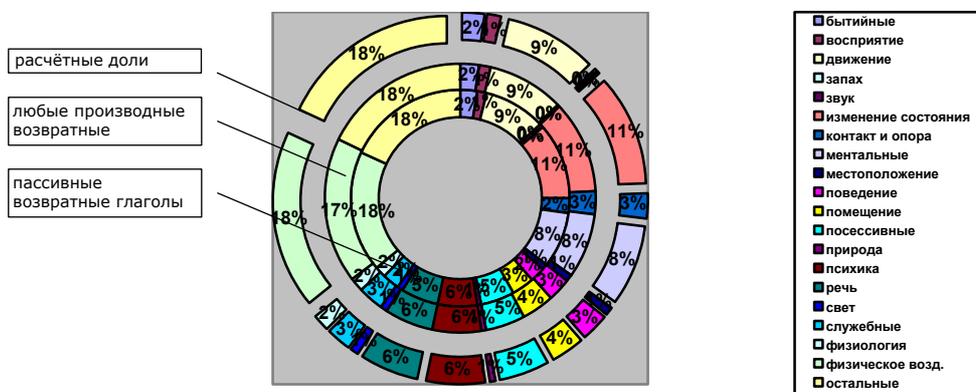

Диаграмма 3-1. База глаголов (потенциально)

Диаграмма потенциального образования возвратного глагола даёт очень показательные результаты, которые едва ли можно предположить для реальной встречаемости: семантический класс оказывается совершенно нерелевантен для типа возвратных глаголов. Доля лексем, способных образовывать не только любой возвратный, но и пассивный возвратный глагол, уменьшается для всех классов одинаково, и вероятность случайного распределения составляет 99,9%. Такой высокой вероятности нам не придётся видеть ни в одном из последующих разделов. Что же для реальной встречаемости, то вероятность случайного распределения остаётся на высоком уровне: 96,7%.

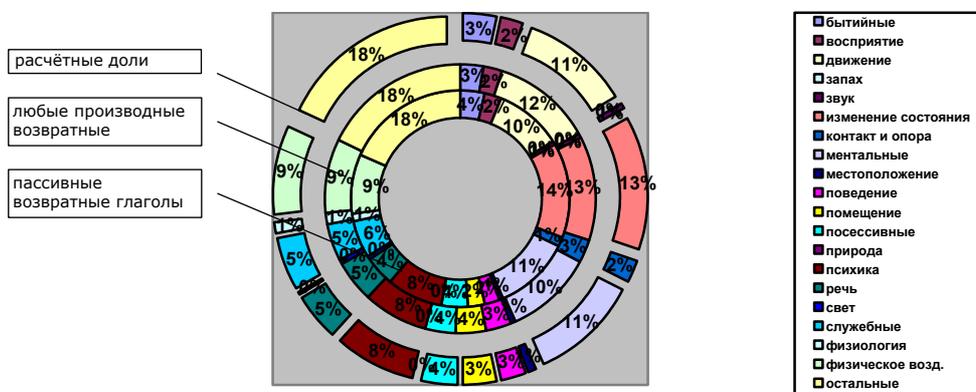

Диаграмма 3-2. База глаголов (реально)

Примечательно, что, если кольцо «любые возвратные глаголы» заменить на «непассивные возвратные», то суть эксперимента не изменится (поскольку в данном случае мы изучаем фактически ту меру, на которую уменьшается количество глаголов каждого класса), но математическая вероятность случайности упадёт до десятых долей процента. Это объясняется малым абсолютным количеством глаголов, которые никогда не могут быть пассивными. Из-за малого их числа любое прибавление на единицу существенно меняет процентную долю каждого класса, что создаёт видимость отсутствия случайности. Впрочем, отсутствие статистической случайности никогда само по себе не подразумевает лингвистическую значимость.

И всё же диаграмма базы примеров показывает совершенно другие результаты. Действительно, как из возможности образовать возвратный глагол не следует то, что этот глагол встретился в корпусе, так и сама по себе реальная встречаемость не отражает пропорции встретившихся примеров. У какого-либо глагола неактивное употребление может быть значительно менее «популярным» пассивного, и наоборот; коэффициент, отражающий количество разных глагольных основ в отношении к количеству примеров, не отражает этой черты употребления глагола. Итак, взглянув на проблему с другой стороны — со стороны реального процента употреблений глаголов в массиве корпуса, получаем следующие результаты:

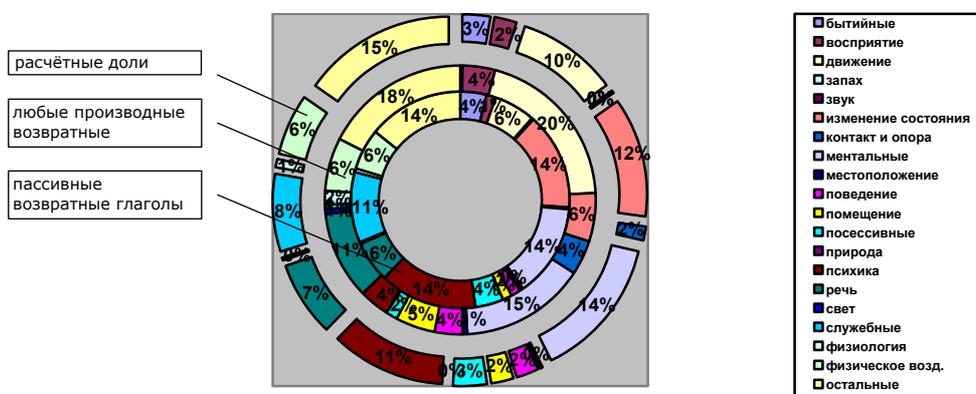

Диаграмма 3-3. Распределение по классам в базе -ся

Семантические классы можно разделить по данным этой диаграммы на три группы: сохраняющие долю независимо от пассивности, преобладающие среди неактивных глаголов и, наоборот, среди пассивных. К классам, доля которых примерно сохраняется, относятся ментальные глаголы и глаголы физического воздействия (этот результат закономерен прежде всего для последних). К классам, которые чаще встречаются в пассиве, нежели в активе, принадлежат бытийные и служебные глаголы, глаголы психики¹ и изменения состояния. Служебные глаголы, если они уже содержат постфикс *-ся*, скорее пассивны, иначе обычно они бы просто не были употреблены. Бытийные возвратные глаголы также сложно представить себе в настоящем рефлексиве или меди в силу того, что в пассивных конструкциях участник, обозначаемый подлежащим, в большинстве случаев не может никаким образом контролировать описываемую ситуацию (ср. глаголы *основать*, *создавать*, *порождать*). Глаголы изменения состояния тяготеют к пассиву, видимо, в силу того, что каузатор изменения часто может оставаться за кадром, что и вызывает употребление пассива. Напротив, возвратные глаголы движения и речи чаще неактивны в силу свойств субъектной семантической валентности.

Как можно видеть, в большинстве случаев именно определённые требования к субъектной валентности являются главным фактором, влияющим на возможную пассивность возвратного глагола. Но что же может определять выбор типа конструкции в рамках собственно пассива?

¹ Впрочем, результат в данном случае зависит от того, как трактовать возвратные глаголы эмоций. Эта проблема всесторонне рассмотрена ниже, в главе 5.

3. 2. Дистрибуция типов пассивных конструкций

по семантическому классу

3. 2. 1. Тип конструкции и семантический класс глагола

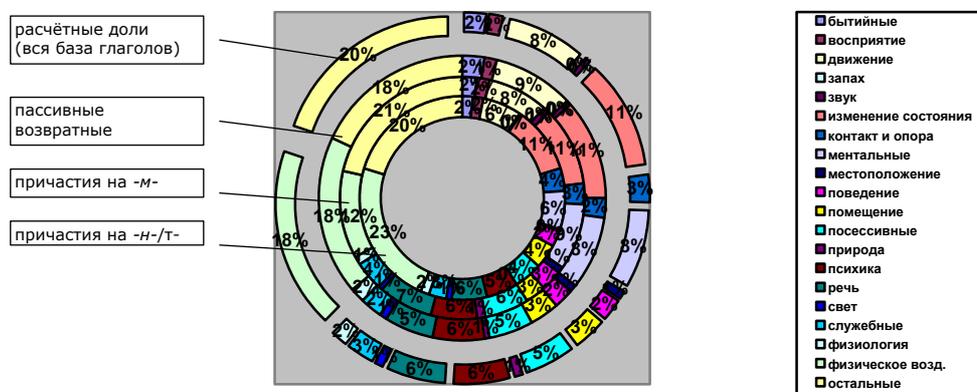

Диаграмма 3-4. База глаголов (потенциально)

Первая из диаграмм демонстрирует относительно равные доли каждого класса (хотя из-за большого количества малочисленных семантических классов математическая вероятность случайного распределения равна 0,01%) за единственным явным исключением: глаголы физического воздействия чаще употребляются в форме причастия на *-н-/т-* (*взорванный, мытый*). Можно сказать, что этот результат соответствует интуитивным предположениям; он также вписывается в теорию, которая будет предложена в главе 6. На диаграмме реальных вхождений по данным базы глаголов различий несколько больше.

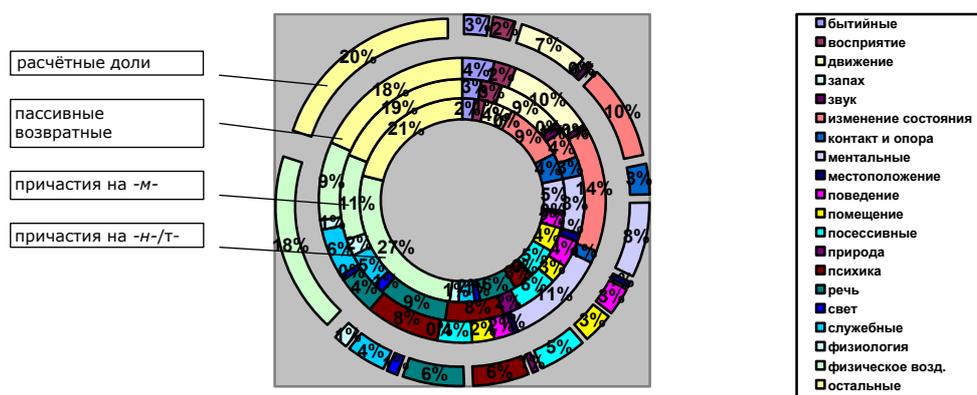

Диаграмма 3-5. База глаголов (реально)

Глаголы физического воздействия вновь доминируют для причастий на *-н-/т-* (их доля даже больше доли глаголов, которые не были отнесены ни к одному из перечисленных

классов); напротив, ментальные глаголы и глаголы изменения состояния в пассиве чаще можно встретить с постфиксом *-ся* (*выясняться/выясниться; занижаться*). В целом различия не так заметны, но из этих наблюдений можно сделать вывод: причастие на *-н/-т-*, в противовес возвратным глаголам, склонно обозначать именно физическое воздействие, то есть именно ярко выраженное прототипическое действие с двумя участниками.

Эти же тенденции видны на диаграмме по базе примеров. К перечисленным классам добавляются глаголы психики и служебные глаголы, предложения с которыми практически отсутствуют в базе причастий на *-н/-т-*; преобладание конструкций с глаголами физического воздействия становится ещё более заметным. Интересно, что класс глаголов речи представлен в основном конструкциями с причастием на *-м-* (*воспеваемый*), для этих причастий также велика доля глаголов психики (*предпочитаемый, обожаемый*). В этом смысле данный тип пассивных предложений ближе к возвратным глаголам, нежели к причастиям на *-н/-т-*. Это, возможно, связано и с близкими видовыми характеристиками этих типов конструкций; впрочем, как мы увидим в других разделах, причастия на *-м-* могут быть ближе и к причастиям на *-н/-т-*. Тем не менее интересна наметившаяся тенденция, которая сохранится и далее: возвратные глаголы и причастия на *-н/-т-* как бы находятся на полюсах некой шкалы (какой именно, станет ясно несколько позже), а третий тип — причастия на *-м-* — между ними. Этим и объясняется, что во многих исследованиях рассматривается только это «полюсное» противопоставление, а причастия на *-м-* оказываются вне поля зрения.

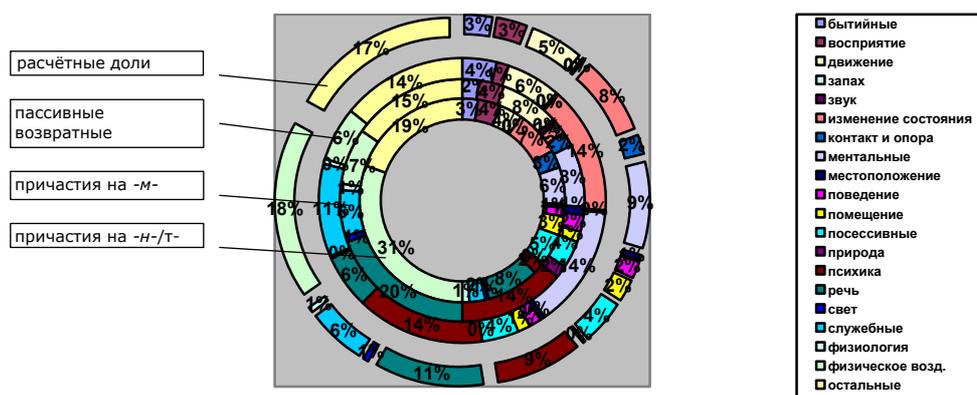

Диаграмма 3-6. База примеров

3. 2. 2. *Возможность образования пассива несколькими способами в зависимости от семантического класса глагола*

Иной аспект возможной дистрибуции по семантическому классу состоит в том, что в зависимости от семантического класса глагольная лексема может образовывать пассив одновременно несколькими способами или только одним. В диаграммах выше это не учитывалось — тем самым, доли семантических классов могли «перекрываться»: возможность образования пассива с помощью возвратного глагола не исключает существования пассивного причастия от той же производящей лексики. В следующих диаграммах перекрытия долей не будет. В качестве результата мы получим данные о большей или меньшей «гибкости» семантических классов: может выясниться, что лексемы, принадлежащие к одному классу, чаще образуют пассив несколькими способами, а принадлежащие к другому классу — представлены в пассиве только одним типом конструкций. Вторая диаграмма даёт такую же характеристику семантическим классам, но по данным базы примеров: будет рассмотрена возможность смены типа конструкции в конкретном предложении в зависимости от семантического класса. Пока же мы обратимся к базе глагольных основ.

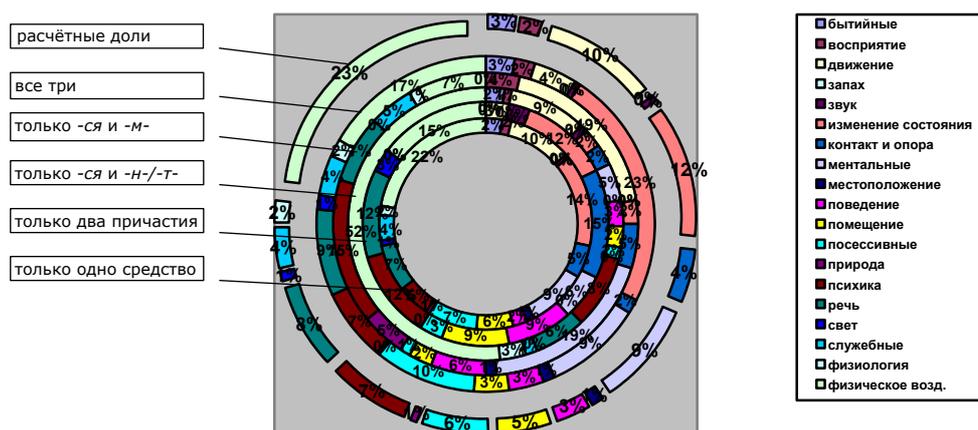

Диаграмма 3-7. База глагольных основ (потенциально)

Далее следует диаграмма базы примеров, иллюстрирующая возможность замены для конструкций с глаголами различных семантических классов; в ней объединены данные всех трёх таблиц базы данных: это означает, что кольцо «замена возможна» отображает деление по семантическим классам глаголов во всех примерах (как с глаголами, так и с причастиями), в которых встретившуюся пассивную форму можно заменить на любую другую. Можно, таким образом, сказать следующая диаграмма является эквивалентом предыдущей, поскольку отражает возможные комбинации, но составлена с использованием базы примеров. Кольцо «замена невозможна» эквивалентна опции «только одно» в первой диаграмме.

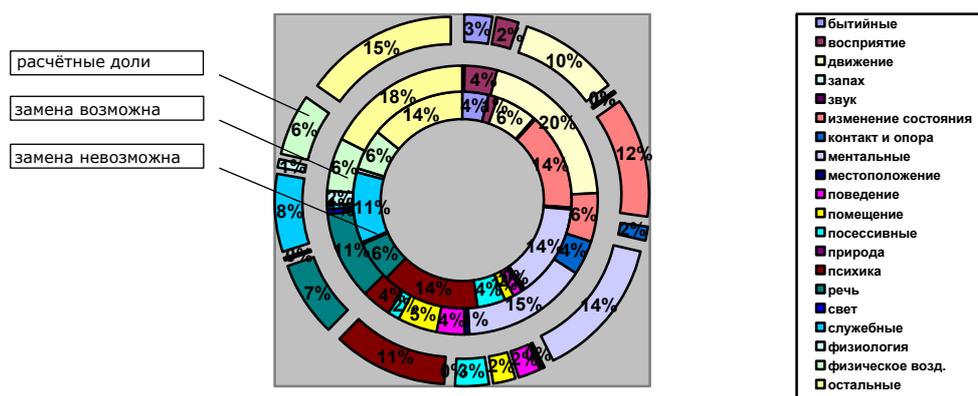

Диаграмма 3-8. Распределение по классам в базе -ся

Первые две диаграммы, демонстрирующие результаты для базы глаголов, показывают нам проблему возможного образования пассива с двух сторон: возможности образования и реальной употребительности. На первой диаграмме представлены возможные варианты,

независимо от того, встретились ли соответствующие пассивные формы в корпусе; в этом смысле она более показательна. Согласно результатам этой диаграммы, глаголы изменения состояния и посессивной сферы наиболее гибки в выборе типа пассивной конструкции (расчётные частоты превышены) и, тем самым, чаще, чем ожидалось, образуют пассив всеми тремя способами (*адаптируется/адаптированный/адаптируемый; арендуется/арендованный/арендуемый*). Особую гибкость этих классов можно объяснить тем, что первый класс представляет собой глаголы достаточно общего значения и, тем самым, не накладывает особенных ограничений на тип пассивной конструкции, а второй класс характеризуется чётким распределением ролей участников, и независимо от типа пассивной конструкции пассивность ясно прослеживается.

Глаголы движения, глаголы ментальной сферы и психики превышают расчётные доли в комбинации «возвратный глагол и причастие на -м-» (*колеблется/колеблемый/*колебленный; подозревается/подозреваемый/*подозренный; почитается/почитаемый/*почитанный*), а глаголы физического воздействия чаще образуют пассив возвратным глаголом и причастием на -н-/-т- (*стричь/стриженный/*стригомый*). Как мы видим, причастие на -н-/-т- снова превышает расчётные доли по глаголам физического воздействия; возвратные глаголы, образованные от этих глаголов, часто имеют спорное декаузативное/квазипассивное значение (*рваный/рваться*). Преобладание ментальных глаголов и глаголов психики также объяснимо; сравнительно большая доля глаголов движения повторится для причастий на -м- ниже, что снова покажет срединное положение презентных причастий (поскольку глаголы движения обозначают более интенсивные ситуации, нежели обозначаемые ментальными глаголами, но менее интенсивные, нежели обозначаемые глаголами физического воздействия).

Одним средством пассив чаще ожидаемого образуют глаголы физического воздействия; как нетрудно догадаться, этим средством окажется причастие на -н-/-т-.

Если же обратиться ко второй диаграмме, дающей глаголам различных семантических классов ту же характеристику, но на материале базы примеров, то её данные вновь отличаются от того, что мы наблюдали ранее. Семантические классы, в целом чаще допускающие смену типа пассивной конструкции — глаголы восприятия, движения и речи, а классы, наоборот, демонстрирующие меньшую гибкость — глаголы изменения состояния, психики; при этом глаголы изменения состояния, как мы помним, в потенции наименее избирательны в средстве образования пассива.

Представляется разумным считать более показательными данные первой диаграммы, поскольку данные второй, очевидно, находятся под влиянием свойств конкретных актантов конкретной конструкции. Впрочем, забегая вперёд, отметим, что влияние характеристик лексемы на образование пассива различными способами в их комбинации по-прежнему будет менее заметным, чем влияние характеристик конкретной словоформы.

Интересно при этом, что при исследовании влияния семантического класса на тип конструкции без обращения к комбинациям мы всё же получили некоторые показательные результаты. Рассмотрим теперь семантические классы глагольных основ, не просто образующих пассив тем или иным способом, а допускающих в пассиве конструкцию **только одного типа** (диаграмма потенциального образования пассива) или имеющих в выборке пассивную конструкцию только одного типа (диаграмма реального образования пассива).

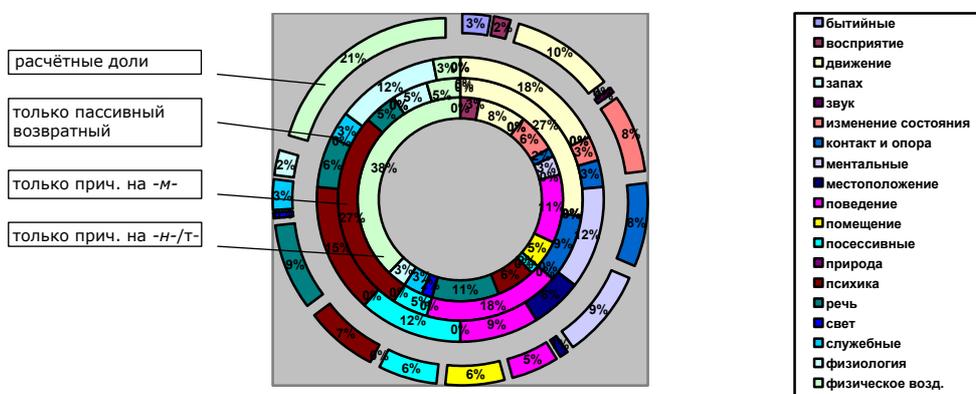

Диаграмма 3-9. База глагольных основ (потенциально)

Снова для причастий на *-н-/-т-* преобладают глаголы физического воздействия (*ушибленный*/**ушибиться* [нет пассивного значения]/**ушибляемый*), а для пассивных возвратных глаголов — глаголы психики (*веселиться*¹/**веселимый*/**веселённый*) и глаголы движения (*сыпаться*²/**сыплемый*[?]*сыпанный*). Глаголы речи на этот раз не превышают расчётных значений для конструкций с причастиями на *-м-*, однако снова выделяется класс глаголов движения (*понукаемый*/**понукается*/**понуканный*), для которых превышение расчётных частот значительно, нежели для пассивного *-ся*, а также более близкий пассивному *-ся* класс глаголов психической сферы (*обожаемый*[?]*обожается*/**обожанный*).

Описываемая тенденция подтвердится и в третий раз, при изучении влияния семантического класса на смену типа пассивной конструкции в конкретном примере. Отобрав только те примеры, в которых замена возможна, мы увидим, что направление замены согласуется с означенными предпочтениями семантических классов.

3. 2. 3. *Возможность смены типа конструкции в зависимости от семантического класса глагола*

Мы изучили данные о возможности образования пассива несколькими способами и общую статистику возможности замены в примерах в зависимости от семантического класса (где сложены все результаты для всех типов конструкций); эти данные ничего не говорят о возможности замены одного конкретного типа конструкции на другой конкретный тип, но демонстрируют большую или меньшую «гибкость» семантических классов в целом (например, может оказаться, что в примерах с бытийными глаголами смена типа конструкции допустима чаще, чем в примерах с глаголами физического воздействия). Теперь мы найдём ответ на вопрос, зависит ли возможность замены пассивной формы в конкретном примере от семантического класса, к которому принадлежит соответствующая лексема.

¹ Вопрос о возможной пассивности глаголов эмоций рассматривается в главе 1 и главе 5.

² Замечания о соотношении декаузатива и пассива см. в главе 1.

На следующей диаграмме такая зависимость чётко прослеживается, причём превышения расчётных частот совпадают с теми, что мы уже могли наблюдать на предыдущих диаграммах, отражавших распределение типов конструкций по семантическому классу: большее число замен возвратных глаголов на причастия для глаголов изменения состояния и ментальных глаголов, превышение для причастий на *-м-* и глаголов движения и речи, причастий на *-н-/-т-* и глаголов физического воздействия.

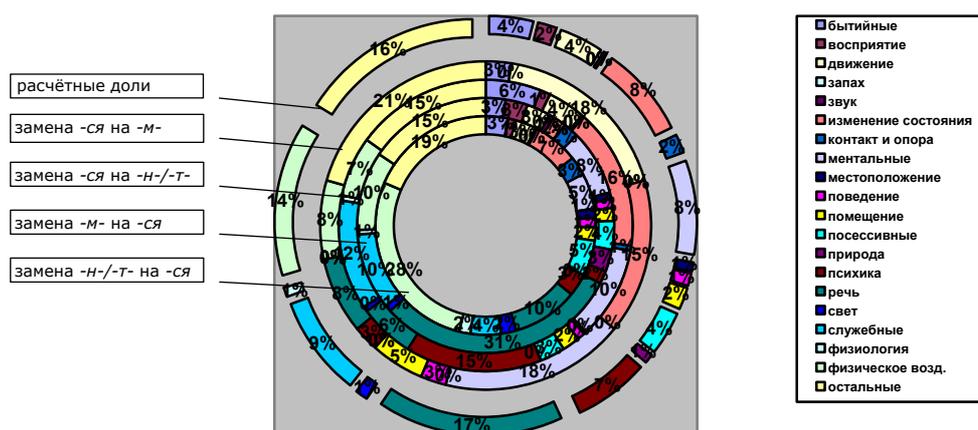

Диаграмма 3-10. Смена типа конструкции и класс глагола

Есть основания полагать, что превышения расчётных частот в данном случае — просто следствие предпочтений каждого типа конструкций. Одно из исключений — служебные возвратные глаголы и глаголы психических состояний, которые чаще заменяются именно на причастие на *-н-/-т-*. Доля служебных глаголов и глаголов эмоций, образующих причастия на *-н-/-т-*, была ниже расчётной (впрочем, известна популярность таких пар, как *огорчился* — *огорчён*, *обиделся* — *обижён* и т. д.).

В целом же сравнение с расчётными частотами может оказаться не настолько показательным, и уместнее сравнивать частоту замены для конкретного класса с общей частотой встречаемости того же класса. Например, интересно сравнить долю глаголов физического воздействия для всех примеров с причастиями на *-н-/-т-* и только для тех, которые допускают замену на возвратный глагол. В связи с тем, что количество семантических классов очень велико, рассмотрим в следующей таблице только некоторые из них: глаголы изменения состояния, ментальные, служебные и эмотивные глаголы для пассива на *-ся*, глаголы речи для причастий на *-м-*, глаголы физического воздействия ~~для~~

лы речи для причастий на *-м-*, глаголы физического воздействия для причастий на *-н-/-т-*.

Общие доли взяты из данных по базе примеров.

Таблица 3-1. Семантический класс и замены (выборочно)

глаголы изменения состояния и пассив на <i>-ся</i>	общая доля	146 (14,2%)
	замена на прич. <i>-м-</i>	6 (15,4%)
	замена на прич. <i>-н-</i>	81 (15,6%)
ментальные глаголы и пассив на <i>-ся</i>	общая доля	142 (13,8%)
	замена на прич. <i>-м-</i>	7 (17,9%)
	замена на прич. <i>-н-</i>	53 (10,2%)
служебные глаголы и пассив на <i>-ся</i>	общая доля	110 (10,7%)
	замена на прич. <i>-м-</i>	0 (0%)
	замена на прич. <i>-н-</i>	64 (12,3%)
глаголы психических состояний и пассив на <i>-ся</i>	общая доля	148 (14,4%)
	замена на прич. <i>-м-</i>	1 (2,6%)
	замена на прич. <i>-н-</i>	77 (14,8%)
глаголы речи и причастия на <i>-м-</i>	общая доля	194 (19,5%)
	замена на <i>-ся</i>	181 (31%)
глаголы физического воздействия и причастия на <i>-н-/-т-</i>	общая доля	526 (30,7%)
	замена на <i>-ся</i>	112 (27,6%)

В случае глаголов изменения состояния и эмотивных глаголов, как мы видим, общие доли и доли возможных замен на причастие (за исключением эмотивных глаголов и воз-

возможности их замены на презентные причастия) практически совпадают. Для ментальных глаголов доля замен *-ся* на *-н-/-т-* ниже общей доли, что объяснимо, поскольку в этом классе причастия на *-н-/-т-* встречаются реже; подобное падение наблюдается и для причастий на *-н-/-т-* от глаголов физического воздействия и их возможной замены возвратным глаголом. Некоторые же результаты не поддаются объяснению: так, относительно общей доли выросла доля заменяемых пассивных форм от глаголов речи для причастий на *-м-* и от служебных глаголов для *-ся*, хотя у «принимающих» типов конструкций эти классы не пользуются популярностью. В области возможных замен такие несовпадения будут время от времени проявляться. Скорее всего, это объясняется тем, что на возможность замены в конкретном предложении влияет большое количество «посторонних» факторов.

3. 4. Выводы

Эта небольшая глава позволяет нам сделать следующий главный вывод: параметр распределения пассивных форм находится не только на этом уровне лексем. Как мы могли наблюдать на диаграммах, представлявших данные базы глаголов, доли семантических классов практически одинаковы для любых возвратных глаголов и для пассивных, и (за несколькими, впрочем, показательными исключениями) не слишком заметно меняются для различных типов пассивных конструкций. Очень интересен тот факт, что различия становятся заметнее при переходе к базе примеров: это означает, что причина может крыться в свойствах актантов конкретного предложения, а не в общих ограничениях на них, накладываемых семантическим классом в целом. Ведь и различия для возвратных глаголов с разными значениями, и для пассивных конструкций разных типов фактически выражаются в свойствах участников, характерных для данного семантического класса глагола; и в то же время мы наблюдаем такой отчётливый сдвиг в распределении от лексем (где оно менее заметно) к конкретным предложениям (где оно более явно). Это может означать, что не сам семантический класс является основанием дистрибуции, а скорее

свойства актантов, характерные для того или иного типа конструкции, могут влечь большую или меньшую употребительность того или иного семантического класса.

В то же время, если взглянуть на проблему с другой стороны, то связь семантического класса с типом конструкции всё же существует, что опять же подчёркивает переход к базе предложений. Если при изучении базы глаголов все лексемы были равноправны (то есть не учитывалось, сколько раз тот или иной глагол встретился в базе примеров, а релевантным был только факт наличия или отсутствия), то в базе примеров мы сталкиваемся с реальной картиной употреблений конструкций каждого типа, отражающей не столько возможность образовать пассив тем или иным способом, сколько большую или меньшую популярность этих типов. Нужно помнить, что и диаграмма возможности присоединения, и диаграмма реальной встречаемости на основе базы глаголов на самом деле обе отображают лишь потенцию образования пассива определённым способом, просто первая из них компенсирует то, что не все глаголы встретились в корпусе. В результате эти диаграммы говорят о том, что на возможность употребления конструкции того или иного типа семантический класс практически не влияет. Напротив, если рассмотреть реальную статистику в реальных пропорциях (что позволяет сделать база примеров), становится ясно, что связь есть. Так, для причастий на *-н-/-т-* доля глаголов физического воздействия значительно выше расчётной, а для возвратных глаголов преобладают служебные и ментальные, а также глаголы изменения состояния, психики. Глаголы речи и движения преимущественно встречаются в форме причастий на *-м-*.

Это весьма показательный результат, который проявится и далее: причастия на *-н-/-т-* тяготеют к обозначению физического, то есть наиболее интенсивного (семантически переходного), действия. Такая повышенная семантическая переходность будет свойственна конструкциям с этими причастиями и далее, в противовес возвратным глаголам. Презентные же причастия будут примыкать то к одному, то к другому типу пассивных конструкций.

Глава 4. Вид и акциональность

4. о. Постановка задачи. Понятия видовой пары, акционального ярлыка и акционального класса, их соотношение.

Акциональные и видовые характеристики глагола пользуются заслуженной популярностью у лингвистов, пытающихся объяснить дистрибуцию русских пассивных форм¹. Обозревая картину русского страдательного залога, сложно не отметить, что между возвратными глаголами и страдательными причастиями есть различия в плане их акциональных и видовых характеристик. Например:

(41) а) Заказанная работа **выполняется** крайне медленно.

б) Заказанная работа **была выполнена** за десять дней.

В примере а) представлен глагол в форме несовершенного вида и обозначающий процесс, а в примере б) — глагол в форме совершенного вида и обозначающий завершённое действие.

На основании подобных примеров многие лингвисты делают вывод о том, что в русском языке имеет место дистрибуция пассивных форм или образующих глаголов по виду или другим акциональным характеристикам. В «Русской грамматике» 1980 г. находим следующие строки: «Категории вида и залога обнаруживают следующие парадигматические связи: страдательный залог (здесь и далее расшифровка сокращений моя. — *Д. К.*), выраженный формами кратких причастий, образуется преимущественно

¹ Примечательна в этой связи работа [Bertinetto & Delfitto 2000], авторы которой призывают последовательно различать вид и акциональность. Отмечается, однако, что русский вид ближе скорее именно к акциональности, нежели исключительно к перфективности (как во французском языке). Иллюстрацией служат примеры, подобные паре (41), в которой форма СВ обозначает завершённое действие, а НСВ — незавершённое. Впрочем, как известно, в русском языке НСВ может употребляться для обозначения завершившихся действий (*Я уже ел*), а СВ — для незавершённых действий (*Я погулял полчаса*: фраза не подразумевает, что действие закончилось).

от глаголов совершенного вида, тогда как страдательный залог, выраженный возвратными глаголами, представлен преимущественно глаголами несовершенного вида» [Русская грамматика 1980, т. II: 643]. Полные причастия в данном случае вынесены за рамки повествования¹. Отметим также, что речь идёт не о виде самих причастий, а именно о виде глагола, их образующего². Далее будет рассмотрен как вид причастия, так и вид образующего глагола, и мы сможем убедиться, что перфективность образующих причастия глаголов не очевидна. То, что большинство самих причастий прошедшего времени (хотя, безусловно, не все!) принадлежат к совершенному виду, сомнений не вызывает, но в то же время пассивные возвратные глаголы весьма часто перфективны, нарушая дистрибуцию с другой стороны.

Тем не менее, описанная точка зрения отстаивается в большом числе работ, как отечественных ([Грамматика русского языка 1970: 352], [Милославский 1978], [Зализняк 1980], [Князев и Недялков 1985], [Пупынин 1991], [Гаврилова 1998], [Буланин 2001], [Смолянинова 2001], [Копосов 2003]³), так и западных ([Unbegaun 1975], [Timberlake 1976], [Aijmer 2002], [Blevins 2003], [Björklund 2003]).

Нельзя также не заметить, что во многих исследованиях не рассматриваются имперфективные причастия на -м- — они зачастую просто исключаются из дистрибуции. Как утверждает М. И. Стрельцова, именно эти два типа причастий изначально были распределены по виду образующего глагола, а появившиеся позже пассивные возвратные глаголы разрушили эту систему [Стрельцова 1978: 214 и далее].

Итак, можно ли говорить о дистрибуции пассивизаторов по виду или акциональности? Прежде чем обратиться к статистическим данным, определим ряд понятий, необходимых для дальнейших рассуждений.

¹ При этом именно краткие причастия являются предметом споров: так, Л. Л. Буланин отстаивает в работе [Буланин 2001] точку зрения, что краткие причастия причастиями не являются.

² Для возвратных глаголов это противопоставление по понятным причинам не имеет значения.

³ Автор также утверждает, что от глаголов НСВ образуются исключительно прилагательные.

Пожалуй, для всей русской аспектологии ключевыми являются понятие **видовой пары** и предшествующий определению пары вопрос **инварианта** совершенного и несовершенного вида. Темой инварианта занимались, в частности, Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв [Зализняк Анна, Шмелёв 2000], А. В. Бондарко [Бондарко 1998б, 2001] М. Я. Гловинская [Гловинская 1989 и 1998], Е. В. Падучева [Падучева 1996], Н. В. Перцов [Перцов 1999, 2001]. На данный момент можно взять на себя смелость утверждать, что некое общее представление об инварианте двух русских видов уже сформировалось, и различие осталось в основном в терминах (то же самое с некоторой натяжкой можно сказать об акциональных классах, о которых речь пойдёт ниже).

Применительно к инварианту совершенного вида, безусловно, идут ещё споры на тему компонентов перфективности (см. на эту тему [Гловинская 1998] и [Плунгян 1998]), но в общем и целом исследователи согласны, что главное значение совершенного вида (СВ) — **событийное**, или **конкретно-фактическое** (термин Анны Зализняк и А. Д. Шмелёва):

(42) Иван **уехал** за границу, **поступил** в университет; через год он **вернётся** и **женится** на Марии. [Зализняк Анна А., Шмелёв 2000: 19]

Главным значением несовершенного вида (НСВ) называется **процессное**, или **актуально-длительное**:

(43) Не мешай, я **работаю**.

(44) Когда я вошёл, жена **накрывала** на стол, а сын **лежал** на диване и **читал** книгу.

[Зализняк Анна А., Шмелёв 2000: 21]

После того, как определены главное и периферийные значения совершенного и несовершенного вида, обычно приступают к определению **видовой пары** — пары глаголов СВ и НСВ. При этом используется критерий Маслова, согласно которому для выявления видовой пары необходимо произвести замену форм СВ на формы НСВ в двух типах искусственных контекстов — *praesens historicum* и итератива:

(45) а) Он **пришёл**, **плюнул** на пол и **ушёл**.

б) Он **приходит**, **плюёт** на пол и **уходит**.

в) Он каждый раз **приходит**, **плюёт** на пол и **уходит**.

В примере выше глаголы *приходить*, *плевать* и *уходить* являются парными к глаголам *прийти*, *плюнуть* и *уйти* соответственно. Напротив, следующий пример иллюстрирует обратное в случае глагола *читать*:

(46) а) Он пришёл, **прочитал** записку и ушёл.

б) Он приходит, **читает** записку и уходит.

Читает в примере б) не означает, что он прочитал записку до конца. Вместо *прочитал* в НСВ следует подставлять *прочитывает*.

Итак, глаголы НСВ являются парными к глаголам СВ (то есть образуют видовую пару) в том случае, если событийное значение СВ сохраняется в том же контексте и у глагола НСВ, то есть глаголы НСВ обозначают такие же цельные события, как и глаголы СВ (как в примере (45)), в то время как в примере (46) глагол *читать* не обозначает цельного события, а только его часть. Однако помимо проявляющегося в вышеописанных контекстах событийного значения, у имперфективного члена видовой пары обычно бывает ещё какое-либо другое значение. По типу этого значения выстраивается **классификация видовых пар**. Классификация, используемая в настоящем исследовании, позаимствована из работы [Зализняк Анна А., Шмелёв 2000] (см. также более раннюю работу Е. В. Падучевой [Падучева 1998в]). Вот перечень типов видовых пар:

- ◆ тривиальные (*находить/найти*);
- ◆ предельные (*строить/построить*);
- ◆ градационные (*стареть/постареть*);
- ◆ перфектные (*понимать/понять*);
- ◆ пролептические (*опаздывать/опоздать*);
- ◆ семельфактивные (*махать/махнуть*);

Тем временем концепция видовых пар не является бесспорной. Она базируется на утверждении, что в инвариантном значении формы СВ и НСВ создают отсылку к одной и той же ситуации. Согласно данному постулату, категория вида изначально обеспечивает только разные «углы обзора», но сама ситуация остаётся неизменной. Теория же акциональных классов вполне признаёт пары типа *читать* — *прочитать* как процесс и завершающее его вхождение в состояние, тем самым ставя это допущение под сомнение. Эта мысль обоснованна: понятно, что если основное значение НСВ процессуальное, то сложно требовать от форм НСВ полного соответствия формам СВ даже в *praesens historicum* или итеративе. Создаётся впечатление, что отчасти этот постулат мог быть создан для удобства и единообразия описания; но на эту тему можно вести дискуссию. По крайней мере, кажется не совсем правомерным разбивать тройки типа *читать* — *прочитать* — *прочитывать*.

Отметим также, что концепция видовой пары, предполагающая взаимозаменяемость форм СВ и НСВ, базируется на такой теоретической установке, как словоизменительность вида. Вид признаётся словоизменительной категорией и потому появляется требование к граммемам этой категории. Это накладывает свой отпечаток как на поиск инварианта, так и на понятие видовой пары. Тем временем, вид, как и залог, относится к «сложным случаям» русской глагольной морфологии, и вопрос о том, какой же категорией является вид — словоизменительной или словообразовательной — до конца решённым считать нельзя.

Вопрос о правомочности использования понятия видовой пары — во многом вопрос терминологический, хотя с ним надо быть особенно осторожным в той его части, которая касается онтологии видового противопоставления. В любом случае, представляется неприемлемым оставлять те же «лишние» члены видовых троек (как *читать* в случае выше), не отметив, что они имеют некое отношение к оставшимся двум «парным» глаголам.

По этой и многим другим причинам более предпочтительным для нашего исследования будет приписывать акциональные классы; в результате, например, глагол *читать*, который формально должен быть объявлен непарным, в своём основном значении получит класс предельного глагола. Рассмотрим понятия акционального ярлыка и акционального класса, а затем обоснуем предпочтительность использования понятия акционального класса для нашего исследования.

Понятия **акционального ярлыка** и **акционального класса** восходит к известным исследованиям Зено Вендлера о типах ситуаций, обозначаемых глаголом. Далее эту тему применительно к русским глаголам развивали многие отечественные лингвисты, в числе которых Е. В. Падучева (понятие Т-категории, см. классификацию в [Падучева 1998в]), Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв, среди западных теорий наиболее известна классификация глаголов в рамках референциально-ролевой грамматики ([Foley & van Valin 1984], [van Valin, в публикации]). Существуют и типологические работы на эту тему, одна из которых и послужила источником предлагаемой в диссертации терминологии — это работа С. Г. Татевосова [Татевосов 2005]. Причин тому, что за основу был взят именно этот анализ, несколько. Во-первых, на данный момент это одна из самых новых работ на тему классификации глаголов по типу обозначаемой ситуации. Во-вторых, это типологическая работа, и предпочтительно использовать классификацию, подтверждённую данными многих языков — точно так же и определение пассива было позаимствовано из типологической работы К. И. Казенина. Наконец, новшеством стало введение понятия **акционального ярлыка**, элемента более низкого уровня, чем акциональный класс. Это позволило проводить статистическое исследование с большей степенью подробности и выявить интересные свойства пассивизаторов.

Как известно, в области приписывания классов по типу обозначаемой ситуации всегда существовала дилемма: чему следует приписывать какие-либо классы? Словоформам, лексемам, предложениям? Предлагается приписывать классы так называемым

глагольным основам (это понятие объединит в себе, например, лексемы *есть* и *съесть*), а определять эти классы через акциональные ярлыки: на уровне словоформ имперфективной (презенс) и перфективной (претерит) словоформам одной глагольной основы приписывается по ярлыку. Пара ярлыков и определит акциональный класс. Всего акциональных ярлыков пять, первые два из которых неопредельные, вторые два — предельные; последний ярлык занимает особое место.

1. Состояние
2. Процесс
3. Вхождение в состояние
4. Вхождение в процесс
5. Мультипликативный процесс: состоит из выделимых квантов, но воспринимающийся как единое целое (*кашлянуть* — *кашлять* — *покашлять*). Мультипликативность, в отличие от итеративности, является лексическим свойством, так как сохраняется у всех словоформ.

Различение **состояний** и **процессов** — известная проблема аспектологии. Вот какие свойства, позволяющие разделить процесс и состояние, упоминает С. Г. Татевосов:

- ♦ у состояний есть свойство подынтервала (если некто сидел в кресле с двух до пяти, до и с трёх до четырёх он тоже сидел в кресле);
- ♦ состояния обладают свойством аддитивности (если ситуация *стоять* применима к Васе и применима к Пете, то *Петя и Вася стоят*) и подразделимости (любая часть «стояния» описывается глаголом *стоять*);
- ♦ аргументы статальных предикатов неагентивны;
- ♦ процессы аддитивны, но не подразделимы строго (если рассмотреть ситуацию *Он ходил по комнате*, то один квант этого процесса — один шаг — нельзя описать фразой *Он ходил*);

- ♦ для подразделимых процессов можно использовать иной тест: при «остановке времени» состояния всё ещё можно определить, а процесс — уже невозможно (*спать vs. двигаться*)

Существуют также сложности на границе других акциональных ярлыков — прежде всего, ярлыков «состояние» и «вхождение в состояние». Это противопоставление мы рассмотрим непосредственно в процессе анализа статистических данных.

На основе пар акциональных ярлыков, как было уже сказано, выделяются акциональные классы. Формально их можно различить, используя широко известные тесты с различными обстоятельствами времени (эти тесты, надо признать, не всегда работают — см. [Piñón 1999] и [Engelberg 2002]). В русском языке из десяти описанных в работе [Татевосов 2005] классов представлены следующие (первое обозначение — для ярлыка претерита, второе — для ярлыка презенса):

Таблица 4-1. Акциональные классы

Класс	Пара акциональных ярлыков	Пример
Сильные предельные	<{Вхождение в состояние}, {Процесс}>	<i>наполнять</i> — <i>наполнить</i>
Сильные инцептивно-стативные	<{Вхождение в состояние}, {Состояние}>	<i>видеть</i> — <i>увидеть</i>
Непредельные	<{Процесс}, {Процесс}>	<i>гулять</i>
Стативные	<{Состояние}, {Состояние}>	<i>обуславливать</i> — <i>обусловить</i>
Пунктивные	<{Вхождение в состояние}, {—} ¹ >	<i>взрывать</i> — <i>взорвать</i>

¹ Имперфективная форма может употребляться только в *praesens historicum*, хабиутуальном, итеративном и других значениях (не может употребляться в основном значении несовершенного вида).

Класс	Пара акциональных ярлыков	Пример
Мультипликативные	<{Вхождение в состояние, Мультипликативный процесс}, {Мультипликативный процесс}>	<i>кашлять — кашля- нуть</i>
Ингрессивно-непредельные	<{вхождение в процесс, процесс}, {процесс}>	<i>заниматься (чем) — заняться</i>

Когда основные понятия определены, мы можем обратиться к статистике и, используя данные базы русского пассива, изучить соотношение акционального класса и видовой пары; результаты ещё раз объяснят выбор в пользу использования именно понятия акционального класса в нашем исследовании.

Итак, посмотрим на то, как соотносятся между собой акциональные классы и типы видовой пары. Анализ проводился следующим способом: подсчитывалось количество основ, принадлежащих к тому или иному акциональному классу (или ни к какому) и одновременно к той или иной видовой паре (или ни к какой). Вот какие комбинации встретились в процессе обработки корпуса в базе глагольных основ:

Таблица 4-2. Акциональные классы и видовые пары

Акциональный класс	Тип видовой пары	Кол-во	Пример	Примечание
Стативный	Нет	71	<i>знать</i>	Обычный случай непарного глагола

Акциональный класс	Тип видовой пары	Кол-во	Пример	Примечание
Стативный	Неясно	26	<i>обусловливать</i>	Парные стативные глаголы не укладываются в концепцию видовых пар Анны Зализняк
	Перфектная	1	<i>накладывать (отпечаток)</i>	Глагол составляет нечто вроде супплетивной пары (<i>наложить</i>), отсюда такая комбинация
Сильный предельный	Нет	27	<i>клеить</i>	Непарные глаголы, по семантике предельные
	Неясно	2	<i>договаривать(ся)</i>	Нетипичные случаи
	Предельная	355	<i>брить</i>	Логичное соответствие
Сильный инцептивно-стативный	Нет	2	<i>возлюбить</i>	Непарный глагол
	Неясно	1	<i>регламентировать</i>	Сомнения насчёт существования видовой пары

Акциональный класс	Тип видовой пары	Кол-во	Пример	Примечание
Сильный инцептивно-стативный	Перфектная	129	<i>арендовать</i>	Логичное соответствие
Пунктивный	Нет	35	<i>повалить</i>	Исключительно непарные глаголы
	Неясно	1	<i>рекомендовать</i>	Пограничный со стативностью случай
	Тривиальная	440	<i>арестовывать</i>	Логичное соответствие
Непредельный	Нет	115	<i>везти</i>	Обычный случай непарного глагола
	Неясно	11	<i>унижать</i>	Не все парные непредельные глаголы образуют градационные пары
	Градационная	141	<i>видоизменять</i>	Логичное соответствие
Мультипликативный	Нет	5	<i>штамповать</i>	Исключительно непарные глаголы

Акциональный класс	Тип видовой пары	Кол-во	Пример	Примечание
Мультипликативный	Семельфактивная	12	<i>шевелить</i>	Логичное соответствие
(Совершаемость)	Нет	18	<i>зашатать</i>	Непарные глаголы в различных совершаемостях
Неясно	Пролептическая	5	<i>настаивать</i> (<i>делать настой</i>)	Несоответствие
Ингрессивно-непредельный	Неясно	16	<i>напрягать</i>	Несоответствие

Как можно видеть, наблюдается три типа соответствий между акциональными классами и видовыми парами:

1. **Соответствие:** в подавляющем большинстве случаев акциональному классу соответствует тип видовой пары:

- ♦ сильный предельный — предельная
- ♦ сильный инцептивно-стативный — перфектная
- ♦ пунктивный — тривиальная
- ♦ непредельный — градационная

Из этого соответствия, однако, есть исключения, которые и образуют пункт «Неясно» в графе «Видовая пара» у стативных и непредельных глаголов (для других акциональных классов в эту графу попало несколько сложных или пограничных случаев). Эти исключения объясняются тем, что в концепции видо-

вых пар не предполагается наличие парных стативных глаголов, а парные не-предельные глаголы не всегда укладываются в тип градационной пары.

Ещё одно несоответствие наблюдается в двух последних строках таблицы, где акциональному классу ингрессивно-непредельных глаголов нет соответствия в типах видовых пар (а тем временем, не каждый случай начинательной семантики глагола СВ объясняется начинательной совершаемостью, и нового типа действительно не хватает), а пролептическим видовым парам нет соответствия среди акциональных классов. Что касается последнего случая, то можно высказать сомнение насчёт существования пролептических пар: по справедливому замечанию С. Г. Татевосова, небесспорно, что глагол *опаздывать* с результатом *опоздать* обозначает в НСВ состояние, поскольку ситуация явно не является статичной: объект постепенно всё больше приближается к результату — *опоздать*, что для состояний нехарактерно. Поэтому эти глаголы вполне можно назвать сильными предельными, хотя для того, чтобы показать контраст, мы сейчас этого не сделали.

2. **Отсутствие видовой пары.** Этот случай (значение «Нет» в графе «Видовая пара») наблюдается для непарных глаголов. Реальное отсутствие видовой пары наблюдается не настолько часто, насколько можно было бы думать: часто наблюдается либо участие глагола в слишком большом количестве видовых пар (*радовать* — *обрадовать/порадовать*), и от невозможности выбрать глагол оказывается непарным; глагол также может оказаться членом тройки (об этом говорилось выше). Если же глагол действительно непарный по своей семантике, то есть не предполагает обязательной пары по свойствам ситуации, то это фиксируется различием в акциональном классе. Например, для глагола *писать* предполагается завершение процесса, когда текст *написан*, а для глагола *гулять* за-

вершения процесса не предполагается, его можно прекратить, но не привести к логическому завершению. Такой глагол попадёт в разряд непредельных.

Этим рассуждением мы хотели показать, что с помощью акциональных классов можно получить наиболее полное описание свойств обозначаемой глаголом ситуации, подчеркнуть важные различия в семантике глагола. Классификация по видовым парам в данном случае представляется излишне формальной, и очень часто словоформу нельзя отнести к видовой паре только потому, что непонятно, к какой из возможных пар следует присоединить глагол. То, что глагол, тем не менее, имеет определённую «акциональную окраску», остаётся вне поля зрения.

Исходя из всего сказанного выше, за основу для исследования пассивизаторов была взята классификация акциональных классов. Теперь же мы можем перейти к рассмотрению результатов статистического исследования, чтобы выяснить, какова роль категорий вида и акционального класса (а также акционального ярлыка) в распределении средств образования пассива. В том числе предполагается проверить предлагавшиеся в литературе гипотезы распределения русских пассивных форм по признаку вида и/или акциональности.

4. 1. Вид

4. 1. 1. Категория вида в образовании и употреблении пассивизаторов

Прежде чем мы дадим ответ на вопрос, существует ли распределение пассивизаторов по виду, рассмотрим ряд более частных вопросов, касающихся каждого средства образования страдательного залога в отдельности.

Возвратные глаголы

Применительно к постфиксу *-ся* основным предметом споров является возможность образования совершенного вида от возвратных глаголов в пассиве. Как уже было

сказано, многие лингвисты придерживаются той точки зрения, что в подавляющем большинстве случаев совершенного вида у глаголов на *-ся* с пассивным значением не существует, и проблема поиска основания дистрибуции пассивных форм оказывается решена: все имперфективные пассивные формы образуются с помощью постфикса *-ся*, все перфективные — с помощью страдательных причастий. Так называемый возвратный перфективный пассив (ВПП) защищает в своей работе Н. В. Перцов [Перцов 2003]. В помощь себе автор привлекает принцип разграничения грамматических и синтаксических факторов в определении приемлемости высказываний: высказывание может быть грамматично, но не употребляться из-за неприемлемого сочетания значений или стилистической окраски. Подобные высказывания с точки зрения грамматики всё равно надо считать допустимыми. В том числе и за счёт этого соображения происходит «реабилитация» ВПП. Автор утверждает, что ВПП успешно занимает свою нишу в наборе средств выражения пассива, поскольку финитная пассивная форма, в отличие от аналитической (причастной) создаёт акцент на процесс, на **акциональное**, в противоположность **статальному**, значение. Об этом противопоставлении мы поговорим позже, в разделе, посвящённом акциональности. О возвратных глаголах СВ можно найти упоминание и в более ранних работах; так, У. Харрисон даже предлагает семантическую классификацию пассивных возвратных глаголов СВ [Harrison 1967: 17 — 20].

Статистика корпуса, приведённая в данном исследовании, показывает: возвратный перфективный пассив существует, хотя его доля, безусловно, колеблется в зависимости от понимания пассива (см. рассуждения в главе 1).

Чтобы демонстрируемые данные были более показательными, мы каждый раз будем сравнивать результаты распределения по определённому признаку в какой-то группе с результатами для всей базы глаголов. Например, распределение по виду среди возвратных глаголов будет сравниваться с распределением по виду среди всех глаголов в базе. Мы имеем все основания утверждать, что в русском языке все переходные гла-

голы образуют пассив хотя бы одним из возможных способов (см. дискуссию об обязательности категории залога во вводном разделе). Это значит, что выборка глаголов, представленная в базе, вполне репрезентативна и отражает тенденции всех переходных глаголов русского языка (с поправкой исключительно на их сравнительно небольшое, около полутора тысяч, количество). Безусловно, нельзя без статистического тому подтверждения заявлять, что все переходные глаголы русского языка распределены по виду так же, как и непереходные и, соответственно, как и все глаголы, вместе взятые, но некое сравнение с более высоким уровнем мы всё же получаем. Поэтому мы вполне можем сопоставлять результаты для частных выборок с результатами для общей выборки и делать из этого сопоставления соответствующие выводы. Итак, на приведённых ниже кольцевых диаграммах внешнее (разорванное) кольцо будет отображать распределение по тому или иному признаку для всех глаголов в базе, а внутреннее — для заданного подмножества глаголов.

В диаграмме ниже между внутренним и внешним присутствует ещё одно кольцо статистики для неактивных и пассивных возвратных глаголов вместе. Таким образом, внешнее кольцо демонстрирует результаты для всей базы, среднее — для всех возвратных глаголов (кроме тех возвратных глаголов, которые не образованы ни от какого исходного глагола¹), внутреннее — для пассивных возвратных глаголов.

На первой диаграмме представлена картина для базы примеров с возвратными глаголами, на последующих двух — для базы глаголов. Разница понятна: если одна лексема встретилась в базе много раз, а какая-либо другая лексема — только один, то картина на диаграммах будет разная. Мы увидим, будет ли различие настолько сильным. Внешнее кольцо всех диаграмм взято из результатов по базе глаголов.

¹ Здесь и далее: если в статистических данных помимо пассивных возвратных глаголов рассматриваются неактивные, имеются в виду только те неактивные возвратные глаголы, которые образованы от исходных невозвратных глаголов. Производные глаголы, за исключением особо оговоренных случаев, не рассматриваются.

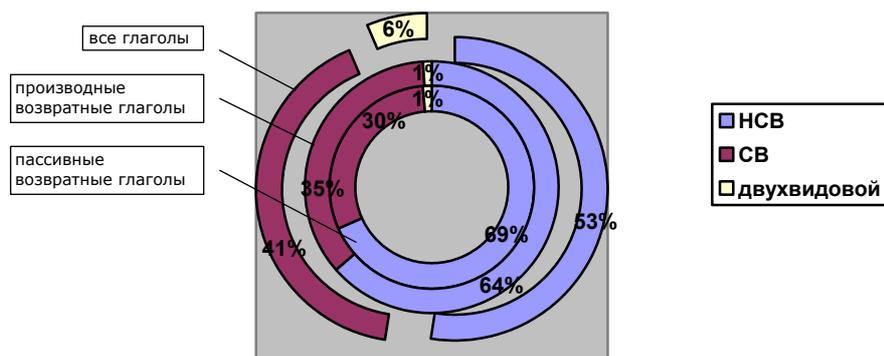

Диаграмма 4-1. Распределение по виду в базе -ся

На следующей диаграмме представлены данные по базе глаголов: внешнее кольцо по-прежнему отражает ситуацию для всех глаголов, среднее — для глаголов, **потенциально присоединяющих -ся** (то есть необязательно, чтобы соответствующий глагол на -ся встретился в корпусе), внутреннее — для глаголов, потенциально присоединяющих пассивное -ся.

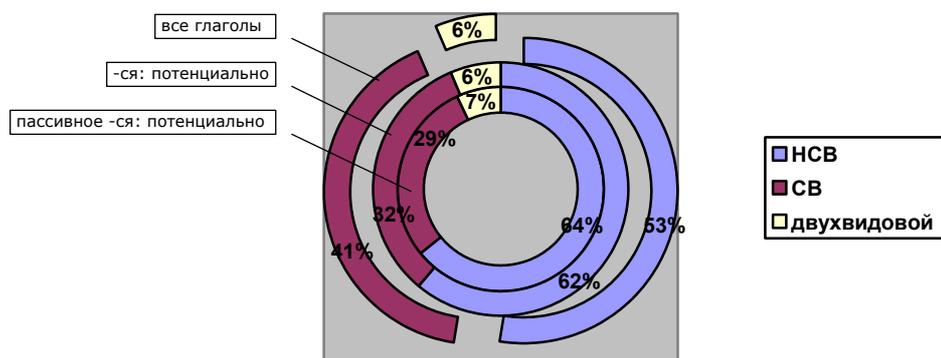

Диаграмма 4-2. Распределение глаголов (потенциально)

Наконец, последняя диаграмма из трёх демонстрирует результаты по тем же параметрам, с той поправкой, что речь идёт о **фактической встречаемости**, то есть не просто о возможности присоединить -ся, а о реальном факте наличия в корпусе примера с возвратным глаголом, образованным от данного.

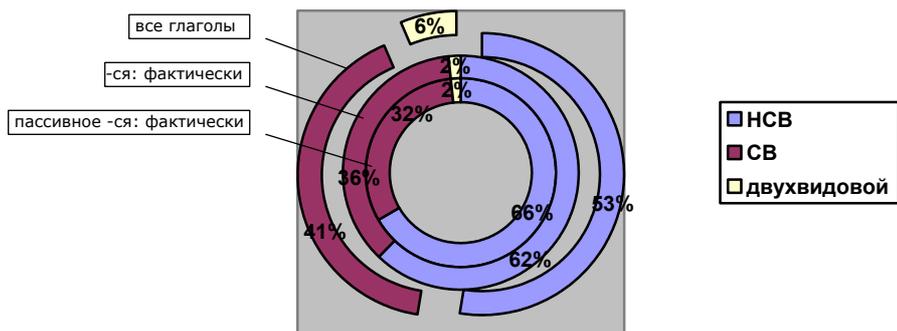

Диаграмма 4-3. Распределение глаголов (реально)

Прежде чем обсудить эти результаты, посмотрим для наглядности на сводную диаграмму по пассивному *-ся*. Внешнее кольцо соответствует возможному присоединению пассивного *-ся* к глаголу (как наиболее общей выборке), среднее — фактическому, внутреннее — данным по базе постфикса *-ся*.

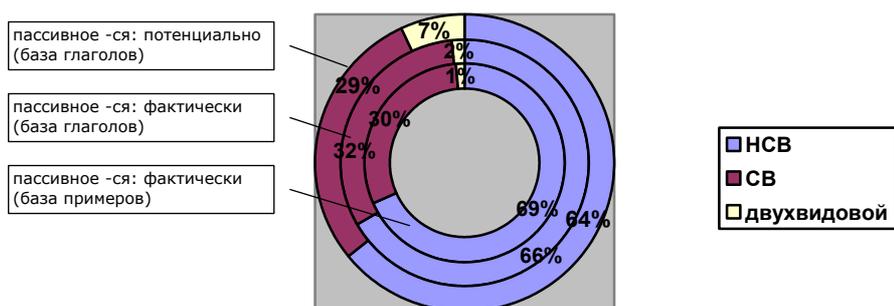

Диаграмма 4-4. Пассивный *-ся*

Заметен любопытный эффект: на диаграмме фактической присоединяемости *-ся* доля глаголов СВ больше, чем на диаграмме потенциальной присоединяемости. Сами абсолютные количественные показатели при переходе от внешнего кольца к среднему уменьшились примерно в два раза (как мы помним из общих диаграмм в разделе общих статистик), но доля глаголов СВ возросла. Мы вновь убеждаемся, что противопоставление потенциального и фактического образования возвратного глагола неоднозначно: первая характеристика подчас даёт более точную статистику, вторая опирается исключительно на имеющийся корпусный материал.

Что же касается существа вопроса, то можно наблюдать, что доля глаголов совершенного вида среди всех глаголов велика: ни на одной диаграмме она не опускается

ниже 29%. Доля глаголов СВ вообще в базе, безусловно, выше (41%), но уровень тридцати процентов глаголов совершенного вида сохраняется и для пассивного *-ся*. Безусловно, нельзя не заметить, что именно у выборки глаголов и примеров с пассивным *-ся* самая небольшая доля совершенного вида из всех выборок; но доля возвратного перфективного пассива весьма значительна — как в потенции, так и в реальности (причём процентная доля в реальности — по статистике базы примеров — даже выше, чем доля потенциального ВПП по базе глаголов, как мы заметили).

По всей видимости, на то, что доля пассивных возвратных глаголов СВ так велика, повлияло выбранное нами определение пассива. Как мы уже могли видеть, это определение расширяет по сравнению с традиционной точкой зрения круг глаголов, которые можно назвать пассивными, как результат — большее количество глаголов совершенного вида, которые мы считаем пассивными. Здесь и далее этот подход сыграл свою роль в том, что наличие дополнительной дистрибуции по виду опровергается статистическими данными (хотя в виде тенденции дистрибуция, безусловно, сохраняется). Как было отмечено в главе 1, предлагаемое исследование можно считать всего лишь экспериментом по применению типологических установок к материалу русского языка; в то же время принятое определение, как было сказано, не противоречит принятым в русистике определениям, и тогда полученные данные могут оказаться всего лишь результатом последовательного применения определения к языковому материалу. Если же считать пассивными только те примеры, в которых присутствует агентивное дополнение в творительном падеже, то доля ВПП резко упадёт, но тем не менее, как показывает статистический анализ, останется на уровне около 15%¹. Вот один из примеров на ВПП с творительным падежом агентивного дополнения:

¹ При этом, как будет показано уже за рамками этого раздела, есть основания утверждать, что агентивное дополнение может выражаться не только творительным падежом.

(47) Впервые перешагнут вузовский порог 654 тысячи юношей и девушек — столько же, как и в прошлом году. **Кем пополнилась** студенческая семья? (*Право выбирать и лекции и ректора. «Известия», 88-08-29. НКРЯ*)

Даже при подобном подходе, суживающем до предела рамки пассива, мы находим примеры ВПП. Если же учесть и другие способы выражения агентивного дополнения (более подробно об этом — в главе 5), мы наблюдаем следующие результаты фактической встречаемости по базе примеров (данные внешнего кольца уже были приведены выше и присутствуют для сравнения):

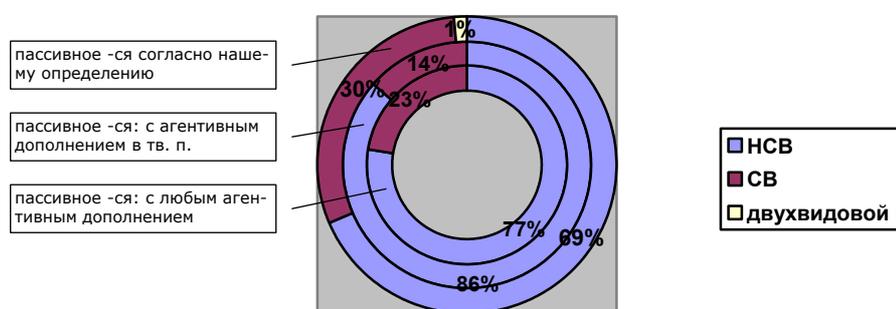

Диаграмма 4-5. Пассивный -ся и агентивное дополнение

Результаты, пожалуй, говорят сами за себя: существование возвратного перфективного пассива приходится признать при любом понимании пассива.

Страдательные причастия на -м-

То, что в этом разделе упоминаются страдательные причастия настоящего времени, может быть неожиданным, ведь согласно грамматике русского языка [Русская грамматика 1980: 667, 668] все причастия на -м- образуются только от глаголов несовершенного вида (та же точка зрения отражена в работе [Harrison 1967]). Однако в корпусе встретились примеры образования страдательных причастий на -м- от глаголов СВ. Из 993 примеров базы причастий на -м- таких случаев зафиксировано четыре¹:

¹ Как было сказано в главе 1, такие слова как *осуществимый, приложимый, оцутимый* часто считаются не причастиями, а отглагольными прилагательными. Там же приведены аргументы (теоретические и «практические») в пользу того, чтобы не исключать эти слова из рассмотрения в качестве причастий.

- (48) Соколова утвердили заведующим вновь **организуемой** лаборатории. (*Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*)
- (49) Тема, как известно, **неисчерпаемая**. (*Сергей Довлатов. Переводные картинки (1990). НКРЯ*)
- (50) Их гудение, звон, рёв делали **ощутимой**, осязаемой многоэтажную высоту облачного слепого неба. (*Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*)
- (51) Да, эта система не была, очевидно, **приложима** к моей пьесе, а пожалуй, была и вредна ей. (*Михаил Булгаков. Театральный роман (1936–1937). НКРЯ*)

Рассмотрим каждый случай в отдельности, поскольку помимо некоторых общих черт, которые мы установим, существуют и индивидуальные причины для каждого из примеров, по которым причастие можно считать образованным от глагола совершенного вида.

Глагол *организовать* (пример (48)) был в норме русского языка двухвидовым (по данным словарей), теперь ситуация наблюдается двойственная: личные формы могут принадлежать к обоим видам (*Я всегда у них организую вечеринки vs. Я вам завтра организую шикарную встречу*), а инфинитивы «разошлись» — появилась новая форма НСВ *организовывать* и даже новое причастие *организовываемый*. Для НСВ существует (хотя употребляется редко) и форма *организовываю*. Поэтому причастие *организуемый* сложно отнести к причастиям, образованным от глагола НСВ; но это скорее некоторое «стечение обстоятельств» для данного глагола.

В примере (49) мы наблюдаем по-своему уникальный случай: причастие *неисчерпаемый* возможно только при присоединённом отрицании. В утвердительной форме употребляется только причастие *исчерпываемый*, образованное от глагола НСВ. Появление отрицания действительно часто влияет на акциональные свойства глагола, как мы увидим позже. Однако причина не только в наличии отрицания. Примеры (50) и (51) объединяет с предыдущим примером то, что действие как таковое в них отсутству-

ет и отображается лишь потенция действия. Поэтому *организуемый*, единственное причастие в корпусе, обозначающее происходящее действие, становится исключением. Наше предположение подтверждается парами типа *осуществляемый* — *осуществимый*, где первое причастие, образованное от глагола НСВ, обозначает совершающееся действие, а второе, образованное от глагола СВ,— потенциальное действие. Согласно «Русской грамматике», «когда причастие представляет действие как признак, свойство, в его отвлечении от временной приуроченности, создаются условия для развития у причастий адъективных значений» [Русская грамматика 1980, т. II: 666]. Для страдательных причастий настоящего времени постулируется значение «способный подвергаться действию» [там же]. При этом в описанном случае причастие с таким значением образуется от основы СВ.

В базе причастий это явление встречается, как мы могли убедиться, крайне редко; но посмотрим на диаграмму распределения по видам глаголов, которые в принципе могут присоединять причастие на -м-. Как и на предыдущих диаграммах, на первой диаграмме ниже внутреннее кольцо потенциальной присоединяемости сопровождается внешним разрывным кольцом распределения по видам всех глаголов глагольной базы.

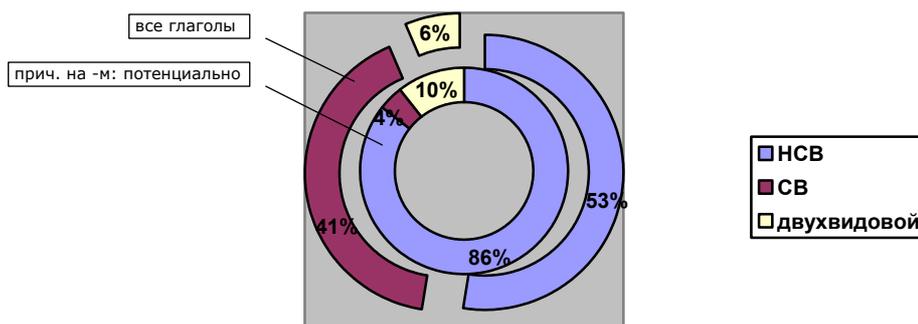

Диаграмма 4-6. Вид глаголов, образующих причастие на -м (потенциально)

Следом представлена диаграмма с внешним кольцом фактической присоединяемости по базе глаголов и внутренним кольцом, отображающим данные по базе причастий на -м-.

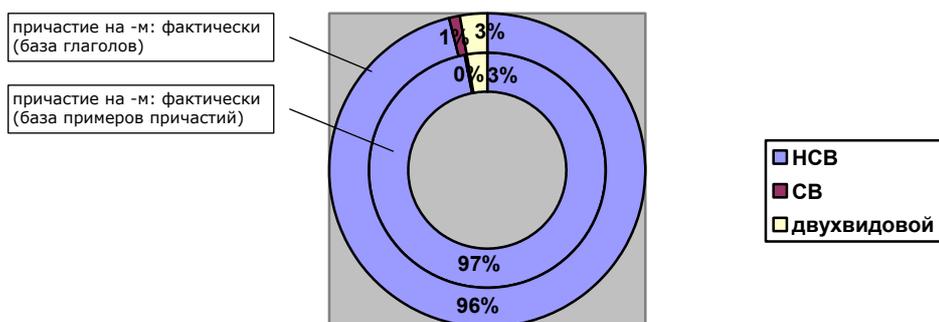

Диаграмма 4-7. Вид глаголов, образующих причастие на -м (реально)

Можно видеть, что глаголы НСВ преобладают, и это не удивляет нас. На последней из двух диаграмм четыре глагола СВ составляют 1% и 0%. Но всё же при этом в 4% случаев на первой диаграмме (а это тридцать глаголов) мы имеем дело с глаголами СВ, которые образуют причастия на -м-. Это случаи двух описанных типов: глаголы на -овать с НСВ на -овывать (как в примере (48)) и потенциальные причастия (как в примерах (49) — (51)).

Страдательные причастия на -н-/-т-

В этом подразделе мы рассмотрим два основных вопроса, касающихся соотношения употребления страдательных причастий прошедшего времени и категории вида. С одной стороны, нам будет интересно распределение самих причастий по виду; с другой стороны, любопытно посмотреть на то, как распределены по виду сами глаголы, образующие причастие на -н-/-т-. В этом особенность данных причастий, поскольку, например, для возвратных глаголов по понятной причине такой дихотомии не существует.

Первый вопрос содержит более простой мотив, нежели второй: нам всего лишь нужно проверить, действительно ли причастия, принадлежащие к НСВ, малочисленны, ведь в литературе первенство всегда отдаётся именно совершенному виду как отражению главной функции причастия: фиксации состояния или результата действия. Логично тогда предположить, что причастия на -н-/-т- несовершенного вида должны быть явлением относительно маргинальным.

Внешнее кольцо диаграммы снова указывает на распределение по виду глаголов всей глагольной базы. В данном случае, поскольку речь идёт о данных базы причастий, сравнение будет не настолько показательным, но лишним оно не будет.

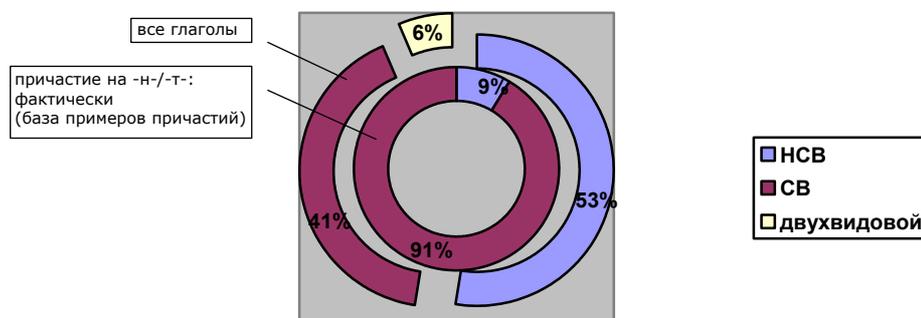

Диаграмма 4-8. Вид страдательных причастий на -н/-т-: база причастий

Следующая диаграмма возвращает нас к базе глаголов, но мы, напомним, по-прежнему исследуем вид причастия, а не самого глагола. Каждая запись базы глаголов охарактеризована по признаку вида причастия на -н/-т- (если причастие вообще образуется). Некоторые глаголы могут образовывать причастия как совершенного, так и несовершенного видов. На следующей диаграмме приведена статистика: внешнее кольцо — для глаголов, потенциально образующих причастие на -н/-т-, внутреннее — для глаголов, реально имеющих вхождения причастий в базе причастий на -н/-т-.

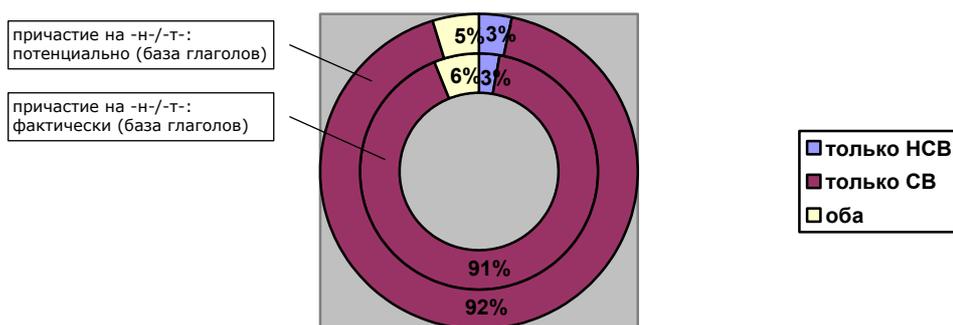

Диаграмма 4-9. Вид страдательных причастий на -н/-т-: база глаголов

Итак, мы видим, что совершенный вид действительно преобладает среди причастий; очень интересны случаи, когда глагол способен образовать и причастие СВ (пример (52)), и причастие НСВ (пример (53)). Но такие случаи не являются опровержением

каких-либо гипотез, поскольку автору неизвестна точка зрения, что глагол может образовывать причастие только одного типа:

(52) Эта простая поздравительная формула, **использованная** президентом Путиным, свидетельствует о том, что Москва, хотя и с запозданием, официально согласилась с позицией Запада, а Слободан Милошевич потерял своего последнего союзника. (*Они о нас // «Коммерсантъ-Власть», № 41, 2000. НКРЯ*)

(53) В фашистской Германии **была использована** система порабощения и истребления военнопленных. (Екатерина Унжанова. Семнадцать лет на благо вражеского отечества // «Отечественные записки», 2003. НКРЯ)

Впрочем, случаев образования причастий двух разных видов встретилось всего пятьдесят. Гипотезу же о том, что причастия совершенного вида преобладают, можно считать подтвердившейся.

Большой интерес представляет второй вопрос — о том, каково распределение по виду самих глаголов, образующих причастие на *-н-/-т-*. Из того, насколько совершенный вид превалирует в базе самих причастий, можно сделать предположение, что страдательное причастие образуется от глаголов совершенного вида (эта гипотеза, как мы видели, в лингвистической литературе встречается очень часто). Представляется, что статистические данные именно по этому аспекту распределения причастий на *-н-/-т-* по виду будут особенно любопытны для исследователя. В то же время, как указывается на стр. 126, все приводимые замечания уместны только в том случае, если мы для разрешения возникающих в данном случае проблем не обращаемся к диахроническим данным. Таким образом, дальнейшее рассуждение предполагает абсолютно формалистский подход к проблеме, что кажется не совсем оправданным; однако отказ от этого подхода может потребовать от нас отказа от такого подхода и в других областях. Таким образом, целью дальнейшего рассуждения является показать, что наиболее разумным

представляется использование в изучении дистрибуции пассивных форм только вида только самой пассивной словоформы, а не образующего глагола.

Формально было выявлено три способа образования страдательного причастия прошедшего времени:

1. Причастие может со всей очевидностью образовано **от одной из основ** — несовершенного или совершенного вида: *арестовывать / арестовать* — *арестованный*;
2. Неясно, от какой именно основы образовано причастие, поскольку **обе основы подходят на роль образующей**. Это происходит либо в случае двухвидовых глаголов (*арендовать*), либо когда основа заканчивается и в НСВ, и в СВ на одну и ту же согласную (*видоизменять / видоизменить*);
3. Неясно, от какой именно основы образовано причастие, поскольку формально **ни одна из основ не подходит на роль образующей**. Ярких примеров такого рода относительно немного (*сжигать / сжечь* — *сожжённый*), в основном речь идёт о случаях, когда причастие нельзя образовать от основы путём простого присоединения суффикса *-н-*. Например, для причастия *взвинченный* сложно однозначно установить, от какой основы оно образовано. Глагол несовершенного вида *взвинчивать* несёт на себе суффикс *-ива-*, отсутствующий у причастия; глагол совершенного *взвинтить* имеет на конце основы согласный *т*. Можно считать, что *т* переходит в *ч*, но тогда на синхронном уровне непонятно, почему, если в несовершенном виде глагол выглядит как *взвинчивать*, в совершенном он не выглядит как **взвинчить* уже в инфинитиве. Существуют примеры, когда суффикса нет и в НСВ, и, тем не менее, «принадлежность» причастия той или иной основе нельзя установить. Так, для причастия *брошенный* затруднительно сказать, от какой основы оно образовано. Теоретически звук *с* перед гласной переднего ряда *и* имеет больше шансов перейти в *ш*, и поэтому можно считать, что

причастие образовано от основы СВ, но пока оставим вопрос на формальной стадии.

Как можно видеть, в большинстве случаев, когда речь идёт о том, от какого количества основ можно образовать причастие (от одной, двух или ни от одной), то это вопрос фонетики или суффиксации.

На основе приведённой формальной классификации были получены следующие статистические данные:

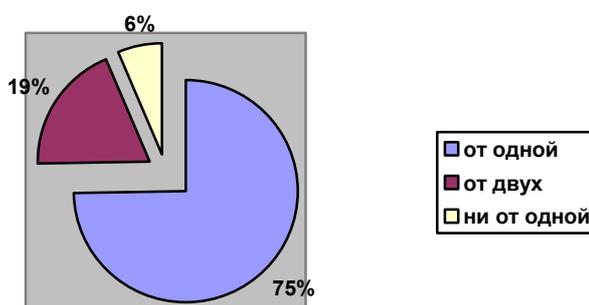

Диаграмма 4-10. Возможность установить, от какой основы образовано причастие

Следующим шагом должен стать ответ на вопрос, от какой именно из основ образуется страдательное причастие прошедшего времени. Как и в случае «от двух основ», так и в случае «ни от одной основы» преимуществ нет ни у словоформы СВ, ни у словоформы НСВ, так что вопрос может быть решён как в одну, так и в другую сторону. Отдельно необходимо рассматривать только двухвидовые глаголы, у которых действительно полностью совпадают основы совершенного и несовершенного вида.

Если развести по разным областям образование от основы НСВ и от основы СВ (в случае если причастие образовано от одной из основ) и отделить двухвидовые глаголы от парных, в которых нельзя установить, от какой основы образовано причастие, то мы получим следующую картину:

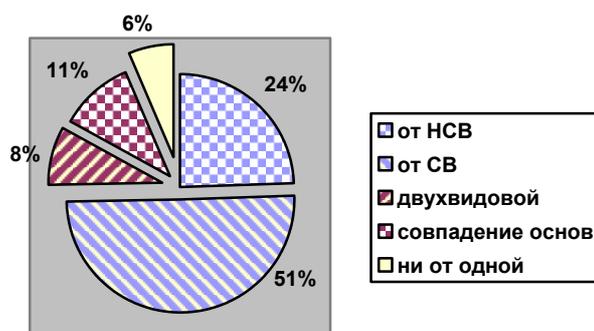

Диаграмма 4-11. Более подробное разделение

Исключив причастия НСВ, которые, как показала проверка, всегда образуются от основы НСВ (либо установить образующую основу формально не представляется возможным), мы получаем следующие результаты для причастий СВ:

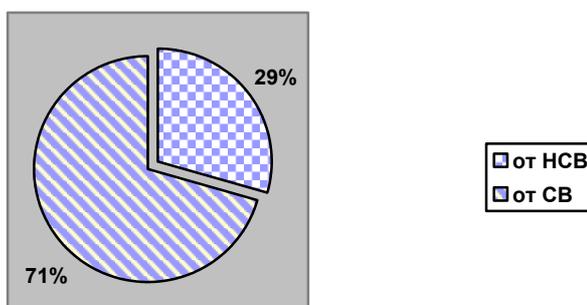

Диаграмма 4-12. Распределение для причастий совершенного вида

Всё так же преобладает совершенный вид, но и у несовершенного вида чуть менее тридцати процентов. Как будет показано ниже, существует некоторая зависимость вида причастия от акционального класса глагола. По А. А. Зализняку, все перфективные причастия на *-н/-т-* образуются от основы СВ за исключением глаголов, не входящих в каноническую видовую пару (то есть от собственно *imperfectiva tantum* или от глаголов, имеющих несколько коррелятов в СВ — они также считаются глаголами *tantum*, напр. *копить*) [Зализняк 1980: 86–87]. Статистика этого не подтверждает: среди всех имперфективных глаголов, образующих причастие СВ, непарными являются всего 26%.

Легко отметить тот факт, что приведённые на последних страницах рассуждения и диаграммы верны только в том случае, если мы рассматриваем данные исключительно

на уровне синхронии. Если обратиться к диахронии, то станет ясно, что случаи типа *утверждать* — *утвердить* — *утверждённый*, *взвинтить* — *взвинченный*, а также переход свистящего в шипящий являются следствием фонетического чередования, совершенно регулярного в диахронии, но не продуктивного (или обладающего слабой продуктивностью) в данный момент. В некотором смысле, возможно, имеет смысл в таком случае вовсе не противопоставлять основы несовершенного и совершенного вида, поскольку перед нами одна основа, меняющая свой конечный согласный под действием последующего гласного следующей морфемы. Соответственно, сложно ставить вопрос о том, от какой основы образуется причастие. Но даже если утверждать, что причастие образуется в этом случае от основы совершенного вида (как поступает, в частности, и А. А. Зализняк), то мы сталкиваемся с другой опасностью. Дело в том, что если мы обращаемся к диахронии в данном случае, для соблюдения последовательности исследования мы вынуждены будем поступать так же и в других вопросах, например, при установлении производности или непроизводности возвратного глагола. Глагол *являться* (в значении *быть*) окажется производным от *являть*, *казаться* — от *казать*, *сидиться* — от *сидить*, а *находиться* (где) — от *находить*, что при их смысловом отдалении (особенно в случае глагола *казаться*) нежелательно. В силу всего этого адекватное и единственно правильное решение об образующей основе на данный момент развития языка дать сложно, и во избежание лишних споров и недоразумений мы будем говорить о возможной дистрибуции пассивных форм по виду самой пассивной формы.

Подведём промежуточные итоги, прежде чем перейти к изучению взаимной дистрибуции разных пассивизаторов по виду. Мы рассмотрели распределение по виду внутри каждой из групп, и вот какие выводы можно для них сделать из полученных статистических данных:

- ♦ постфикс *-ся*: возвратный перфективный пассив существует, вопреки утверждениям многих учёных. Доля пассивных (при понимании пассива в рамках типологического определения) возвратных глаголов совершенного вида составляет около 30% от общего числа глаголов;
- ♦ страдательное причастие несовершенного вида на *-м-*: несмотря на имперфективность причастия, существует ряд глаголов совершенного вида, которые способны образовать причастие; их, однако, очень немного (около тридцати в выборке);
- ♦ страдательное причастие прошедшего времени на *-н-/-т-*: помимо общеизвестного факта, что существуют, пусть и в ограниченном количестве, причастия несовершенного вида на *-н-/-т-*, возникает ряд проблем при установлении образующей основы; представляется разумным при установлении параметра дистрибуции ограничиваться видом самой глагольной формы, а не образующего глагола;

Таким образом, на данном этапе можно констатировать дистрибуцию типов пассивных конструкций по виду (пассивной формы), однако данная дистрибуция, как и в других областях, не является дополнительной, а представляет собой набор отклонений от средних частот.

4. 1. 2. Взаимное распределение по виду

Как и в предыдущей главе, мы также обратимся к изучению возможных комбинаций пассивизаторов — на этот раз в зависимости от вида глагола.

Изучение базы глаголов происходит примерно так же, как это делалось в предыдущем разделе; только теперь учитывается не один фактор (например, образование возвратного глагола или одного из причастий в зависимости от вида), а несколько (образование одновременно причастия и возвратного глагола в зависимости от вида). Нам также придётся делать поправку на описанный формализм выделения образующей основы

для причастий на *-н-/-т-*, что может несколько исказить картину, которая могла бы сложиться при использовании диахронического метода. Имея это в виду, мы не будем делать выводов, которые опирались бы исключительно на применявшийся метод выделения образующей основы.

Что же касается базы примеров, то, как мы уже знаем из раздела общей статистики дистрибуции пассивизаторов, в каждой из баз примеров существует графа взаимозаменяемости: для каждого предложения с возвратным глаголом установлен или снят флажок возможности употребить в этом же примере причастие, и наоборот. При этом если замена возможна, указывается вид, в котором будет стоять новая форма. Таким образом, разводятся случаи, когда вид меняется и когда он остаётся прежним. Многие диаграммы для баз примеров также будут похожи на те, что уже представлены выше: например, мы снова встретим диаграмму встречаемости пассивных возвратных глаголов в зависимости от вида глагола. Однако при похожей форме диаграммы речь будет идти уже не просто о встречаемости *-ся* по базе глаголов, а о возможности замены причастия на возвратный глагол по базе примеров. Аналогично с возможностью замены, обратно, *-ся* на причастие.

Первые диаграммы иллюстрируют возможные комбинации средств образования пассива в зависимости от вида глагола.

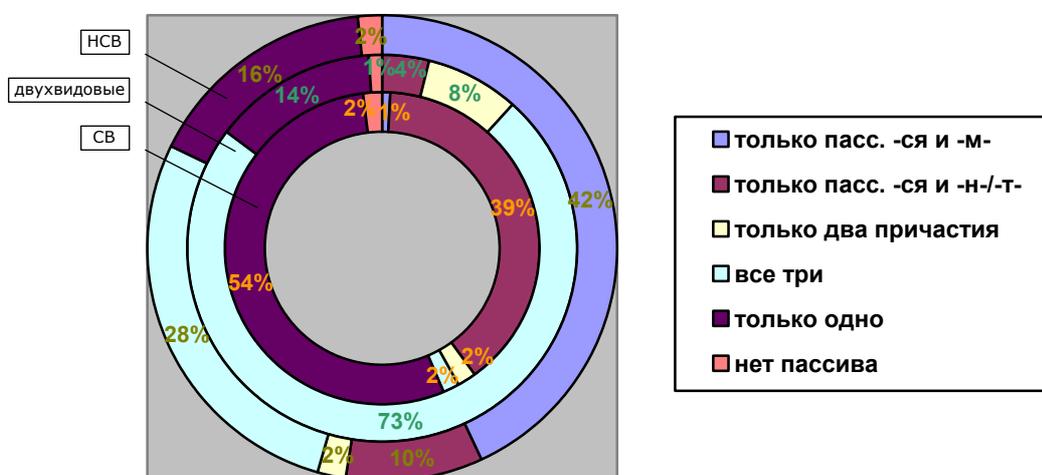

Диаграмма 4-13. Комбинации в зависимости от вида (потенциально)

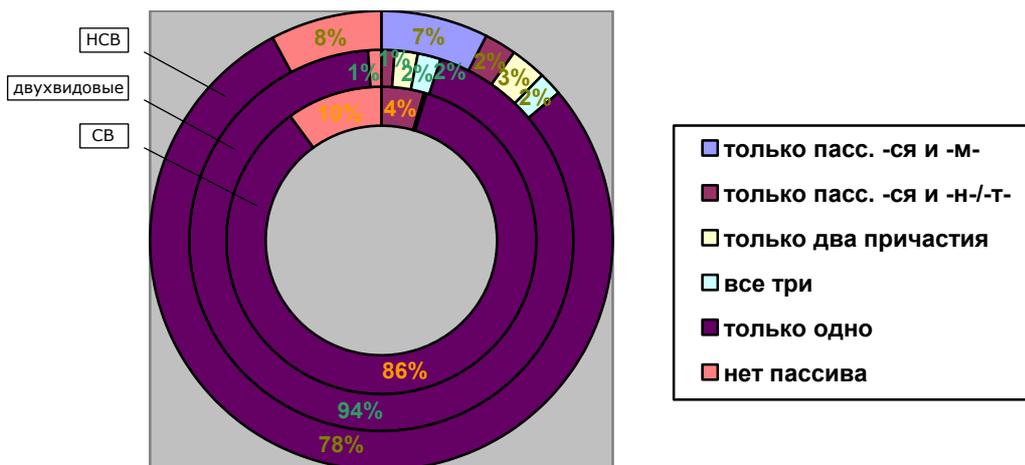

Диаграмма 4-14. Комбинации в зависимости от вида (фактически)

Чтобы не перегружать эти диаграммы, мы не стали раскрывать пункт ‘только одно’ на три разных в зависимости от того, каким именно способом образуется пассив. Как мы видим, доля этого варианта велика, поэтому имеет смысл раскрыть его — результаты представлены на двух следующих диаграммах.

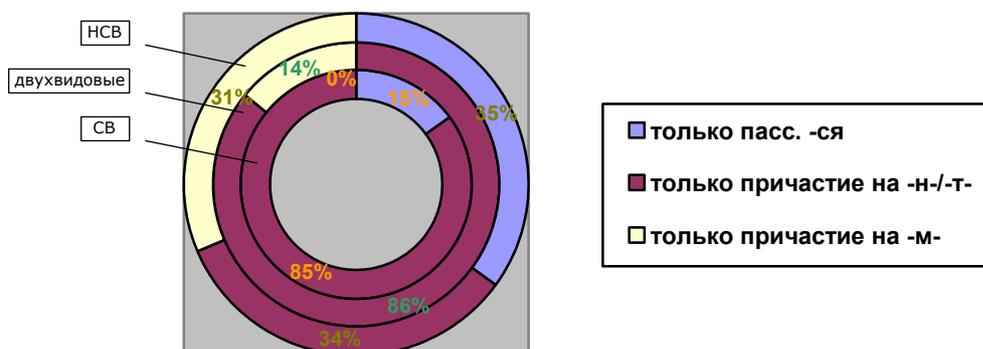

Диаграмма 4-15. Каким именно средством образуется пассив (потенциально)

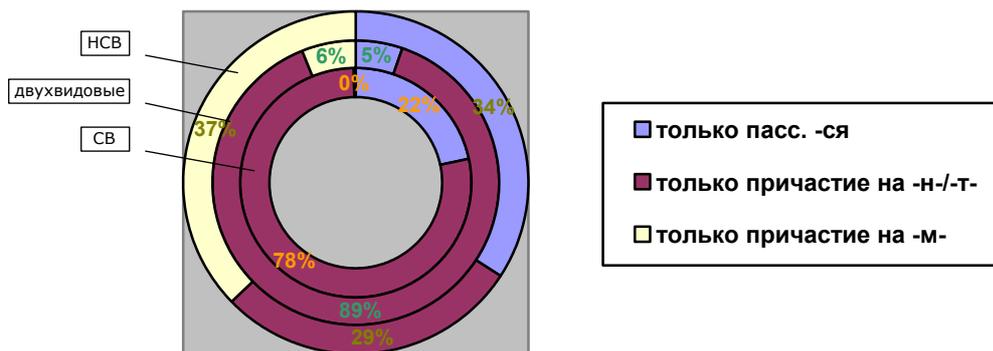

Диаграмма 4-16. Каким именно средством образуется пассив (фактически)

Изучив первую пару диаграмм, можно ещё раз убедиться в том, что не всегда самые показательные результаты даёт анализ фактической встречаемости. Вероятность того, что в двух разных выборках, достаточно больших, но всё же сильно ограниченных по объёму относительно общего бесконечного количества возможных предложений русского языка, встретится один и тот же глагол, не слишком велика; такое происходит обычно с наиболее часто встречающимися глаголами. Поэтому неудивительно, что для всех трёх видов наблюдается численное превосходство варианта ‘только одно’; представляется, что в данном случае лучше рассмотреть первую диаграмму.

Частично результаты соответствуют нашим ожиданиям: а именно, глаголы несовершенного вида чаще образуют возвратный глагол и причастие на *-м-*, а глаголы совершенного вида — возвратный глагол и причастие на *-н/-т-*. В десяти процентах случаев и глаголы несовершенного вида ведут себя так же, как глаголы СВ, образуя только возвратный глагол и причастие на *-н/-т-*. В этом случае глагол, однако, чаще всего обозначает дпящееся действие: дополнительный запрос по акциональному классу этих глаголов демонстрирует преобладание сильных предельных и непредельных глаголов (38,7% и 31,3% соответственно) при доле пунктивных глаголов 15%, что значительно меньше их средней доли (см. диаграммы распределения по акциональным классам ниже).

Реже всего встречается факт образования только двух причастий — в среднем около десяти-пятнадцати глаголов в каждом из видов (что, как мы знаем, вполне объяснимо); только в силу меньшего общего числа двухвидовых глаголов эти случаи, как можно видеть, получили в процентном соотношении бóльшую долю.

Наконец, вариант ‘только одно’ получил во всех трёх видах не менее седьмой части всех случаев; среди глаголов СВ таких больше половины. Это очень интересный факт, показывающий, что глаголы СВ, от которых пассив чаще всего образуется с помощью причастия на *-н-/-т-*, наиболее избирательны в образовании пассива. Доля таких случаев в варианте ‘только одно’ даже несколько превышает долю варианта ‘пассивное *-ся* и причастие на *-н-/-т-*’. Полученные данные также иллюстрируют уже сделанное нами в предыдущих главах наблюдение о том, что если глагол образует пассив лишь одним способом, это чаще всего именно причастие на *-н-/-т-*.

При этом, безусловно, не стоит забывать о значительном количестве глаголов совершенного вида, которые для образования пассива используют только постфикс *-ся*, факт удивительный. Чаще всего причина тому чисто формальная: причастие образуется от парной основы НСВ (*прекратиться*, но *прекращать* — *прекращён*); но если считать пассивом конструкции типа *Мне захотелось её обнять* (во всяком случае, в рамках принятого определения такие конструкции оказываются пассивными), то в этом случае причастие не образуется ни от одной из основ.

Несмотря на то, что и в случае последних двух диаграмм более показательной является первая (поскольку если для определённого глагола, например, встретился пассивный возвратный глагол, но не встретилось причастие, это не значит, что оно не может встретиться), видно, что, в отличие от первой пары, результаты во второй паре диаграмм различаются не настолько сильно. Глаголы НСВ, даже если они выбирают только одно из средств, выбирают их весьма равномерно, хотя, учитывая вопрос об установлении образующей основы причастия, доля причастий на *-н-/-т-* может быть ниже

при учёте диахронического фактора. Двухвидовые глаголы тяготеют к причастиям на *-н-/-т-*, поскольку эти причастия свободно образуются от глаголов обоих видов. Возвратные же глаголы от двухвидовых глаголов образуются вовсе не так часто, как мы могли бы ожидать.

Переход к базе предложений позволит нам определить ту границу, где заканчивается взаимозаменяемость средств пассивизации. Если, например, один глагол может и присоединить пассивное *-ся*, и образовать страдательное причастие на *-н-/-т-*, то это не значит, что в каждом конкретном примере можно свободно выбирать между ними. Может оказаться, что именно здесь и будет прослеживаться чёткое распределение по виду.

Обращаясь к изучению базы примеров, следует учесть, что количество вариантов, которые необходимо проработать, увеличится. Теперь мы будем вынуждены рассматривать не только вид причастия или глагола, который мы наблюдаем в каждом конкретном примере, но и вид глагола или причастия, которое можно на это место подставить; ведь если в пример вместо возвратного глагола можно подставить страдательное причастие или, в особенности, наоборот, то заранее нельзя сказать, сохраняется ли при этом вид. Иногда вместо причастия можно подставить глагол в том же виде:

- (54) а) Васильев виновато смотрел на них своими печальными глазами, отодвигал с белого лба **спутанные** пряди волос и упрямо разводил руками: «Нет, право, не могу, еще порепетировать надо...» (*Легко ли открыть театр, когда режиссер не похож на других.* «Правда» 87-09-22 (л.274). Упсальский корпус)
- б) Васильев ... отодвигал с белого лба **спутавшиеся** пряди волос и упрямо разводил руками...

Иногда же возвратный глагол может стоять вместо причастия только в НСВ:

(55) а) В ней **дан** глубокий анализ нового этапа перестройки, **изложена** программа ее идеологического обеспечения. (*Идеология обновления. Решения Пленума ЦК КПСС зовут к активным действиям. «Правда», 88-02-21 (1.199). Упсальский корпус*)

б) В ней **даётся** (*дался) глубокий анализ нового этапа перестройки, **излагается** (*изложилась) программа её идеологического обеспечения.

Отметим, что, даже когда вид одинаков (а тем более, когда вид меняется), может меняться акциональный ярлык пассивной словоформы; напротив, ярлык может оставаться неизменным даже при изменении вида. Об этом речь пойдёт ниже.

Итак, необходимо не только выяснить, как зависит от вида взаимозаменяемость показателей пассива в предложениях (что является фактически аналогом вопроса, на который мы отвечали выше, исследуя базу глаголов), но и ответить на вопрос о том, как часто при замене вид сохраняется, а как часто меняется, и как это зависит от вида причастия или глагола, который изначально стоит в предложении (и это вопрос принципиально новый).

При том, что количество вопросов увеличивается, уменьшается количество пассивизаторов, которые мы будем рассматривать: мы почти полностью исключим из рассмотрения причастие на *-м-*. Это причастие практически всегда имперфективно, поэтому ни о какой зависимости от вида говорить не приходится. Общие же данные о возможности замены этого причастия на другие средства образования страдательного залога приведены в разделе общих статистик. Как и в случае предыдущей диаграммы, мы будем рассматривать в основном только пассивный возвратный глагол и причастие на *-н-/-т-*; причастие на *-м-* мы увидим в диаграммах, касающихся возможности замены возвратного глагола на причастие. Это и будет первой парой диаграмм, которые мы рассмотрим.

Первая диаграмма показывает статистику возможности заменить возвратный глагол причастием в зависимости от вида этого глагола. Вторая диаграмма демонстрирует

данные о виде причастия в зависимости от вида заменяемого глагола, в случае если замена возможна. Как и в предыдущих диаграммах, внутреннее кольцо соответствует глаголам совершенного вида, среднее — двухвидовым глаголам, внешнее — глаголам несовершенного вида.

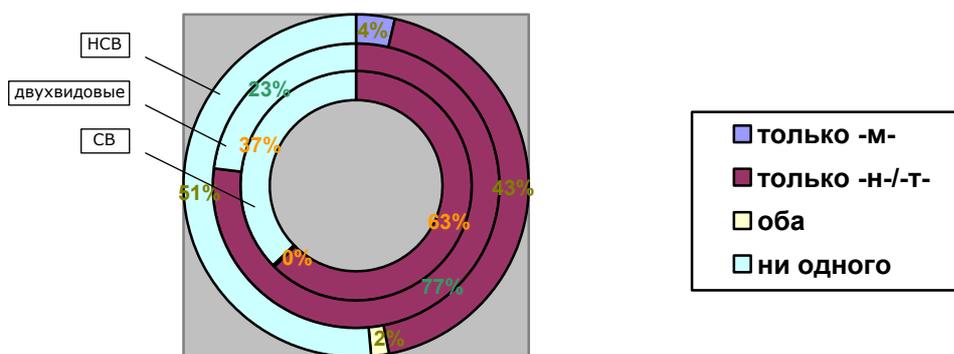

Диаграмма 4-17. Замена пассивного возвратного глагола на причастие в зависимости от вида

Отметим, что предложений с двухвидовыми пассивными глаголами в базе примеров на возвратные глаголы всего 13, тогда как примеров на НСВ — 708, на СВ — 311. Это необходимо иметь в виду, рассматривая процентные соотношения. Обозначение «0%» во внутреннем кольце (совершенный вид) соответствует одному примеру, когда возможна замена и на причастие на *-м-*, и на причастие на *-н-/-т-*. При замене на причастие на *-м-* вид меняется на несовершенный:

- (56) а) Сегодня космонавты переносят и укладывают в **освободившийся** отсек корабля отработавшее оборудование. (*Источник неизвестен. Уппсальский корпус*)
- б) Сегодня космонавты переносят и укладывают в **освобождённый** отсек корабля отработавшее оборудование.
- в) Сегодня космонавты переносят и укладывают в **освобождаемый** отсек корабля отработавшее оборудование.

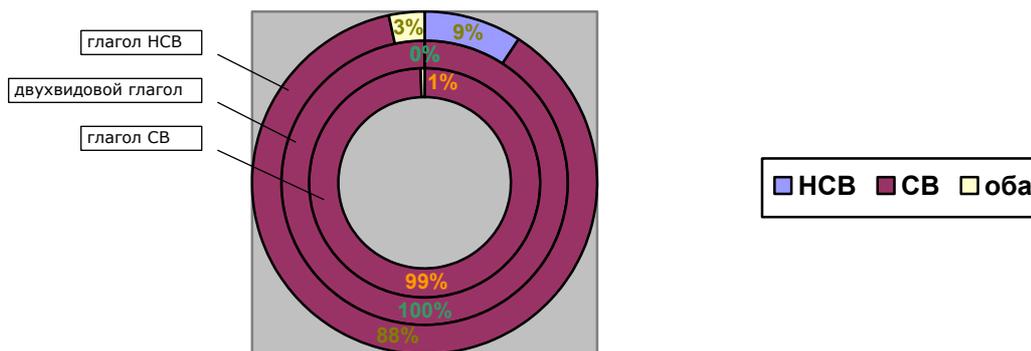

Диаграмма 4-18. Вид причастия, подставляемого вместо возвратного глагола

Результаты второй диаграммы весьма яркие, но легко объяснимы. Если причастие можно подставить вместо пассивного возвратного глагола, то это будет скорее всего причастие на *-н-/-т-*. Это объясняется, помимо чисто видовых факторов, ещё и тем, что причастие на *-м-* выступает чаще всего в атрибутивной функции, поэтому вместо глагола на предикативную позицию его подставить получается очень редко. Если же вместо глагола можно употребить причастие на *-н-/-т-*, то оно, как мы знаем, чаще всего имеет совершенный вид. Некоторое количество имперфективных причастий на *-н-/-т-* всё же образуется, но они образуются только от глаголов НСВ. Это означает, что причастие на *-н-/-т-* может выступать перфективизатором, может сохранять вид глагола (СВ от глагола СВ, иногда НСВ от глагола НСВ), но случаев имперфективизации (образования причастия НСВ от глаголов СВ) не замечено.

Итак, то, что во второй диаграмме преобладает совершенный вид, не удивляет нас. В первой же диаграмме мы не наблюдаем подобного единогласия. Как мы видим (если отбросить по понятным причинам не очень показательное среднее кольцо двухвидовых глаголов), замена на причастие совершенного вида возможна примерно в 40–60 процентах случаев. При этом доля возможных замен для глаголов СВ оказывается выше, чем для глаголов НСВ, что также соответствует теории о распределении по виду.

Рассмотрим статистику возможности замены страдательных причастий из базы причастий прошедшего времени на пассивный возвратный глагол.

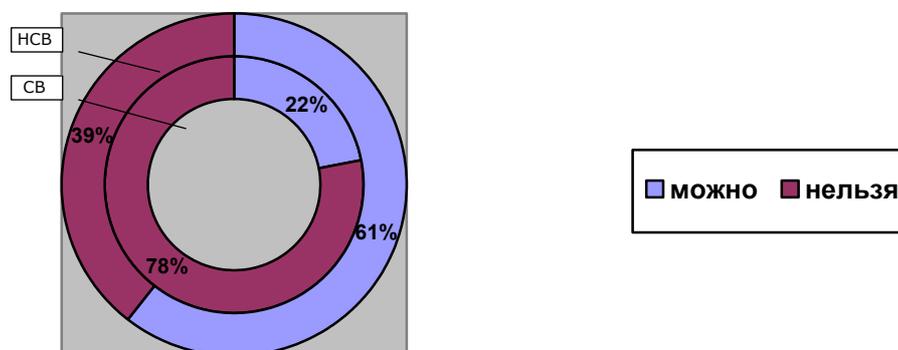

Диаграмма 4-19. Замена причастия на -н-/-т- пассивным возвратным глаголом в зависимости от вида причастия

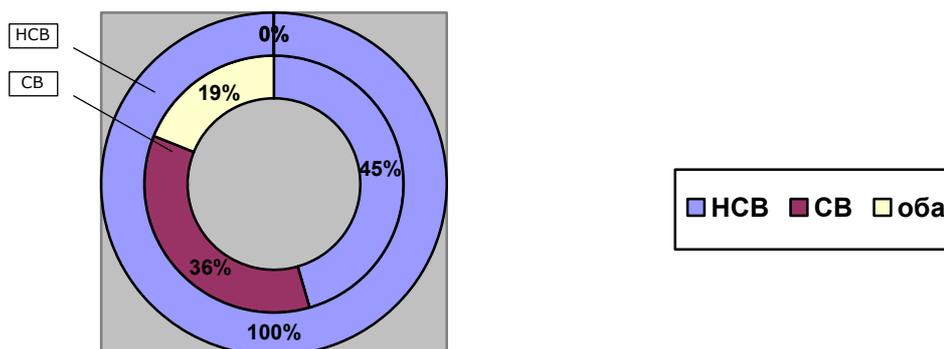

Диаграмма 4-20. Вид пассивного возвратного глагола, подставляемого вместо причастия на -н-/-т-

Полученные нами результаты вновь соответствуют тем тенденциям, которые описаны в лингвистической литературе. Имперфективные причастия на -н-/-т- чаще заменяются на возвратные глаголы, чем перфективные, и это вполне согласуется с распространённой точкой зрения, что возвратные глаголы скорее имперфективны. Перфективные причастия реже позволяют замену на возвратный глагол. Что же касается вида подставленного вместо причастия пассивного возвратного глагола, то понятен результат для имперфективных причастий; перфективные причастия демонстрируют относи-

тельный паритет между видами. Более чем в половине от общего количества примеров замена возможна на глагол без изменения его вида.

Таким образом, в общем и целом гипотеза о распределении по виду подтверждается. В то же время в каждом случае встретилось достаточное количество исключений (их число колеблется от одной пятой до одной трети от общего числа глаголов). Это означает, что, несмотря на описанные тенденции, признак вида сам по себе не может служить основанием дистрибуции. Если причастия на *-н-/-т-* и причастия на *-м-* более последовательны в своих видовых характеристиках, то пассивные возвратные глаголы, появившиеся в русской залоговой системе позже причастий, демонстрируют определённую гибкость, достаточно часто встречаясь в форме СВ.

4. 2. Акциональный ярлык и акциональный класс

Почему есть смысл обратить внимание на акциональные ярлыки возвратных глаголов и причастий в предложениях, а также на акциональные классы образующих лексем? Значимость этих категорий для образования пассива отмечена многими лингвистами. Практически каждый исследователь, который каким-нибудь образом касался темы либо дистрибуции пассивизаторов, либо даже исключительно русских страдательных причастий на *-н-/-т-*, отмечал различия в том, к какого типа ситуации идёт отсылка в зависимости от формы или контекста. Наиболее полно этот вопрос рассматривается применительно именно к причастиям. Это вопрос **акциональных** и **статальных** причастий, который неизбежно приводит исследователя к дилемме: тот пассив, который эти причастия образуют, — это «один» пассив, или один тип причастия образует один тип пассива, а другой тип причастия — второй тип пассива? И какое место в классификации займёт возвратный глагол? На эти вопросы мы и будем искать ответы.

Помимо статистики распределения показателей пассива по акциональным ярлыкам, разумно рассмотреть и распределение образующих пассив тем или иным способом глаголов по акциональным классам. Кроме того, как и при изучении влияния категории

вида на распределения пассивных форм, мы обратимся к статистике возможных замен пассивизаторов в предложениях.

В этом подразделе уместнее начать со страдательных причастий: в литературе данная область освещена лучше, чем акциональные характеристики возвратных глаголов, а от выводов в одной области зависят выводы в другой.

4. 2. 1. Акциональные ярлыки и акциональные классы в образовании и употреблении пассивизаторов

Страдательные причастия на -н-/-т-

Противопоставление акциональных и стальных причастий встречается в работах Ю. П. Князева [Князев 1989], В. А. Плунгяна [Плунгян 1989], Л. Ю. Юшиной [Юшина 2003] и других авторов¹. Л. Л. Буланин развивает данную тему, предлагая не просто разграничивать акциональное и стальное употребление причастия, но выделять последние в отдельный залог. Этот залог автор называет «стальным пассивом», или «стативом» (В. И. Гаврилова пишет на эту тему [Гаврилова 1998], что лучше употреблять второй термин, чтобы окончательно оборвать, с её точки зрения, ложную связь между пассивом и стативом). «Пассивная конструкция в принципе может считаться производной от активной, однако констатация этой производности мало помогает уяснению текстового функционирования той или иной конкретной пассивной формы. <...> Стативная конструкция не является производной от активной и не может описываться посредством пассивной диатезы» [Буланин 1978: 198]. Более того, конструкции со стативом автор считает конструкции с **именным сказуемым**, а не с глагольным. Если

¹ Е. В. Падучева стальному значению причастий противопоставляет не акциональное, а событийное — прежде всего потому, что многие причастия уже явно образованы от возвратных глаголов (*простудиться, влюбиться* — *простужен, влюблён*), которые не обозначают собственно действие [Падучева 1998б: 143] (о таких причастиях см. также [Князев 1999б]).

подвести итог, то статив — «именное сказуемое, омонимичное аналитической форме пассива совершенного вида» [Буланин 1998: 197].

Отметим, что и статив можно подразделять на два типа, как предлагает автор работы [Kratzer 2000]: так называемые *target states* (термин можно перевести как «искомое состояние») и *resultant states* («результатирующее состояние»). Состояния первого типа могут быть прекращены, а состояния второго типа — нет, что иллюстрируется следующим примером:

(57) а) Дверь всё ещё открыта.

б) *Теорема всё ещё доказана.

Результатирующие состояния менее адъективны (например, они не присоединяют в английском языке приставки *in-*), но в некотором смысле более стативны именно в силу того, что не могут быть прекращены. Если глагол может образовать *target state*, он также может образовать и результирующее состояние, но не наоборот.

Тем не менее, даже для *target states*, которые демонстрируют больше признаков прилагательных, оснований для столь радикального отделения статива от пассива нет. Рассмотрим два канонических примера, иллюстрирующих противопоставление статива и пассива (для большей показательности используется пример именно с *target state*):

(58) а) Дверь **была открыта** в шесть часов.

б) Дверь на кухню всё время **была открыта**.

Безусловно, в случае примера а) установить факт деривации легче, поскольку можно сказать, что *Дверь на кухню открыли в шесть часов*. Попытка проделать то же самое с примером б) оборачивается неудачей: **Дверь на кухню всё время открыли*. Однако сложно отрицать, что ситуация *Дверь открыта* может иметь место только в том случае, когда дверь кто-то открыл. Принадлежность, например, так называемого фацилитатива (или квалитативного пассива, см. [Пупынин 2001]) к пассиву (*Дверь хорошо*

открывается) сейчас отрицается достаточно редко, хотя точно так же сложно напрямую, с полным сохранением лексического наполнения, образовать фразу от активной:

(59) а) Дверь хорошо открывается.

б) [?]Дверь хорошо открывают.

Иными словами, предлагается обращать больше внимания на пропозициональное содержание фразы, а не на её стилистическую приемлемость. Всё же активная и пассивная фразы никогда не являются полными синонимами, поэтому представляется вполне нормальным некое различие в употреблении. Гораздо более неправомерно полностью отделить стивную фразу от пассивной и утверждать, что ситуация *Дверь стояла всегда открыта* или, если взять ещё более яркий пример, ситуация *Он был всегда выбрит* не являются производными от активных ситуаций. Показательна в этой связи мысль И. Циммерманна о том, что «залог как грамматическая категория, по видимому, является категорией, производной от переходности, и поэтому он составляет одно из существенных свойств, отличающих глаголы от неглагольных слов-сказуемых, которые категорией залога не обладают» [Циммерманн 1978: 75]. Постулируемое Л. Л. Буланиным именное сказуемое явно пассивно, значит, обладают залоговым значением и, следовательно, не может быть чисто именным. Эффект же отсутствия залоговой принадлежности А. Кратцер объясняет тем, что если наличие словоизменительных признаков у глагола вводит внешний аргумент, то их отсутствие подразумевает отсутствие внешнего аргумента [Kratzer 2000: 391]. В логической структуре высказывания он, однако, по-прежнему присутствует.

В. И. Гаврилова, которая также предлагает разделять подобные случаи, выстраивает в работе [Гаврилова 1998] несколько иную систему пассивизаторов. Предлагается считать конструкции со страдательными причастиями формами **статального вида** страдательного залога. Автор, на счету которой немало количество работ на тему соотношения залога и аспектуальных характеристик глагола, утверждает, что, даже если

эти конструкции можно отнести к страдательному залогу, то необходимо выделить их в отдельный вид. Таким образом, устанавливается трёхвидовое противопоставление: не-совершенный вид, совершенный вид и статальный вид. У этого противопоставления, однако, есть два существенных недостатка: во-первых, по признанию самого автора «трёхвидовое противопоставление невозможно для конструкций с переходными глаголами» [Гаврилова 1998: 112], а во-вторых, тип этой оппозиции оказывается не совсем понятным, ведь СВ и статив имеют между собой гораздо больше общего, нежели СВ и НСВ или статив и НСВ. Более того, статив удовлетворяет тому инварианту, который выработан в отечественной аспектологии для совершенного вида.

Что же объединяет две эти знаковые гипотезы, предложенные двумя разными авторами, которые абсолютно верно отметили различие двух типов причастий в их значении? Эти гипотезы объединяет то, что предпринимается попытка объяснить через постулирование различий в залоге или виде **акциональные** характеристики словоформы. Тем временем, представляется, что нет достаточных оснований выделять отдельный залог и отделять его от пассива (хотя, безусловно, можно в рамках пассива говорить об акциональном и статальном, но считать оба вида нормальным пассивом) и, тем более, нет оснований выделять отдельный вид, полностью меняя русскую аспектологическую систему исключительно на том основании, что в неё якобы не до конца вписываются причастия. Для того, чтобы зафиксировать это отличие, достаточно ввести в рассмотрение дополнительный фактор — а именно, **акциональный ярлык**. Тогда мы будем наблюдать страдательные причастия прошедшего времени совершенного вида с ярлыками «состояние» для статальных и «вхождение в состояние» для акциональных.

Это предложение — не просто попытка уйти от преобразований в грамматической системе. Представляется, что такой подход действительно более адекватен, ведь он не смешивает тип причастия в его отношении к типу описываемой ситуации со смежными, но всё же не относящимися к делу категориями вида и, тем более, залога. Статив, то

есть пассив с акциональным ярлыком «состояние», утратив свою отсылку к действию, изменил свои свойства, но не своё происхождение.

Ниже представлена диаграмма распределения страдательных причастий на *-н-/-т-* по акциональным ярлыкам:

Диаграмма 4-21. Распределение причастий на *-н-/-т-* по акциональным ярлыкам

Некоторого пояснения требует опция «итератив» — это образования несовершенного вида от пунктивных глаголов (которые, как мы знаем, в несовершенном виде в актуальном значении не употребляются), и тогда «итератив» указывается условно, или же это действительно итеративы от изначально непунктивных глаголов. Именно последний случай имеет место в данном случае. Вот один из немногочисленных примеров итератива:

- (60) Много раз **крашенные** (в последний раз отцом— густо-синей эмалью), спинки постепенно запыли и потеряли первоначальную стройность. (*Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987). НКРЯ*)

В подобных случаях нельзя постулировать ярлык «процесс» (хотя в актуальном значении это именно процесс), поскольку итератив обозначает многократное повторение не процесса, а процесса вместе с результатом, действия в целом¹.

¹ Нужно добавить, что в известных автору исследованиях по акциональности итератив в лучшем случае только упоминается, но не рассматривается подробно. В данном случае нам остаётся только выделить подобные примеры в отдельный класс.

Сам же ярлык «процесс» у страдательных причастий на *-н-/-т-* встречается сравнительно часто, хотя его доля несопоставима с двумя основными ярлыками: «состояние» и «вхождение в состояние». Появлению ярлыка «процесс» могут быть два объяснения: во-первых, присутствие в корпусе имперфективных причастий на *-н-/-т-*, во-вторых, наличие акционального класса неопределённых глаголов, которые и в совершенном виде имеют ярлык «процесс». Проверим наше предположение (таким образом, мы действительно вводим в рассмотрение ещё и категорию вида). Внутреннее кольцо соответствует причастиям совершенного вида, внешнее — причастиям несовершенного вида.

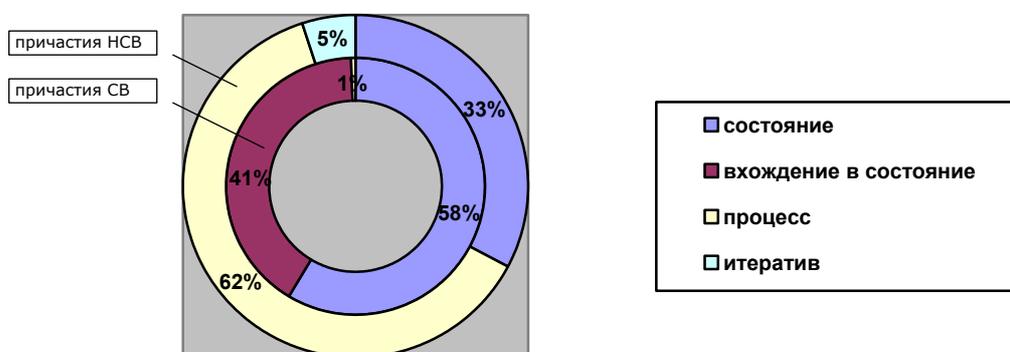

Диаграмма 4-22. Акциональный ярлык причастия в зависимости от вида

Мы видим, что подавляющее большинство вхождений ярлыка «процесс» принадлежит причастиям несовершенного вида, однако небольшая доля — это неопределённые глаголы совершенного вида.

Между самыми распространёнными вариантами — «состояние» и «вхождение в состояние» — уже знакомое нам соотношение приблизительно шестидесяти и сорока процентов на первой диаграмме и «перфективном» внутреннем кольце второй диаграммы. Можно, безусловно, утверждать, что эти варианты относительно равноправны. Если же говорить о противопоставлении акциональных и статальных причастий, то необходимо прибавить долю ярлыков «процесс» и условного ярлыка «итератив» к доле ярлыка «вхождение в состояние», и это дополнительно уменьшит разницу в первой

диаграмме. Как мы и предполагали, ни один из типов причастия не преобладает; но в процессе изучения этого распределения причастий по типам выяснились любопытные подробности, касающиеся статальных причастий.

В процессе обработки корпуса были найдены примеры, применительно к которым мы не можем с уверенностью утверждать, есть ли у причастия исходный глагол. На данный момент зарегистрировано уже около двадцати случаев, когда причастие, с одной стороны, явно образовано от глагола, а с другой стороны, этот глагол в финитной форме употребляется или редко, или не употребляется вовсе. Это такие глаголы, как [?]меблировать (*меблированная комната*), [?]коррумпировать (*коррумпированные чиновники*), [?]моторизовать (*моторизованная дивизия*), [?]цивилизовать (*цивилизированная страна*) и др. Иногда факт деривации можно установить: например, моторизованная дивизия — это дивизия, которую «моторизовали» добавлением туда техники. Более сложный случай — глаголы типа [?]коррумпировать или [?]цивилизовать, который, пожалуй, никоим образом в финитной форме употребить нельзя.

Возникшая проблема неожиданна: давно известно, что существуют статальные причастия, которые больше не обозначают действие, выражаемое исходным глаголом, а только обозначают его результат (причём с выводом из поля зрения самого действия). Мы также знаем, что существуют возвратные глаголы, которые не образованы ни от одного невозвратного глагола (канонические примеры *здороваться* или *нравиться*). Это может быть результатом развития языка, когда невозвратная форма выходит из употребления. Причастия, не образованные ни от одного глагола — факт неожиданный. Более того, мы видим, что большинство слов весьма современны, и нельзя утверждать, что финитный глагол вышел из употребления: его могло не быть вовсе. И — тем не менее — мы не можем просто так объявить эти слова «вне закона», ведь деривация явно имела место. Наиболее вероятно, что они появились уже причастиями в официальном языке, в котором пассив, как известно, доминирует. Они были созданы по шаблону от

фактически несуществующих в живом языке глаголов. Есть, видимо, два варианта, каким образом с этими причастиями можно поступить:

1. Постулировать глагол с дефектной парадигмой, в которой отсутствуют финитные формы.
2. Признать финитный глагол отсутствующим и отрицать факт деривации.

Как мы ответим на этот вопрос, зависит ещё и от того, будем ли мы считать залог словоизменением или словообразованием: во втором случае мы выберем второй вариант. Если же залог (или, по крайней мере, пассив, образованный с помощью причастий) считать словоизменительной категорией, то необходимо выбирать вариант первый.

Как и во вводной части, мы не будем предпочитать словоизменению словообразование или наоборот; для принятия решения не появилось больше оснований. Отметим, однако, что кажется разумным выбрать второй вариант, не только потому, что финитные формы не употребляются, а потому, что эти причастия создавались по шаблону от иноязычных корней, и постулировать глагольную лексему с формой инфинитива не обязательно. Логичнее их считать причастиями от несуществующих глаголов или, в зависимости от того, какое определение причастия мы принимаем, не считать их причастиями вовсе.

Поясним, какое отношение к этой проблеме имеют стальные причастия. Дело в том, что ни одно из встретившихся причастий не обозначает действия. Все эти причастия, считаем мы их причастиями или нет, стативны. Такому наблюдению вторит наша интуиция: было бы странно, если бы имелось акциональное причастие от несуществующего глагола. Отсутствие таких причастий логично: именно финитная форма глагола в первую очередь обозначает действие. И только отсутствие действия как такового позволяет таким феноменам возникать. Слово *коррумпированный* создавалось для обозначения человека, берущего взятки. Если бы оно употреблялось в сводках в контекстах типа следующего: «Чиновник был *коррумпирован* и тут же задержан», то есть по-

нималось бы как акт дачи взятки, то, несомненно, существовал бы и глагол *корруммировать*.

Статальность причастия может, однако, не только способствовать появлению причастий без исходных форм; она способна также лишать настоящие причастия, образованные от употребительных финитных глаголов, семантического компонента пассива (как в рассматриваемом далее примере (62)). Единственный раз данное явление описал Ю. П. Князев [Князев 1999: 49]. Не до конца ясно, считает ли он подобные причастия квазисинонимами возвратных глаголов или предлагает считать такие причастия образованными от возвратных глаголов (что, на наш взгляд, было бы менее правомерно). В любом случае, объяснения этому интересному факту Ю. П. Князев не даёт. Существование у постфикса *-ся* неpassивного значения не является чем-то необычным; страдательное же причастие всегда выступало неким «гарантом пассивности». Если предложение с возвратным глаголом можно трактовать по-разному, то причастие всегда обозначало страдательный залог:

(61) а) Он побрился за три минуты.

б) Он был побрит за три минуты.

В примере выше намеренно употреблено наречие, обозначающее время, чтобы подчеркнуть акциональный ярлык глагола во втором предложении: имеется в виду действие *побрит*. Если же употребить в данном контексте вместо акционального причастия статальное, то мы получаем предложения, подобные следующему примеру, взятому из корпуса:

(62) Вы не **бриты**, у вас, простите, пиджак лопнул под мышкой... (*Василий Аксенов. Повесть, мой друг, пора (1963). НКРЯ*)

Нет никаких сомнений, что имеется в виду ситуация, при которой человек не брился сам, а не его кто-то не брил. И, тем не менее, употреблено страдательное причастие, когда перед нами рефлексив.

В данном случае мы имеем дело с самыми яркими примерами, и такой интересный эффект можно было бы списать на семантику самих глаголов: исследователям пассива известно, что глаголы ухода за собой — одни из наиболее последовательных в своей неpassивности. Но дело не ограничивается классом глаголов ухода за собой:

- (63) Возглавить процессы формирования социалистического сознания призвана наша партия, **вооруженная** научными знаниями о прошлом, настоящем, о тенденциях, имеющих реальную перспективу развития. (*Идеология перестройки. «Известия», 88-02-23. Утсальский корпус*).

Подавляющее большинство примеров являются предложениями со стательными причастиями. Из этого можно сделать вывод, что если причастие обозначает состояние, то пассивность может «ослабляться». У нас, однако, нет основания утверждать, что стательные причастия не имеют права называться страдательными причастиями. Не стоит забывать, что количество стательных причастий, которые обозначают пассив, по-прежнему велико, на порядок выше, чем количество описанных исключений. Так, в выборке проводимого корпусного исследования 1026 из 1814 примеров содержат стательные причастия с чистым пассивным значением. Поскольку за редкими исключениями определяемое слово причастия в неpassивном употреблении обозначает человека, можно было бы предположить, что именно комбинация стательности и одушевлённости создаёт описываемый эффект. Однако и это предположение не подтверждается, поскольку неpassивные употребления составляют всего 25% от общего числа примеров со стательным причастием и определяемым словом, обозначающим человека.

После изучения акциональных ярлыков причастий настало время обратиться к акциональным классам глаголов, образующих причастия на *-н/-т-*. Мы рассмотрим диаграмму распределения глаголов по акциональному классу, сравним данные для всех глаголов базы и для тех, которые образуют причастие; кроме того, заострим внимание читателя на одном интересном факте соотношения акциональных классов и ярлыков.

Первая диаграмма состоит из трёх колец: разрывное кольцо содержит статистику общего распределения глаголов по акциональным классам¹, среднее — распределения глаголов, образующих имперфективное причастие, внутреннее — образующих перфективное причастие:

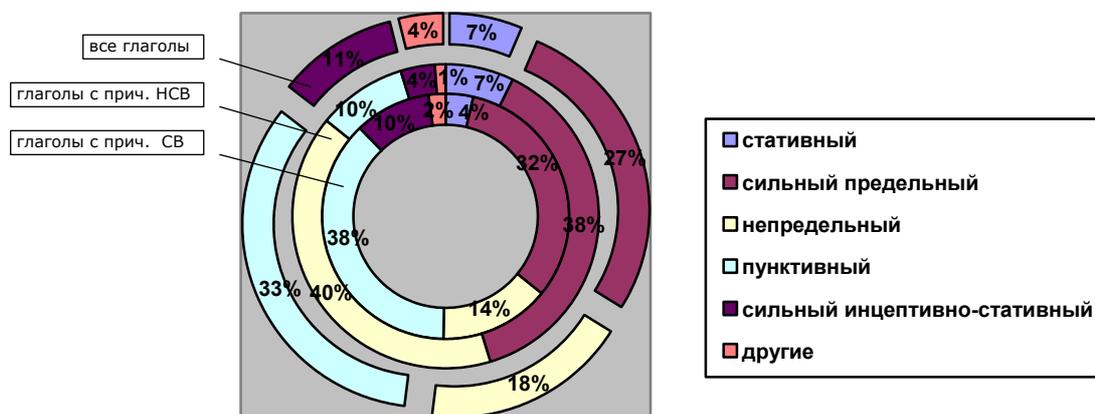

Диаграмма 4-23. Акциональный класс глагола, образующего причастие на -н-/-т- (потенциально)

Статистика фактической встречаемости по тем же параметрам, взятая с использованием базы примеров, выглядит следующим образом:

¹ Отметим: распределение глагольных основ количественно может несколько отличаться от распределения собственно глаголов (основ по понятным причинам в базе меньше, чем собственно глаголов). В статистиках, приведённых здесь и далее, была взята за основу база глаголов, поскольку признак присоединяемости причастия или возможности образовать возвратный глагол приписывается глаголу, а не основе (ведь это может зависеть и от вида). Поэтому, хотя акциональный класс приписывается основе, мы будем опираться на базу глаголов, в которой поле «акциональный класс» является зависимым от поля «акциональный класс» базы основ.

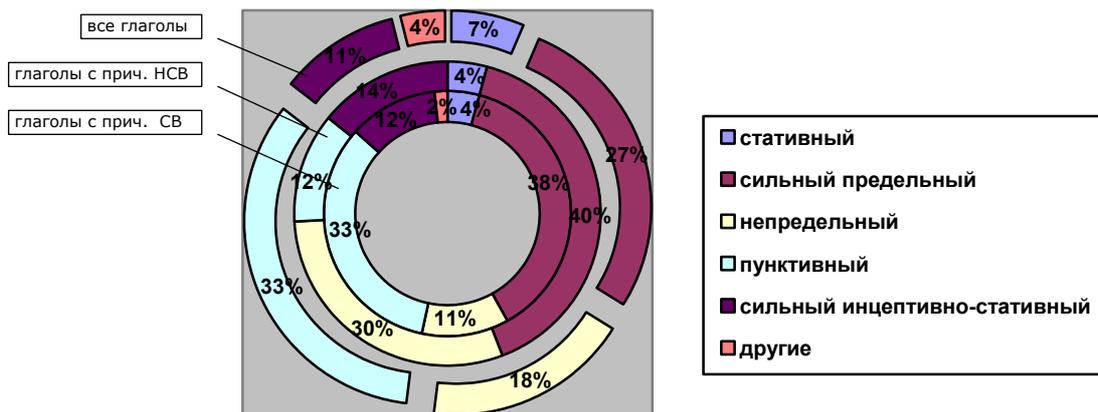

Диаграмма 4-24. Акциональный класс глагола, образующего причастие на -н/-т- (фактически)

Результаты двух диаграмм различаются достаточно слабо; при этом особенно интересно сравнить два внутренних кольца с внешним. Как можно видеть, сильные предельные глаголы в среднем составляют третью часть от общего числа глаголов, и эта доля сохраняется для всех выборок. Доля непредельных глаголов по понятным причинам увеличивается для причастий НСВ и по столь же понятным причинам уменьшается для причастий СВ; хотя нельзя не отметить, что десятая часть — достаточно весомая доля. Статус-кво наблюдается практически для всех классов; только доля пунктивных глаголов у причастий НСВ объяснимо падает. Итак, если в области акциональных ярлыков, на уровне словоформ, причастия обозначают свою специфику, то общего распределения глаголов базы по акциональным классам причастия в общем случае не нарушают.

Но сравним статистику акциональных классов со статистикой акциональных ярлыков. Каким образом может получиться так, что доля ярлыка «состояние» в диаграммах выше весьма велика, а стативных глаголов так мало? Понятно, что статистика для базы основ может не совпадать со статистикой для базы причастий (хотя в этом случае она практически совпадает), и процент встречаемости ярлыка в базе причастий будет выше, чем процент стативных глаголов в базе основ. Однако и в последней диаграмме доля

стативных глаголов относительно невелика. Откуда же появилось столько вхождений ярлыка «состояние»?

Теперь становится понятно, что изучать и акциональные ярлыки, и акциональные классы было верным решением. Дело в том, что, обнаружив это несоответствие, мы нашли ещё одно подтверждение тому, что русские стативные причастия — особое явление в нашем языке. Это несоответствие снова ставит перед нами вопрос о существовании предложенного Л. Л. Буланиным статива.

Согласно определению, любой акциональный класс — это пара акциональных ярлыков, один из которых приписывается имперфективной форме, другой — перфективной. Из всех акциональных классов, представленных в русском языке, только у двух — стативного и сильного инцептивно-стативного — имеется ярлык «состояние». У всех остальных этот ярлык отсутствует. Но статальные причастия образуются, судя по этому несоответствию, и от других классов глаголов. Таким образом, одна из глагольных форм имеет ярлык, которого она иметь не должна, поскольку этот ярлык не принадлежит паре ярлыков, составляющих данный акциональный класс. Из этого может следовать вывод, что **статальное причастие не является формой глагола**. А сказуемое с таким причастием остаётся назвать именованным сказуемым.

Прежде чем продолжать это рассуждение, обратимся ещё раз к статистике и проверим, действительно ли статальные причастия образуются не только от стативных или сильных инцептивно-стативных глаголов (в данной диаграмме причастия не разделяются по виду, поскольку из-за очень небольшого числа причастий НСВ статистика перестаёт быть показательной):

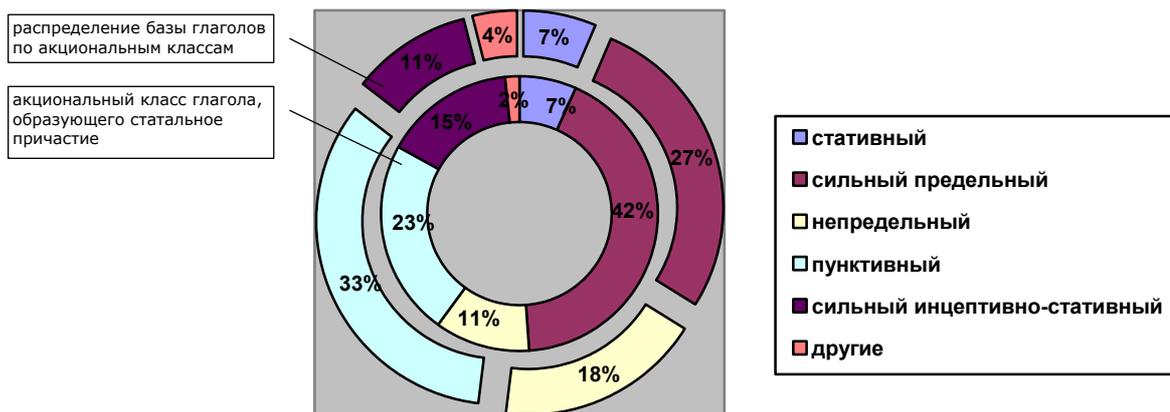

Диаграмма 4-25. Акциональный класс глагола, образующего статальное причастие на -н/-т- (фактически)

Доля стативных и сильных инцептивно-стативных глаголов едва превышает пятую часть от количества примеров. При этом мы видим, что при переходе от общей статистики эта доля почти не меняется, в то время как доля сильных предельных глаголов резко возрастает; примечательно также падение числа пунктивных глаголов — по видимому, с ними стативное значение сочетается хуже. Доля непредельных глаголов всё так же значительна, хотя и несколько уменьшается относительно общей статистики.

Итак, ярлык «состояние» наблюдается далеко не только у стативных и сильных инцептивно-стативных глаголов (для которых этот ярлык составляет пару, определяющую класс), это подтверждается статистикой. Означает ли это, что мы всё же должны исключить стативные причастия из перечня глагольных форм? Представляется, что это этого делать всё же не стоит. Равно как и во всех предыдущих случаях, когда возникал этот вопрос, снова это кажется недостаточно обоснованным. Скорее это всего лишь один из моментов, который не описан в теории акциональности и таксономических категорий. Такой вариант более приемлем потому, что в противном случае придётся говорить об омонимии. В данном случае можно только ещё раз отметить, что статальные причастия — особое явление, подчас не укладывающееся в систему. Этот вопрос, однако, может и должен являться предметом дискуссии, которая, в силу её исключительной теоретичности, не может быть полностью помещена на страницы данной работы.

Настало время перейти к изучению причастий на *-м-* и возвратных глаголов. Пока мы не говорим непосредственно о взаимной дистрибуции по акциональным ярлыкам и классам, статистика взаимозаменяемости пассивизаторов в зависимости от акциональных ярлыков и классов будет приведена позже. Но уже сейчас, когда мы рассматриваем каждое средство образования пассива в отдельности, мы можем строить некоторые предположения исходя из того, какие результаты были получены нами в отношении страдательных причастий на *-н-/-т-*.

Что касается акциональных ярлыков, то причастия на *-н-/-т-* чаще всего получают ярлык «вхождение в состояние» и «состояние». Каким образом это может соотноситься с поведением возвратных глаголов?

Эта тема в современной русистике практически не раскрыта. Страдательные причастия вынуждают лингвиста обращаться к акциональности, поскольку невозможно упустить из виду тот факт, что часть их обозначает действие, а часть — состояние; видимо, возвратные глаголы не наталкивают на подобные размышления. Тем временем, быть может, именно в акциональности мы и найдём параметр распределения причастий и глаголов. Если причастие из возможных пяти ярлыков получает преимущественно лишь два, то можно ли ожидать, что возвратный глагол получит остальные три, а именно, «процесс», «вхождение в процесс» и «мультипликативный процесс»?

Предварительный ответ будет скорее утвердительный. Во-первых, если причастия обозначают исключительно результат действия (об этом пишут многие лингвисты, и это фактически можно приравнять к утверждению касательно акциональных характеристик причастий), то логично предположить, что что-то другое должно обозначать и процесс. На эту роль существует только два кандидата: страдательное причастие настоящего времени на *-м-* и возвратный глагол. Они могут быть распределены по позиции в предложении, поскольку, как уже говорилось, причастие на *-м-* в современном

русском языке¹ занимает в предикации преимущественно атрибутивную позицию, а возвратный глагол — позицию предиката. Из этой закономерности есть ряд исключений, в частности, образуемые от возвратных глаголов причастия. Таким образом, возвратные глаголы и причастия на *-м-* должны получать акциональные ярлыки «процесса», «вхождения в процесс» и «мультипликативный процесс». Но что же делать с возвратными глаголами совершенного вида? Ведь они заведомо получают ярлык «вхождение в состояние», и, таким образом, предполагаемая дистрибуция будет нарушена? Пока нельзя этого утверждать с полной уверенностью: в русском языке существует, как мы могли наблюдать, целый класс глаголов, обозначающих непредельные процессы: даже в форме совершенного вида акциональный ярлык такой словоформы будет «процесс». Кроме того, в работе [Aijmer 2002] отмечается, что отличие возвратных глаголов от причастий может заключаться именно в значении предельности (см. в этой связи уже упоминавшуюся работу [Bertinetto & Delfitto 2000]), которое отсутствует у возвратных глаголов. Поскольку предельность является одной из составляющих инварианта совершенного вида, мы получаем некоторое распределение пассивизаторов по виду, хотя и не полное (дополнительную дистрибуцию); главным же параметром распределения станут именно акциональные характеристики.

Что же касается акциональных классов, то на данный момент сложно строить предположения относительно поведения глаголов, образующих причастие на *-м-* и возвратные глаголы: как можно было увидеть, у глаголов, от которых можно образовать причастие на *-н-/-т-*, не наблюдается особого распределения по акциональным классам — они в среднем повторяют общую статистику. Возможно, для других пассивизаторов ситуация будет иной.

¹ В древнерусском языке ситуация была несколько иной: до появления в системе пассивных форм возвратного глагола причастие на *-м-* свободно употреблялось в позиции предиката (см. [Стрельцова 1978]).

Итак, обратимся к статистическим результатам для каждого из двух оставшихся вариантов образования пассива и проверим наши теоретические предположения.

Возвратные глаголы

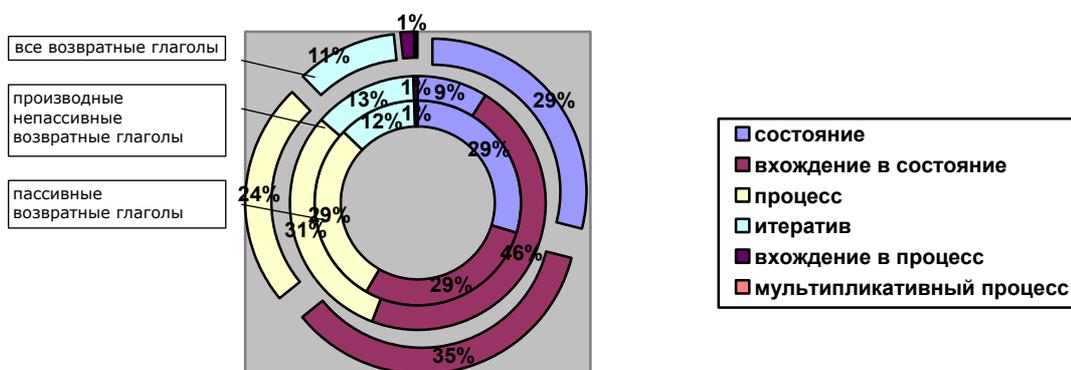

Диаграмма 4-26. Распределение возвратных глаголов по акциональным ярлыкам

Если включить статистику неактивных и пассивных возвратных глаголов в общую статистику для глаголов, то мы получим более объективную картину распределения: собственно неактивных глаголов меньше, чем пассивных, и мы можем лучше оценить их долю друг относительно друга, соединив их на одной диаграмме, которая будет выглядеть так (неактивные глаголы — сектора в полоску, пассивные — сектора в клетку):

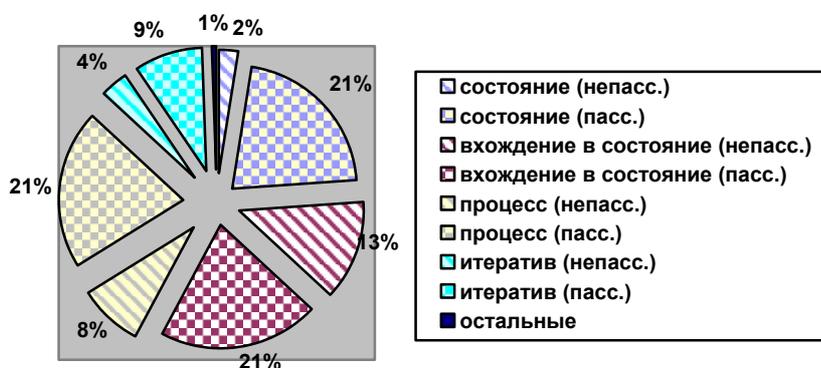

Диаграмма 4-27. Распределение возвратных глаголов по акциональным ярлыкам (вариант)

На первой диаграмме пассивные возвратные глаголы в общем и целом повторяют общую статистику всех глаголов базы. Исключение составляет ярлык «вхождение в состояние», доля которого у пассивных глаголов несколько меньше, чем у всех глаголов вместе. Как мы видим, этот ярлык как раз преобладает у непассивных возвратных глаголов. Это очень интересный факт, который можно связать с непассивностью. То, что «вхождение в состояние» — ярлык, обозначающий действие, может каким-то образом повлиять на то, что в действительном залоге он будет употребляться чаще, чем в страдательном; доля ярлыка «процесс» также возросла по отношению к общей статистике — а доля ярлыка «состояние» резко уменьшилась. Неясно, с чем связано то, что преобладает именно ярлык «вхождение в состояние». Это могло бы объясняться тем, что среди непассивных глаголов преобладают глаголы совершенного вида, но это не так; причина может крыться в том, что в совершенном виде у глагола просто меньше вариантов акциональных ярлыков, поэтому большинство глаголов совершенного вида получают ярлык «вхождение в состояние», в то время как в несовершенном виде глаголы распределяются между разными опциями.

Что же касается пассивных возвратных глаголов, которые в силу ориентации данной работы именно на пассивные формы находятся в центре нашего внимания, то они, как мы уже заметили, практически повторили общую статистику, которая включала в себя все глаголы, в том числе и производные. Это означает, что как раз для пассивных возвратных глаголов нет основания постулировать распределение по акциональным ярлыкам относительно других типов возвратных глаголов. Вторая диаграмма ещё раз показывает нам уже рассмотренный нами интересный факт количественного превосходства пассивных глаголов над непассивными; только ярлык «вхождение в состояние» по количеству вхождений сопоставим с результатами для пассивных возвратных глаголов.

Для полноты картины нам недостаёт статистики, учитывающей вид глагола. Эту статистику демонстрирует следующая диаграмма (внутреннее кольцо — совершенный вид, внешнее — несовершенный вид; крайне малочисленные двухвидовые глаголы в данной диаграмме не рассматриваются):

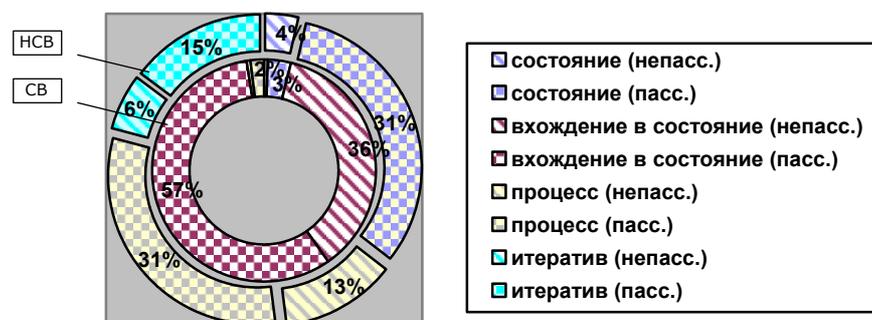

Диаграмма 4-28. Распределение возвратных глаголов по акциональным ярлыкам с учётом вида исходного глагола

То, что мы наблюдаем, не является неожиданностью: действительно, в совершенном виде выбор ярлыков не так велик. Отметим при этом ещё раз большую долю пассивных предложений в совершенном виде; при этом, однако, не стоит забывать, что общее количество пассивных возвратных глаголов превышает количество собственно непассивных примерно в три раза, а в совершенном виде — в полтора раза: снова скажется некоторое «предпочтение» пассивных возвратных глаголов к несовершенному виду.

В то же время невозможно не заметить практически полное отсутствие ярлыка «состояние»: в этой области причастия доминируют. Правда, если последовать примеру упомянутых лингвистов и вывести стальные причастия за рамки пассива, то мы получим и вовсе полное соответствие между причастием и возвратным глаголом. В любом случае, акциональные причастия по-прежнему занимают большой сектор на диаграммах.

Переходим к рассмотрению акциональных классов образующих возвратные глаголы основ. Как мы помним, в случае страдательных причастий на *-н/-т-* распределение

глаголов по акциональным классам практически не отличалось от общего распределения. Обозначение колец на двух следующих диаграммах: внешнее, разрывное, кольцо — общая статистика базы глаголов; среднее — непассивные и пассивные глаголы вместе, внутреннее — пассивные возвратные глаголы.

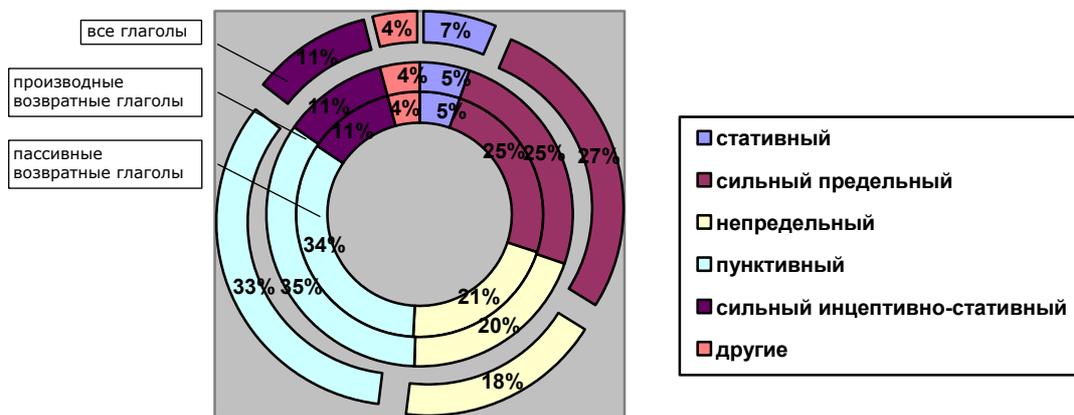

Диаграмма 4-29. Акциональный класс глагола, образующего возвратный глагол (потенциально)

Статистика фактической встречаемости по тем же параметрам (в отличие от данных для причастий, используется только база глаголов, данные по базе примеров на постфикс *-ся* приведём ниже отдельно) выглядит следующим образом:

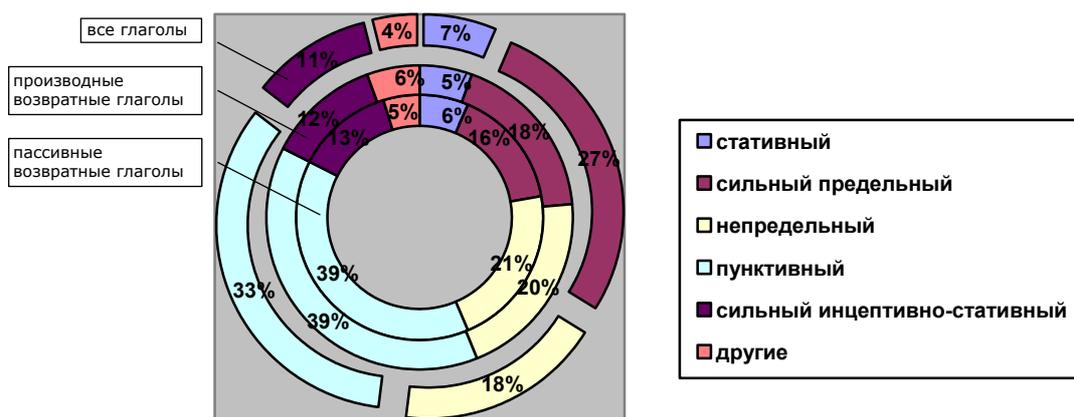

Диаграмма 4-30. Акциональный класс глагола, образующего возвратный глагол (фактически)

Как и в предыдущем подразделе, приведём также сводную статистику для пассивного *-ся*: внешнее кольцо — возможность присоединения пассивного *-ся*, среднее — фактическая по базе глаголов, внутреннее — данные по базе примеров:

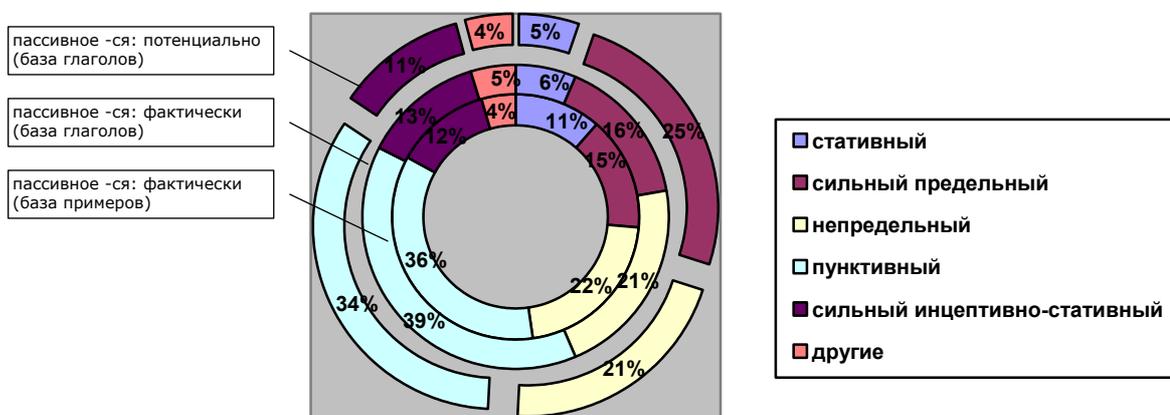

Диаграмма 4-31. Пассивный *-ся*

Результаты можно признать столь же красноречивыми, как и статистика для причастий на *-н-/-т-*: хотя математическая вероятность случайного распределения стремится к нулю, наглядно видно, что глаголы, образующие возвратные глаголы, практически ни чем не отличаются по своим акциональным характеристикам от остальных глаголов базы. Мы можем только заметить, что при переходе от потенциальной к фактической встречаемости упало количество сильных предельных глаголов. Это практически единственный факт изменения доли одного из акциональных классов, причём он согласуется со статистикой причастия на *-н-/-т-*: вновь обратившись к соответствующей диаграмме, мы увидим, что для этих причастий (совершенного вида) доля сильных предельных глаголов как раз возросла. Других подобных соответствий пока не зафиксировано. Также интересно отметить увеличение числа стативных глаголов при переходе от базе глаголов к базе примеров. Тем не менее, доля стативных глаголов в лучшем случае составляет лишь десятую часть от общего числа — это, пусть и не позволяет говорить о том, что возвратные глаголы обозначают только действие, подтверждает наше предположение о «предпочтениях» возвратных глаголов. Эта дискуссия, однако,

должна быть перенесена в следующую часть этого раздела; пока же мы можем констатировать, что **сами по себе глаголы, от которых можно образовать возвратные глаголы, по акциональным характеристикам среди остальных глаголов не выделяются**. Далее мы увидим, насколько можно говорить о взаимном распределении,— после того, как рассмотрим статистику причастий на *-м-*. Но прежде чем это сделать, вспомним о непроезводных возвратных глаголах и посмотрим на то, каково их распределение по акциональным ярлыкам и классам. Непроизводные глаголы чаще всего остаются за рамками нашего исследования, поскольку не могут участвовать в дистрибуции, кроме того, их связь с исходным глаголом обычно прерывается по чисто историческим причинам, и, казалось бы, не имеет смысла искать в этом подоплёку в области акциональности; однако и эти глаголы могут показать неожиданные результаты — об этом невозможно знать изначально, не изучив соответствующие статистические данные. Разрывное внешнее кольцо содержит данные о всех возвратных глаголах базы.

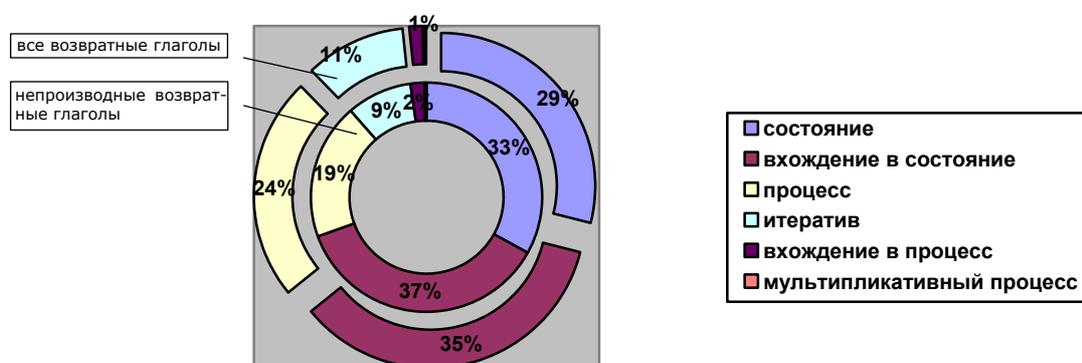

Диаграмма 4-32. Распределение непроезводных возвратных глаголов по акциональным ярлыкам

Как мы видим, по сравнению с общей статистикой изменения всё же есть: падает доля ярлыка «процесс» и несколько увеличивается доля ярлыка «состояние». Сами различия между общей статистикой и статистикой для непроезводных глаголов невелики, но если обратиться к диаграмме 4-26, то мы увидим, что неpassивные производные глаголы ведут себя совсем иначе, а непроезводные по поведению ближе к пассивным (и к

общей статистике). Это может служить косвенным аргументом в пользу того, что пассивное значение для постфикса *-ся-* (если факт деривации можно установить) более естественно. В диаграмме акциональных классов (в отличие от предыдущей), в силу того, что мы сравниваем данные со статистикой базы глаголов, проведено сведение по лексемам.

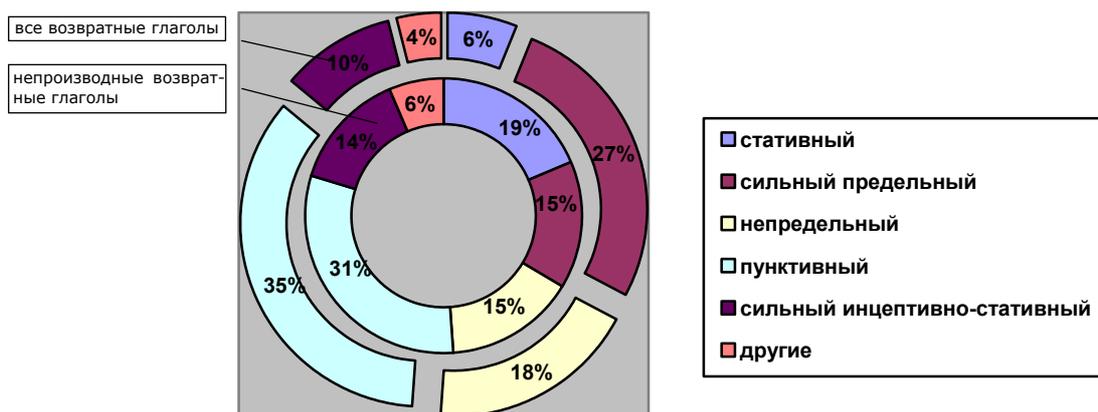

Диаграмма 4-33. Акциональный класс неизпроизводного возвратного глагола

Статистика красноречива: большинство акциональных классов сохраняют свои доли, за исключением стативных и предельных глаголов. Их суммарная доля остаётся практически неизменной, но среди неизпроизводных глаголов стативных значительно больше, а сильных предельных значительно меньше. Это вполне подтверждает теоретическое предположение, что те глаголы, которые исторически отошли от своих деривантов, могут становиться стативными: например, пара *находить* (пунктивный) и *находиться* [где] (стативный). В этом неизпроизводные глаголы близки статальным причастиям, что может служить дополнительным аргументом в пользу того, чтобы не считать статальные причастия производными от исходных глаголов (поскольку схожие явления разумно интерпретировать схожим образом). Однако в данном случае, как представляется, различие в значении более заметно. В любом случае, неизпроизводные глаголы действительно показали нам интересные результаты, которые находят соответствие и в

других областях изучения пассива. Мы же переходим к причастиям настоящего времени.

Причастие на -м-

Этот тип причастий, возможно, станет исключением из уже сформировавшегося правила, согласно которому ни один из пассивизаторов не меняет картины общего распределения глаголов по акциональным классам. Кроме того, мы можем ожидать и более яркой статистики акциональных ярлыков. Всё это объясняется «узким профилем» данного типа причастий.

Диаграмма 4-34. Распределение причастий на -м- по акциональным ярлыкам

В базе также встретился один случай, когда приписать акциональный ярлык сложно. По значению ближе всего к описываемой ситуации ярлык «вхождение в состояние»:

- (64) Согласно ему, руководители предприятий обязаны сообщить об увольнениях ранее **судимых**. (*Летуны сложили крылья*. «Правда», 87-09-29 (981). НКРЯ)

Учитывая итеративность (фраза может быть понята как описание множественных судебных процессов, происходивших в прошлом), можно говорить и об итеративе, но такая же фраза может быть употреблена и по отношению к одному сотруднику предприятия (*ранее судимого*). Это, по-видимому, связано с одним из значений несовершенного вида (аналогично вопросу *Вы читали эту книгу?*).

В основном же, как можно видеть, наши ожидания оправдались, при этом доля состояний превышает долю процессов; видимо, атрибутивная позиция, которая свойственна причастиям этого типа, определяет и «предрасположенность» к состоянию. Других выводов мы пока сделать не можем, поскольку ни один из ярлыков не преобладает настолько, чтобы можно было строить предположения о дистрибуции с другим средством образования пассива.

Диаграмма распределения образующих причастие на -м- глаголов устроена несколько иначе, нежели предыдущие. На одной диаграмме объединены данные для потенциальной и фактической встречаемости (в данном случае малое количество вариантов позволяет это сделать).

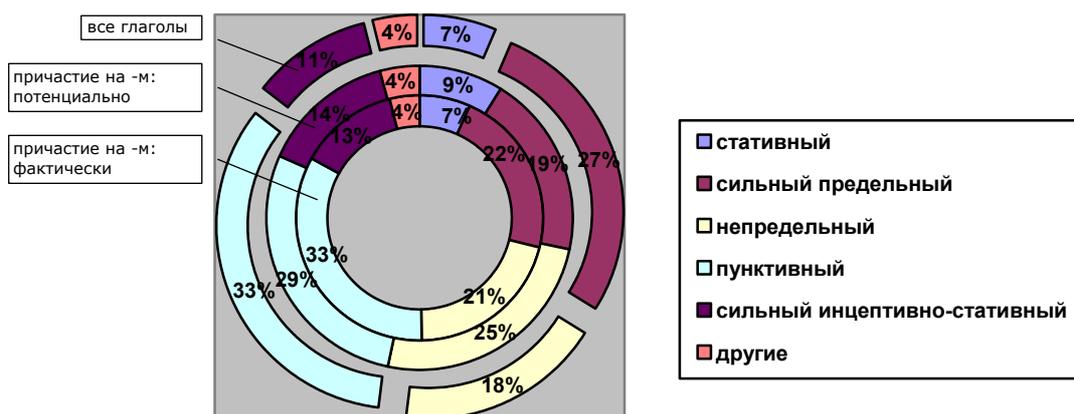

Диаграмма 4-35. Акциональный класс глагола, образующего причастие на -м- (потенциально и фактически)

В отличие от показательных результатов при исследовании распределения по акциональным ярлыкам, в данном случае картина не отличается от предыдущих случаев (в то же время математическая вероятность случайного распределения за счёт многих небольших отклонений вновь близка к нулю). Можно снова отметить небольшое уменьшение числа сильных предельных глаголов, в остальном же статистика практически совпадает с общим распределением.

Прежде чем перейти к изучению собственно взаимозаменяемости пассивизаторов в зависимости от акциональных характеристик, сделаем промежуточные выводы на

основе уже полученных данных. Если различия по акциональным ярлыкам имеют место (но при этом они либо изначально предсказуемы, либо не настолько ярко выражены: см., напр., большое количество вхождений ярлыка «состояние» у возвратных глаголов, что мешает принять известную теорию о распределении пассивизаторов по тому признаку, что возвратные глаголы обозначают действие в противовес состоянию у причастий¹), то в случае акциональных классов **различия практически отсутствуют**. Все глаголы практически точно повторяют общее распределение базы по акциональным классам.

Один интересный вопрос, однако, остался нерассмотренным; он касается соотношения акциональных классов и акциональных ярлыков. Если причастия на *-н-/-т-*, как мы выяснили, могут обозначать состояния при любом акциональном классе глагола (что формально нарушает существующую теорию акциональных классов и служит дополнительным аргументом в пользу исключения этих причастий из списка глагольных форм), то как обстоит дело с возвратными глаголами? Верно ли, что возвратные глаголы получают только те ярлыки, которые предусмотрены их акциональными классами? Как выяснилось, это не всегда так. Предположение о том, что это не так, можно сделать уже исходя из теоретических рассуждений. Пассив включает в себя множество частных значений, в число которых входит так называемый *фацитатив*, обозначающий возможность произвести действие над синтаксическим субъектом. Употреблённый в таком значении глагол может получить только ярлык состояния. Подобные случаи в корпусе крайне немногочисленны, но достойны того, чтобы быть рассмотренными.

Как и в случае страдательных причастий на *-н-/-т-*, существует только одна «аномалия» в соответствии акциональных ярлыков акциональным классам: образование состояния от нестативных глаголов. При этом вряд ли мы сможем утверждать, что эти

¹ См. в этой связи работу [Матханова 2002] о пассивных возвратных глаголах, обозначающих состояния.

возвратные глаголы не имеют невозвратных парных (образующих) глаголов. Более того, они по-прежнему относятся к пассиву. Если быть последовательным в научных рассуждениях, то лишить по той же причине причастия их статуса производной от исходного глагола словоформы кажется не совсем правомерным (хотя, безусловно, не стоит забывать, что статальных причастий на порядок больше, чем таких статальных возвратных глаголов). Посмотрим на примеры образования состояний от глаголов, чей класс ярлыка «состояние» не предусматривает:

(Состояние от непередельного исходного глагола)

(65) Дворовая соседка остановила его и, пока Лева **стыдился** её, рассказала, что отец подал нищему рубль! (Битов А., Пушкинский дом, «Новый мир», 1987:10, стр. 6-15 (5.020). НКРЯ)

(66) Затем я вспомнил стол, за которым мы сидели. Он **раздвигался** во всю столовую. (Гранин, А., Дом на Фонтанке, в кн. «Однофамилец», М., 1983, стр. 410-424 (4.426). НКРЯ)

(Состояние от пунктивного исходного глагола)

(67) Безмерное уважение к собеседнику по-прежнему **читалось** в крайне внимательном лице, в неподвижности выпрямленного корпуса. (Бек, А., Новое назначение, «Знамя», 1986:10, стр. 53-62 (5.008). НКРЯ)

(68) Выше городка по течению, километрах в трех, **располагался** профсоюзный пансионат «Ласточка». (Грекова, И., Кафедра, в кн. «Кафедра», М., 1980, стр. 30-44 (4.998). НКРЯ)

(Состояние от сильного предельного исходного глагола)

(69) Система образования **строится** на преемственности. (Не ниже среднего... между школой и вузом. «Известия», 87-08-26 (2.416). НКРЯ)

Появление ярлыка «состояние» вызвано, как можно наблюдать, двумя разными причинами. В примерах (66), (67) употреблён фацилитатив, то же можно сказать и о

примере (69), хотя в последнем случае это не чистый случай пассива возможности. Вторая возможная причина — исходный и возвратный глагол несколько расходятся в значениях, но нельзя с уверенностью сказать, что факт деривации уже невозможно установить. Как представляется, это некий переходный период в истории языка. В любом случае, такие промежуточные примеры всегда сопровождают любое статистическое деление. Так, в примере (65) наблюдается расхождение: *стыдить* — это фактически глагол речи, а *стыдиться* — глагол эмоций. Видимо, можно глаголы *стыдить* и *стыдиться* объявить не связанными отношениями деривации, хотя, в отличие от глаголов, например, *являться* («быть») и *являть*, это не настолько ясный случай. В примере (68) подобная ситуация. Можно сказать, что *пансионат расположили* в определённом месте, даже существует стательное причастие *пансионат расположен* (заметим, в акциональном употреблении такое причастие невозможно, равно как и возвратный глагол — даже в совершенном виде остаётся состояние: *пансионат расположился в двух километрах от города*). В основном именно возможность замены на причастие препятствует объявлению глагола *располагаться* в этом значении производным. Как мы видим, эта проблема совершенно аналогична той проблеме, с которой мы столкнулись, изучая причастия на *-н/-т-*.

То же самое характерно и для причастия на *-м-*. Сравнив результаты диаграмм для акциональных ярлыков и акциональных классов, можно заметить, что доля ярлыка «состояние» превышает суммарную долю стативных и сильных инцептивно-стативных глаголов, и это превышение составляет чуть менее 15%. Связано это с тем, что среди стательных причастий на *-м-* около 28% образованы от глаголов других классов. Таким образом, если не считать стательные причастия на *-н/-т-* формами глагола, надо принять во внимание, что это явление охватывает все классы пассивизаторов, и последовательно исключить из дериватов исходного глагола и их. Это, однако, не кажется автору достаточно обоснованным.

4. 2. 2. Взаимное распределение по акциональному ярлыку и акциональному классу

В отличие от раздела, касающегося распределения по виду, мы сначала рассмотрим данные базы примеров, а затем — данные базы глаголов. Дело в том, что акциональный ярлык приписывается только на уровне словоформы, а поскольку именно с акциональных ярлыков мы начинаем своё рассмотрение статистики распределения по акциональным характеристикам, то нам придётся обратиться к базе примеров раньше; кроме того, распределение по акциональным классам будет присутствовать как в базе примеров, так и в базе глаголов.

Наши теоретические ожидания относительно распределения по акциональным ярлыкам вполне ясны: статистика уже показала нам, что чёткого распределения зафиксировать нельзя, однако, например, ярлык «вхождение в состояние» у причастий на *-н-/-т-* представлен чаще, чем у возвратных глаголов. Переход от изучения поведения каждого из пассивизаторов к исследованию их взаимозаменяемости может дать более результаты. Для того чтобы это стало ясным, необходимо ещё раз обозначить, в чём же состоит смысл этого перехода.

Каждая из статистик, касающихся отдельных пассивизаторов, даёт нам возможность делать прогнозы относительно статистики для других пассивизаторов (что, правда, означает, что мы изначально предполагаем наличие дистрибуции по определённому параметру; что касается акциональности, то мы, исходя из многочисленных гипотез, зафиксированных в лингвистической литературе, действительно предполагали её наличие). Статистика взаимной встречаемости позволяет оценить это распределение непосредственно. Зависит ли от акционального ярлыка возвратного глагола возможность его замены на причастие? Если замена возможна, то сохраняется ли ярлык или скорее меняется? Несмотря на то, что явного распределения по акциональным ярлыкам и классам для каждого из средств образования пассива нет, мы можем рассчитывать на

то, что ситуация изменится: ведь мы фактически вводим в уже рассмотренную статистику важный параметр: возможность непосредственной замены. Мы считаем необходимым снова подчеркнуть этот переход к новой стороне рассмотрения дистрибуции, чтобы в каждом разделе обеспечить ясность того, что каждый из компонентов исследования играет свою роль в установлении дистрибуции.

Следующие диаграммы помогут нам найти ответы на уже поставленные нами вопросы: зависит ли возможность замены одного пассивизатора на другой от его акционального ярлыка и часто ли акциональный ярлык удаётся сохранить.

Непроизводные возвратные глаголы, напомним, из рассмотрения исключаются (в противном случае они по понятной причине будут искажать статистику).

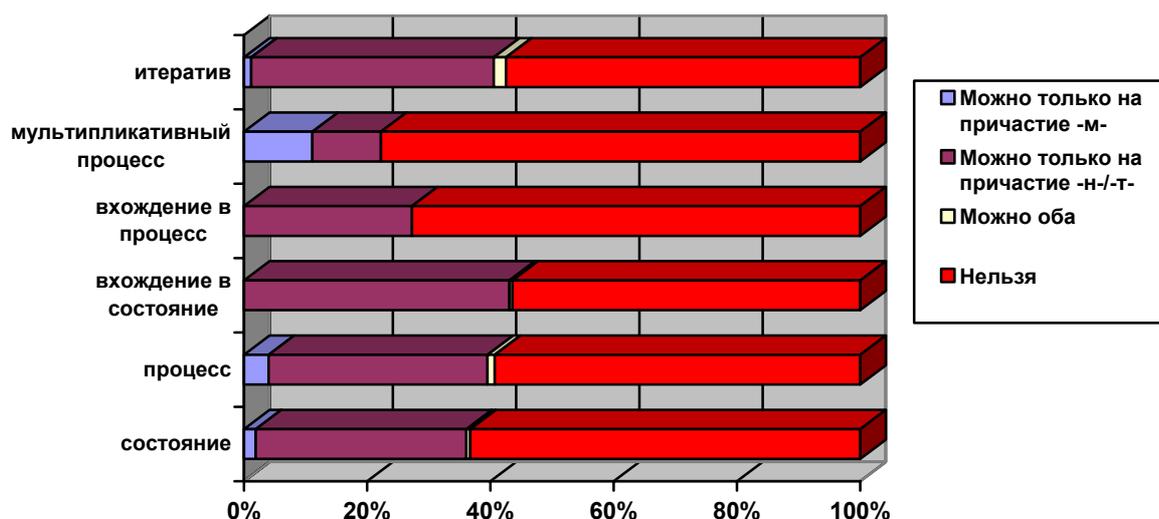

Диаграмма 4-36. Возможность замены -ся на причастие в зависимости от акционального ярлыка

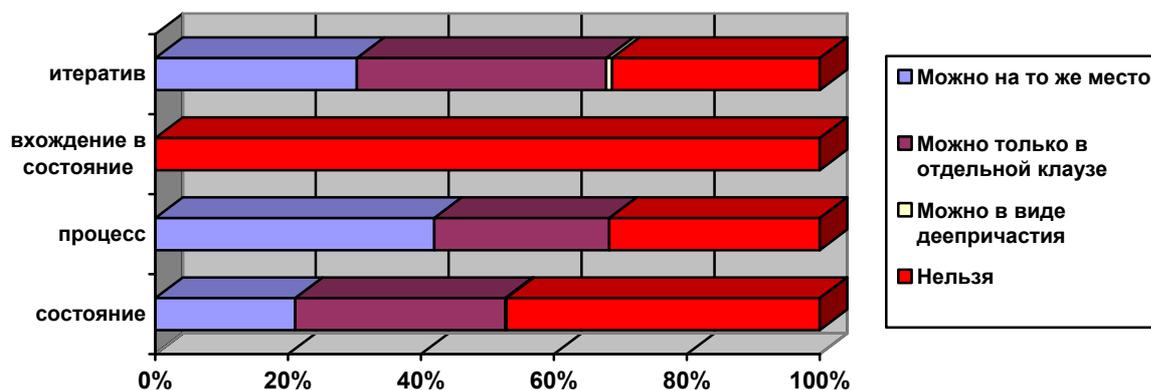

Диаграмма 4-37. Возможность замены причастия на -м- на возвратный глагол в зависимости от акционального ярлыка

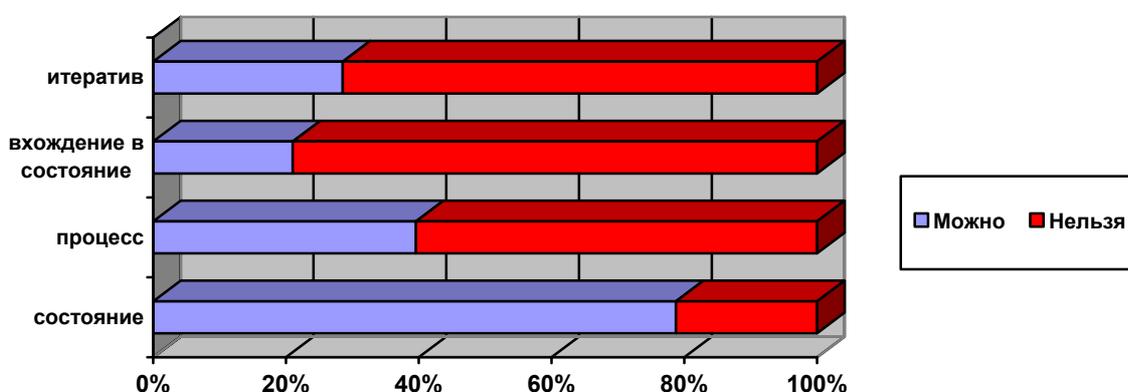

Диаграмма 4-38. Возможность замены причастия на -н/-т- на возвратный глагол в зависимости от акционального ярлыка

В общем и целом статистика нейтральна: она снова демонстрирует нам среднюю частоту взаимозаменяемости, в большинстве случаев не предлагая особого различия в зависимости от акционального ярлыка; однако исключения есть, и эти исключения вполне закономерны. Обратим внимание на то, что возвратный глагол не заменяется на причастие на -м-, это объясняется, видимо, различием возможных позиций в предложении. С другой стороны, причастие на -м- заменяется на возвратный глагол гораздо чаще. Ярлык «вхождение в состояние» представлен только одним примером и потому не является показательным, хотя он и присутствует на диаграмме. Эта асимметрия уже была нами объяснена: позиция сказуемого с большим трудом может быть заменена на

атрибутивную, а обратная замена возможна (для неё предусмотрена опция «только в отдельной клаузе»).

Самое же яркое исключение из общей сравнительно ровной статистики замен мы наблюдаем в последней диаграмме — диаграмме для причастий на *-н-/-т-*. Количество примеров достаточно велико, и говорить о случайности не приходится: ярлык «состояние» гораздо чаще других позволяет заменить причастие на глагол. Этот факт может показаться противоречивым: ведь уже установлено, пусть и с исключениями, что причастие имеет тенденцию обозначать состояние и тем самым как бы резервирует за собой этот ярлык — тогда весьма странно, что именно этот ярлык проявляет наибольшую «толерантность». При этом мы, однако, забываем, что замена стательного причастия на глагол не означает сохранения стативности: глагол может получить другой ярлык. Если принять во внимание этот момент, ситуация проясняется, поскольку тогда мы можем утверждать примерно следующее: если причастие обозначает состояние, то оно позволяет заменить себя на глагол, чтобы эта пара пассивных форм охватила все возможные акциональные значения; если же причастие обозначает, например, процесс, то есть имеет ярлык, вполне характерный и для возвратного глагола, то в возвратном глаголе остаётся меньше необходимости, ведь он не изменит акционального ярлыка причастия. **Таким образом, распределение по акциональным ярлыкам может проявляться в «разделении сфер влияния»,** а не как дополнительная дистрибуция. Если имеет место именно такая дистрибуция, то неудивительно, что мы не обнаружили её, рассматривая пассивизаторы по отдельности: такой способ рассмотрения в основном предназначен для выявления именно дополнительной дистрибуции.

Чтобы проверить наше предположение, необходимо изучить статистику изменения акционального ярлыка для тех элементов базы, в которых замена пассивизатора возможна. На следующей диаграмме объединены все варианты замен (за исключением замены возвратного глагола на причастие на *-т-* в силу немногочисленности случаев).

В этой обзорной диаграмме дан процент случаев, в которых соответствующий акциональный ярлык при замене пассивизатора меняется на какой-либо другой (на какой именно, будет показано ниже). Из этой общей диаграммы исключены ярлыки «вхождение в процесс» и «мультипликативный процесс». Все остальные ярлыки представлены у всех пассивизаторов за исключением «вхождения в состояние» для причастий на *-м-*. Единственное вхождение этого ярлыка не допускает замены на *-ся*.

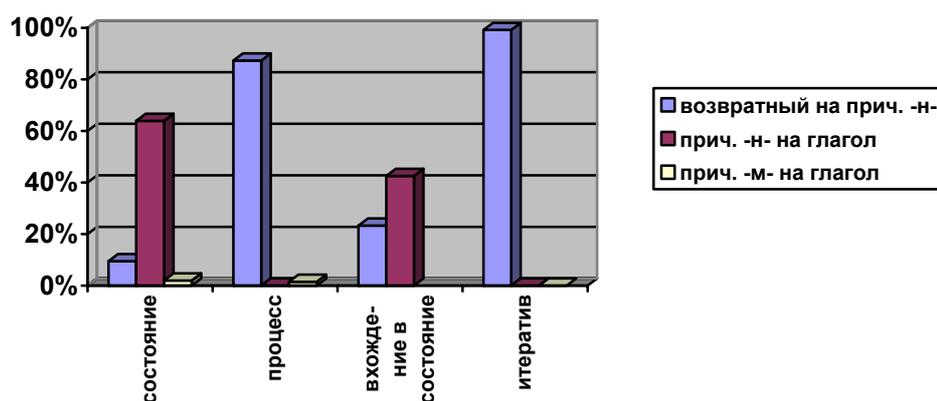

Диаграмма 4-39. Изменение акционального ярлыка при замене (обзор)

На этой диаграмме можно наблюдать три пиковых значения, превышающих 60%. Как мы и предполагали, ярлык «состояние» у причастий действительно часто изменяется при подстановке возвратного глагола. Что же касается ярлыков «процесс» и условного ярлыка «итератив» для возвратных глаголов, то словоформы, являющиеся носителями этих ярлыков, как видно из предыдущих диаграмм, заменяются на причастие не чаще остальных. В данном случае ярлык сменяется из-за того, что эти два ярлыка весьма редко встречаются с причастиями, в то время как ярлыки «состояние» или «вхождение в состояние» — гораздо чаще. Это мы могли наблюдать на диаграммах раздела о страдательных причастиях на *-н-/-т-*. Отметим также, что заменяемое на глагол причастие на *-м-* практически всегда сохраняет свой ярлык. Это весьма примечательный факт.

Для полноты описания недостаёт более подробных диаграмм, описывающих, какие именно ярлыки получают причастия и глаголы, подставленные вместо глаголов и причастий исходных примеров. Теперь мы также рассмотрим и замену возвратного глагола на причастие на *-м-*.

Как и прежде, горизонтальные столбики обозначают акциональный ярлык заменяемой словоформы. Секции, на которые поделены столбики, обозначают акциональные ярлыки словоформы, подставляемой на место исходной. Заштрихованы те секции, которые обозначают сохранение исходного ярлыка.

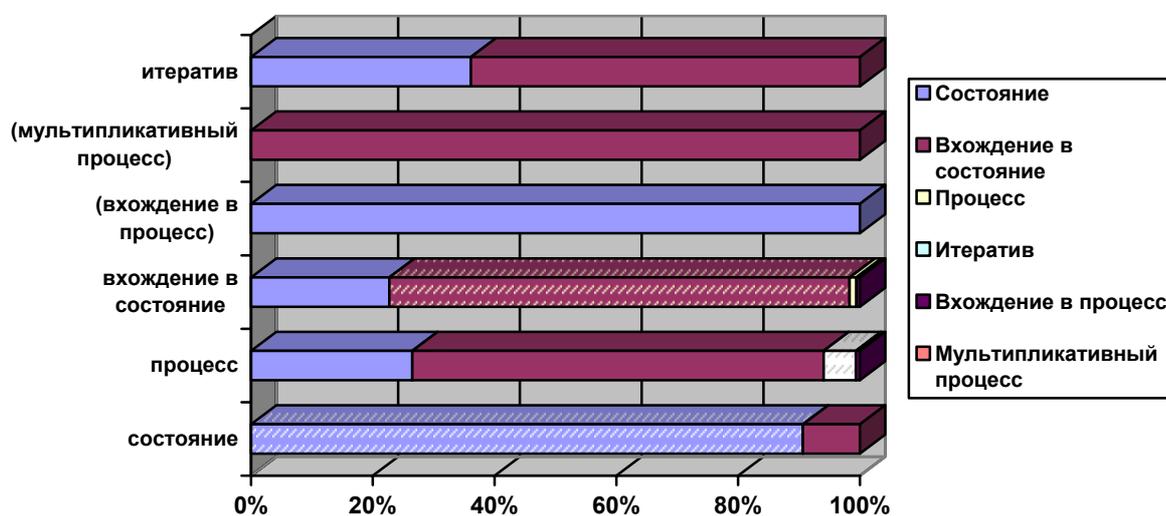

Диаграмма 4-40. Ярлык подставляемого причастия на *-н-/т-* в зависимости от акционального ярлыка заменяемого возвратного глагола

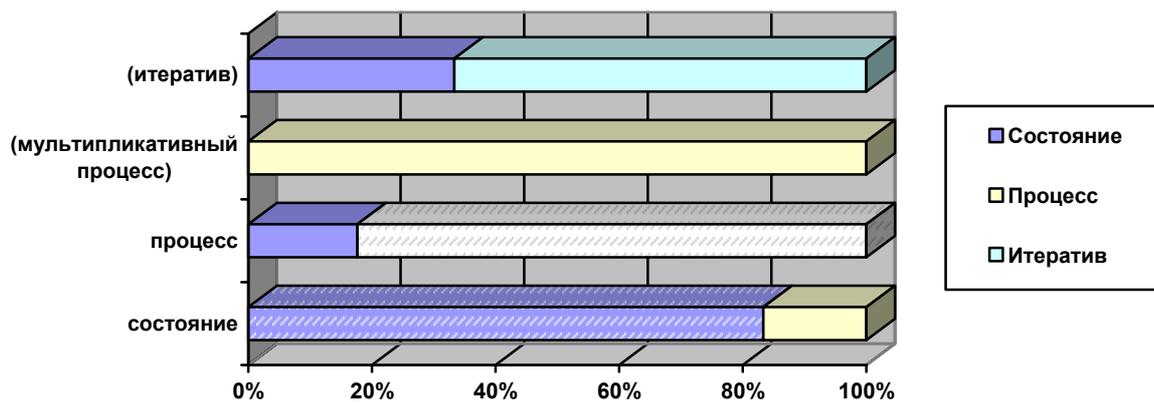

Диаграмма 4-41. Ярлык подставляемого причастия на -м- в зависимости от акционального ярлыка заменяемого возвратного глагола

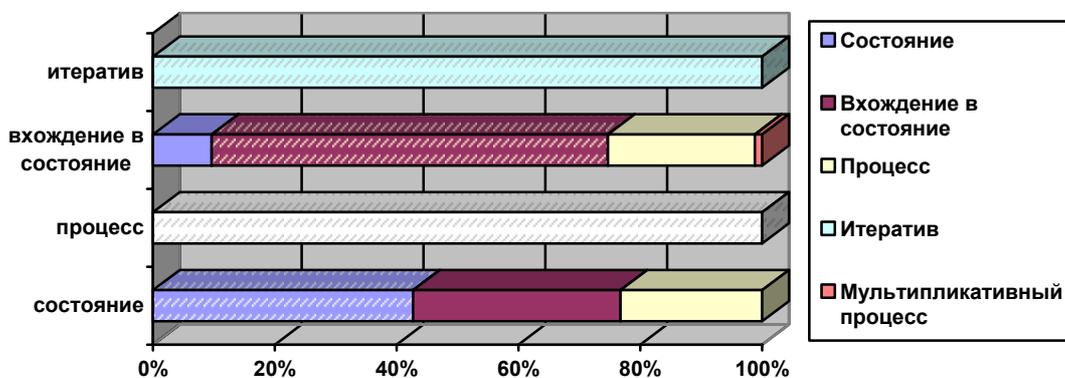

Диаграмма 4-42. Ярлык подставляемого глагола в зависимости от акционального ярлыка заменяемого причастия на -н/-м-

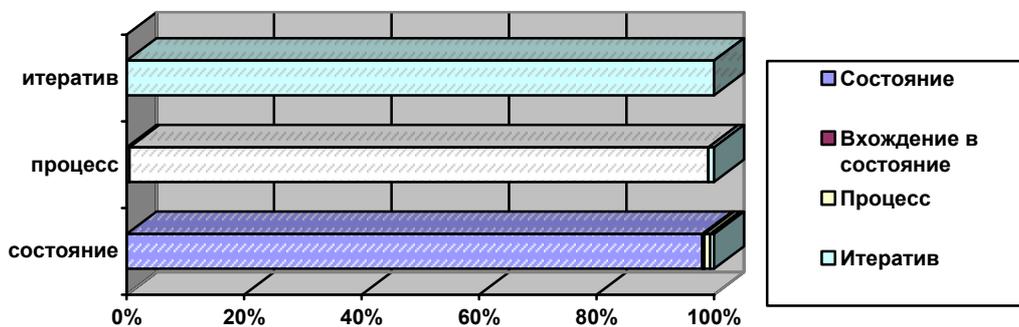

Диаграмма 4-43. Ярлык подставляемого глагола в зависимости от акционального ярлыка заменяемого причастия на -м-

Итак, мы раскрыли более подробно те общие цифры, которые уже сообщили нам важнейшие сведения о замене ярлыков. Ярлык «процесс» и условный ярлык «итератив» заменяются на «состояние» и «вхождение в состояние» в пропорции, обратной той, что мы наблюдали, изучая распределение всех причастий на *-н-/-т-* по акциональным ярлыкам: преобладает ярлык «вхождение в состояние». Зато, что вполне объяснимо, ярлык «состояние» сохраняется при замене стивных возвратных глаголов на причастие. Мы снова наблюдаем частоту смены ярлыка «состояние» при замене причастия на *-н-/-т-* на возвратный глагол и вновь наблюдаем сохранение ярлыка при замене причастия на *-м-* пассивным глаголом на *-ся*.

Если суммировать всё сказанное выше, мы можем сформулировать следующий вывод: **возвратный глагол и причастие на *-н-/-т-* могут при замене терять свой акциональный ярлык** в зависимости от описанных выше факторов; **причастие на *-м-* в подавляющем большинстве случаев сохраняет свой акциональный ярлык**. Объяснить последний факт можно тем, что при замене причастия на *-м-* возвратным глаголом обычно вид глагола сохраняется, и тем самым остаётся неизменным и акциональный ярлык. В таком случае данное явление родственно нашим наблюдениям, согласно которым ярлыки «процесс» и «итератив» у возвратных глаголов теряются чаще, чем другие: причастие на *-н-/-т-* чаще всего имеет форму совершенного вида, в котором эти ярлыки и без того встречаются относительно редко. Впрочем, не стоит пытаться отделить влияние вида от влияния акционального ярлыка, так как эти явления принадлежат одной области и тесно связаны.

На этом фоне выделяются **статальные причастия на *-н-/-т-***, которые теряют свой ярлык не по причине отсутствия соответствующего ярлыка у возвратных глаголов, а с целью избежать избыточности и создать распределение, используя возвратные глаголы для обозначения акциональной сферы в противовес статальной. Таким образом, **причастия данного типа участвуют в распределении по акциональности**. Именно это и

констатировали те исследователи русского пассива, которые постулировали дистрибуцию по акциональности; однако, как мы видим, о комплементарном распределении по акциональности всех причастий на *-н/-т-* и возвратных глаголов речи идти не может.

Завершим наше исследование акциональности возвратных глаголов и причастий изучением статистики взаимозаменяемости в зависимости от акционального класса глагола. О конкретных ожиданиях не приходится говорить, но, возможно, стабильная независимость образования пассивизаторов от акционального класса будет нарушена в этот раз.

Мы рассмотрим общие данные базы глаголов, а затем данные по взаимозаменяемости с использованием базы примеров.

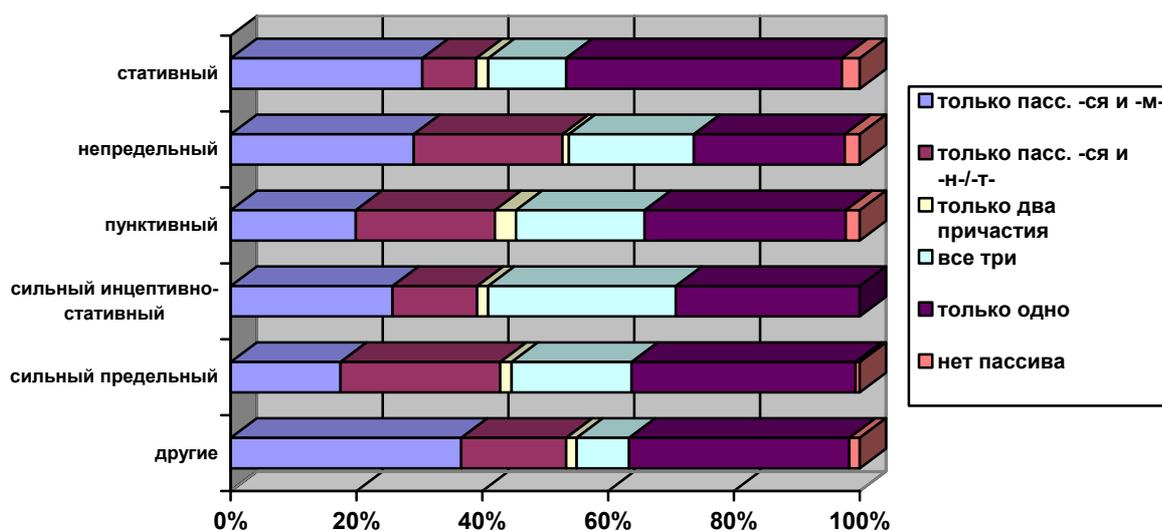

Диаграмма 4-44. Образование пассива разными средствами в зависимости от акционального класса (потенциально)

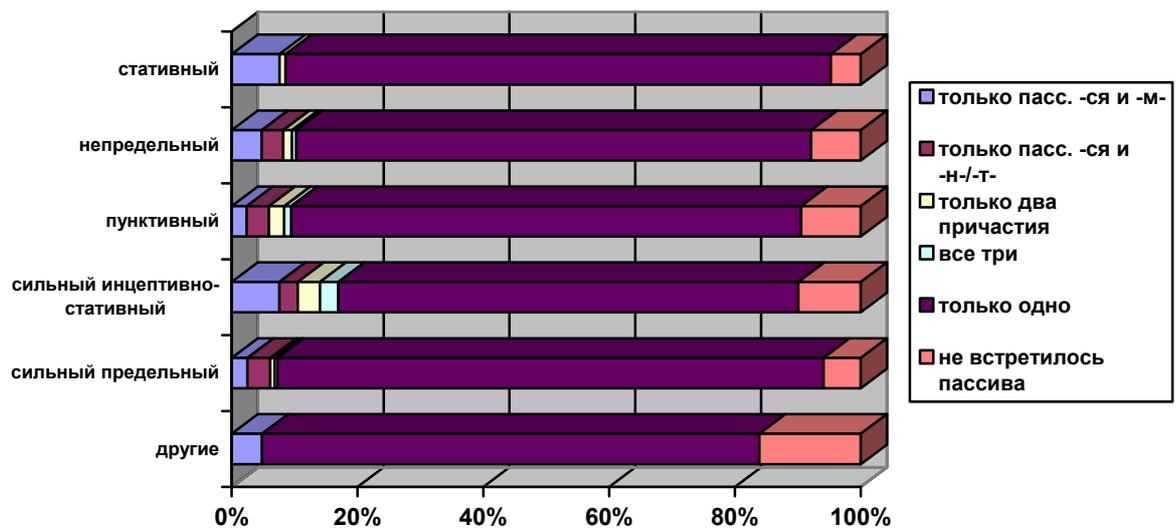

Диаграмма 4-45. Образование пассива разными средствами в зависимости от акционального класса (фактически)

Действительно, в отличие от попыток выявить распределение по акциональному классу в предыдущих частях раздела, разброс значений для каждого акционального класса часто достаточно заметно отличается от других. Наибольшую гибкость демонстрируют нам сильные инцептивно-стативные глаголы: примечательно не только то, что доля глаголов, которые образуют пассив всеми тремя средствами, в этом классе наибольшая (как в диаграмме потенциальной, так и в диаграмме фактической встречаемости, о различиях которых мы уже говорили выше), но и то, что в первой диаграмме это единственный класс глаголов, все члены которого образуют пассив тем или иным способом. Единственный вывод, который можно сделать из этих фактов, таков: сильные инцептивно-стативные глаголы предоставляют наиболее универсальный набор акциональных ярлыков. Так, стативные глаголы, лишённые ярлыка «вхождение в состояние», лишены тем самым также и свободы в образовании пассива; у пунктивных глаголов, наоборот, отсутствует ярлык «состояние», поэтому увеличена доля глаголов, которые образуют пассив возвратным глаголом и причастием на *-н-/-т-*. В то же время эти выводы не безусловны, поскольку всё же разброс в значениях не настолько велик.

Тем не менее, можно отметить ещё одну, обратную, тенденцию. Сочетание «возвратный глагол — причастие на *-н/-т-*» чаще встречается у глаголов, у которых в наборе ярлык «состояние» отсутствует. Однако и это не является неожиданностью, достаточно вспомнить, что причастие может обозначать состояние даже в том случае, если ярлыка «состояние» в наборе соответствующих акциональному классу ярлыков у глагола нет. Именно сильные предельные глаголы лидировали по количеству образованных от них статальных причастий.

Как и в предыдущем подразделе, раскроем пункт «только одно» на диаграммах ниже:

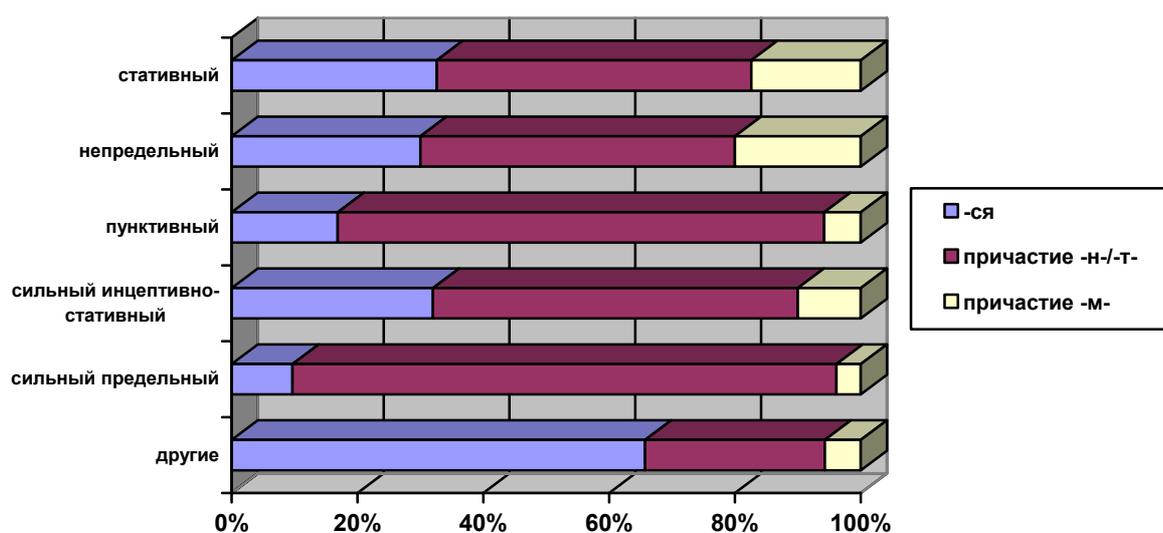

Диаграмма 4-46. Каким именно средством образуется пассив (потенциально)

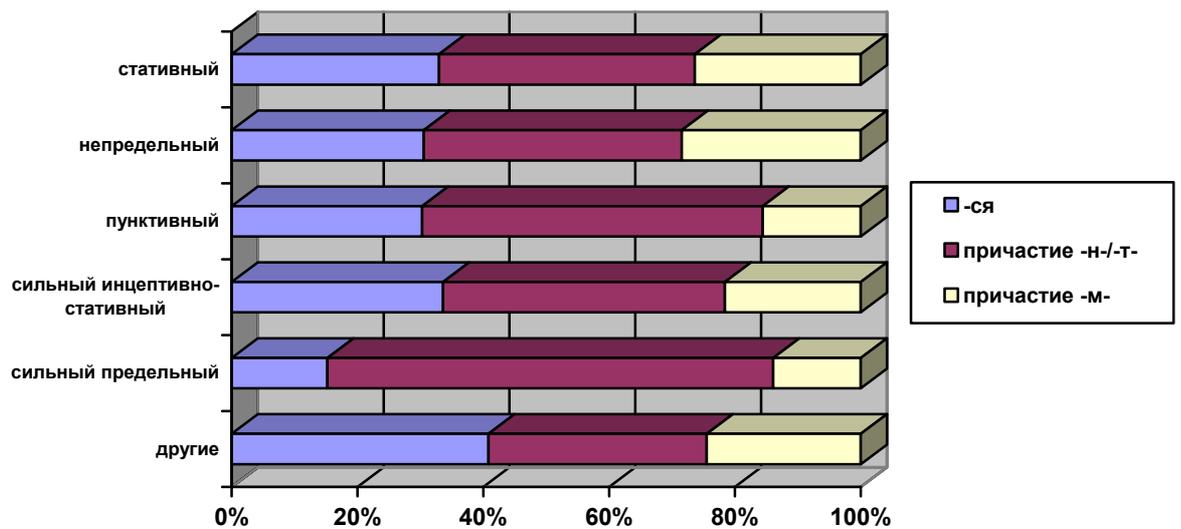

Диаграмма 4-47. Каким именно средством образуется пассив (фактически)

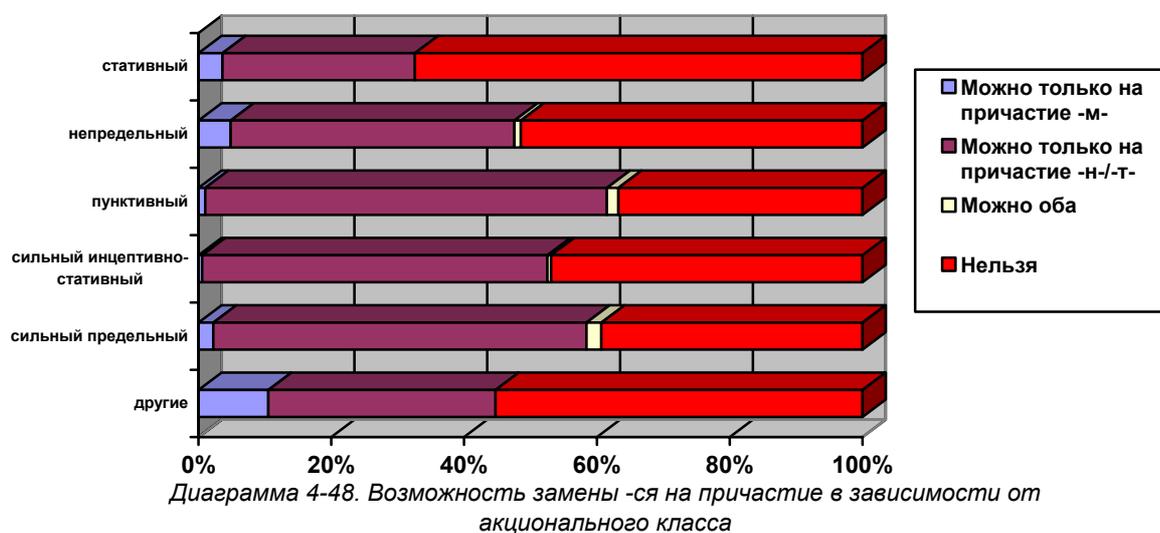
Результаты двух диаграмм вполне сравнимы несмотря на известное нам различие между потенциальной и фактической встречаемостью; к тому же, если возможность по своей сути слабее, чем фактическое вхождение в корпусе, то отсутствие возможности, наоборот, сильнее, чем отсутствие фактического вхождения. Это также необходимо учитывать.

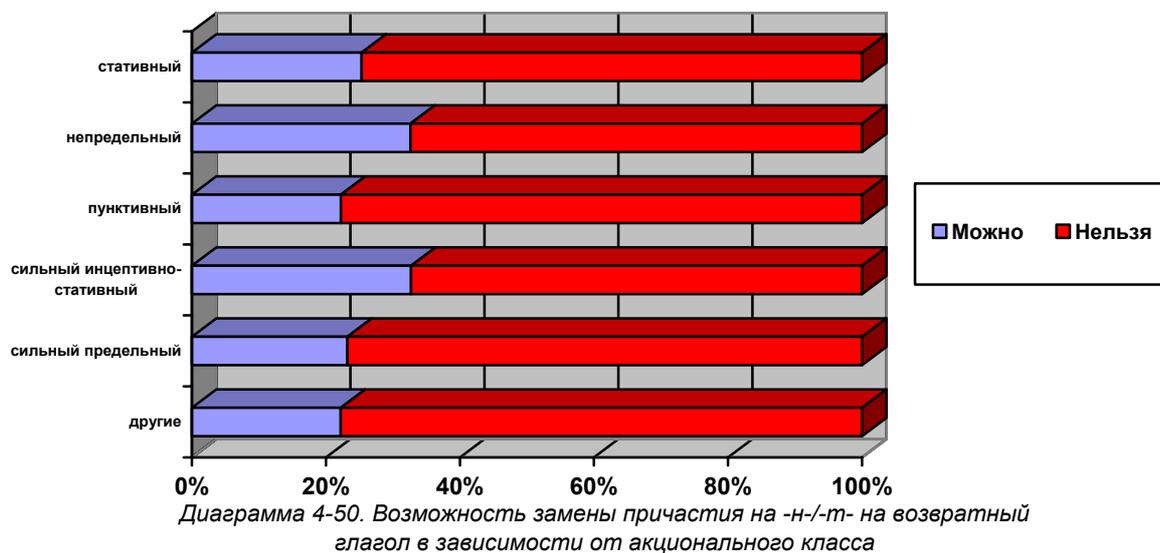
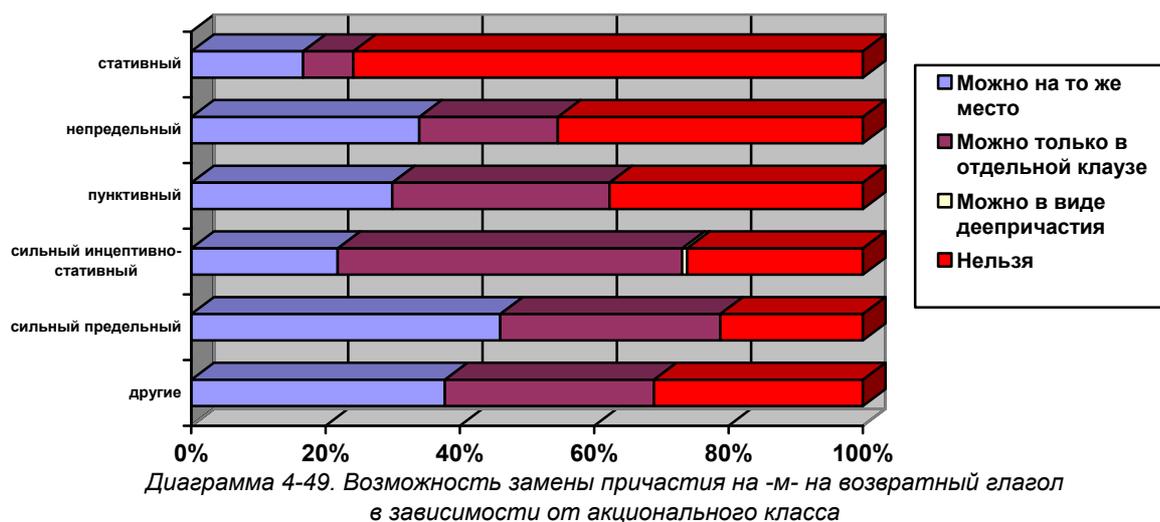
На обеих диаграммах наблюдается одинаковый спад доли пассивных возвратных глаголов, образуемых от сильных предельных основ. Мы помним, что для этих основ и доля сочетаемости возвратного глагола с причастием в среднем ниже, чем у других. Когда же сочетаемость отсутствует вовсе, превалирует страдательное причастие на *-н-/-т-*. Видимо, те сильные предельные глаголы, которые выбирают только одно средство пассивизации, в большинстве своём несовместимы с имперфективными значениями; в таком случае вполне понятно, что единственным пассивизатором будет именно причастие на *-н-/-т-*. Видимо, странно было бы ожидать обратного: всё же в предельных глаголах важен именно факт наличия завершения действия, и вполне разумно, что именно причастие на *-н-/-т-* преобладает. Второй спад мы наблюдаем у пунктивных глаголов, хотя статистикой фактической встречаемости он не подтверждается. Причина

этого спада, представляется, та же, что и у сильных предельных глаголов: в случае пунктивных глаголов имперфективная стадия фактически отсутствует, поэтому даже ту долю глаголов, у которых в пассиве возможен только возвратный глагол, можно считать даже неожиданно большой, что снова опровергает теорию о том, что пассивные возвратные глаголы исключительно имперфективны: они могут не только употребляться в форме совершенного вида, но и быть единственным средством выражения пассива.

В остальных же случаях можно говорить об относительном равенстве между возвратными глаголами и страдательными причастиями на *-н-/-т-*, а причастие на *-м-* стабильно получает меньшую долю относительно двух других пассивных форм.

Последней серией диаграмм в настоящем разделе станут диаграммы статистики взаимозаменяемости пассивизаторов в базе в зависимости от акционального класса.

Как и в разделе общих статистик, мы видим, что причастие на *-н-/-т-* в среднем заменяется на глагол реже, чем причастие на *-м-*. Возвратные глаголы заменяются на причастие на *-м-* крайне редко (если не рассматривать альтернативу «другие», причастие чаще подставляется вместо глагола у стативных и непредельных глаголов, которые объединяет отсутствие обязательного логического завершения действия — акциональные ярлыки имперфективных и перфективных форм для них совпадают), а на причастие на *-н-/-т-* значительно чаще, чем наоборот. Что же касается распределения результатов по акциональным классам, то разброс для возвратных глаголов составляет от

тридцати до шестидесяти процентов, для причастий прошедшего времени он меньше (около десяти процентов). Реже всех заменяются стативные глаголы: и стативные возвратные глаголы, и статальные причастия обоих типов заменяются не более чем в трети случаев. Сильные предельные глаголы, наоборот, принадлежат к числу лидеров: доля возможных замен приближается у причастий на *-м-* к 80%. Возвратные глаголы класса сильных предельных также занимают лидирующее положение по возможности замен на причастие на *-н-/-т-*, что вполне объяснимо (переход от имперфективного ярлыка «процесс» к перфективному «вхождение в состояние»), но доля замен на причастие на *-м-* также крайне мала. По-видимому, единственным разумным объяснением снова является бóльшая универсальность возвратного глагола по сравнению с причастием на *-м-* в отношении возможных позиций в предложении. Едва ли здесь может быть иное объяснение, например, касающееся акциональности. Именно в силу этой разницы в количестве возможных позиций в предложении рассматривать частоту замен на причастие на *-м-* в сравнении с частотой для других пассивизаторов практически не имеет смысла; разумно только сравнивать величины доли замен на причастие на *-м-* между собой.

Если рассмотреть это наиболее заметное различие в заменяемости между сильными предельными и стативными глаголами для причастий на *-м-* несколько глубже и вновь обратиться к данным, представленным в диаграмме 4-37, то мы обнаружим, что доля ярлыка «процесс» велика, как и доля сильных предельных глаголов; доля же ярлыка «состояние» несравнимо выше доли стативных глаголов, для которых возможна замена. Это — очередная иллюстрация возможности образования статальных причастий от нестативных глаголов.

4. 3. Выводы

Если коротко сформулировать вывод, который можно сделать по итогам проведённого исследования вида и акциональности, то он будет таков: есть основания говорить

о распределении (пусть и не о дополнительной дистрибуции) типов пассивных конструкций по виду (но виду самой формы, а не производящего глагола) и акциональному ярлыку; последнее особенно явно проявляется при исследовании возможности смены типа конструкции в конкретном примере.

При этом в силу достаточного количества исключений объявить вид или акциональность основным параметром распределения не представляется возможным. Одним из таких исключений стал возвратный перфективный пассив, достаточно распространённый в русском языке.

Наибольшее количество интересных фактов предоставило нам исследование акциональных ярлыков пассивных форм. О дополнительной дистрибуции говорить не приходится: известное предположение о том, что причастия на *-н-/-т-* обозначают состояние в противовес действию, которое обозначает возвратный глагол, не совсем соответствует действительности. Более мягкая формулировка о результативной семантике причастия автоматически снимает вопрос о дополнительной дистрибуции, поскольку возвратный глагол также весьма часто обозначает результат действия. Статальные причастия действительно имеют особые свойства, отличающие их от акциональных, что может даже приводить к потере пассивности; их особое поведение давало повод лингвистам предлагать исключить эти словоформы из числа форм глагола, а предложения с такими причастиями не считать производными от активных предложений. Как было показано, подобные факты образования состояний от глаголов, которые не предполагают в своём наборе ярлыков состояние, замечены и с причастиями на *-м-*, и даже с пассивными возвратными глаголами.

Такие результаты нам позволил получить особый метод — включение в рассмотрение именно акциональных ярлыков, а не только классов (как Т-категории Е. В. Падучевой или видовые пары Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелёва, об этих понятиях говорилось выше). Безусловно, разделение статальных и акциональных причастий

подразумевает именно разницу в акциональном ярлыке, но формально это различие не было постулировано и не переносилось на другие пассивизаторы. Изучение соотношения акциональных ярлыков и классов дало возможность сделать любопытные выводы, в том числе и теоретические: акциональная категория глагола не накладывает таких жёстких ограничений на набор возможных пассивных форм; при этом интересно, что «внештатный» ярлык, исключая итератив, может быть только один: состояние¹.

Можно даже утверждать больше: рассмотрение именно акциональных ярлыков дало больше результатов, нежели рассмотрение исключительно акциональных классов образующих глаголов (для которых, пожалуй, единственным значимым отклонением явилось преобладание сильных предельных глаголов среди образующих пассив только с помощью причастия на *-н-/-т-*). На первый взгляд и в случае акциональных ярлыков наличие распределения — под сомнением: причастия на *-н-/-т-* обозначают преимущественно состояния или вхождения в состояние, пассивные возвратные глаголы одинаково часто используют ярлыки «процесс», «состояние» и «вхождение в состояние». Но обратившись к возможности смены конструкции в конкретном примере, мы обнаруживаем следующее: стальные причастия чаще заменяются на глаголы, при этом ярлык глагола чаще всего уже не будет «состоянием». Возвратные глаголы при замене на причастие на *-н-/-т-* теряют свои ярлыки «процесс» и «итератив». Причастия на *-т-* при замене на возвратный глагол свой ярлык обычно сохраняют. Таким образом, можно констатировать определённое распределение: за возвратными глаголами оказываются закреплены ярлыки «процесс» и «итератив», а за причастиями на *-н-/-т-* — ярлык «состояние». На пересечении «сфер влияния» этих двух типов конструкций находится ярлык «вхождение в состояние», который достаточно часто встречается как с возвратными глаголами, так и с причастиями на *-н-/-т-* (хотя с последними — чаще). Презентные

¹ Попытка найти объяснение этому факту уводит нас в метафизику: действительно, любое движение можно рассмотреть как состояние, это описано ещё у Зенона в одной из его апорий, когда стрела оказывается висящей без движения. Обратное же проделать нельзя.

же причастия, по акциональным свойствам тяготея к пассивным возвратным глаголам, допускают замену скорее в зависимости от позиции в предложении. Гипотезу о сферах влияния подтверждают сильные инцептивно-стативные глаголы, образующие пассив разными способами чаще глаголов других классов: этот класс составляют два ярлыка («состояние» и «вхождение в состояние»), которые (хотя бы один из них) встречаются в конструкциях всех типов.

Весьма примечательно, что именно переход к употреблению конструкций разных типов в конкретных примерах и возможности смены типа конструкции в конкретном примере дал такие показательные результаты (см. также аргументацию на стр. 167 и далее). Данные о дистрибуции становятся точнее: ведь если мы наблюдали относительный паритет акциональных ярлыков при исследовании каждого типа конструкций отдельно, то оставались скрытыми определённые особенности употребления этих типов, которые объясняются простым принципом: в сумме все используемые типы конструкций должны охватить как можно большее количество различных значений, использовать два типа для обозначения того же процесса нелогично.

Если глагол образует пассив только одним средством, это можно объяснить только его лексическими свойствами (вспомним в этой связи, что если пассив образуется только одним способом, то этот способ чаще всего — причастие на *-н-/-т-*). В остальном же некоторая характеристика лексемы в целом (как и семантический класс) показала себя достаточно малозначимой (хотя, как мы помним, и в области семантических классов при обращении к базе примеров мы получили определённые выводы), и распределение более явно прослеживается на уровне конкретных словоформ. Как мы увидим в следующей главе, наполнение конкретного предложения также влияет на употребление пассивных конструкций различных типов.

Глава 5. Актанты пассивной конструкции

5. 0. Описание задачи

В поиске основного параметра, по которому распределены русские пассивные формы, мы пришли к выводу, что свойства одного глагола (семантический класс или видовые и акциональные характеристики) не являются определяющим фактором, и в выборе пассивной конструкции могут играть не последнюю роль её актанты. В данном случае мы говорим не о противопоставлении пассивной и активной фразы, когда пассивность зависит и от актантов (это отражено в определении пассива)¹, а именно о влиянии свойств актантов пассивной фразы на то, какая именно конструкция будет использована. Если о первом написано немало, то о втором упоминаний в лингвистической литературе мы практически не находим. Тем временем, даже без статистических данных можно предположить, что зависимость существует: так, возможно, что конструкции с причастиями на *-н-/-т-* чаще, чем конструкции с возвратными глаголами, содержат подлежащее (для причастий — определяемое слово), имеющее одушевленного денотата: для возвратных глаголов присутствие подлежащего с одушевлённым денотатом (в особенности человеком) может сделать фразу непассивной (*Ваня моется каждый день vs. Пол моется каждый день*), и поэтому конструкции с таким подлежащим могут быть «зарезервированы» за причастным пассивом.

¹ В эту область также входит заслуживающая внимания проблема выбора говорящим активной или пассивной конструкции для выражения мысли: как известно, пассив часто используется для сохранения когерентности (полный набор факторов, обеспечивающих предпочтительность пассива см. в [Королёв 1969а]), но на выбор пассива или актива может влиять и одушевлённость одного из актантов — при порождении речи носитель языка чаще ставит одушевлённого партиципанта в позицию подлежащего, а затем в зависимости от этого выбирается активная или пассивная конструкция. См. на эту тему [Dewart 1979], [Wilson 1979], [Jenkins 2003], а также [Hinkel 2004].

5. 1. Гиперроли

Прежде чем рассмотреть статистические данные, мы вынуждены остановиться на вопросе о гиперролях. Как было показано в главе 1, участник, занимающий позицию подлежащего в активной конструкции и агентивного дополнения в пассивной конструкции, обязательно должен принадлежать роли Агенса. Иными словами, для данного партиципанта не является обязательным наличие постоянных физических усилий для поддержания ситуации, и релевантным оказывается не столько физическое воздействие, сколько общий контроль или создание предпосылок для возникновения ситуации (который в том числе может представлять собой и физическое воздействие). Это означает, что необходимо обозначить перечень ролей, которым может принадлежать данный партиципant; получившийся набор ролей мы объединим в так называемую гиперроль. Прежде всего, понятие гиперроли необходимо для классификации предложений с возвратными глаголами, для которых отнесение участников ситуации к той или иной гиперроли фактически означает отнесение высказывания к пассивному или непассивному классу; однако это понятие также окажется релевантным для выбора типа пассивной конструкции.

Если, помимо поверхностно-синтаксического, для любого высказывания постулируется уровень семантических отношений, то логично, что связи, которые наблюдаются между именными и глагольными группами и выражаются, в частности, падежами, обусловлены этими отношениями. Одним из первых недостатки традиционного языкознания, описывавшего падежи только с точки зрения того, что наблюдается на поверхностном уровне, отметил Чарльз Филлмор [Филлмор 1981a]¹. Для пассивных конструкций такой подход к роли падежей находит косвенное отражение в представлении о том, будто «настоящий» пассив — это непременно трёхчленная конструкция с агентивным дополнением в форме

¹ Впрочем, основанная на глубинных семантических отношениях теория Ч. Филлмора противопоставлена и генеративной грамматике (в её первых версиях), постулирующей чисто синтаксический глубинный уровень (см. об этом [Кибрик 1982]).

творительного падежа. Более умеренная позиция заключается в том, что пассивная конструкция — это такая конструкция с глаголом в соответствующей форме, в которую всегда можно подставить имя в творительном падеже; денотатом этого имени является Агенс. Само наличие именно творительного падежа, как показывает опыт, зачастую оказывается важнее чего-либо другого. Отсутствие же творительного падежа и, тем более, невозможность его вставить в предложение служит неопровержимым доказательством непассивности конструкции.

Однако самое главное упущение, наблюдавшееся в традиционной лингвистике, заключалось, по словам Ч. Филлмора, в полном невнимании к номинативу, который, в силу семантики самого слова падеж, настоящим падежом не считался. Тем временем, номинативом на поверхностном уровне обозначаются составляющие, играющие на глубинном уровне совершенно различные роли. Ставший хрестоматийным пример о противопоставлении ролей Агенса и Инструмента — составляющих, заполняющих совершенно разные валентности предиката, но занимающие позицию подлежащего — имеет параллели и в области пассива (в примерах ниже не будем обращать внимание на стилистическую приемлемость фраз):

(70) а) Джон разбил окно.

б) Окно разбито Джоном.

(71) а) Молоток разбил окно.

б) Окно разбито молотком.

Представляется очевидным, что разница в семантических ролях имеет место, и при одинаковом выражении на поверхностном уровне именно она играет существенную роль

для диатезы клаузы¹. В паре примеров (71) присутствует нулевой Агенс (о синтаксических нулях см. [Мельчук 1974]), и диатеза глагола должна содержать три ячейки.

Тем самым, падежи Филлмора являются ни чем иным, как семантическими ролями (или отношениями между предикатом и аргументом), и просто необходимы для верной интерпретации пассивных фраз. Более того, как пишет Филлмор, «отношение между номинативом и аккузативом оказывается рефлексом диатезы» [Филлмор 1981а: 387]². Впрочем, существует точка зрения, согласно которой роли во многом определяются семантикой глагола (см. [Davis 1996: 70]).

Количество выделяемых ролей различается в классификациях разных авторов³, и на данном этапе не является принципиальным, какую именно классификацию предпочесть; единственный вопрос, на который необходимо ответить применительно к денотату подлежащего рассматриваемой конструкции, — контролирует ли он тем или иным способом ситуацию. Это может быть как полный, так и частичный контроль над ситуацией, а также создание предпосылок к возникновению ситуации.

¹ Не все учёные считают бесспорным это противопоставление. В работе [Кацнельсон 1988] утверждается, что в первом примере пары (71) *молоток* не является Инструментом, поскольку сам глагол накладывает ограничение на позицию субъекта; подобные замечания сам автор «Дела о падеже» рассматривает в своей следующей работе [Филлмор 1981b], считая их во многом следствием некоторого непонимания сущности глубинных падежей. В качестве дополнительного аргумента в пользу того, чтобы не считать *молоток* участником с ролью Инструмент, приводят также предложения типа *Молоток хорошо забивает гвозди*, что якобы автоматически означает агентивную роль. На самом деле противоречия между ролью Инструмента и возможностью этих предложений нет, поскольку нормальны фразы, подобные следующей: *Этим молотком хорошо забивать гвозди*.

² Номинатив и аккузатив выделяются среди остальных и называются в западной традиции структурными падежами (см. [Woolford 2006]).

³ Исследования в этой области шли ещё до выхода на русском языке «Дела о падеже» — см. [Богданов 1978]; наиболее известный перечень семантических ролей представлен в работе [Апресян 1995], а вся «эволюция» теории семантических ролей подробнейшим образом описана в работе [Дудчук 2006]. Примечательна также работа [Vaker 1997], в которой показано, что теория ролей фактически объединила функционализм и генеративизм (в котором принят термин «тета-роли»), и отличие лишь в том, какому языковому уровню отдаётся «первенство» в формировании исходя из них поверхностной формы высказывания.

Поскольку нас интересует только один параметр, то по этому параметру весь набор существующих семантических ролей разбиваются на две группы — так называемые **гиперроли**¹ Актора ('actor', в терминах К. И. Казенина, М. Хаспельмата, Р. Ван Валина) и Претерпевающего. Альтернативой термину «Актор» мог бы быть термин «Принципал», вводимый А. Е. Кибриком [Кибрик 2003]. Концепция А. Е. Кибрика обобщает теории ролей и гиперролей (прежде всего, референциально-ролевой грамматики, РРГ), в результате чего на шкале семантических ролей (полюсами которой являются прототипические Агенса и Пациенса) для языка каждого строя происходит выбор средств кодирования. В аккумулятивных языках Принципал — гиперроль, объединяющая роли, кодируемые в этих языках номинативом.

Использовать для нашего случая термин Принципал было бы более логично, однако необходим ответить на вопрос, совпадает ли состав ролей, которые должны быть включены в гиперроль Принципала, с тем перечнем ролей, который приведён ниже для нашей гиперроли. Можно с уверенностью утверждать, что этот состав ролей иной, поскольку в работе А. Е. Кибрика понятие гиперроли и способ группирования возможных ролей в гиперроли опирается не столько на свойства участника ситуации, сколько на его кодирование в языке, а в нашем случае кодирование является не единственным критерием для классификации гиперролей. В качестве примера расхождения можно привести роль Инструмента (которая может кодироваться именительным падежом, при этом участник с этой ролью не является Актором)². Кроме того, в гиперроль Принципала входит непереходный

¹ «Роли», а затем «макророли» у Ван Валина и Фоли, «прото-роли» у Даути, см. [Foley & van Valin 1984], [Кибрик А. А. и Плунгян 2002] и [Dowty 1991], а также [Askermann & Moore 2001]. Концепция гиперролей широко используется и в отечественной лингвистике, см., напр., [Храковский 1991] (*Субъект и Объект*), [Падучева 2002, 2004] (*Каузатор, Пациент* и др.).

² У. Фоли и Р. Ван Валин считают, что Инструмент принадлежит к гиперроли Актора, но всё же Инструмент сам по себе, при отсутствии внешних сил, не может стать источником возникновения ситуации (как было показано выше). Существует также аргумент Ч. Филлмора насчёт невозможности одновременного вы-

Пациенс. Для данного исследования такой состав ролей вызвал бы логическое противоречие; единственное исключение, когда Пациенс становится в позицию Актора, представлено на стр. 198.

Тот факт, что в данном исследовании будет использоваться деление ролей на гиперроли Актора и Претерпевающего, а не Принципала и Пациентива, кажется противоречивым, поскольку для языка аккузативного строя (которым является русский) используется состав гиперролей языков активного строя (см. [Кибрик 2003: 144 и далее]). На самом деле противоречие отсутствует. Деление ролей на гиперроли мы понимаем в данном случае как чисто семантическое явление, не связывая его с падежным оформлением. Языки активного строя характеризуются тем, что падежное оформление мотивируется семантической ролью в большей степени (в частности, Пациенс одновалентного глагола выражен тем же падежом, что и Пациенс переходного глагола), нежели в языках активного строя (в которых Пациенс одновалентного глагола кодируется так же, как и Агенс одновалентного или двухвалентного глагола). В аккузативных языках падежное оформление в меньшей степени зависит от семантической роли. Таким образом, гиперроли Принципала и Пациентива не являются чисто семантическими гиперролями, а представляют собой деление ролей, ориентированное на падежное оформление. Для нашего же исследования необходимо использовать чисто семантические гиперроли. Поэтому не должно казаться удивительным, что в работе, посвящённой языку аккузативного строя, за основу берутся гиперроли, используемые при описании языков активного строя.

ражения двух Акторов (поскольку морфологический каузатив, который позволил бы эксплицировать двух Акторов одновременно, отсутствует как в русском, так и в английском).

Если понятие Актора использовать для характеристики падежного маркирования, то вполне вероятно (автор не располагает достаточной информацией, чтобы авторитетно утверждать это), что в языках активного строя Инструмент (при отсутствии Агенса) кодируется так же, как и Агенс, и, тем самым, принадлежит для таких языков к гиперроли Актора. Если же говорить о чисто семантическом делении на гиперроли (см. рассуждение далее), представляется разумным не включать Инструмент в эту гиперроль.

Во многом именно от того, какие роли мы отнесём к гиперроли Актора, а какие — к гиперроли Претерпевающего, и зависит наше решение относительно пассивности высказывания в каждом конкретном случае. В полярных случаях разбиение происходит без затруднений: так, роль Агенса принадлежит гиперроли Актора, а роль Пациенса — гиперроли Претерпевающего. Сомнения вызывает пара ролей Экспериенцера и Стимула. Например, предложения с возвратными глаголами и подлежащим с ролью Экспериенцера имплицитно считаются непассивными, хотя ни одно определение явно не утверждает подобного. Принятое же нами в настоящем исследовании определение позволяет считать такие примеры пассивными. Рассмотрим следующий пример:

(72) Ася вернулась еще толще, чем была. **Люда обрадовалась ей** ужасно, в первый же вечер поделилась насчет Генки. (Грекова, И., *Кафедра*, в кн. «Кафедра», М., 1980, стр. 30–44 (4.998). *Упсальский корпус*)

Этот пример содержит глагол, принадлежащий к классу эмотивных, из чего обычно делается вывод: в данном предложении обозначена реакция девушки на встречу с подругой, эмоция этой девушки, а не некое действие, направленное на девушку, поэтому пример не является пассивным¹. Такая аргументация имеет, как представляется, один недостаток: правом называться Актором интуитивно наделяются только те денотаты, которые делают некое физическое действие. В то же время роль Стимула (или, более широко, Причины, см. [Падучева 1998а, 2002] и разделение *cause* и *causing* в [Kratzer 2005]) также агентивна, а состояние Экспериенцера, несмотря на его одушевлённость, вызвано этим Стимулом (что подчёркивается и моделью управления глагола в активной конструкции, где Экспериенцер обозначен формой винительного падежа), поэтому Экспериенцера в данном примере и подобных представляется оправданным отнести к гиперроли Претерпе-

¹ Жак Веренк, как следствие, считает глагол *обидеть* производным по отношению к *обидеться* [Веренк 1985: 296–297]; таким образом, из описанной точки зрения может или должно следовать предположение об обратной деривации, а наличие в языке обратной деривации — под сомнением (см. [Падучева 2004: 381]).

вающего. Вот что Е. В. Падучева пишет по этому поводу (для обозначения гиперроли Претерпевающего используется термин Пациенс): «Конкретные компоненты толкования у разных глаголов, предполагающих роль Пациенса, могут быть различны. Общее у всех компонентов то, что участник подвергается изменению — изменяться может значение какого-то параметра (*X вырос*); состояние (*X успокоился*); местоположение (*принес X*); объект может возникать и исчезать (*X растаял; съест X*), перемещаться и т. д.» [Падучева 2002: 185].

При этом, однако, в одной из последующих работ автор в рассуждении о статусе эмотивных возвратных глаголов отмечает следующее: «Эмотивные глаголы отличаются от медиальных, поскольку валентность на Стимул/Содержание [эмоции] не факультативна; от пассивных, поскольку не предполагают агентивного дополнения» [Падучева 2004: 382]. Последнее утверждение не представляется достаточно сильным: во-первых, эмотивные возвратные глаголы не предполагают агентивного дополнения только в том случае, если считать, что агентивное дополнение может выражать только участника с ролью Агенса, Актор в этом случае может быть выражен; во-вторых, под вопросом утверждение, что именно конструкции с агентивным дополнением являются каноническими пассивными конструкциями: как отмечается в работе [Wiemer 2004: 306], уместно считать конструкции с выраженным агентивным дополнением результатом введения Актора вновь в синтаксическую структуру после того, как на определённом этапе развития языка выражение этой валентности на поверхностном уровне было под запретом (к этой мысли и этой работе в целом мы ещё вернёмся ниже).

В силу всего сказанного выше примеры с Экспериенцером в позиции подлежащего, подобные примеру (72), есть основания считать пассивными, несмотря на то, что это противоречит интуиции. Также можно добавить, что в таких примерах возвратный глагол часто можно заменить на страдательное причастие на *-н/-т-*, по поводу пассивного значения которого сомнений возникает меньше (хотя автором замечены случаи неpassивного

употребления этих причастий, поэтому в отдельности от теоретического обоснования данный аргумент не представляется достаточно сильным).

Тому, что среди всех возвратных глаголов с подлежащим, имеющим денотата-человека, именно эмотивные глаголы вызывают больше всего сомнений, есть объяснение. В активной конструкции первый актанта такого глагола допускает две интерпретации своей роли: Агенса или Стимула. То, что имеет место именно двоякая интерпретация, а не чистая роль Агенса, иллюстрируется следующими примерами:

- (73) а) Он меня обрадовал.
б) Он меня разочаровал.
в) Результат работы обрадовал меня.
г) Он меня радует.

Среди приведённых примеров только для первого предложения предпочтительна интерпретация с Агеном, но и в первой фразе допускается интерпретация Актора как участника с ролью Стимула (*он* не совершал никаких прямых действий, а *обрадовал*, например, своим приходом); остальные предложения интерпретируются как предложения с Актором с ролью Стимула. При образовании возвратного глагола остаётся только одна интерпретация этого актанта — как актанта с ролью Стимула¹. Интересно, что причастные конструкции допускают обе интерпретации, причём в зависимости от интерпретации кодирования подлежащего исходной конструкции чаще всего будет разным:

- (74) а) Он обижен начальником.
б) Он обижен на начальника.

¹ Этот факт согласуется с пунктом 4 определения пассива, поскольку конструкция оказывается ограниченной в дистрибуции по отношению к активной. Несмотря на некоторую спорность параметра 4, всё же нельзя не признать, что если он выполняется, это может служить дополнительным аргументом в пользу пассивности конструкции.

Важно понимать, что сделанный вывод относительно пассивности эмотивных возвратных глаголов с подлежащим, обозначающим Экспериенцера, возможен только при тех теоретических установках, которые приняты в данной работе, а именно: понятие диатезы как основа всех рассуждений о пассиве, определение пассива и концепция гиперролей. Именно поэтому определение пассива потребовалось мотивировать, ведь приводимые в работе выводы во многом опираются именно на него. В то же время, если исходить из других теоретических установок, выводы могут быть иными. Так, если не накладывать требование на деривированность глагола, глагол *нравиться* можно будет назвать пассивным, а если иначе подходить к ролям и валентностям глагола (например, в каждом случае, когда актант не выражен, постулировать не ноль, а удаление валентности), результаты также будут иными. К описанным глаголам эмоций тоже может существовать иной подход. Например, в рамках Вершинной грамматики составляющих (HPSG), представляющей собой лексикалистское направление генеративизма, имеется точка зрения, согласно которой непассивные предложения с подлежащим, денотатом которого является не Агенс, не могут считаться истинно переходными (см. [Broekhuis, unpublished]). Объясняется это тем, что Стимул в таких предложениях не является так называемым внешним аргументом, то есть входит в состав глагольной группы, откуда затем переводится на субъектную позицию (см. [Pesetsky 1987], [Belletti & Rizzi 1988], [Hasegawa 2001]; в этих работах, однако, отмечается, что такие глаголы по-прежнему переходны), что доказывается с помощью тестов, по большей части с использованием анафоры (приводимые в работах тесты, отметим, часто не работают на русском материале). Из данного утверждения, в свою очередь, следует, что только Агенс (пусть и необязательно человек) может быть «настоящим» Актором, потому что только этот участник является внешним аргументом в клаузе; поэтому и о пассиве в случае эмотивных глаголов говорить сложно¹.

¹ Примечательно в этой связи замечание Г. И. Кустовой о том, что «экспериенциальные глаголы выражают информационную связь (отношение) человека с некоторой ситуацией, в которой он не участвует»

Кроме того, различные теории опираются на различные языковые данные: например, к эмотивным глаголам существует подход, аналогичный подходу к английским лабильным глаголам (так называемая пара инхоатив/каузатив), когда утверждается, что оба члена пары образованы от одной диатезы, и в случае глаголов эмоций в позицию подлежащего выходит либо Стимул (*Это меня обидело*), либо Экспериенцер (*Я на это обиделся*) (см. [Piñon 2001]).¹ При этом на русском материале видно, что во втором случае глагол явно маркирован по отношению к первому (в японском языке, например, ситуация обратная: глагол в предложении со Стимулом в позиции подлежащего имеет каузативный суффикс [Hasegawa 2001: 4]). Как и многие тесты, сформулированные для английского языка, не все подходы применимы к другим языкам.

Повторяясь, к сказанному можно добавить, что для русского языка также не представляется оправданным описанный подход, согласно которому Актором может быть только Агенс (фактически этот подход упраздняет гиперроль Актора и оставляет только полярную роль Агенса), ещё и по той причине, что в трёхчленных пассивных конструкциях именная группа в творительном падеже (агентивное дополнение) может отсылать не только к Агенсу, но и к другим участникам, составляющим гиперроль Актора (см., в частности, пример (75) ниже, а также пример (133) на стр. 237).

Итак, изменение подхода меняет и выводы, которые мы делаем в каждом конкретном случае. При этом задачей автора является не доказать превосходство описываемой точки зрения (если это вообще возможно), а показать, что при сформулированных предпосылках

[Кустова 1998: 37], что подчёркивает особую природу этих глаголов и роли Экспериенцера.

¹ Нелишне будет отметить, что эти два участника по-прежнему неравноправны: Экспериенцер изначально находится в позиции прямого объекта, как можно видеть на представленных в работе [Belletti & Rizzi 1988] деревьях.

и описанной с помощью принятого в работе определения точке зрения о том, что какие предложения считаются пассивными, мы получаем такой результат¹.

Рассмотрев и предложив решение проблеме производных возвратных глаголов с Экспериенцером в позиции подлежащего, мы сталкиваемся со следующей: существуют также примеры с двумя участниками — Стимулом и Экспериенцером — в которых Актором явно является участник с ролью Экспериенцера (в примере ниже Экспериенцер представлен формой творительного падежа):

(75) Впервые повар почувствовал немалую свободу на даче. Какие-то бойцы привозили утром с пищекомбината имени Микояна отборные субпродукты, он принимал их по накладной и готовил завтрак генералу и его молодой Анне. Днём варил **любимый генералом** украинский борщ, что-нибудь из лёгких закусок припасал на ужин. (*Василь Быков. Болото (2001). НКРЯ*)

Неслучайно У. Фоли и Р. Ван Валин включают роль Экспериенцера в гиперроль Актора [Foley & van Valin 1984: 30]: их утверждение подтверждается примерами. Таким образом, получается, что и Экспериенцер, и Стимул могут быть Актором в предложении².

Из этих наблюдений следует, что списки семантических ролей, относящихся к двум гиперролям, могут перекрываться; так, по Фоли и Ван Валину, к обеим гиперролям при-

¹ В работе [Кибрик 1996] находим следующее замечание по этому поводу: «В лингвистической теории в строгом смысле слова истинных (доказанных) утверждений (истинность которых нам известна) не имеется, то есть истины и гипотезы не противопоставлены. Положение дел в лингвистической теории таково, что некоторые из ее утверждений адекватно описывают факты, то есть являются (с точки зрения «всевидящего ока») истинными, а некоторые нет, то есть являются (с точки зрения «всевидящего ока») заблуждениями».

² Г. И. Кустова считает роль Экспериенцера ролью «другого яруса», нежели роли Агенса и Пациенса: в отличие от этих двух ролей, Экспериенцер — «роль постороннего» [Кустова 1998: 36–37] (см. также сноску 1 на стр. 194). Однако наблюдаемый феномен перекрывающих друг друга гиперролей необязательно указывает на особую природу роли Экспериенцера; для языка такая ситуация нормальна: см. [de Hoop & Lamers 2006], где модель управления конкретного глагола признана одним из факторов, влияющих на распределение ролей в предложении — наряду с порядком слов, морфологическим кодированием самих актантов и т. д. Иными словами, наличие исходных диатез с различным распределением тех же ролей у разных лексем не является чем-то необычным для языка.

надлежат роли Источника и Получателя/Цели¹. Роль Получателя (Адресата) в позиции Актора также встретилась в выборке. Это субъектные валентности таких глаголов, как *получать, принимать*.

На поверхностном уровне актант с ролью Адресат ведёт себя в пассивных конструкциях так, как если бы он был Актором, хотя по своей сути контроля над ситуацией у Адресата нет. Адресат может участвовать в пассивной конструкции в форме творительного падежа, которая зарезервирована для Актора или Инструмента (при этом последним Адресат определённо не является). Если отсутствие творительного падежа, как было сказано, не является решающим фактором для неpassивности конструкции, то его наличие возможно только в пассиве. Приведём пример:

(76) Тут наш рассерженный оппонент ещё раз оплошал. Об этом говорит справка, **полученная редакцией**. (*Ради истины. «Литературная газета», 87-11-18 (1.369). Утсальский корпус*)

По своей сути контроль над ситуацией не заложен в роль Адресата; тем не менее, любой другой тест покажет, что глаголы с главным актантом Адресат допускают предложения, где этот контроль подчёркивается:

(77) Мне наконец (после долгих уговоров, усилий) удалось получить справку в учебной части.

Видимо, в большинстве случаев роль Адресата при таких глаголах, которые на поверхностном уровне допускают Адресат в позиции подлежащего, предполагает непосредственное участие Адресата в том, чтобы действие было совершено. Приведём ещё один показательный пример из корпуса, иллюстрирующий такое предположение:

¹ При этом роль Экспириенцера Фоли и Ван Валин относят только к гиперроли Актора, что опровергается нашими данными.

(78) Донесения автоматических станций, транслируемые на Землю основными блоками «Фобосов», будут **приниматься радиотелескопами**, расположенными в Подмосковье, Евпатории, Уссурийске, а также в Западной Европе и на других континентах.
(*Источник неизвестен. Упсальский корпус*)

Отметим также, что и у глагола *получать*, и у глагола *принимать* валентность Агенса (который передаёт участника, называемого в западной традиции ‘Theme’, «Тема», Адресату) явно факультативна. Это объяснимо: если необходимо выразить Агенса, можно использовать глагол-конверсив (*давать, передавать*).

Итак, семантические роли могут принадлежать разным гиперролям (в известных автору работах Е. В. Падучевой [Падучева 1998а, 2002] такая идея отсутствует)¹. В то же время, в каждом конкретном предложении этой гиперроли принадлежит только один из участников, и при анализе пропозициональной семантики предложения Актор чаще всего безошибочно выявляется.

Нельзя обойти стороной уникальный пример (в корпусе подобное встретилось лишь один раз), в котором косвенное дополнение в форме творительного падежа выражает участника с ролью Пациенса:

(79) Повторные опыты вновь и вновь показали, что отклонения, **претерпеваемые заряжёнными частицами**, участвующими в ядерном взаимодействии, по-прежнему совершенно не соответствуют предсказаниям теории. (*Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*)

Глагол *претерпевать* уникален тем, что его главная семантическая валентность — Пациенс, а Агенса, если и выражается, то предложной группой. Обычно подобные глаголы

¹ Д. Даути развивает эту идею, формулируя её как принцип недискретности гиперролей: в добавление к тому, что одна роль может принадлежать разным гиперролям, существуют ситуации, когда участники имеют одинаковые роли или когда участнику приписать роль нельзя вовсе [Dowty 1991: 576]. См. об этом также [Davis 1996].

не образуют пассив, и в данном случае можно отметить, что ни пассивный возвратный глагол, ни причастие совершенного вида образовать от него нельзя. Помимо этого, тест на «навязанную контролируемость», представленный выше, в данном случае даст отрицательный результат. И, тем не менее, перед нами интереснейший пример глагола-конверсива, который сохранил (или приобрёл благодаря развитию научного языка) способность образовывать пассив по всем формальным правилам.

Примечательно, что именно роли Стимула, Экспериенцера, Адресата/Получателя и Пациенса Д. Даути рассматривает в качестве примеров на недискретность гиперролей (или же просто как исключения, в случае роли Пациенса; причём даже приводимый в пример глагол *undergo* является точным переводом встретившегося нам глагола *претерпевать*) [Dowty 1991: 579–581].

Заметим также, что приведённые соображения относительно роли Адресата (и даже Пациенса) подтверждают идею Ч. Филлмора о том, что «значения обуславливаются ситуациями», или, если раскрыть эту мысль словами автора работы «Дело о падеже открывается вновь»: «Некоторые из проблем падежного анализа <...> (особенно мучительные вопросы о числе и разнообразии падежей), могут быть несколько приближены к своему разрешению, если мы отделим друг от друга две вещи: во-первых, ролевой анализ состава участников ситуации того типа, для которого выдвигались концепции глубинных падежей; и, во-вторых, условия, при которых говорящий может осуществлять выбор, касающийся включения определённых участников ситуации в перспективу». [Филлмор 1981b: 529]

На предложение использовать гиперроли для анализа актантов пассивной конструкции можно возразить, что для такого анализа достаточно обратиться к исходной (активной) фразе и найти актант, выраженный номинативом. Помимо того очевидного факта, что пассив может образовываться и от безличных предложений, надо также помнить следующее: если Актор, будучи выражен в исходной фразе, занимает позицию подлежащего,

то обратное не всегда верно. Прежде всего, это касается роли Инструмент (см. сноску на стр. 189). Наконец, как уже отмечалось, использование концепции гиперролей оказывается необходимым для определения пассивности предложений с возвратными глаголами.

Теперь, когда концепция гиперролей сформулирована и обоснована, изучим пассивные фразы на предмет свойств актантов и способов их выражения.

5. 2. Параметры исследования

В настоящем исследовании актанты пассивного предложения будут исследоваться по трём параметрам:

1. Конкретность/абстрактность;
2. Одушевлённость;
3. Денотативный статус;
4. Для Актора: семантическая роль.

Прежде чем рассмотреть каждый из параметров подробнее, сделаем следующее важное терминологическое замечание. Говоря далее о свойствах подлежащего и Актора и сравнивая эти свойства, автор сознаёт, что такая формулировка, строго говоря, некорректна. Она означает, что мы сравниваем свойства синтаксического актанта со свойствами объекта действительности. Понятно, что при рассмотрении каких-либо свойств именной группы (ИГ) мы должны сравнивать свойства подлежащего и агентивного дополнения, но мы не можем использовать такую формулировку, поскольку Актор не всегда эксплицирован; при изучении свойств денотатов (например, одушевлённости) мы должны говорить о сравнении свойств *денотата* подлежащего со свойствами Актора, но рассуждаем о свойствах *подлежащего* для краткости и унификации формулировок. Сознвая внешнюю противоречивость таких сравнений, автор надеется с помощью данного замечания предупредить возможное недоумение читателя относительно их правомерности.

5. 2. 1. Конкретность/абстрактность

Этот параметр может принимать три основных значения: сентенциальный, абстрактная именная группа и конкретный. Под сентенциальным партиципантом подразумевается полная клауза, к которой в пассивной фразе может производиться отсылка:

- (80) Чудеса, непостижимо? Ещё бы! Реабилитированного зачислили в органы, и притом в центральный аппарат. Где **это** **видано**, где **это** **слыхано**? (Юрий Давыдов. *Синие тюльпаны* (1988–1989). НКРЯ)

Сентенциальным также назовём участника, выраженного номинализацией, или субстантивированное причастие, если оно не обозначает конкретный объект (как, например, субстантивированные причастия *осуждённый*, *эвакуированный* и др.):

- (81) В 1979 году во время полета В. Ляхова и В. Рюмина на борту «Салюта-6» впервые в истории была **испытана работоспособность** космического радиотелескопа с раскрывающейся на орбите антенной. (Радиотелескоп больше планеты. «Известия», 88-04-10 (1.083). Унтсальский корпус)
- (82) Вытянутые уши милиционера ловили каждое слово, раскрытый рот помогал усваивать **слышанное**, а Гастев уже трижды заголял кисть, поглядывая на часы: пора, чёрт возьми, пора! (Анатолий Азольский. *Облдрамтеатр* (1997). НКРЯ)

Актант пассивного предложения может быть представлен абстрактной именной группой, то есть денотатом ИГ не является конкретный объект — это может быть или абстрактное понятие, или некое физическое вещество (а не объект, из него сделанный):

- (83) Желая доказать свою абсурдную, но преследующую самые **осязаемые цели** политической пропаганды теорию, а также завоевать себе определённое место в научном мире, профессор Мезонье совершил ряд подлогов. (Юрий Домбровский. *Обезьяна приходит за своим черепом* (1943–1958). НКРЯ)

(84) Там органическое вещество подвергалось обработке бригадами стоматологов, они извлекали ценные **металлы, используемые** для протезирования. (*Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*)

К абстрактным ИГ мы также отнесём некоторые случаи, которые часто трактуются как номинализации (см. [Крейдлин и Рахилина 1980], [Урысон 1996] и их трактовку слов типа *работа* как номинализацию от глаголов — в данном случае глагола *работать*). Говорить о номинализациях мы будем только при явной деривации от глагола, и в случаях, подобных представленному в примере (85), актант будет считаться абстрактной ИГ:

(85) Но в каждом **шаге** человека, **совершаемом** под угрозой нищеты, голода, лагеря и смерти, всегда наряду с обусловленным проявляется и нескованная воля человека. (*Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*)

Актант может быть конкретным (Актор *вы* в примере ниже):

(86) Прикрыв раструб рукой, он прошипел: — Сейчас же сюда всё, что **у вас имеется** относительно Лесных. (*Бек, А., Новое назначение, «Знамя», 1986:10, стр. 53–62 (5.008). Утсальский корпус*)

Наконец, для подлежащего возможна опция ‘отсутствует’ — это пассив, образованный от непереходных глаголов (или от непереходных употреблений глаголов, которые могут быть и переходными):

(87) Я как-то особенно остро запомнил этот вечер в бревенчатом доме на окраине Мурманска. За окнами была метель, непогода, а в доме **было жарко натоплено**. (*Симонов, К., Записки молодого человека, в кн. «Собрание сочинений в 6-ти томах», т. 6, стр. 543–553 (4.971). Утсальский корпус*)

Для Актора не всегда можно установить, представляет ли он собой конкретный объект или же целую ситуацию. Определить свойства Актора бывает затруднительно по причине того, что он бывает неэксплицирован — но это не значит, что во всех случаях, когда Ак-

тор выражен нулём, его свойства установить невозможно. Понять, конкретным ли является Актор или абстрактным (он также может представлять собой целую клаузу), а для первого случая — одушевлён он или нет, обычно сравнительно легко, даже если он выражен нулём; но существуют случаи, когда Актором может быть и конкретный денотат, и абстрактная сила (или целая ситуация), и контекст не содержит сигналов, позволяющих сделать выбор в пользу одной из альтернатив. Вот один из корпусных примеров:

(88) Слава богу, песчаная воронка пуста, даже следы **заметены** песком. (*Воробьев, Е., Вчера была война, в кн. «Капля крови», М., 1974, стр. 376–388 (3.845). Упсальский корпус*)

В данном случае неясно, сделал ли данное действие человек или некая сила (например, ветер). Слово *песком* не может считаться Актором, это аргумент с ролью Инструмент, сохраняющийся и в активной конструкции.

Сентенциальные и абстрактные актаны не классифицируются по остальным двум параметрам (хотя существуют попытки классифицировать, например, номинализации по денотативным статусам, см. [Крейдлин и Рахилина 1980], [Урысон 1996], [Мелиг 1998], [Кобозева 2000: 236–240], а также [Коряковцева 1996]), и только для имеющих конкретного денотата ИГ определяется значение параметров одушевлённости и денотативного статуса¹.

5. 2. 2. Одушевлённость

В рамках категории одушевлённости рассматривается не бинарное противопоставление одушевлённого/неодушевлённого участника, а тройное противопоставление неодушевлённого объекта, одушевлённого существа, не являющегося человеком, и человека.

¹ Денотативный статус Актора также в большинстве случаев можно установить, даже если он выражен нулём. Более того, даже будучи выражен нулём, Актор может иметь, например, определённый референтный статус (см. примеры (102), (129), (131)), что опровергает изложенную в работе [Sprugroulos 2002] точку зрения, согласно которой нулевой Актор может иметь только родовой или неопределённый референтный статус.

Так как последнее от второго отделяет наличие разума и интеллекта, немногочисленные примеры корпуса, в которых одним из участников является Бог, отнесены к последнему типу.

Для Актора существует небольшое количество случаев, в которых, хотя точно устанавливается его конкретность, нет ясности относительно его одушевлённости. Обычно, если Актор конкретен, одушевлённость также однозначно устанавливается. Так, в случае примера (89) очевидно, что формулировка «*ничего не выяснилось?*» эквивалентна формулировке «*вы ничего не выяснили?*» — логично, что, если Актор конкретен и устанавливается (в данном случае *вы*, то есть адресат сообщения), то можно установить и его одушевлённость.

(89) Да, так мы о чем?.. — Ничего больше не **выяснилось** про Вадима? — быстро спросил Веня. — Откуда ж... (*Гранин, Д., Дом на Фонтанке, в кн. «Однофамилец», М., 1983, стр. 410–424 (4.426). Утсальский корпус*)

Приведём пример, в котором одушевлённость Актора не устанавливается — Актором может быть как человек, так и машина (именно возможность автоматического осуществление действия исключает возможность интерпретировать машину как участника с ролью Инструмент и сохраняет неоднозначность):

(90) В то же время 43 процента [сточных вод] **очищается** недостаточно. (*Отвести беду. «Правда», 87-08-26 (1.574). Утсальский корпус.*)

5. 2. 3. Денотативный статус

Денотативный статус именной группы описывает, каким образом эта именная группа соотносится с действительностью. Мы заимствуем классификацию денотативных статусов из работы И. М. Кобозевой [Кобозева 2000: 228–236]. В списке ниже каждый пункт снабжён примерами из корпуса (за исключением предикатного и автонимного статусов,

которые по понятным причинам невозможны для Актора в пассиве; примеров на предикатный денотативный статус в базе пассивных предложений нет):

1. Предикатный (*Соня была **рыбачкой***) — референтом ИГ выступает не сущность, а свойство входить в тот или иной класс объектов.
2. Автонимный (*Рыбачку звали **Соня***) — ИГ производит отсылку к себе самой:

(91) Тело этого фараона, сухое, жёлтое и звонкое, как чурка, отыскал в 1899 году французский археолог Поре в **так называемой Долине царей**, что около Фив, и снял с груди фараона цветы и ещё какой-то амулет. (*Юрий Дамбровский. Хранитель древностей (1964). НКРЯ*)

3. Термовый — ИГ отсылает к некоторому объекту.

Термовые ИГ могут иметь **референтный** или **нереферентный** денотативный статус.

В первом случае имеется в виду, что ИГ отсылает к конкретному объекту, а во втором такая отсылка отсутствует.

Референтные ИГ подразделяются далее по трём параметрам: определённости (известность адресату), единичность/множественность (выражается категорией числа) и собираемость/дистрибутивность (множество объектов осмысливается как единое целое или же как набор отдельных сущностей — *детвора/дети*). По параметру «определённость/неопределённость» выделяются следующие статусы: **определённый референтный** (подлежащее — пример (92), Актор — пример (93)), **слабоопределённый референтный** (примеры (94) и (95)) и **неопределённый референтный** (примеры (96) и (97)). Противопоставление собираемости/дистрибутивности отражено в базе отдельным параметром «собираемость», принимающий значение истины, если ИГ собираемая (примеры (98) и (99)). Дистрибутивность в данном случае — немаркированное значение.

- (92) **Котлеты**, и без того маленькие, **пережарились** и стали похожими на пуговицы. (*Дубов, Н., Небо с овчинку, «Собрание сочинений в 3-х томах», т. I, М., 1970. Упсальский корпус*)

- (93) Это, конечно, улучшит дело, но опять-таки не решит **обсуждаемую нами** проблему. (*Крайняя необходимость. «Известия», 87-09-16 (1.910). Упсальский корпус*)
- (94) Вспомнили, что восемь лет назад **руководимый** Сафроновым **трест** построил линию электропередачи якобы вне плана. (*Преследование прекратить. «Правда», 87-05-06 (2.637). Упсальский корпус*)
- (95) Впрочем, главными фаворитами считались всё-таки не наши соотечественницы, а **представительницы Европы, ведомые румынкой Габриэлой Сабо и шведкой Кайсой Бергквист.** (*Сергей Подушкин. Звезды континентов. Россиянки выиграли Кубок мира по легкой атлетике // «Известия», 2002.09.22. НКРЯ*)
- (96) Из открытой двери ресторана пахло **чем-то, жареным** на растительном масле. (*И. Грекова. На испытаниях (1967). НКРЯ*)
- (97) О «механизме» забастовок достаточно красноречиво свидетельствуют и события, имевшие место на шахте «Июльский манифест». 250 захватчиков, **возглавляемых людьми со стороны** — такими экстремистами из бывшей «Солидарности», как Едынак и Лис, не давали приступить к работе тысячам горняков... (*Глеют еще очаги напряженности. «Известия», 88-09-06 (735). Упсальский корпус*)
- (98) **Процессия** тем временем стала приостанавливаться, вероятно, **задерживаемая** впереди светофорами. (*Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940). НКРЯ*)
- (99) По фактам нарушения финансовой дисциплины и хищения социалистической собственности на заводе «Салют» **правоохранительными органами** ведется расследование. (*В комитете партийного контроля при ЦК КПСС. «Правда», 88-04-03 (763). Упсальский корпус*)

К категории **нереферентных** мы отнесём пять денотативных статусов: **экзистенциальный** (потенциально существующий объект, не выбранный из множества себе подобных; подлежащее — пример (100), Актор — пример (101)), **универсальный** (полный охват множества возможных объектов, примеры (102) и (103)), **родовой** (эталонный пред-

ставитель множества сущностей, примеры (104) и (105)), **переменный** (меняет референцию в зависимости от другой ИГ, примеры (106) и (107)), и **атрибутивный** (конкретный участник теоретически существует, но неизвестен и может быть только охарактеризован с помощью атрибута, примеры (108) и (109)).

- (100) Больше того, каждый раз, когда в жизни возникает новая форма эффективного развития социализма, **находятся люди**, которые встанут в этукую соблазнительную позу «защитников чистоты». (*Источник неизвестен. Упсальский корпус*)
- (101) Никогда человечество не слышало таких слов: «Не судите, да не **судимы** будете». (*Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*)
- (102) Не пугайтесь, **все они печёны** из сладкого сдобного теста. (*С Новым годом! // «Мурзилка», № 12, 2002. НКРЯ*)
- (103) **Заброшенное** поле с едва уже заметными темными стерженьками когда-то скопленных хлебов дымится пылью или прахом земли, истаявшей в корнях трав. (*Астафьев, В., Паруня, в кн. «Рассказы», М., 1984, стр. 456–469 (5.005). Упсальский корпус*)
- (104) Корыстные злоупотребления и нескромность были допущены Путиным при праздновании своего пятидесятилетия — <...> в его кабинет **доставлялись спиртные напитки и закуски**. (*В комитете партийного контроля при ЦК КПСС. «Правда», 88-04-03 (763). Упсальский корпус*)
- (105) Ночью дом **сотрясается** идущими мимо **грузовиками** — это от них звенит стакан. (*Грекова, И., Кафедра, в кн. «Кафедра», М., 1980, стр. 30–44 (4.998). Упсальский корпус*)
- (106) Обком партии поручал Сафронову под личную ответственность наиболее важные, часто «горящие» объекты, и **те сдавались** в срок. (*Преследование прекратить. «Правда», 87-05-06 (2.637). Упсальский корпус*)

- (107) Можно посчитать и установить, что **причиненный** вред меньше **предотвращенного**: значит, применима крайняя необходимость.
- (108) Конечно, плохо, когда реформа проводится силами **тех, кто должен быть реформирован**. (Тамара Морщакова. *На пути к правосудию* // «Отечественные записки», 2003. НКРЯ)
- (109) Добравшись до аэродрома, мы узнали у дежурного, что все места в самолете уже **расписаны**. (Симонов, К., *Записки молодого человека*, в кн. «Собрание сочинений в 6-ти томах», т. 6, стр. 543–553 (4.971). Уппсальский корпус)

5. 2. 4. Семантическая роль Актора

В данном исследовании используется следующий набор возможных семантических ролей гиперроли Актора:

- **Агенс-Исполнитель:**

- (110) Затем я вспомнил стол, за которым мы сидели. Он **раздвигался** во всю столовую. (Гранин, Д., *Дом на Фонтанке*, в кн. «Однофамилец», М., 1983, стр. 410–424 (4.426). Уппсальский корпус)

- **Инициатор (отсутствие постоянных намеренных физических усилий для поддержания процесса; см. также пример (118)):**

- (111) Тогда зарубежные ученые смогли рассчитать и подтвердить на опыте новый эффект — запаздывание сигнала, посылаемого с Земли и **отражаемого Меркурием**. (Пятый тест в защиту ОТО? «Знание — сила» 1987:02, стр. 16 (144). Уппсальский корпус)

- **Стимул/Причина (см. также пример (72)):**

- (112) Но у него правильное чутьё, и он прекрасно понимает сцену. Он услышал фальшь! Понимаете, омерзительную фальшь. Он был **шокирован!** (Михаил Булгаков. *Театральный роман (1936–1937)*. НКРЯ)

- Адресат/Получатель (см. также пример (76)):

(113) Но мы-то ведь хорошо знаем, что все **унаследовано** от прошлого, накапливалось годами, и перестройка лишь высветила старые болезни, которые загонялись внутрь. (Михаил Булгаков. *Театральный роман (1936–1937)*. НКРЯ)

- Экспериенцер (см. также пример (75)):

(114) Опасения прокуратора насчёт беспорядков, которые могли произойти во время казни в **ненавидимом им** городе Ершалаиме, к счастью, не оправдались. (Михаил Булгаков. *Мастер и Маргарита (1929–1940)*. НКРЯ)

Роль Агенса разбита на две роли — Исполнитель и Инициатор. Дробление роли Агенса вызвано предположением В. И. Гавриловой [Гаврилова 2003], что такое разделение роли Агенса на «Исполнителя» и «Инициатора», который не производит действий на всём протяжении ситуации (как в ситуации *Картошка жарится*, когда человек не прикладывает к процессу постоянных усилий) необходимо для различения двух видов конструкций — пассивных и квазипассивных. Хотя согласно принятому в работе определению пассива конструкции с Актором с ролью Агенса-Инициатора должны считаться пассивными, такое разделение может оказаться релевантным. Неясно до конца, ограничивается ли роль Инициатора в понимании В. И. Гавриловой только денотатом-человеком; в данной работе мы примем широкое понимание этой роли, включив в неё и случаи, в которых часто усматривают роль Источника (*Солнце освещает Землю*, *Зеркало отразило его лицо*). Наша главная задача — противопоставить следующие типы действующего участника: участник, прикладывающий постоянные усилия (Исполнитель), участник, обуславливающий наличие ситуации своими действиями, но либо только на начальном этапе, либо не целена-

правленно, или физическими свойствами (Инициатор)¹, участник, обуславливающий наличие ситуации не физическими свойствами и без физических действий (Стимул); плюс роли Экспериенцера и Адресата.

Что касается последнего: если роль Агенса мы разделили на две разные роли, то роли Адресата и Получателя объединены. Согласно Ю. Д. Апресяну, это две разные роли, но, как представляется, для нашего исследования различие нерелевантно (в любом случае речь идёт о «глубинном дативе» Ч. Филлмора; см. обсуждение роли Адресата выше).

Исучаемые параметры сформулированы, теперь обратимся к статистическим данным. В следующем подразделе приведены результаты по свойствам актантов, после чего мы попытаемся ответить на вопрос, есть ли связь между свойствами главных аргументов глагола и типом пассивной конструкции. Безусловно, прежде чем отвечать на основной вопрос о связи свойств актантов и типа пассивной конструкции, необходимо принять во внимание, что свойства одного актанта связаны со свойствами другого, в противном случае мы рискуем получить неполные или вовсе неверные результаты в исследовании в целом.

5. 3. Свойства актантов пассивной конструкции и их взаимозависимость

Ниже приводится статистика для каждого из описанных параметров: диаграммы статистики подлежащего, Актора и совмещённая диаграмма свойств актантов. В этом подразделе приведены данные, суммированные по всей базе данных, независимо от типа пассивной конструкции.

¹ Таким же образом выделяется особый тип Агенса в работе [Piñón 2001]; также косвенно приводимая классификация (включая роль Стимула/Причины) подтверждается в работе [Piñón 2007], в которой создаваемые сущности подразделяются на три типа: предмет, абстрактная сущность и событие.

5. 3. 1. Конкретность/Абстрактность

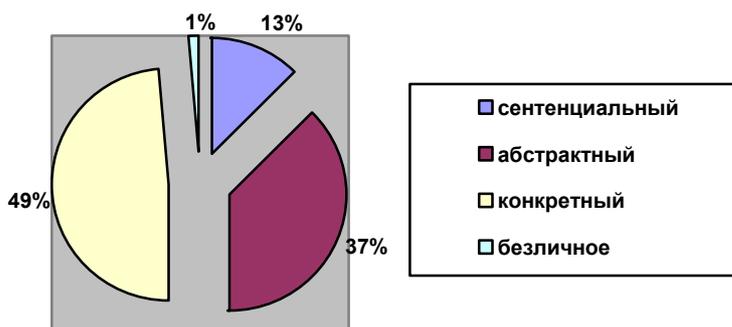

Диаграмма 5-1. Конкретность/абстрактность подлежащего

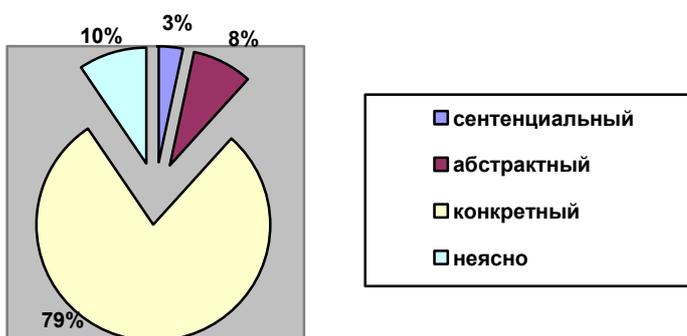

Диаграмма 5-2. Конкретность/абстрактность Актора

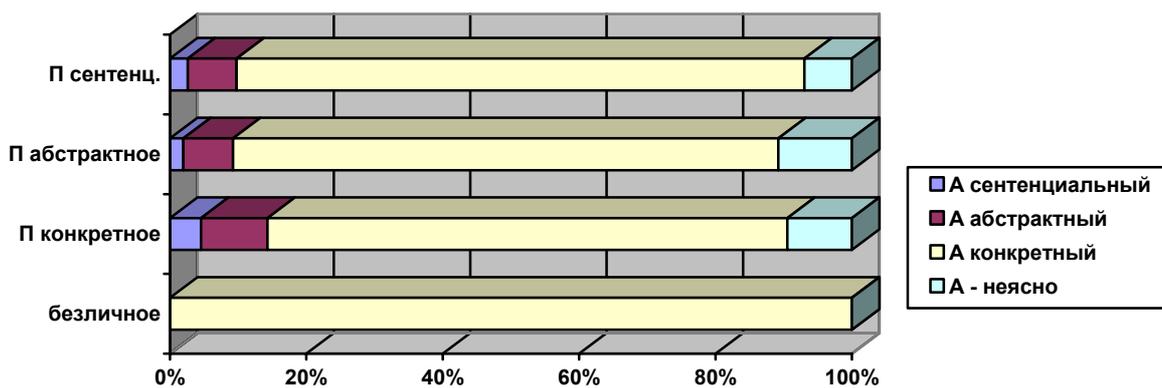

Диаграмма 5-3. Конкретность/абстрактность актантов: подлежащего (П) и Актора (А)

Данные последней диаграммы представлены и ниже, с ожидаемыми частотами:

Таблица 5-1

	Актор сентенциальный	Актор абстрактный	Актор конкретный	Актор: неясно
Подлежащее сентенциальный	12 (15)	33 (38,4)	383 (362,8)	32 (43,8)
Подлежащее абстрактное	27 (45)	100 (115)	1098 (1083)	148 (130,5)
Подлежащее конкретное	81 (58,2)	173 (148,4)	1354 (1400,6)	168 (168,8)
безличное предложение	0 (1,7)	0 (4,4)	53 (41,8)	0 (5)
Вероятность случайного распределения: $p = 0,00005\%$				

Две первых диаграммы объединяет последовательность значений: первенство за конкретным денотатом, следом — абстрактный, ещё ниже доля сентенциального актанта. Однако подлежащее значительно чаще может быть абстрактным или сентенциальным, нежели Актор: что касается последнего, то доля случаев, в которых Актор — непременно человек, или такая интерпретация возможна, достигает 90%. Пассив всё же ассоциируется с Актором-человеком.

Именно в свете этих наблюдений примечателен тот факт, что пара актанта, имеющих конкретных денотатов, в одном предложении встречается реже, чем показывают расчёты, исходящие из случайности распределения. Можно видеть, что имеющее конкретное денотата подлежащее чаще сочетается с Актором, не имеющим конкретного денотата — как

с абстрактными ИГ, так и с целыми ситуациями, выражаемыми клаузами или номинализациями:

- (115) За речкой Быковкой, в пошатнувшейся загороди, состоящей частью из **выветренных** до белизны осиновых жердей, частью из ломаного частокола, женщина копает землю. (*Астафьев, В., Пафуня, в кн. «Рассказы», М., 1984, стр. 456–469 (5.005). Уптсальский корпус*).

Нельзя сказать, что это соответствует нашим ожиданиям; более того, далее мы увидим, что имеется тенденция, которую можно назвать «притяжением свойств»: в отличие от данного случая, актанты пассивной фразы чаще имеют сходные свойства. Чем же объяснить сделанное наблюдение? Такое нарушение ожиданий может происходить за счёт подлежащего, имеющего денотата-человека — если в пассивной фразе денотатом подлежащего является человек, то разумно предположить, что ситуация скорее описывает воздействие на человека внешних обстоятельств, нежели другого человека или неодушевлённого предмета. Проверим, действительно ли во фразах, содержащих сентенциальный или абстрактный Актор, подлежащее — чаще всего человек (для упрощения оставим пока в стороне малочисленную опцию «Подлежащее любое»):

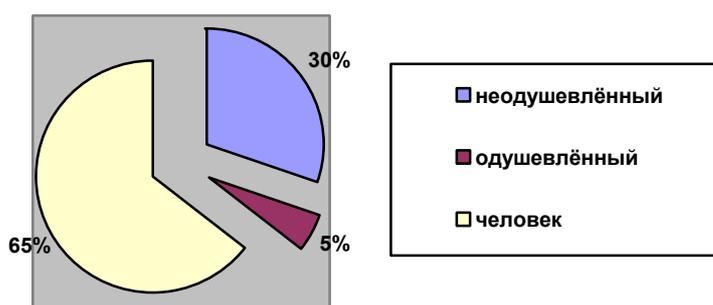

Диаграмма 5-4. Одушевлённость подлежащего при неконкретном Актора

Доля подлежащего с денотатом-человеком действительно велика. Этот тип подлежащего, как можно будет видеть далее, преобладает и в общей статистике, но, сравнивая полученные значения для неконкретного Актора со значениями для остальных опций Актора («конкретный» и «неясно»), обнаруживаем, что вероятность случайного распределения

равна 6%. Это означает, что, скорее всего, зависимость действительно имеет место, и объяснение верно.

В остальном же общая картина сохраняется: преобладает конкретный Актор, затем следует абстрактный и сентенциальный; в безличных предложениях доля конкретного Актора объяснимо равна 100%. Доля неясных случаев слегка возрастает при абстрактном подлежащем, что также поддаётся логическому объяснению.

5. 3. 2. Одушевлённость

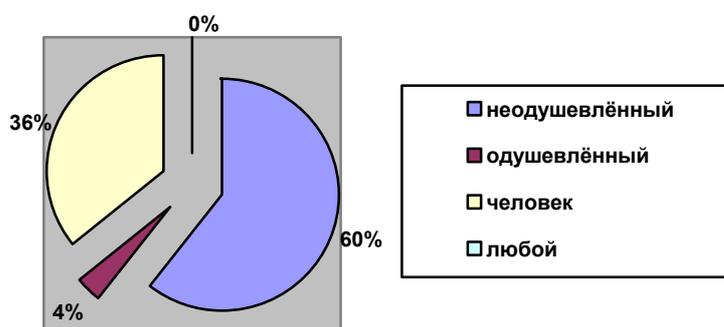

Диаграмма 5-5. Одушевлённость подлежащего

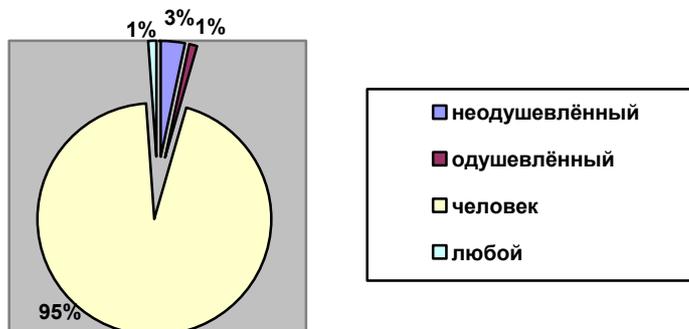

Диаграмма 5-6. Одушевлённость Актора

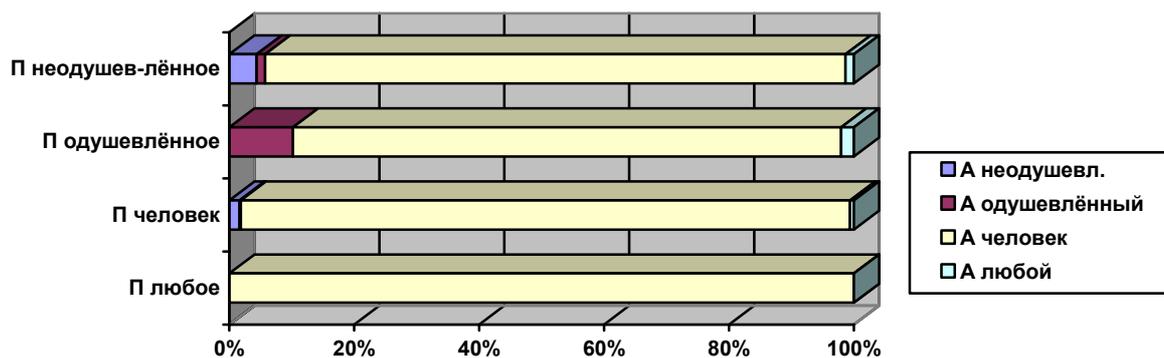

Диаграмма 5-7. Одушевлённость актантов пассивного предложения

Сравним наблюдаемые частоты с расчётными для случайного распределения:

Таблица 5-2

	Актор неодушевлённый	Актор одушевлённый	Актор человек	Актор: любой
Подлежащее неодушевлённое	36 (26,6)	11 (10,3)	762 (774)	11 (9)
Подлежащее одушевлённое	0 (1,6)	5 (0,6)	43 (46,3)	1 (0,5)
Подлежащее с денотатом-человеком	8 (15,8)	1 (6)	474 (458,8)	3 (5,4)
Подлежащее любое	0 (0)	0 (0)	1 (0,9)	0 (0)
Вероятность случайного распределения: $p = 0,00004\%$				

Результаты для каждого из партиципантов в отдельности оправдывают ожидания: подлежащее чаще всего имеет неодушевлённый денотат, а Актор в 95% случаев — человек. При этом можно отметить, что доля пассивных предложений с подлежащим, имеющим денотата-человека, тем не менее, достаточно велика. Более интересны результаты, представленные на последней диаграмме и в таблице. Актанты с похожими свойствами встречаются чаще, чем должны были бы, если эти параметры не влияли бы друг на друга. При общем численном преимуществе Актора-человека видно, что его преобладание для неодушевлённого подлежащего не так сильно, как предполагалось, и доля неодушевлённого Актора превышает расчётную на треть; в силу небольшого количества примеров с одушевлённым подлежащим, не обозначающим человека, превышение расчётного значения намного более значительно, а для подлежащего с денотатом-человеком ситуация обратная. Тем не менее, тенденция притяжения свойств чётко прослеживается, и ещё ярче она видна на статистике денотативных статусов. Тема сочетаний денотативных статусов затрагивается в работе [Пупынин 1996], однако в силу того, что статистический критерий в исследовании не привлекался, этой тенденции автору работы установить не удалось.

5.3.3. Денотативный статус

Чтобы диаграммы и таблица не выглядели громоздкими, объединим статусы в два класса: референтный и нереферентный.

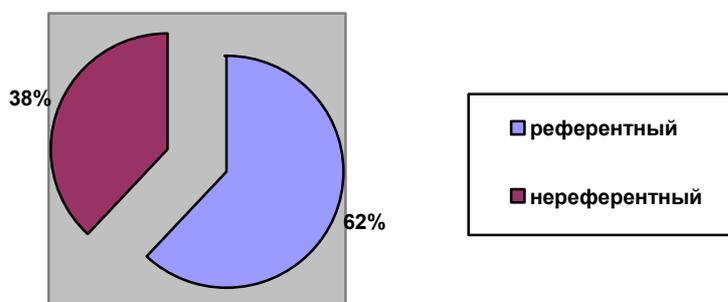

Диаграмма 5-8. Денотативный статус подлежащего

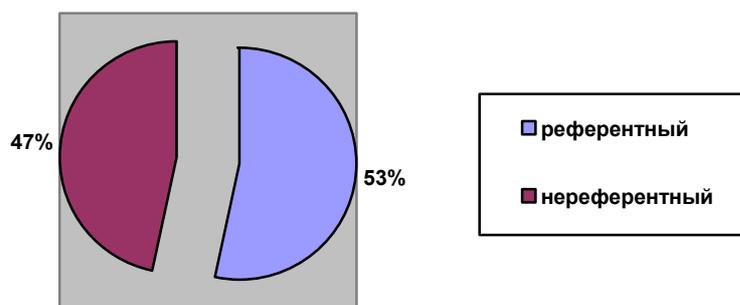

Диаграмма 5-9. Денотативный статус Актора

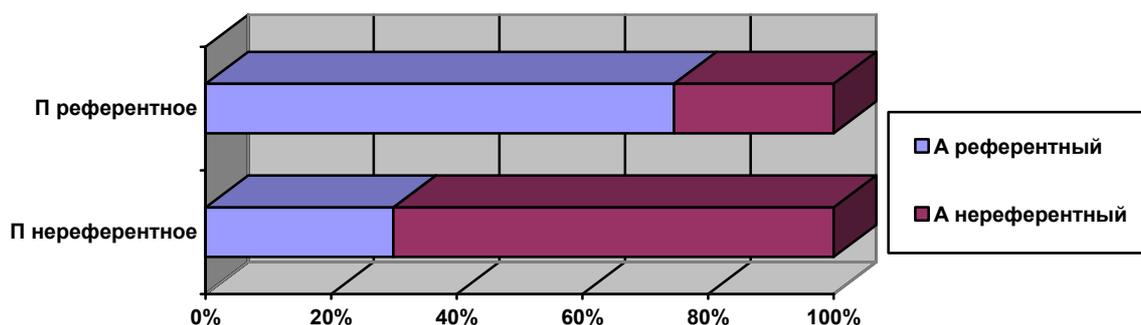

Диаграмма 5-10. Денотативный статус актантов пассивного предложения

Таблица 5-3

	Актор референтный	Актор нереферентный
Подлежащее референтное	584 (437,4)	199 (345,6)
Подлежащее нереферентное	169 (315,6)	396 (249,4)
Вероятность случайного распределения: $p = 0\%$		

Обратим внимание на то, что абсолютные величины, представленные в последней диаграмме таблице, отражают только те случаи, в которых оба актанта пассивной конструкции конкретны, в то время как первые две диаграммы охватывают все варианты.

Результаты для денотативного статуса актантов из всех приведённых наиболее интересны: актанты демонстрируют явное стремление принадлежать к одному классу денота-

тивных статусов. При этом и для подлежащего, и для Актора преобладает референтный денотативный статус. Для Актора мы, в силу известных особенностей употребления пассива, могли ожидать обратного; впрочем, видно, что доля референтного подлежащего более значительна, нежели доля референтного Актора.

Приведённые диаграммы и таблицы свидетельствуют о том, что актанты пассивного предложения влияют друг на друга, и это необходимо иметь в виду, когда мы будем пытаться установить зависимость между свойствами актантов и типом пассивной конструкции, что уже имеет непосредственное отношение к теме работы.

5.3.4. Семантическая роль Актора

Из диаграммы ниже видно, что среди ролей Актора преобладает роль Агенса-Исполнителя: её доля составляет более двух третей от числа всех предложений базы. Одна пятая часть — за ролью Инициатора; в меньшинстве роли Стимула, Адресата и Экспериенцера:

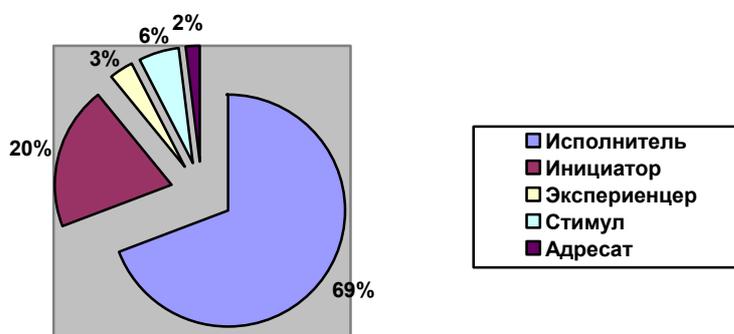

Диаграмма 5-11. Семантическая роль Актора

Результаты вполне предсказуемы; единственное, что хотелось бы отметить,— численное превосходство роли Стимула над ролью Экспериенцера в два раза. Главный же вопрос в данном случае — насколько распределение ролей может быть связано с типом конструкции. Понятно, что в любом случае следует ожидать преобладания роли Исполнителя, но всё же возможно, что какой-либо тип конструкции чаще содержит определённую роль, чем другой тип.

5. 4. Свойства актантов и тип пассивной конструкции

5. 4. 1. Конкретность/абстрактность

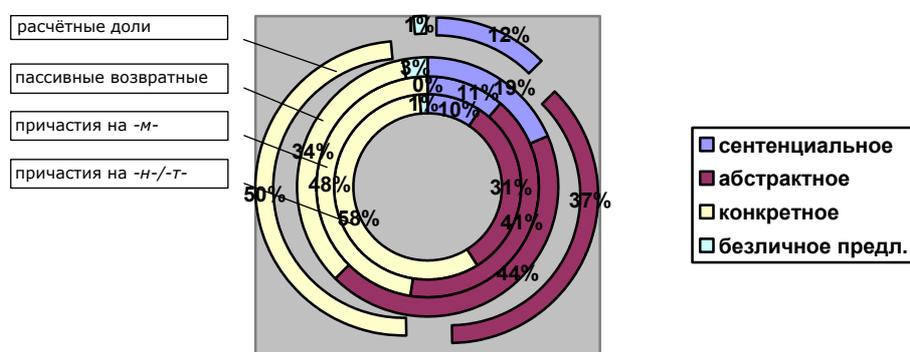

Диаграмма 5-12. Подлежащее и тип пассивной конструкции

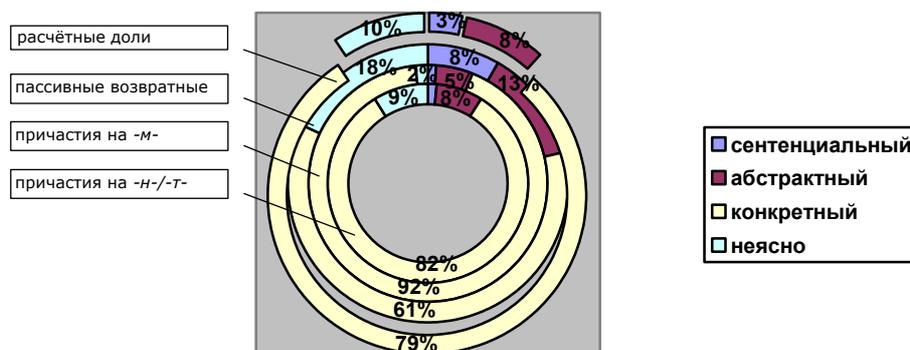

Диаграмма 5-13. Актор и тип пассивной конструкции

Внешние, разрывные, кольца диаграмм фактически повторяют соответствующие диаграммы предыдущего параграфа, хотя данные и получены путём вычисления ожидаемых частот. Логично, что эти частоты совпадают с наблюдаемыми по всей базе. Однако теперь мы можем наблюдать отклонения от этих средних частот в зависимости от типа конструкции. Так, отчётливо видно, как падает, по мере движения от причастий на *-н/-т* к пассивным возвратным глаголам, процент предложений с подлежащим, имеющим конкретного денотата, и как повышается число предложений с абстрактным и сентенциальным подлежащим. Такое различие было предсказуемым для перфективных причастий в противовес постфиксу *-ся*, причастия на *-м* оказались между этих двух полюсов. Безличные употребления в конструкциях с этими причастиями отсутствуют вовсе, и это не удивляет.

Скорее, наоборот, интересны безличные употребления причастий на *-н-/-т-*, присутствующие как в художественном тексте, так и в публицистике:

(116) Костя, Костя! Сколько с тобой **хожено, говорено**, выдуманно! Не было в жизни другого такого друга. (И. Грекова. *Фазан* (1984). НКРЯ)

(117) Очень точно об этом **сказано** в правдинской редакционной статье «Принципы перестройки». (*Какой социализм народу нужен?* «Литературная газета», 89-01-11 (4.266). Утсальский корпус)

Причастия на *-м-* демонстрируют несколько необычные результаты и на следующей диаграмме, касающейся свойств Актора. Вполне согласуется с интуицией, что в конструкциях с причастиями на *-н-/-т-* в подавляющем большинстве случаев содержится конкретный Актор, а конструкции с пассивными возвратными глаголами намного чаще допускают иные варианты: возвратные глаголы, создающие эффект неpassивности рефлексивным постфиксом, хорошо сочетаются с менее чётко определёнными Акторами, это их «ниша» в русских пассивных конструкциях (особенно примечательно в этой связи значительное превышение средних показателей именно по опции 'неясно'). Причастия же на *-н-/-т-*, будучи «эталонном пассивности», требуют конкретного Актора. И, тем не менее, доля его (82%) хотя и превышает среднюю, но всё же значительно ниже, чем доля конкретного Актора в конструкциях с презентным причастием, которые практически не допускают иных типов. С чем это может быть связано? Помимо того, что мы действительно можем иметь дело с реальной особенностью этих конструкций, необходимо помнить, что число разных лексем в базе причастий на *-м-* ниже в силу их меньшей распространённости, и содержит, например, множество вхождений слова «любимый», которое в разметке корпуса считается причастием и, действительно, часто присоединяет даже творительный падеж. Но такое большое количество вхождений одной лексемы может повлиять на статистику. Тем не менее, сделанное наблюдение само по себе в любом случае представляет немалый интерес.

5. 4. 2. Одушевлённость

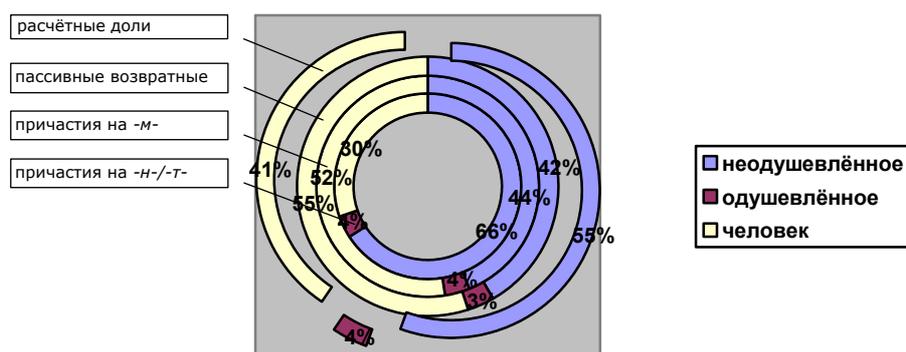

Диаграмма 5-14. Подлежащее и тип пассивной конструкции

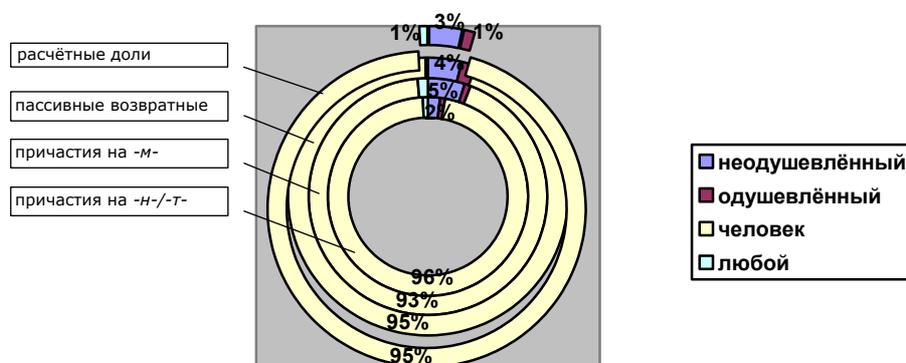

Диаграмма 5-15. Актор и тип пассивной конструкции

Если на диаграмме конкретности/абстрактности подлежащего при движении от внутреннего кольца к внешнему падала доля конкретного подлежащего, то теперь аналогичная ситуация наблюдается с одушевлённым подлежащим: для причастий на *-н-/-т-* оно столь же непредпочтительно, сколько и неконкретное. В данном случае, однако, доля подлежащего с денотатом-человеком растёт не постепенно, а резко, и конструкции с причастиями на *-м-* мало отличаются по этому параметру от пассивных предложений с возвратными глаголами. Две диаграммы для подлежащего уже формируют некоторую тенденцию: одна из трёх пассивных конструкций, в противовес другим двум, закрепляет за собой определённые свойства подлежащего: например, неконкретность для пассивных возвратных глаголов и неодушевлённость для причастий на *-н-/-т-*.

Диаграмма одушевлённости Актора, напротив, не повторяет результатов предыдущей: данные для разных типов конструкций различаются не так сильно, и такого преобладания нестандартных опций, которое обычно наблюдается для возвратных глаголов, в данном случае нет. Вероятность случайного распределения по-прежнему мала (1,6%), но значительно выше, чем для других параметров. В конструкциях с причастиями на *-м-* и финитными формами на *-ся* чуть чаще допускается употребление неодушевлённого Актора, совсем редки такие случаи для причастий на *-н-/-т-*; вот один из них:

- (118) — Нет, ты погоди! — кричал Васюков, и бритая голова его, **освещённая** из пахнутого окна **заходящим солнцем**, краснела все больше, будто бы накалялась.
— Как это я их не интересовываю? (*Гладышев, Н., Антонов колодец, «Москва», 1988:06, стр. 11–20 (5.005). Упсальский корпус*)

Полученные результаты позволяют сделать ещё одно наблюдение: в основном непосредственно для дистрибуции пассивных форм более релевантны свойства подлежащего (то есть прямого объекта активной конструкции), тогда как Актор в целом подчиняется общим правилам. Тем интереснее результаты исследования семантической роли Актора: различие в наборе ролей нельзя будет объяснить преобладающей одушевлённостью или неодушевлённостью Актора для того или иного типа конструкции. К этим данным мы обратимся чуть позже.

5. 4. 3. Денотативный статус

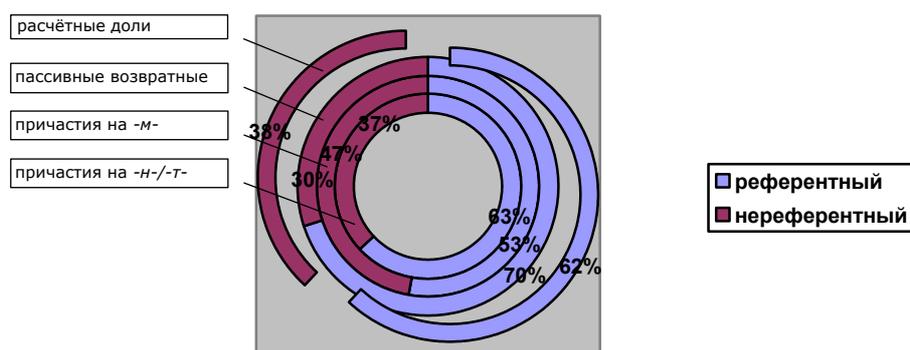

Диаграмма 5-16. Статус подлежащего и тип пассивной конструкции (кратко)

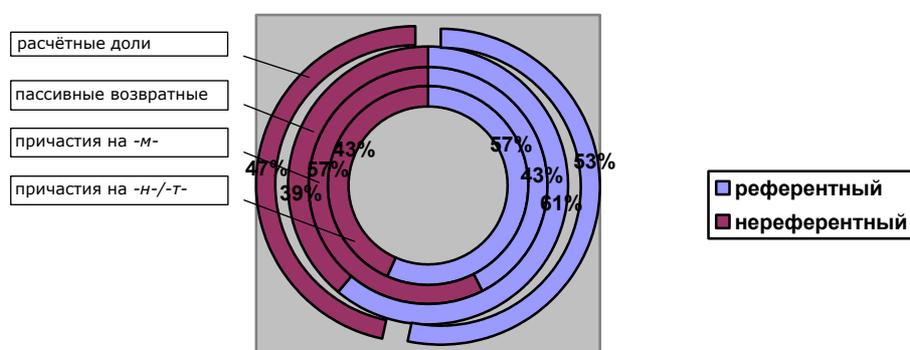

Диаграмма 5-17. Статус Актора и пассивные конструкции (кратко)

Денотативный статус как статистический параметр снова отличается от предыдущих на этот раз тем, что обе диаграммы демонстрируют похожие результаты; кроме того, для наглядности их можно было бы представить, поменяв местами кольца диаграмм и поместив среднее кольцо причастий на *-м-* внутрь, а кольцо причастий на *-н-/-т-* — в середину: видно, что существует динамика, подобная той, что мы наблюдали на диаграмме одушевлённости или конкретности подлежащего, однако в этот раз последовательность иная: причастия на *-м-*, причастия на *-н-/-т-* и возвратные глаголы. Доля референтных актантов (как подлежащего, так и Актора) возрастает в указанной последовательности. Логическое этому объяснение сформулировать сложно — скорее, мы наоборот могли ожидать большего количества вхождения нереферентного статуса для Актора возвратных глаголов (тогда как для подлежащего логична наблюдаемая ситуация), поскольку он достаточно часто

бывает неэксплицирован, а это, как можно было думать, означает скорее нереферентность. Однако же именно возвратные глаголы лидируют по данному параметру. Для причастий на *-н-/-т-*, наоборот, мы могли ожидать более значительную долю референтного статуса. Такие предположения мы могли строить на основании диаграмм конкретности актантов: если в пассивных конструкциях определённого типа преобладают актанты, имеющие конкретных денотатов, то можно ожидать и преобладания референтного статуса. Что касается причастий на *-м-*, то на диаграммах, посвящённых конкретности/абстрактности актантов, эти причастия не демонстрировали особых предпочтений, и предсказывать что-либо было трудно.

Если же рассмотреть подробнее статистику денотативных статусов, то мы вновь обнаружим нечто неожиданное:

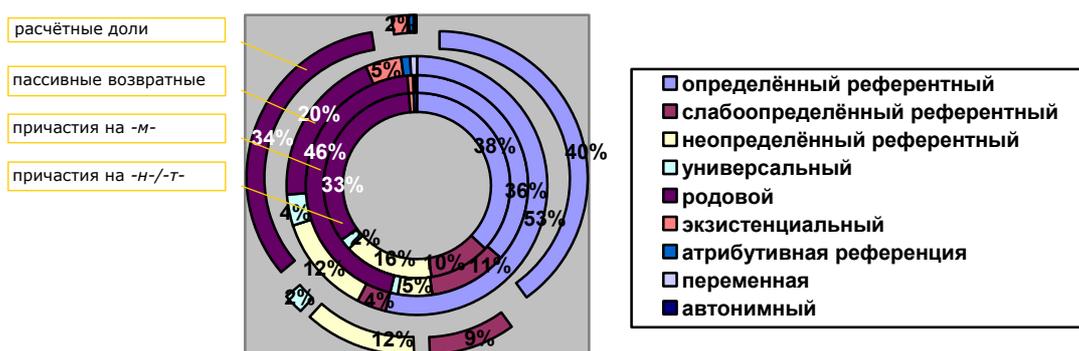

Диаграмма 5-18. Статус подлежащего и тип пассивной конструкции (подробно)

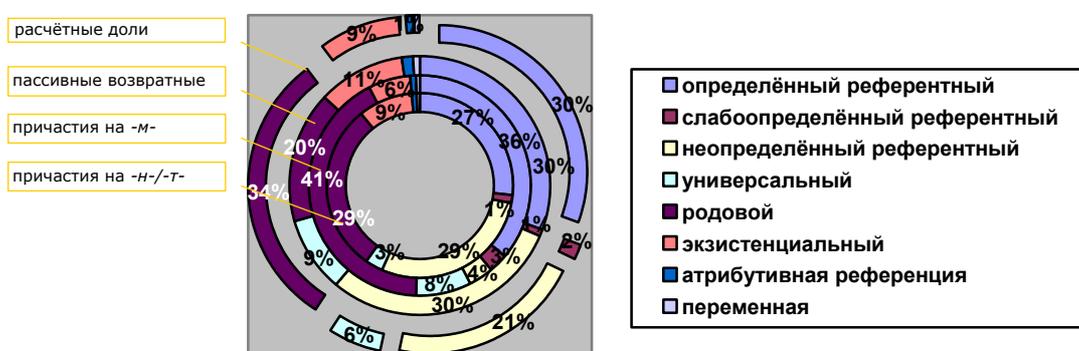

Диаграмма 5-19. Статус Актора и тип пассивной конструкции (подробно)

Первым интересным результатом является тот факт, что конструкции распределены по денотативным статусам не так равномерно, как по общим статусам — референтному и нереперентному. Отчётливо видно преобладание двух статусов — определённого референтного с одной стороны и родового с другой. Особенно заметно это у пассивных возвратных глаголов и причастий на *-м-* соответственно. Можно отметить небольшую по сравнению со средней долю неопределённого референтного статуса у подлежащего в конструкциях с причастиями на *-м-* и небольшую долю слабоопределённого статуса в предложениях с возвратными глаголами. Но описанная тенденция имеет место в любом случае.

При переходе к данным для Актора мы могли бы ожидать значительного увеличения доли статусов с меньшей определённостью: неопределённого и слабоопределённого референтного и экзистенциального. Видно, что доля неопределённого референтного статуса действительно возрастает, но не настолько сильно: для пассивных возвратных и причастий на *-н-/-т-* доля его составляет примерно половину от вхождений референтных статусов, а в случае причастий на *-м-* определённый референтный статус по-прежнему доминирует. Среди нереперентных статусов родовой также сохраняет лидирующее положение. Но если родовой статус с теоретической точки зрения не является менее предсказуемым, нежели, например, экзистенциальный, то столь значительная доля определённого референтного статуса, несомненно, не может быть названа ожидаемой. Причастия на *-н-/-т-* больше соответствуют теории пассива, поскольку доля этого статуса для них меньше всего, и тем не менее составляет более четверти. Для возвратных глаголов, в случае которых с наибольшей уверенностью можно было предсказывать полную неопределённость Актора (ведь помимо самого процесса выведения Актора как функции пассива возвратные глаголы создают собственный эффект непассивности, и в этой связи определённый референтный статус выглядит вдвойне странно), эта доля ещё выше.

Однако и такой большой доле определённого статуса у Актора есть объяснение. Помимо простой функции связывания предложений (для чего иногда требуется поставить прямой объект в субъектную позицию) пассив выводит Актора из рассмотрения, поскольку в упоминании о нём нет необходимости. Эта необходимость может отсутствовать по двум причинам: Актор либо неизвестен или не выбран из числа возможных (что вызовет употребление нереферентного или неопределённого референтного статуса, см. примеры (96) и (107)), либо, наоборот, известен и не требует дополнительного включения в предложение (при этом он не должен быть эксплицирован и может быть установлен из контекста — см. примеры (102), (113) и (116)). По-видимому, в случае Актора чаще имеет место второе.

Возвращаясь к дистрибуции пассивных форм, обратим внимание на то, что причастия на *-м-* снова противопоставляются остальным двум типам конструкций; отмеченное выше отличие можно сформулировать более конкретно: в противоположность конструкциям с причастиями на *-н-/-т-* и пассивными возвратными глаголами, содержащими актанты с определённым и неопределённым референтным статусом (при изменении их пропорций в зависимости от того, о каком из актантов идёт речь), предложения с причастиями на *-м-* чаще содержат актанты с родовым статусом; хотя если сравнивать, например, только долю родового статуса с долей определённого референта, то они часто близки по величине.

5. 4. 4. Семантическая роль Актора

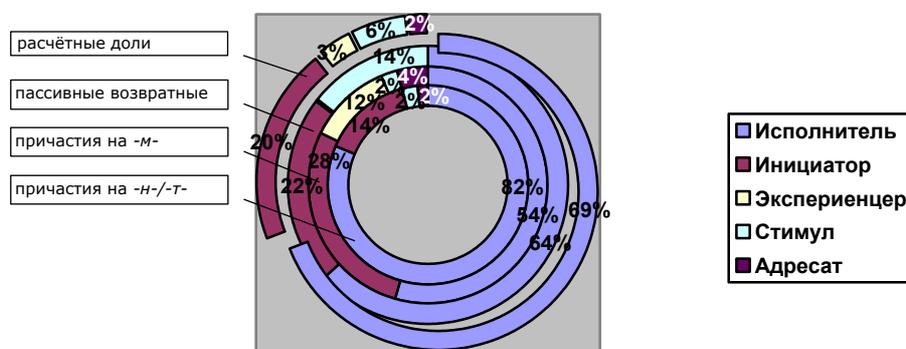

Диаграмма 5-20. Семантическая роль Актора и тип пассивной конструкции

Взаимозависимость между семантической ролью Актора и типом пассивной конструкции также существует. Сравнивая наблюдаемые значения с расчётными, можно установить, что пассивные возвратные глаголы чаще образуют пассивные конструкции с Актором с ролью Стимула (по большей части за счёт глаголов эмоций, см. пример (72)) и Инициатора (пример (86)). Причастия на *-м-* также чаще образуют пассивные конструкции с Инициатором (пример (111)) и Экспериенцером¹ (примеры (75) и (114)), кроме того, в конструкциях с этими причастиями намного чаще присутствует Актор с ролью Адресата (пример (119)). Причастия на *-н-/-т-* чаще сочетаются с Актором-Исполнителем (пример (120)) — именно поэтому они считаются «образцом пассивности».

(119) Он с удивлением наблюдал, с какой точностью Травкин делит **получаемую** водку, себе наливая меньше, чем всем остальным. (*Эммануил Казакевич. Звезда (1946). НКРЯ*)

(120) На доске гравировано, что «шпиц **обновлён позолотчиками** Ижорских мастерских», на что истрачено столько-то червонцев. (*Воробьев, Е., Небо в блокаде, в кн. «Капля крови», М., 1974, стр. 327–340 (3.926). Упсальский корпус*)

Если вспомнить, что причастия на *-н-/-т-* считаются перфективными в противовес возвратным глаголам и причастиям на *-м-*, а дистрибуция по семантическим ролям повторяет это распределение, может возникнуть гипотеза о том, что между семантической ролью Актора и перфективностью есть какая-либо связь; см. об этом главу 6.

¹ Такое большое количество вхождений роли Экспериенцера вновь объясняется словом *любимый*, которое встречается в корпусе крайне часто (а разнообразие лексем в случае презентных причастий вполне объяснимо ниже); слово это вызывает сомнения относительно принадлежности к причастиям, хотя содержится в выборке корпуса со снятой омонимией по установленному параметру ‘причастие’. Это слово присоединяет творительный падеж (см. пример (75)), и не до конца ясно, можно ли его в этом случае объявить причастием, а затем, устранив агентивное дополнение, причислить к прилагательным. В любом случае, именно глагол *любить* обеспечил столь большое число фраз с ролью Экспериенцера и тем самым увеличил ожидаемые значения для остальных пассивизаторов, поэтому на данные для этой роли полностью положиться сложно.

5. 5. Промежуточные выводы

Суммируя сказанное, можно подвести следующие итоги:

1. Актанты пассивной конструкции чаще имеют похожие свойства (особенно эта тенденция заметна на статистике для денотативных статусов актантов); таким образом, как мы и предполагали, существует не зависящая от типа конструкции взаимосвязь между свойствами двух актантов пассивной конструкции;
2. Тип конструкции коррелирует со свойствами актантов, причём чаще всего одно средство образования пассива противопоставляется двум остальным по некоторому признаку:
 - a. В конструкциях с пассивными возвратными глаголами, в отличие от конструкций с причастиями, оба актанта реже имеют конкретных денотатов;
 - b. Неодушевлённый Актор чаще встречается в предложениях с причастиями на *-м-*; иными словами, нестандартный вариант неодушевлённого Актора в некоторой степени зарезервирован за этими конструкциями; в целом же одушевлённость более релевантна для подлежащего: конструкции с причастиями на *-н-/-т-* противопоставляются остальным двум типам по этому признаку — в этих конструкциях выше расчётной доля неодушевлённого подлежащего;
 - c. Нереперентный статус (в частности — родовой) Актора и подлежащего чаще встречается с причастиями на *-м-* в противовес пассивным возвратным и причастиям на *-н-/-т-* (впрочем, последние не демонстрируют особого отклонения от средних частот для денотативного статуса подлежащего);
 - d. Актор с ролью Агенса-Исполнителя «предпочитает» конструкции с причастием на *-н-/-т-*, а Актор с ролью Инициатора — конструкции двух других типов; роль Стимула преимущественно присутствует в конструкциях с пассивными возвратными глаголами, а роль Адресата — в конструкциях с причастиями на *-м-*.

Итак, свойства каждого из актантов связаны как со свойствами второго актанта, так и с типом пассивной конструкции. При этом взаимосвязь свойств актантов ярко проявляется только для денотативного статуса, поскольку изначально пассив не накладывает особенных ограничений на статус участников ситуации. Напротив, преобладание, например, Актора с конкретным денотатом-человеком настолько значительно, что эта связь становится менее заметна. Что же касается корреляции, наблюдаемой между свойствами актантов и типом конструкции, то наблюдаемые отклонения от расчётных частот за редкими исключениями соответствуют предсказаниям теории семантической переходности, о которой речь пойдёт в главе 6.

5. 6. Свойства актантов и возможность смены типа пассивной конструкции

Как и в главе 4, мы могли ожидать, что возможность замены может зависеть и от свойств актантов пассивной конструкции и даже точнее отражать предпочтения каждого типа пассивных конструкций, чем статистика свойств для каждого из типов в отдельности. Были выявлены некоторые случаи отклонения от общих долей тех или иных свойств, причём не всегда объяснимые, и тем более не поддающиеся общему объяснению и формулированию в виде правила (в отличие от отклонений в области акциональности и семантического класса). Это сам по себе очень интересный факт: ведь, обнаружив предпочтения того или иного типа конструкций, мы могли ожидать, что этот результат отразится и в статистике возможности замен. Мы же наблюдаем обратную картину, более того — смещение долей определённых свойств часто идёт в направлении, противоположном ожидаемому. Некоторые данные соответствуют нашим ожиданиям: например, роль Исполнителя действительно оказывается закреплена за причастиями на *-н-/-т-* и реже допускает замену; но при том, что иные результаты ожиданиям противоречат, опираться только на

эти результаты достаточно сложно. Возможно, на возможность смены типа конструкции в каждом конкретном предложении влияет слишком много факторов.

По этим причинам диаграммы и таблицы, иллюстрирующие возможность замены пассивизатора в зависимости от свойств актантов, вынесены в Приложение для большей компактности изложения.

5. 7. Способ выражения Актора

В данном разделе мы рассмотрим проблему способа экспликации Актора и установим, от чего может зависеть выбор средства выражения; в частности, будет показано, что существует связь между способом экспликации Актора и типом пассивной конструкции.

Задача не так тривиальна, как это может показаться. Прежде всего, Актор может быть выражен нулём, ведь из п. 1 определения пассива следует, что на поверхностно-синтаксическом уровне Актор факультативен. Эта позиция не является необычной для русистики (см. [Грамматика русского языка 1960: 414–415], [Ружичка 1978], [Падучева 2002] и др.), но примечательно, что в русистике, тем не менее, традиционен подход, согласно которому двучленные пассивные конструкции (то есть не содержащие агентивного дополнения) являются редуцированным вариантом трёхчленных (см. [Мельчук 1997–2000, т. II], [Храковский 1991: 166]). Интересную точку зрения на этот счёт мы находим в работе Бьёрна Вимера [Wiemer 2004]. В процессе исследования славянских и балтийских языков автор пришёл к выводу, что «ещё до того, как появились потенциальные кандидаты на экспликацию Актора в виде именной группы в косвенном падеже, продуктивные способы морфологической деривации уже привели к значительным изменениям в лексиконе данного языка. <...> Это позволяет нам утверждать, что появление именных групп в косвенном падеже, обозначающих Актора, может, в определённом смысле, быть проинтерпретировано как введение заново ранее «утраченного» или выведенного из поля зрения Актора...» [Wiemer 2004: 306].

Однако помимо того факта, что Актор может быть выражен нулём, он необязательно должен быть выражен творительным падежом, как в примерах (76), (78), (94), (105) и (120). В древнерусском языке, помимо творительного падежа, для выражения Актора использовалась форма родительного с предлогом *от* (см. об этом работу [Данков 1981]). В работе [Храковский 1991] мы находим указания на то, что и в современном русском языке способы выражения Актора также не ограничиваются творительным падежом: автор указывает, что возможны родительный (*Там у него хранились книги*, см. также [Русская грамматика 1980, т. II: 157], [Веренк 1985: 296] [Пупынин 2001: 59] и [Wiemer 2004: 308–310]), предложный (*Хлев держался на четырёх дубовых столбах*) и дательный (*Мне думается, что..., Мне хорошо работается*, см. также [Веренк 1985: 296])¹ падежи. При этом, хотя соответствующие фразы в активе часто звучат несколько иначе или могут оказаться стилистически неприемлемыми, пропозициональная семантика остаётся неизменной (см. главу 1; о некоторых сомнениях относительно родительного падежа см. ниже). Приведём аналогичные примеры из корпуса (пример (86) на родительный падеж с предлогом *у* уже приведён выше):

(121) О нём бы и рассказывать ни к чему, если бы не **отразились в нём** по-своему все участники. (*Битов А., Пушкинский дом, «Новый мир», 1987:10, стр. 6–15 (5.020). Упсальский корпус*)

(122) **Мне вспоминается** разговор с Василием Александровичем Сухомлинским. (*Дефицит доверия рождает школьную скуку. «Правда», 87-09-15 (1.422). Упсальский корпус*)

Впрочем, что касается родительного падежа, то в предложениях с именной группой в родительном падеже с предлогом *у*, как отмечает Бьёрн Вимер, эта составляющая не обя-

¹ У Г. А. Золотовой находим следующее соображение о подобных конструкциях: «Оправданно ли употреблять термин «безличное» по отношению к предложениям *Вам дремлетя, Не спится, няня* <...>? Ведь в них говорится о состоянии **лица**, о признаке, который вне лица, вне носителя его не может существовать; и лицо это, личный субъект, **названо** определёнными падежными формами имени...» [Золотова 2001: 109].

зательно соответствует Актору (см. также всестороннее обсуждение этой проблемы в работе [Вайс 1999]):

(123) У него все продукты куплены, но покупал всё его брат. [Wiemer 2004: 309]

Тем не менее, интерпретация по умолчанию (без дополнительного уточнения) подразумевает именно совпадение Актора с участником, обозначаемым предложной группой. Более того, подобное уточнение часто оказывается невозможным:

(124) *Там у него хранились книги, но хранил их его брат.

Наконец, нельзя забывать, что в ряде случаев и именная группа в форме творительного падежа не обозначает Актора — речь идёт о пассивных предложениях с актантом Инструмент, который усматривается не только в очевидных случаях (*Окно было разбито молотком*), но и в примерах типа (125) и (126), в котором реальным Актором является некая сила, выраженная нулём (см. [Мельчук 1974]):

(125) Коза молча [упала] на бок, и черные глаза ее потухли, **покрылись белой плёнкой**.
(Лиханов, А., *Звезды в сентябре*, в кн. «Благие намерения», М., 1981, стр. 50–66 (4.993).
Уппсальский корпус)

(126) И вот приходила весна, и сад **покрывался зеленым пухом**. (Грекова, И., *Кафедра*, в кн. «Кафедра», М., 1980, стр. 30–44 (4.998). *Уппсальский корпус*)

Заслуживает также отдельного упоминания проблема предложной группы как потенциального способа экспликации Актора. Примеры типа (121) (а также подобные приведённому В. С. Храковским) следует отличать от случаев, в которых предложная группа не обозначает собственно Актора, а «лишь сужает круг возможных референтов-производителей действия или указывает путь к их обнаружению» [Вайс 1999: 176]. Таковы примеры, подобные фразам *В работе Шахматова отмечается...*, *В песне рассказывается о...* В основе соответствующих фраз *Работа отмечает...*, *Песня рассказывает...* лежит метонимический перенос автор → продукт, и их нельзя считать конверсивами предложений с

предлогом *в* [там же]. Некоторые же из употреблений этой предложной группы отсылают не собственно к Агенсу, а к посессору.

Посессор — участник, имплицитно кореферентный Актору. В. С. Храковский считает посессор полноценным способом выражения Актора (*В эти годы написаны лучшие стихи поэта*), но при этом посессор не является агентивным дополнением, а конструкция считается двучленной. Аналогичные примеры из корпуса:

- (127) Время от времени профилактически **ошпариваемая** кипятком и затем **протираемая** бензином или керосином (потому что клопы не выносили этих жидкостей), **верная подружка Эдика** издавала всегда лёгкий индустриальный запах. (*Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987). НКРЯ*)
- (128) Собака мягко взмывала вверх в зеркальной кабинке, крепко **прижимаемая** к груди **немолодой дамы**. (*Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994). НКРЯ*)

Действительно, посессор нельзя считать полноценным Актором, однако невозможно не заметить тот факт, что в предложении практически невозможно встретить одновременно посессор и отдельную именную группу в косвенном падеже, обозначающую Актор. Пассивное предложение с посессором не требует дополнительного выражения Актора, поскольку в большинстве случаев сам посессор по умолчанию выполняет обозначаемое глаголом действие¹.

Посессор не всегда подходит под содержащееся в определении пассива описание «ИГ в косвенном падеже», так как примерно в 30% случаев выражен притяжательным местоимением, а также не является частью глагольной группы. Кроме того, как уже было

¹ Кроме того, по утверждению Д. Вайса, знание о том, что обладатель результата и Агенс предшествующего Актора совпадают, вытекают не из значения конструкции, а из нашего прагматического знания об устройстве мира [Вайс 1999: 182]. С этим трудно поспорить, но само по себе это наблюдение не является достаточно сильным аргументом против того, чтобы считать посессор способом выражения Актора, поскольку обращение к экстралингвистическим знаниям в данной области более чем нормально и применяется исключительно часто.

сказано, в отдельных случаях возможна такая интерпретация, при которой Актор не совпадает с посессором: так, в примерах (127) и (128), возможно, Актором является некое третье лицо, ведь в принципе никаких указаний на обратное в предложении не содержится (хотя в случае примера (128) ситуация с третьим лицом всё же маловероятна). И тем не менее, такая интерпретация никогда не является интерпретацией по умолчанию.

Сравним предложения с посессором и конструкции, в которых Актор совпадает с подлежащим всего предложения (для конструкций с причастиями) и дополнительно не выражены:

- (129) Так **мы** поступаем с атомами **исследуемого вещества**, заставляя их резонировать, а информацию получаем при помощи ЭВМ. (*Портреты твёрдых тел*, А. Крентовская. *Техника и наука*, 1986:08, стр. 30–31 (658). Уппсальский корпус)

В таких предложениях экспликация Актора с помощью ИГ в косвенном падеже по-прежнему возможна:

- (130) Так **мы** поступаем с атомами **исследуемого нами** вещества.

Более того, в то время как посессор по умолчанию совпадает с Актором, подлежащее всего предложения и Актор часто не совпадают — как в следующем примере:

- (131) Приедут на предприятия бригады инженеров, определяют количество **выбрасываемого** [предприятиями] в атмосферу воздуха. (*Экология и перестройка*. «Техника и наука», 1988:02, стр. 2 (631). Уппсальский корпус)

В любом случае описанные примеры (и с посессором, и с подлежащим предложения) разумно интерпретировать как предложения с нулевым Актором при пассивной форме, кореферентным подлежащему всего предложения и удалённым в результате эллипсиса. Однако посессор, в отличие от подлежащего, практически гарантирует эту кореферентность и чаще всего налагает запрет на дополнительное выражение Актора. В силу этого посессор присутствует в нашей классификации и далее, хотя и рассматривается отдельно.

Итак, идея о том, что Актор может быть выражен не только творительным падежом, не нова. Главной же задачей будет показать, что способ выражения Актора зависит от его свойств и типа пассивной конструкции. В этой связи заслуживает упоминания работа [Woolford 2006] (высказанные в ней идеи развиты затем в [Woolford 2007]), автор которой предлагает подразделять неструктурные падежи (к которым в аккумулятивных языках относятся все падежи кроме номинатива и аккумулятива) на лексические (зависящие от конкретных глаголов и предлогов) и «внутренние» (inherent), определяющиеся тета-ролями (то есть именно свойствами актантов)¹.

Далее способы выражения Актора объединены по следующим группам (помимо опции «не эксплицирован»):

1. Именная группа в творительном падеже (примеры (76), (78), (94), (105) и (120));
2. Именная группа в другом косвенном падеже:

- ♦ Родительный:

(132) Я [хотел] припомнить его лицо, но оно исчезало [из памяти], и я **пугался** этого. (Лиханов, А., *Крутые горы*, в кн. «Благие намерения», М., 1981, стр. 6-24 (4.997). Упсальский корпус)²

- ♦ Дательный (пример (122));

или предложная группа (пример (86));

3. Посессор (примеры (127) и (128)).

5. 7. 1. Способ выражения Актора и его свойства

То, что способ выражения Актора в славянских языках может зависеть от одушевлённости, отмечается в работе [Siewierska 1988]; автор, однако, утверждает, что одушевлён-

¹ Применительно к «внутренним» падежам внимания заслуживает гипотеза UTAH (The Uniformity of Theta Assignment Hypothesis) в работе [Baker 1997].

² О глаголах эмоций см. стр. 191 и далее; аналогичный пример на агентивное дополнение в родительном падеже (*He ужасайся этого*) приводится в [Веренк 1985: 296].

ность зависит от типа конструкции. Как можно было видеть, некоторая связь существует, но такой же яркой зависимости, каковая наблюдается между способом экспликации и одушевлённостью, нет. Что касается семантических ролей, то они в некотором роде связаны с категорией одушевлённости, но эта связь не абсолютна.

Таблица 5-4. Способ экспликации Актора и его одушевлённость

	Творительный	Косв. и предл.	Посессор	Не эксплицит.
Человек	252 (298,5)	118 (133)	106 (111)	2264 (2197,6)
Одушевлённый	7 (3,1)	1 (1,4)	4 (1,1)	16 (22,5)
Неодушевлённый	53 (10,5)	20 (4,7)	6 (3,9)	17 (77)
<i>Вероятность случайного распределения: $p = 0\%$</i>				

Таблица 5-5. Способ экспликации Актора и его семантическая роль

	Творительный	Косв. и предл.	Посессор	Не эксплицит.
Исполнитель	280 (305,6)	116 (145,8)	66 (55,6)	2072 (1945,8)
Инициатор	98 (87,9)	50 (42)	13 (16)	568 (559,8)

	Творительный	Косв. и предл.	Посессор	Не эксплицит.
Стимул	52 (23,9)	43 (11,4)	1 (4,3)	102 (152)
Экспериенцер	22 (14,1)	0 (6,7)	40 (2,5)	55 (89,8)
Адресат	10 (8,6)	1 (4,1)	0 (1,6)	60 (54,5)
Вероятность случайного распределения: $p = 0\%$				

Актор-человек и роль Агенса-Исполнителя объяснимо преобладают в приводимых таблицах, и поэтому, какой способ выражения мы бы ни выбрали, большинство принадлежит именно человеку и этой роли соответственно. Если же сравнить наблюдаемые значения с ожидаемыми, то видно, что именно участник-человек и именно эта роль чаще других выражена нулём. Неодушевлённый Актор и роль Стимула, наоборот эксплицируются чаще, чем это ожидалось, причём в большинстве случаев — творительным падежом, как в примере (133) (для всех остальных ролей наблюдаемое значение у этого падежа ниже ожидаемого), с небольшим отставанием следуют другие косвенные падежи и предлож-ные группы (взятые вместе)¹.

(133) Мы оба, сильные и молодые, вновь **подогреваемые своей мечтой**, сгибаясь под тюками, не успевшими просохнуть, отправились по известному адресу. (*Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985). НКРЯ*)

¹ По статистике, как мы видим, и роль Экспериенцера эксплицируется чаще ожидаемого, но это связано с преобладанием посессора в качестве способа выражения Актора (конструкции типа *моя любимая машина*), а на счёт принадлежности такого употребления слова *любимый* к пассивным причастиям (хотя поиск производился по корпусу с морфологической разметкой) есть сомнения.

Объяснить сложившуюся картину можно следующим способом. Роль Исполнителя и одушевлённость Актора — норма для пассива, поэтому они реже требуют дополнительного выражения в виде ненулевой составляющей; напротив, неодушевлённость и роль Стимула у Актора для пассива наименее типичны (при этом связь действительно налицо, поскольку в роли гораздо чаще выступает неодушевлённый объект, чем в других ролях) и поэтому чаще других эксплицированы. Эти выводы соответствуют выраженному, в частности, в [Данков 1981: 53] представлению о том, что Актор эксплицируется тогда, когда это необходимо — например, когда он необычен.

Интересен тот факт, что роль Инициатора по статистическим результатам ближе роли Стимула, нежели роли Исполнителя. Это наблюдение согласуется с характеристикой роли Инициатора, которая действительно больше похожа на роль Стимула, нежели на роль прототипического Агенса. При этом роль Инициатора не так тесно связана с неодушевлённостью, как роль Стимула.

5. 7. 2. Способ выражения Актора и тип пассивной конструкции

Таблица 5-6. Способ экспликации Актора и тип пассивной конструкции

	Творительный	Косв. и предл.	Посессор	Не эксплицир.
Пассивные возвратные	36 (127,3)	170 (63,4)	22 (33,1)	808 (812,2)
Причастия на -м-	229 (118,5)	15 (59)	60 (30,8)	660 (755,8)
Причастия на -н-/-т-	197 (216,2)	45 (107,6)	38 (56,2)	1479 (1379)
Вероятность случайного распределения: $p = 0\%$				

Первое наблюдение, которое можно сделать из таблицы 5-6,— превышение расчётных частот по общей эксплицированности Актора для причастий на *-м-*: для этих причастий доля опции «не эксплицирован» значительно ниже ожидаемой; напротив, в конструкциях с причастием на *-н-/-т-* Актор выражен нулём чаще (хотя в процентном соотношении превышение не столь велико). Форма творительного падежа, наиболее традиционная и «каноническая», характерна для конструкций с причастиями на *-м-*, а другие формы ИГ и предложные группы чаще встречаются с пассивными возвратными глаголами. Такое поведение причастий на *-н-/-т-* логично: Актор может быть опущен, когда и без его экспликации очевидно, что денотат подлежащего в описываемой ситуации является Претерпевающим и, соответственно, имеется Актор, не совпадающий с подлежащим¹. В таком случае, однако, неясно поведение причастий настоящего времени, в конструкциях с которыми, наоборот, Актор выражен чаще. Видимо, в силу того, что эти причастия чаще интерпретируются как прилагательные, используется дополнительное средство подчёркивания их пассивной природы.

Таким образом, причастные конструкции склонны сопровождаться Актором в форме творительного падежа. В конструкциях с пассивными возвратными глаголами Актор чаще выражен иной формой. При этом, как мы видим, это не исключает употребления творительного падежа с возвратным глаголом и других форм с причастиями.

5.7.3. Изменение способа выражения Актора при смене типа конструкции

В ряде случаев при смене типа пассивной конструкции в конкретном примере возникает ситуация, когда Актор также может быть выражен, но другой формой, нежели в исходном примере. Это касается замены причастий на пассивный возвратный глагол: по-

¹ Такие результаты и выводы нельзя назвать однозначно предсказуемыми: так, в работе [Unbegaun 1975] высказано обратное предположение о том, что с возвратными глаголами Актор эксплицируется чаще, чем с перфективными причастиями.

скольку, как мы видели, для этого типа конструкций менее характерна форма творительного падежа агентивного дополнения, при замене причастия на пассивный возвратный глагол Актор иногда не может быть выражен творительным падежом, а требует другой формы:

- (134) а) Всё это и даже стойкий аромат сроненной со стебельков земляники, **подвяленной высоким солнцем**, заслонит, подавит травой, которая покорно и быстро вянет, исходя последним и оттого густым и пряным до опьянения запахом. (*Астафьев, В., Паруня, в кн. «Рассказы», М., 1984, стр. 456-469 (5.005). Упсальский корпус*)
- б) Всё это и даже стойкий аромат сроненной со стебельков земляники, **подвялившейся на солнце** (*солнцем)...

В редких случаях мы сталкиваемся с несколько иной проблемой: при замене причастия на возвратный глагол не выраженный в причастной конструкции Актор требует экспликации во избежание неоднозначности:

- (135) а) Аудитория была как одно коллективное, многоглазое, **управляемое** существо. (*П. Грекова. Под фонарем (1963). НКРЯ*)
- б) Аудитория была как одно существо, которое **кем-то** управляется.

На диаграмме ниже представлены доли случаев изменения способа выражения Актора при замене причастия на возвратный глагол (при обратной замене подобный феномен не обнаружен, что, видимо, говорит о большей универсальности причастных конструкций). Они одинаково невелики для обоих типов причастий:

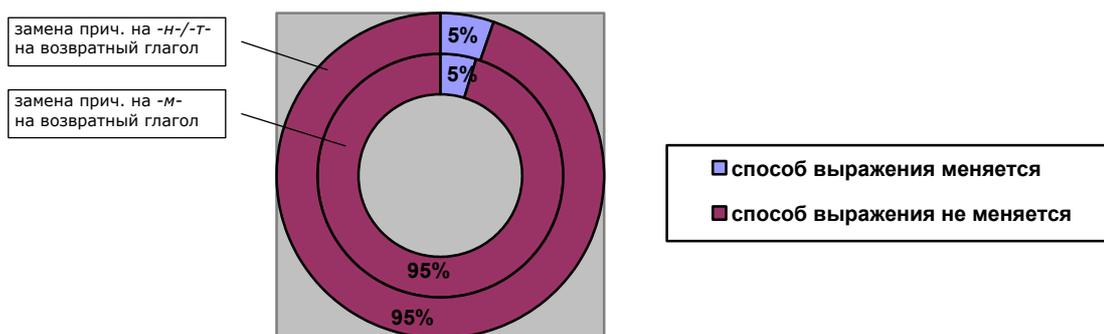

Диаграмма 5-21. Изменение способа выражения Актора

5. 7. 4. Способ выражения Актора и акциональный ярлык

В работе [Вайс 1999] содержится предположение, что способ экспликации Актора может зависеть от акциональных свойств глагольной словоформы: так, по утверждению автора, творительный падеж свойственен для акционального пассива, а родительный падеж с предлогом у — для статального. Это предположение не подтверждается статистическими данными: если рассматривать только противопоставление творительного падежа и родительного с предлогом, математическая вероятность случайного распределение составляет 35% (в сравнении с предыдущими результатами это очень высокая вероятность); если рассматривать все варианты, вероятность значительно ниже (0,06%), но наблюдаемые отклонения от расчётных частот не подтверждают теории Д. Вайса (за исключением отклонения для ярлыка «процесс») и в целом невелики¹:

Таблица 5-7. Способ экспликации Актора и акциональность

	Творительный	Косв. и предл.	Посессор	Не эксплицит.
итератив	31 (38,9)	21 (17,5)	9 (10,2)	250 (244,3)

¹ В таблице не представлены ярлыки «вхождение в процесс» и «мультипликативный процесс» в силу их крайней малочисленности.

	Творительный	Косв. и предл.	Посессор	Не эксплицит.
вхождение в со- стояние	117 (111,7)	49 (50,3)	17 (29,3)	710 (701,5)
процесс	114 (86,6)	31 (39)	17 (22,8)	530 (543,6)
состояние	201 (225,2)	108 (101,5)	77 (59,2)	1414 (1414,1)
Вероятность случайного распределения: $p = 0,06\%$				

5. 7. 5. Выводы

Как можно было видеть, способ выражения Актора в равной степени зависит от его свойств и от типа пассивной конструкции, но из наблюдаемых результатов можно сделать один общий вывод: **форма творительного падежа представляет собой** не столько традиционный способ выражения агентивного дополнения (это можно было бы заключить из того факта, что именно эта форма свойственна причастным конструкциям¹), сколько **средство дополнительного подчёркивания пассивности** в тех случаях, когда это нужно. Так, частота встречаемости творительного падежа чаще расчётной для причастий на -м-, часто вызывающих сомнения относительно их частеречной принадлежности, а также для Актора с нестандартными свойствами: неодушевлённого или с ролью Стимула (тем самым опровергается утверждение А. В. Бондарко, что «Агенс, выражаемый в пассивных

¹ При этом нужно помнить, что, если причастия являются исконными средствами образования пассива, то творительный падеж появился позже родительного [Данков 1981: 103], относящегося в нашем исследовании к группе «другие косвенные падежи и предложные группы», преобладающей именно для возвратных глаголов.

конструкциях формой творительного падежа,— это всегда Агенс контролируемого действия» [Бондарко 1991: 130]). Если же пассивность не вызывает сомнения (в случаях конструкций с причастиями на *-н-/-т-*, Актором-человеком и Актором с ролью Агенса-Исполнителя), то Актор скорее будет выражен нулём. В этом смысле способ выражения Актора объясняется скорее не теорией семантической переходности, с которой согласуется большинство результатов исследования (как будет показано в главе 6), а принципом экономичности: если Актор обладает описываемыми свойствами, то можно утверждать в сознании говорящего и слушающего заведомо присутствует идея о том, что он существует (см. [Kennedy 2001: 45–46]), и дополнительная экспликация не требуется. Кроме того, сделанные выводы подтверждают описанное предположение Бьёрна Вимера о том, что трёхчленные пассивные конструкции явились результатом необходимого «введения заново» (re-introduction) Актора в пассивную конструкцию.

5. 8. Выводы

Используемое в работе определение пассива при описании актантов пассивной конструкции содержит термин *Актор*, отсылающий к подлежащему исходной, активной, конструкции. Главная семантическая характеристика такого участника — то, что он некоторым образом контролирует или вызывает ситуацию (то есть без него ситуация бы не возникла). По этому признаку все возможные семантические роли делятся на две гиперроли (Актор и Претерпевающий). Это деление недискретно — в частности, одна и та же роль может принадлежать как гиперроли Актора, так и к гиперроли Претерпевающего, например, роли Экспериенцера и Стимула (см. [Foley & van Valin 1984] , [Dowty 1991]). В то же время в каждом конкретном высказывании каждой гиперроли принадлежит только один участник (отметим, что данное утверждение неверно для языков с морфологическим каузативом, но верно для русского языка).

Результаты корпусного исследования подтверждают интуитивное предположение, что денотат Актора чаще всего человек; при этом число референтных и нереферентных ИГ в

этой позиции примерно одинаково. В выборе денотативного статуса особенно заметна связь между свойствами двух актантов пассивной конструкции — референтный Актор чаще сопровождается референтным подлежащим, и наоборот. Пассивные конструкции разных типов также отличаются друг от друга по свойствам Актора (см. выводы в разделе 5. 4.): за конструкциями каждого типа оказываются «закреплены» разные свойства Актора. Например, в пассивных конструкциях с возвратными глаголами в сравнении с ожидаемыми значениями чаще содержится абстрактный или сентенцальный Актор, а в конструкциях с причастиями на *-м-* — неодушевлённый и не имеющий конкретного референта. Конструкции разных типов также распределены по семантическим ролям Актора: полярная роль Агенса-Исполнителя (участник, прикладывающий постоянные усилия для осуществления действия) преимущественно встречается с причастиями *-н-/-т-*, роль Стимула — с пассивными возвратными глаголами, роль Адресата/Получателя — с причастиями на *-м-*.

При изучении влияния свойств актантов на возможность смены типа конструкции в конкретных примерах особенно ярких результатов получено не было. В большинстве случаев статистически подтверждено отсутствие влияния свойств подлежащего (или определяемого слова при полном причастии) на возможность замены (вероятность случайного распределения достаточно высока). Свойства Актора обнаруживают некоторую связь с возможностью замены: примеры с ролью Агенса-Исполнителя реже допускают подстановку пассивного возвратного глагола, но связано это, видимо, с тем, что данная роль преобладает в конструкциях с причастиями на *-н-/-т-*, которые в целом реже допускают замены.

Что же касается способа выражения Актора, то оно связано как с типом конструкции (в причастных конструкциях чаще встречается творительный падеж Актора, в предложениях с возвратными глаголами — иные формы), так и с одушевлённостью и семантической ролью самого Актора. Так, «каноническая» Агенса-Исполнителя чаще, чем это ожи-

далось по статистике, бывает выражена посессором (который нельзя считать полноценным способом выражения Актора, но определённые основания включать его в классификацию есть, см. стр. 233 и далее) или не эксплицируется вовсе; число вхождений неэксплицированного Актора-человека также выше ожидаемого. Напротив, процент случаев, в которых неодушевлённый Актор или партиципant с ролью Стимула эксплицирован, выше расчётного. Это можно объяснить нестандартностью неодушевлённости и роли Стимула и, наоборот, предсказуемостью появления Актора-человека и роли Исполнителя.

Продолжая эту мысль, можно сделать интересные выводы касательно формы творительного падежа как способа выражения Актора. ИГ в форме творительного падежа — средство дополнительного подчёркивания пассивности в тех случаях, когда это требуется. Частота встречаемости формы творительного падежа выше расчётной для причастий на *-м-*, часто вызывающих сомнения относительно их частеречной принадлежности, а также для Актора с нестандартными свойствами: неодушевлённого или с ролью Стимула. Если же пассивность не вызывает сомнения (в случаях конструкций с причастиями на *-н-/т-*, Актором-человеком и ролью Агенса-Исполнителя), то Актор скорее будет выражен нулём. Можно утверждать, таким образом, что способ выражения Актора во многом объясняется принципом экономичности.

Глава 6. Сочетание параметров и теория семантической переходности

6. 0. Постановка задачи

В этой главе будет предпринята попытка установить, есть ли связь между видовыми и акциональными характеристиками глагола и свойствами актантов в предложении. Мысль о том, что такая связь существует, возникает при изучении свойств актантов в зависимости от типа конструкции: так, например, для причастий на *-н-/-т-* частота встречаемости подлежащего, имеющего конкретного денотата, значительно выше расчётной (при условии случайности распределения) — может ли это быть связано с акциональными характеристиками этих причастий? Как можно было наблюдать, причастия данного типа чаще всего перфективны, а среди акциональных ярлыков преобладают ярлыки «вхождение в состояние» и «состояние». Возможно ли, что связь есть не между свойствами актантов и средством образования пассива как таковым, а между свойствами актантов и свойствами, которые для этой конструкции характерны? Такое предположение само по себе не ново (см., напр., работу [Jaeggli 1986], в которой сделано частное наблюдение, что стательный пассив хуже сочетается с референтным агентивным дополнением) и имеет под собой определённые основания, о которых будет сказано ниже, когда статистика подтвердит или опровергнет его.

В первом разделе мы изучим свойства актантов у конструкций с пассивными возвратными глаголами совершенного и несовершенного вида. Этот тип конструкций выбран намеренно, поскольку доли обоих видов достаточно велики. Если сформулированное предположение верно, то возвратные глаголы совершенного вида по свойствам своих актантов будут близки к причастиям на *-н-/-т-*. Далее мы обратимся к статистике свойств актантов в зависимости от акциональных ярлыков, суммируя данные для всех типов пассивных конструкций. Если связь действительно существует, то, например, характерные для при-

частий на *-н-/-т-* свойства подлежащего должны сохраняться и для любого вхождения ярлыков «вхождение в состояние» и «состояние».

6. 1. Вид пассивного возвратного глагола и свойства актантов

В отличие от предыдущих разделов, в основной части этого приведены не все данные, полученные при исследовании корпуса, а только те, что действительно демонстрируют наличие зависимости. Так, достаточно редко можно будет наблюдать диаграммы одушевлённости: выяснилось, что этот параметр для видовых и акциональных характеристик наименее значим. Математическая вероятность, что одушевлённость подлежащего не коррелирует с видом возвратного глагола, составила 59%, а для одушевлённости Актора эта вероятность равна 81%. Напротив, конкретность/абстрактность демонстрирует чёткую связь с видом глагола, прежде всего это касается подлежащего.

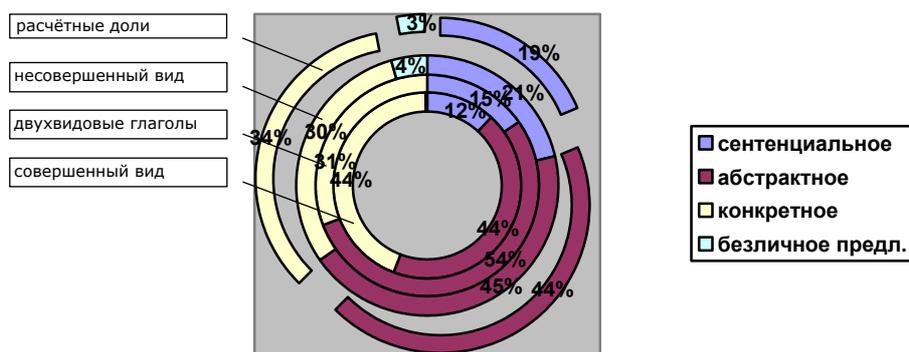

Диаграмма 6-1. Свойства подлежащего и вид пассивного возвратного глагола

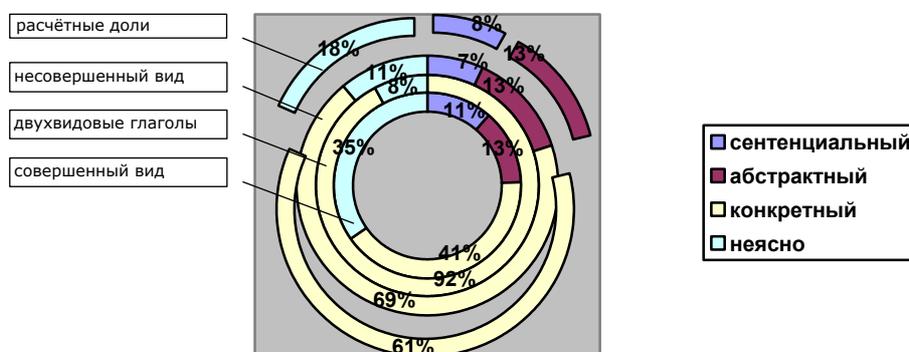

Диаграмма 6-2. Свойства Актора и вид пассивного возвратного глагола

Статистика Актора демонстрирует интересную особенность возвратных глаголов СВ: доля случаев, когда свойства Актора неясны, очень велика:

(136) Впрочем, это ощущение быстро **развеелось**: он же по совести излил свои чувства.

(Бек, А., Новое назначение, «Знамя», 1986:10, стр. 53–62 (5.008). Упсальский корпус)

В целом же тенденция к конкретности сохраняется (поскольку опция «неясно» подразумевает, что и интерпретация Актора как конкретного допускается). Что касается подлежащего, то оно чаще всего имеет конкретного денотата именно в конструкциях с глаголами совершенного вида (доля превышает расчётную на 10%), что соответствует поведению причастий на *-н/-т-*. При этом если принимать во внимание особенности возвратных глаголов и причастий, можно утверждать, что именно статистика для подлежащего более показательна. А при изучении референциальных свойств актантов мы увидим, что отклонения от расчётных значений происходят в предсказанном направлении и для подлежащего, и для Актора.

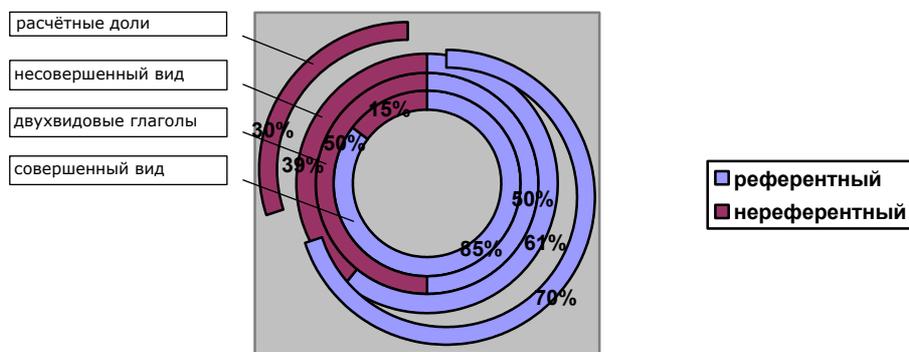

Диаграмма 6-3. Денотативный статус подлежащего и вид пассивного возвратного глагола

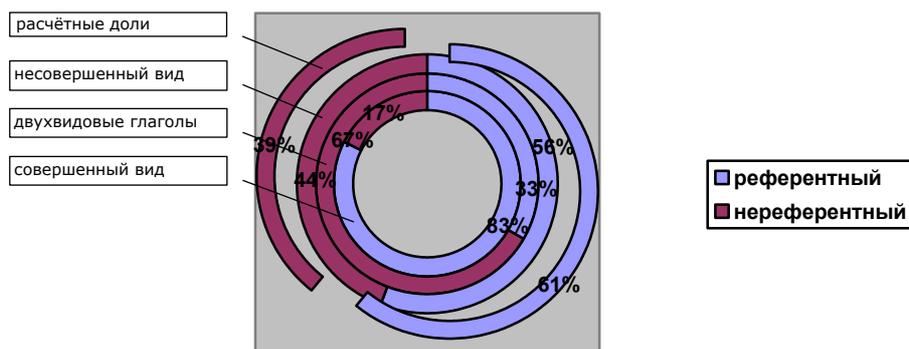

Диаграмма 6-4. Денотативный статус Актора и вид пассивного возвратного глагола

В обоих случаях процент референтного статуса актанта для глаголов СВ намного выше, чем для НСВ и также выше, чем ожидаемые показатели:

- (137) В одном из портретов на столе я узнал Илью Ивановича — инженерная фуражка набекрень, полотняный китель, толстые усы; совсем **забылось** его лицо, а сейчас я вспомнил и то, как он читал и пел нам Фауста. (*Гранин, А., Дом на Фонтанке, в кн. «Однофамилец», М., 1983, стр. 410–424. Упсальский корпус*)

Если сравнить эти результаты с данными зависимости свойств актантов от типа пассивной конструкции, мы увидим, что превышение ожидаемых значений было и у возвратных глаголов (причём, как сейчас видно, в основном за счёт возвратных глаголов совершенного вида), и у причастий на *-н /-т-*, в то время как заведомо имперфективные (за редким исключением) причастия на *-м-* показывали противоположные результаты. Референтность также оказывается связана с перфективностью.

Есть ли подобная связь между свойствами актантов и акциональными ярлыками? Рассмотрим следующие диаграммы, чтобы ответить на этот вопрос.

6. 2. Акциональные ярлыки и свойства актантов

В этом разделе представлены также не все диаграммы: прежде всего, отсутствует диаграмма денотативного статуса подлежащего, поскольку, как показали результаты вычислений, вероятность того, что статус подлежащего не связан с акциональным ярлыком пре-

диката, равна 40%. Видимо, для денотативного статуса более релевантна перфективность в целом, нежели конкретный ярлык. Для Актора ситуация похожа, и доля большинства ярлыков соответствует ожидаемой, кроме ярлыков «вхождение в состояние» и «состояние»: первый чаще требует референтного статуса Актора, второй — нереферентного. Это связано с тем, что действие, к тому же завершившееся, скорее требует точной отсылки к исполнителю, и наоборот. В этом смысле эти два ярлыка находятся на двух разных «полюсах». Ярлыки «вхождение в процесс» и «мультипликативный процесс», встретившиеся в сумме с конкретным Актором 8 раз (внутреннее кольцо), не дают показательной статистики.

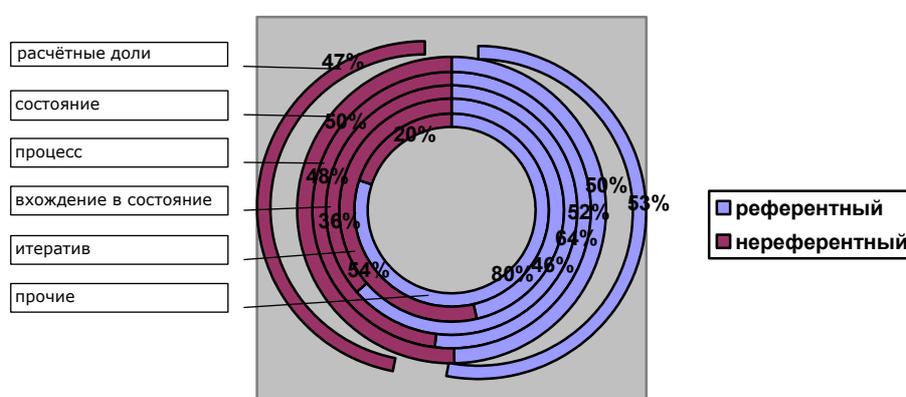

Диаграмма 6-5. Денотативный статус Актора и ярлык пассивного возвратного глагола

Остальные характеристики являются статистически значимыми для обоих актантов, но для конкретности/абстрактности и одушевлённости Актора наблюдаемые значения слабо отличаются от расчётных, что не позволяет делать определённые выводы (поэтому диаграммы конкретности/абстрактности и одушевлённости Актора отсутствуют). В целом наблюдается некий паритет: релевантными оказываются денотативный статус и семантическая роль Актора и конкретность/абстрактность и одушевлённость подлежащего. В то же время, видно, что конкретность/абстрактность подлежащего скорее связана с перфективностью, нежели с акциональными свойствами:

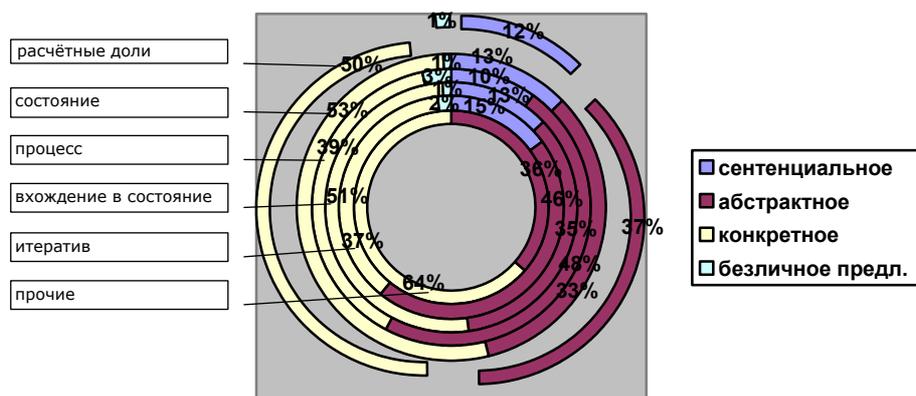

Диаграмма 6-6. Свойства подлежащего и ярлык пассивного возвратного глагола

Подлежащее, имеющее конкретного денотата, чаще встречается с ярлыками «вхождение в состояние» (пример (137)) и «состояние», которые обычно выражаются формами СВ.

Признак одушевлённости подлежащего чётко реагирует на противопоставление «вхождение в состояние» и «состояние» отклонением от расчётных значений в разные стороны: «состояние», как ярлык, обозначающий полное отсутствие динамики, чаще допускает в пассиве подлежащего с денотатом-человеком, а «вхождение в состояние» и «процесс», наоборот, реже, поскольку эти ярлыки соответствуют более или менее интенсивной передаче действия, чему вполне соответствует большая доля неодушевлённого подлежащего (более подробно об этом см. ниже). Однако, подводя промежуточный итог, отметим, что одушевлённость из всех изученных нами параметров можно считать наименее значимым для распределения пассивных форм.

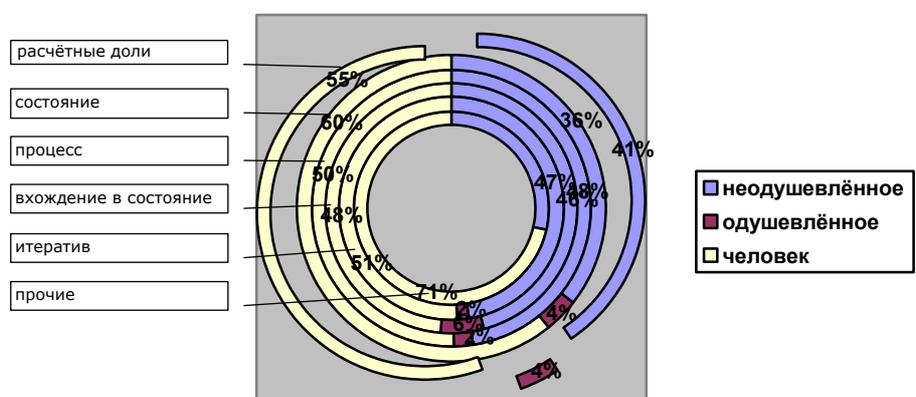

Диаграмма 6-7. Свойства подлежащего и ярлык пассивного возвратного глагола

Семантическая роль Актора, напротив, как стало ясно в предыдущей главе, относится к параметрам весьма значимым. Это наблюдение подтверждается и при сопоставлении этого параметра с акциональным ярлыком предиката. Ярлык «вхождение в состояние» превышает расчётный процент сочетаемости с наиболее агентивной ролью Исполнителя (пример (138)), а «состояние» лучше сочетается с ролью Инициатора (пример (139)):

(138) Сессию, как говорят, прокатила на троечках. Матери не написала, что **лишилась** стипендии. (Грекова, И., *Кафедра*, в кн. «Кафедра», М., 1980, стр. 30–44 (4.998). Утпсальский корпус)

(139) Зеркала **отражались в зеркалах**. (Каверин, В., *Песочные часы*, в кн. «Сказки», М., 1971, стр. 3–16 (3.602). Утпсальский корпус)

Отметим также ярлык «процесс», не накладывающий такого жёсткого требования на контролируемость процесса, в силу чего доля роли Исполнителя ниже ожидаемой.

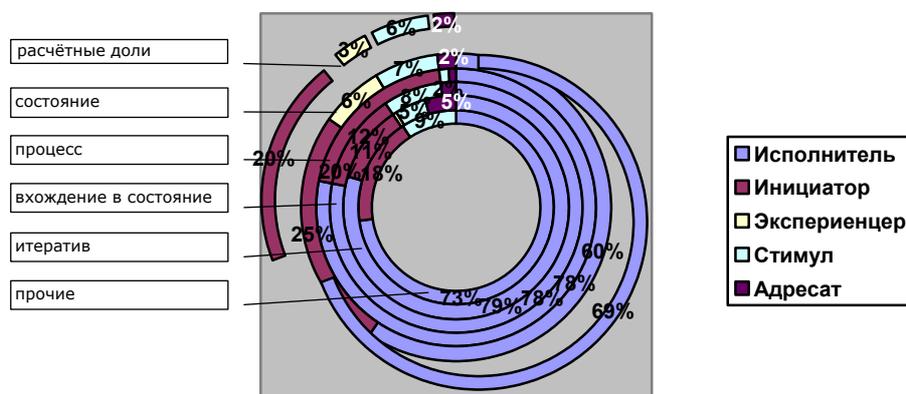

Диаграмма 6-8. Семантическая роль Актора и ярлык пассивного возвратного глагола

Прежде чем переходить к объяснению статистических отклонений, перечислим основные наблюдения этого раздела ещё раз:

- ◆ подлежащее чаще имеет конкретного денотата в конструкциях с глаголом в форме СВ;

- ◆ актанты чаще имеют референтный денотативный статус в конструкциях с глаголом в форме СВ;
- ◆ в конструкциях, содержащих глаголы с акциональными ярлыками «процесс» и «вхождение в состояние», подлежащее чаще неодушевлённое, а в конструкциях, содержащих глаголы с ярлыком «состояние», — одушевлённое;
- ◆ акциональный ярлык «вхождение в состояние» лучше сочетается с ролью Исполнителя, а ярлык «состояние» — с ролью Инициатора.

Теперь, когда статистические данные представлены, настало время дать им объяснение. Как мы увидим, эти результаты укладываются в известную теорию семантической переходности Пола Хоппера и Сандры Томпсон. Следует сразу уточнить, что речь идёт о тенденциях и об отклонениях от расчётных значений, а не о дополнительной дистрибуции или полном преобладании одного признака над другим; но всё же отмеченные тенденции оказываются не случайными, а вполне закономерными.

6. 3. Теория семантической переходности и грамматикализация рефлексивного местоимения

В знаменитой работе «Переходность в грамматике и дискурсе» [Hopper & Thompson 1980] П. Хоппер и С. Томпсон высказали идею о том, что о переходности/непереходности нельзя говорить как о привативной оппозиции. Кроме того, переходность — свойство не только глагола, но и всей клаузы (простого предложения). Иными словами, переходность понимается в данной теории не как простое синтаксическое свойство присоединять прямой объект, а как степень «интенсивности ситуации»¹.

¹ В этом случае теория переходности оказывается применима и к пассивным конструкциям, хотя все пассивные глаголы по определению непереходны (что вызывает кажущееся противоречие), поскольку данная теория описывает семантический аспект переходности, тогда как способность присоединять прямой объект относится к синтаксическому аспекту. См. об этом также [Князев 1999а].

Приведём пример. Как известно, глаголы *бить* и *видеть* переходны, а глагол *сидеть* непереходный. На шкале переходности предложения с глаголом *сидеть* обладают более низкой переходностью по сравнению с предложениями с глаголами *видеть* и *бить*, поскольку первые содержат всего одного участника, а последние — двух. Это соответствует нашим представлениям о противопоставлении переходных и непереходных глаголов. Однако предложения с глаголом *видеть* будут менее переходны, чем предложения с глаголом *бить*, потому что предложения с глаголом *бить* обозначают действие в противовес не-действию, что снижает интенсивность ситуации, а значит, и семантическую переходность предложения. Далее, предложение *Петя каждый день бьёт Васю* будет менее переходным, чем предложение *Сегодня Петя побил Васю*, поскольку последнее предложение в силу перфективности глагола концентрирует действие на меньшем промежутке времени, что также является фактором, повышающим переходность. Наконец, предложение *Петя побил Васю* будет менее переходным, чем предложение *Петя очень сильно побил Васю* благодаря подчёркнутой интенсивности действия во второй фразе.

Предложения с непереходными глаголами также могут быть более или менее переходными. Так, предложения с глаголом *сидеть* будут менее переходны, чем предложения с глаголом *бежать*, поскольку первый обозначает состояние, а второй действие, и т. д.

Вот какие факторы влияют на степень семантической переходности любой отдельно взятой клаузы [Hopper & Thompson 1980: 252]:

Таблица 6-1. Параметры, понижающие и повышающие семантическую переходность клаузы

Параметр	Значение, повышающее переходность	Значение, понижающее переходность
1. Количество участников	2 или более, Агнс и Объект	1 участник
2. Кинезис	действие	не-действие

Параметр	Значение, повышающее переходность	Значение, понижающее переходность
3. Вид (Aspect)	законченный/перфективный (telic)	незаконченный/имперфективный (atelic)
4. Пунктивность	пунктивный	непунктивный
5. Контролируемость/ осознанность	контролируемый (volitional)	неконтролируемый (non-volitional)
6. Утверждение	утверждение	отрицание
7. Наклонение	реалис	ирреалис
8. Агентивность	высокая эффективность (potency) Актора	низкая эффективность Актора
9. Задействованность Претерпевающего	Претерпевающие полностью охвачены действием	Претерпевающий не затронут действием [непосредственно]
10. Индивидуализация Претерпевающего	Претерпевающий индивидуализирован	Претерпевающий не индивидуализирован

В качестве дополнительной иллюстрации рассмотрим следующую пару примеров из корпуса:

- (140) Правда, уж очень распоясались. Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцы **остановлены**. (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба* (1960). НКРЯ)
- (141) Ход партийного обсуждения во многом **определяется** отчетным докладом. (Строгий экзамен по осуществлению перестройки держат сегодня парторганизации в ходе отчетов и выборов. «Правда», 88-11-18 (812). Утсальский корпус)

Представленным в этих примерах пассивным конструкциям можно поставить в соответствие следующие активные конструкции:

(142) Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцев [наши солдаты] остановили.

(143) Отчётный доклад во многом определяет ход партийного обсуждения.

Пример (140) содержит глагол в совершенном виде (фактор, повышающий семантическую переходность по п. 3 таблицы 1), индивидуализированного и полностью охваченного действием Претерпевающего (высокая семантическая переходность по пп. 9 и 10), а также обладает высокой агентивностью в целом (п. 8); действие, описываемое в примере, контролируемо (п. 5). Напротив, пример (141) содержит глагол в НСВ (фактор, понижающий переходность по п. 3), неиндивидуализированного Претерпевающего (низкая переходность по п. 10), обладает более низкой агентивностью в целом (п. 8), а о контролируемости (п. 5) говорить затруднительно. Таким образом, пример (140) характеризуется более высокой степенью семантической переходности, чем пример (141). К синтаксически непереходным пассивным конструкциям (примеры (142) и (143) соответственно) это противопоставление точно так же применимо, поскольку пропозиционная семантика конструкции при образовании пассива остаётся неизменной.

Теперь попробуем соотнести те данные, которые были получены во всех разделах настоящей работы, с теорией более высокой или более низкой переходности. Для этого рассмотрим те **отклонения от расчётных (общих) значений**, которые были перечислены выше. Мы увидим, что в большинстве случаев отклонения для пассивных возвратных глаголов происходят в сторону **понижения семантической переходности**, а для причастий на *-н-/-т-* в сторону **повышения**; причастия на *-м-* оказываются **посередине**, занимая среднее положение или примыкая к одному из типов конструкции. Примечательно в этой связи поведение собственно непассивных возвратных глаголов, которые, образуя фразы с заведомо более высокой степенью семантической переходности, чаще, чем пассивные воз-

вратные, употребляются в совершенном виде, прошедшем времени, чаще имеют ярлык «вхождение в состояние».

Главным исключением являются стальные причастия, которые обозначают состояние в противовес возвратным глаголам, чаще обозначающим действие¹. Кроме того, дено- тативный статус у актантов в конструкциях с возвратными глаголами также является по- вышающим семантическую переходность фактором (отметим, правда, что и у причастий на *-н-/-т-* обратного отклонения не наблюдается).

В любом случае, даже если считать стальность исключительно фактором, пони- жающим семантическую переходность, содержащийся в последней строке таблицы ус- ловный «балл семантической переходности» (-1 за каждый понижающий фактор, +1 за повышающий, 0 за нейтральный [относительно других позиций]) говорит сам за себя. Конструкции с возвратными глаголами **семантически менее переходны**, чем конст- рукции с причастиями на *-н-/-т-*, а конструкции с причастиями на *-м-* в общем и целом скорее тяготеют к предложениям с возвратными глаголами.

¹ Впрочем, в ряде случаев (возможно, в большинстве) можно утверждать, что состояние является результатом действия, что повышает семантическую переходность по п. 3.

Таблица 6-2. Отклонения от расчётных частот

Область	Параметр	-ся	-м-	-н-/-т-	№ в списке
семантический класс глагола	семантический класс глагола	изменение состояния, ментальные, служеб- ные	речь, движение	контакт и опора, фи- зическое воздействие	1, 2, 5, 8, 9
		вид глагольной формы (не образующего глагола!)	несовершенный	совершенный	3
		акциональный ярлык словоформы	процесс	процесс, состояние	вхождение в состоя- ние, состояние
актанты пассивного предложения	акциональный класс обра- зующего глагола	[непредельный] (отклонение невелико)	[непредельный] (отклонение невелико)	сильный предельный	3, 4
	конкретность/абстрактность подлежащего	сентенциальный, абстрактный	абстрактный, конкретный	конкретный	9, 10

Область	Параметр	-ся	-м-	-н-/-т-	№ в списке
актанты пассивного предложения	конкретность/абстрактность Актора	сентенциальный, абстрактный, неясно	конкретный	конкретный	5, 8
	одушевлённость подлежащего	человек	человек	неодушевлённый	8, 9, 10
	денотативный статус подлежащего	референтный	нереферентный	нет отклонений	8, 9, 10
	денотативный статус Актора	референтный	нереферентный	референтный	5, 8
	семантическая роль Актора	Стимул	Инициатор	Исполнитель	5, 8
	Балл семантической переходности		-5,5	-4,5	+8

Почему именно конструкции с возвратными глаголами обладают более низкой семантической переходностью, чем остальные? Как известно, изначально для образования пассива использовались только причастные конструкции, а возвратные глаголы с пассивным значением появились позднее (см. [Стрельцова 1978], [Данков 1981]). Когда в устоявшейся системе появляется новый показатель, он каким-то образом изменяет дистрибуцию, заполняя незанятые ниши. Именно более низкая семантическая переходность стала «маркой» возвратных глаголов.

Возвратный постфикс *-ся* образовался из возвратного местоимения в ходе процесса грамматикализации (превращения лексических единиц в морфологические показатели), который для пассивных показателей подробно описан в работе [Haspelmath 1990]. При этом, несмотря на то, что пассивное значение типологически нормально для рефлексивных показателей, некий элемент возвратности/медийности, подчёркивающий отсутствие внешних причин (даже когда они точно есть), сохранился. Кроме того, как отмечает Остен Даль [Dahl 1998], грамматикализация лексического элемента обычно бывает вызвана его «риторической незначимостью», то есть грамматикализация происходит, когда элемент больше не несёт на себе риторический акцент в высказывании. Эта риторическая иррелевантность также является фактором, понижающим семантическую переходность. Как мы видим, разные факторы (изначальное рефлексивное значение и грамматикализация вследствие риторической иррелевантности) действуют в одном направлении и дают один результат: в среднем более низкую семантическую переходность предложений с постфиксом *-ся*, что выражается как в распределении глаголов по семантическим классам (хотя и не так явно), так и в предрасположенности к обозначению незавершённого действия в противовес завершённому, в меньшей требовательности к конкретности актантов.

Если мы наблюдаем, что причастия на *-м-* находятся по этому параметру между возвратными глаголами и причастиями на *-н-/-т-*, то изначально ситуация должна была быть обратной: возвратные глаголы были по свойствам похожи на причастия на *-м-*. Затем, как

мы знаем, причастия на *-м-* стали употребляться в предикативной позиции намного реже, чем раньше, что либо стало причиной, либо, наоборот, следствием такого распространения финитных глаголов со схожими свойствами в плане семантической переходности.

6. 4. Теория семантической переходности и спорные случаи

Выводы исследования зависимы от теоретических предпосылок, это совершенно неоспоримый факт. При этом существует опасность, что от того, какое решение исследователь принимает в спорных случаях, будут целиком зависеть выводы, которые будут сделаны. Главными спорными случаями данного исследования можно назвать, во-первых, так называемые квазипассивные глаголы (типа *жариться, сушиться*) и их отношение к декаузативным и пассивным (а также собственно вопрос соотношения декаузатива и пассива) и, во-вторых, эмотивные возвратные глаголы, применительно к которым также сложно дать однозначный ответ на вопрос об их пассивности. Эти проблемы достаточно подробно описаны в настоящей работе, и им предложены решения. Но не изменятся ли выводы нашей работы, если решение по этим вопросам будет принято противоположное?

Несомненным достоинством теории семантической переходности в её применении к дистрибуции пассивных форм является тот факт, что при иной трактовке спорных случаев она по-прежнему предсказывает предпочтительность того или иного типа пассивной конструкции. Выведение квазипассивных глаголов из рассмотрения, прежде всего, повлияет на распределение пассивных форм по виду: оно приблизится к дополнительной дистрибуции (хотя мы помним, что более чем в 10% случаев трёхчленные пассивные конструкции с агентивным дополнением в творительном падеже содержали перфективный глагол); в таком случае разница в семантической переходности по признаку вида станет ещё заметнее. При этом, как можно было наблюдать на диаграммах 6-3 и 6-4, это также повлечёт за собой преобладание нереферентного денотативного статуса для пассивных возвратных глаголов, что также увеличит разницу в значении балла семантической переходности. Если же в целом рассматривать только агентивный пассив (исключив другие роли, кроме

роли Агенса) и, тем самым, оставить за рамками пассива эмотивные глаголы, то это вновь повлияет на распределение по виду (хотя и нейтрализует распределение по семантическим ролям и одушевлённости). Наконец, распределение по акциональным ярлыкам также в целом останется неизменным (поскольку ни эмотивные, ни квазипассивные глаголы не демонстрируют особого предпочтения к ярлыку «процесс», который для возвратных глаголов встречается чаще, чем это ожидалось). Таким образом, хотя автор не отказывается от высказанных соображений по этим проблемам, предложенное решение не отразилось на главном результате работы: пассивные формы распределены по шкале семантической переходности.

6. 5. Выводы

В поисках параметра распределения русских пассивных форм мы проанализировали различные признаки, относящиеся к разным уровням языка. Можно было констатировать, что ни по одному из них дополнительной дистрибуции не наблюдается; но метод изучения отклонения наблюдаемых значений от ожидаемых позволил нам установить, что в большинстве случаев отклонения от расчётов происходят предсказуемо в сторону большей семантической переходности для пассивных конструкций с причастиями на *-н-/-т-* и меньшей семантической переходности для конструкций с пассивными возвратными глаголами; причастия на *-м-* по этим свойствам намного ближе возвратным глаголам, но различаются по типу позиции в предложении.

Можно утверждать, что именно семантическая переходность в целом является определяющим для дистрибуции русских пассивных форм. Этот параметр не предполагает жёсткого деления, чем и объясняется достаточно большой процент возможных замен одной формы на другую и процент глаголов, образующих пассив разными средствами. И, тем не менее, распределение типов пассивных конструкций по семантической переходности проявляет себя в каждой из предыдущих глав настоящей работы.

Заключение

Целью настоящей работы было выяснить, существует ли дистрибуция русских пассивных форм, и, если она существует, то каков параметр дистрибуции. Было произведено статистическое исследование корпусного материала, в результате которого установлено, что этот параметр можно сформулировать как «степень семантической переходности». По этому параметру противопоставлены конструкции с возвратными глаголами и причастиями на *-н-/-т-*. Конструкции с причастиями на *-м-* занимают срединное положение между этими двумя типами, по своим свойствам приближаясь к конструкциям с пассивными возвратными глаголами.

Помимо главной цели, ставилась задача проверить существующие гипотезы о дистрибуции пассивных форм и некоторых свойствах отдельных типов пассивных конструкций.

Проблема дистрибуции пассивных форм очень актуальна для русистики и славистики в целом. Можно даже утверждать, что она представляет немалый интерес для любого лингвиста, поскольку отражает интересные моменты грамматикализации и изменения системы маркеров пассива. В древнерусском языке пассив выражался исключительно страдательными причастиями на *-м-* и на *-н-/-т-*, которые между собой были чётко распределены по виду (см. [Стрельцова 1978], а также [Данков 1981]). Оба причастия употреблялись как в предикативной, так и в атрибутивной позиции. Появление возвратных глаголов в этой оппозиции сопровождается ограничением на позицию причастия на *-м-*, которое теперь в предикативной позиции практически не употребляется; можно утверждать, что именно глаголы с постфиксом *-ся*, который явился результатом грамматикализации рефлексивного местоимения, вытеснили, как финитный глагол, причастия с позиции предиката. По обратной версии причастия на *-м-* перестали употребляться в этой позиции, что и вызвало включение в оппозицию возвратных глаголов.

Так или иначе, возвратные глаголы появились в залоговой оппозиции, скорее всего, именно вместо причастий на *-м-*, и, тем самым, логично предположение, что дистрибуция между возвратными глаголами и причастиями на *-н-/-т-* чисто видовая; это предположение явно высказывается или подразумевается в большинстве работ по русскому пассиву. Однако, с одной стороны, эта теория знает достаточный процент исключений; с другой стороны, обнаруживается дистрибуция и по другим признакам.

Чтобы достичь поставленной цели, была сформирована выборка русских предложений с возвратными глаголами (как пассивными, так и непассивными) и причастиями обоих типов. Для формирования выборки были использованы публицистические и художественные тексты Уппсальского корпуса и Национального корпуса русского языка. База возвратных глаголов содержит 3154 предложения, база причастий на *-м-* — 993 предложения, база причастий на *-н-/-т-* — 1814 предложения. На основе баз примеров была создана база глаголов (всего 1610 лексем), из которой, в свою очередь, была сформирована база глагольных основ, объединяющих видовые пары типа *делать* — *сделать* (1421 запись). Каждая из баз содержит множество различных признаков для классификации примеров, глаголов и глагольных основ. Подробное описание базы данных содержится в главе 2.

Поскольку база возвратных глаголов была составлена по формальному признаку (в выборку попадал любой глагол с постфиксом *-ся*), требовался критерий для различения пассивных и непассивных предложений с возвратными глаголами. В качестве этого критерия было выбрано типологическое определение М. Хаспельмата — К. И. Казенина ([Haspelmath 1990], [Kazenin 2001]), которое, как было показано, по своему содержанию не отличается от тех установок относительно того, что считать пассивом, которые используются в лингвистике в целом и в русистике в частности¹. С помощью этого определения

¹ Тем не менее, использование типологического определения для исследования русского пассива — шаг нестандартный, и автор осознаёт, что этот факт может быть сочтён недостатком работы. Если, несмотря на приведённое в главе 1 доказательство совместимости определения с существующими теоретическими уста-

выборка предложений с возвратными глаголами была разбита на две части, содержащие, соответственно, неpassивные и пассивные предложения. Для корректного разбиения оказалось также необходимым определить понятие гиперроли и, тем самым, сформулировать критерий того, как выделить среди двух участников того участника, который принадлежит гиперроли Актора (см. главу 5). Говоря о разбиении массива возвратных глаголов на неpassивные и пассивные, нельзя не отметить, что, если не считать предложения с возвратными глаголами, не имеющими невозвратных коррелятов (*казаться, садиться*), пассивные предложения с глаголами на *-ся* количественно значительно превосходят количество неpassивных. Также с помощью используемого в работе определения пассива удалось выявить ряд случаев, когда предложения с причастиями на *-н-/-т-* демонстрируют характеристики рефлексива и не могут считаться пассивными. Что же касается выборки возвратных глаголов, то пассивная часть этой выборки использовалась далее для установления параметра дистрибуции русских пассивных форм.

Рассматривалось три основных параметра как возможные основания для дистрибуции: семантический класс глагола, видовые и акциональные характеристики словоформы и акциональные характеристики глагольной лексемы, свойства актантов пассивного предложения. При этом изучались как данные базы примеров, так и базы глаголов, последняя — в двух аспектах: возможности образования пассива и реального наличия пассивной формы в корпусе. У каждого из этих аспектов свои преимущества: изучение базы глаголов уравнивает все лексемы, независимо от частоты их встречаемости; опция возможности образования позволяет учитывать те глаголы, которые не встретились в корпусе в силу ограниченности выборки. В то же время бывает полезно изучить именно частоту встречаемости того или иного глагола — для этого подходит статистика базы примеров. База приме-

новками, рассматривать использование такого определения как слабость работы в области русистики, то приводимое в диссертации изложение статистических данных и выводов из них можно считать исключительно данными и результатами эксперимента. В то же время теория семантической переходности также способна объяснить дистрибуцию пассивных форм и при «традиционном» понимании пассива.

ров также даёт возможность исследовать статистику потенциальных замен возвратного глагола на причастие и наоборот.

Методологической особенностью исследования стало сравнение наблюдаемых частот с расчётными и общими частотами. Расчётные частоты вычислялись исходя из того, что распределение является случайным, и признаки не зависят друг от друга (например, свойства подлежащего и тип пассивной конструкции). Степень отклонения расчётных частот от наблюдаемых позволяет вычислить вероятность случайного распределения и установить некоторые тенденции в сочетании параметров. Именно в этом и проявилась дистрибуция пассивных форм, поскольку дополнительная дистрибуция в русском языке не наблюдается ни по одному параметру. Выяснилось, что отклонения наблюдаемых частот от расчётных для трёх типов пассивных конструкций происходят достаточно предсказуемо — в сторону повышения или понижения общей семантической переходности клаузы (простого предложения).

Семантическая переходность — понятие, противопоставляемое синтаксической переходности как простой способности глагола присоединять дополнение в винительном падеже (или, скорее, дополняющее и расширяющее это понятие). В синтаксическом смысле в пассиве все глаголы одинаково непереходны, но при этом конструкции с этими глаголами отличаются разной степенью семантической переходности как степени интенсивности «передачи действия» от субъекта к объекту (см. [Князев 1999а]). Теория переходности, согласно которой переходность является свойством не глагола, а всей клаузы, и может быть более высокой или более низкой, принадлежит Полу Хопперу и Сандре Томпсон [Hopper & Thompson 1980] и описана в главе 6.

Используя понятие семантической переходности, можно утверждать, что конструкции с возвратными глаголами и причастиями на *-н/-т-* находятся на разных полюсах шкалы семантической переходности русских пассивных конструкций. Возвратные глаголы чаще встречаются в конструкциях с низкой семантической переходностью: глагол чаще обозна-

чает нефизическое действие или является служебным глаголом действия (*осуществлять, проводить*), а глаголы, образующие в пассивных предложениях причастия на *-н/-т-*, чаще обозначают именно действие физическое. Причастия на *-м-* тяготеют к возвратным глаголам, но в некотором смысле находятся между двумя полюсами: например, для этих причастий выше процент глаголов речи и движения, семантически более переходных, нежели ментальные или служебные глаголы, но заметно менее переходных, чем глаголы физического воздействия. Далее, возвратные глаголы действительно чаще имперфективны, а причастия на *-н/-т-* перфективны, что также соответствует перечисленным в статье П. Хоппера и С. Томпсон факторам понижения и повышения степени переходности. При этом надо отметить, что для причастий уместно говорить именно о виде самого причастия, а не о виде образующего глагола. Причастия на *-м-* очевидно близки к возвратным глаголам по этому признаку. Предсказанные отклонения замечены и в сфере акциональности («способах действия»), при этом акциональный ярлык¹ различает типы конструкций чётче, чем акциональный класс основы² (процесс для возвратных глаголов, процесс и состояние для причастий на *-м-*, вхождение в состояние для причастий на *-н/-т-*; при этом статальные причастия можно интерпретировать по-разному, вся дискуссия на эту тему представлена в главе 4).

Наконец, свойства актантов также демонстрируют определённую связь с типом пассивной конструкции, прежде всего по признаку абстрактности/конкретности (причастия на *-н/-т-* чаще требуют актантов, имеющих конкретных денотатов³, для конструкций с

¹ Акциональных ярлыков пять: состояние, процесс, вхождение в состояние, вхождение в процесс, мультипликативный процесс. Также можно выделить условный ярлык «итератив». Подробнее см. главу 4.

² Тем интереснее этот вывод, что введение в рассмотрение акциональных ярлыков по классификации С. Г. Татевосова [Татевосов 2005] как компонентов акционального класса в противовес простому рассмотрению видовых пар [Зализняк Анна А. и Шмелёв 2000] или Т-категорий [Падучева 1996] дало более показательные результаты. Без этого нового подхода некоторые выводы были бы невозможны.

³ Имеется в виду именно наличие вообще объекта в противовес абстрактной сущности, а не наличие выбранного конкретного денотата (что является синонимом референтного денотативного статуса).

возвратными глаголами выше ожидаемой доли сентенциальных и абстрактных участников, а причастия на *-м-* показывают свойства, близкие возвратным глаголам для подлежащего и причастиям на *-н-/-т-* для Актора), но также и одушевлённости (причастия на *-н-/-т-* более жёстко требуют неодушевлённого подлежащего в отличие от других двух типов пассивных конструкций) и семантической роли Актора (Агенс-Исполнитель для конструкций с причастиями на *-н-/-т-* и Стимул, чья доля выше ожидаемой для возвратных глаголов; промежуточная роль Инициатора чаще встречается для причастий на *-м-*). Полная таблица представлена в главе 6.

Почему именно конструкции с возвратными глаголами оказались семантически менее переходными, чем остальные? Как было сказано, изначально для образования пассива использовались только причастные конструкции, а возвратные глаголы с пассивным значением появились позднее. Когда в устоявшейся системе появляется новый показатель, он каким-то образом изменяет дистрибуцию, заполняя незанятые ниши. Именно более низкая семантическая переходность стала «маркой» возвратных глаголов. Это объясняется тем, что возвратный постфикс *-ся* образовался из возвратного местоимения в ходе процесса грамматикализации (превращения лексических единиц в морфологические показатели). При этом, несмотря на то, что пассивное значение типологически нормально для рефлексивных показателей, некий элемент возвратности/медийности, подчёркивающий отсутствие внешних причин (даже когда они точно есть), сохранился. Кроме того, как отмечает Остен Даль [Dahl 1998], грамматикализация лексического элемента обычно бывает вызвана его «риторической незначимостью», то есть грамматикализация происходит, когда элемент больше не несёт на себе риторический акцент в высказывании. Эта риторическая иррелевантность также является фактором, понижающим семантическую переходность. Как мы видим, разные факторы (медийное значение, предшествовавшее пассивному, и грамматикализация вследствие риторической иррелевантности) действуют в одном направлении и дают один результат: в среднем более низкую семантическую переходность

пассивных предложений с постфиксом *-ся*, что выражается как в распределении глаголов по семантическим классам (хотя и не так явно), в предрасположенности к обозначению незавершённого действия в противовес завершённому, в меньшей требовательности к конкретности актантов.

Любопытно в этой связи также наблюдение Масайоси Сибатани о том, что по свойствам актантов, характерных для конструкций того или иного типа, можно установить, какой тип конструкций появился в языке раньше [Shibatani 1998: 136–137]. То, что возвратные глаголы лучше сочетаются абстрактным Актором, ещё раз указывает на их относительно «юный» возраст.

Помимо выполнения основной задачи установления параметров дистрибуции русских пассивных форм, также были обнаружены некоторые интересные особенности, заслуживающие внимания.

Так, была выявлена интересная особенность — стремление актантов пассивной конструкции иметь сходные свойства; отклонения от расчётных частот наблюдались именно в сторону похожих свойств. Особенно отчётливо эта тенденция прослеживается для денотативного статуса, поскольку никаких изначальных преимуществ ни у референтного, ни у нереферентного статуса не было (в отличие, например, от подавляющего преимущества Актора-человека, которое наблюдалось независимо от одушевлённости подлежащего).

Также было установлено, что Актор (в том числе и Актор с ролью Агенса) может быть выражен не только творительным падежом, но и другими косвенными падежами и предложными группами¹. Способ выражения Актора связан как с его свойствами, так и с типом пассивной конструкции: так, Актор-человек и Актор с ролью Агенса-Исполнителя² чаще бывает не выражен, поскольку в пассивной конструкции эти свойства наиболее

¹ Сама эта идея не нова: см. [Русская грамматика 1980, т. II] [Данков 1981], [Веренк 1985], [Храковский 1991], [Пупынин 2001], [Wiemer 2004].

² Об этой роли см. в работе [Гаврилова 2003].

предсказуемы и не требуют дополнительного выражения. Актор также наиболее часто не эксплицируется в конструкциях с причастиями на *-н-/-т-*, наиболее пассивных по своей сути. Напротив, частота встречаемости именной группы в форме творительного падежа оказалась выше ожидаемой для Актора с нестандартными свойствами — неодушевлённого или с ролью Стимула/Причины, а также для причастий на *-м-*, часто вызывающих сомнения относительно их частеречной принадлежности. Это позволяет сделать следующий вывод: форма творительного падежа представляет собой не столько традиционный способ выражения агентивного дополнения, сколько средство дополнительного подчёркивания пассивности в тех случаях, когда это необходимо.

Библиография

- Апресян Ю. Д., 1995. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка (Избранные труды, том I)*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Арутюнова Н. Д., 1999. Безличность и неопределённость. Глава X кн. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. С. 793–873. М.: Языки русской культуры.
- Богданов В. В., 1978. Залог и семантика предложения. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 37–42. Ленинград: Наука.
- Бондарко А. В., 1971. *Грамматическая категория и контекст*. Ленинград: Наука.
- Бондарко А. В., 1978. Теория значений и трактовка категории залога. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 43–49. Ленинград: Наука.
- Бондарко А. В., 1991. Активность и пассивность. В сб. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука.
- Бондарко А. В., 1998а. Аспекты системного анализа грамматических единств. В сб. *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века*. С. 95–106. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Бондарко А. В., 1998б. Проблемы инвариантности/вариативности и маркированности/немаркированности в сфере аспектологии. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 64–80. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Бондарко А. В., 2001. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. М.: Эдиториал УРСС.
- Бондарко А. В., 2004. К вопросу о семантической немаркированности несовершенного вида в русском языке. В сб. *Типологические основания в грамматике: К 70-летию В. С. Храковского* (отв. ред. А. П. Володин). С. 76–87. М.: Знак.

- Бонч-Осмоловская А. А., 2003. Конструкции с дативным субъектом в русском языке (опыт корпусного исследования). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М.
- Буланин Л. Л., 1978. К соотношению пассива и статива в русском языке. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 197–202. Ленинград: Наука.
- Буланин Л. Л., 1986. *Категория залога в современном русском языке*. Ленинград: Ленинградский университет.
- Буланин Л. Л., 2001. О некоторых сложных проблемах категории залога. В сб. *Исследования по языкознанию: сборник статей к 70-летию А. В. Бондарко*. С. 163–169. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Булыгина Т. В., 1980. Грамматические и семантические категории и их связи. В сб. *Аспекты семантических исследований*. С. 320–355. М.: Наука.
- Вайс Д., 1999. Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру (вопрос о возможном агентивном значении модели «у + имя_{род}»). В сб. *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика* (под ред. Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельца). С. 173–186. М.: Языки русской культуры.
- Вежбицка Анна, 1985. Дело о поверхностном падеже. В сб. *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XV. С. 303–341. М.: Прогресс.
- Веренк Жак, 1985. Диатеза и конструкции с глаголами на -ся. В сб. *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XV. С. 286–302. М.: Прогресс.
- Гаврилова В. И., 1978. К вопросу о выражении диатезы «объектный квазипассив» в русском языке. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 203–208. Ленинград: Наука.

- Гаврилова В. И., 1998. Краткое причастие на *-н/-т* как форма статального вида страдательного залога. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 99–114. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Гаврилова В. И., 2003. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей. В сб. *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. С. 256–285. М.: Индрик.
- Генюшене Э. Ш., 1983. *Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Учебное пособие*. Вильнюс.
- Гловинская М. Я., 1989. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм. В сб. *Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика*. С. 74–146. М.: Наука.
- Гловинская М. Я., 1998. Инвариант совершенного вида в русском языке. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 125–134. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Грамматика русского языка* (ред. В. В. Виноградов и др.), 1960. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Издательство АН СССР.
- Грамматика современного русского литературного языка* (отв. ред. Н. Ю. Шведова), 1970. М.: Наука.
- Данков В. Н., 1981. *Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола: учебное пособие для филологических специальностей*. М.: Высшая школа.
- Дудчук Ф. И., 2006. Локативная альтернатива и структура глагольной группы (дипломная работа). М.

- Дэжэ Д., 1978. Диатезы в системе грамматической типологии. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 22–27. Ленинград: Наука.
- Зализняк А. А., 1980. *Грамматический словарь русского языка*. М.: Русский язык.
- Зализняк Анна А. и А. Д. Шмелёв, 2000. *Введение в русскую аспектологию*. М.: Языки русской культуры.
- Земская Е. А. (ред.), 1973. *Русская разговорная речь*. М.: Наука.
- Земская Е. А. (ред.), 1981. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. М.: Наука.
- Золотова Г. А., 2001. Грамматика как наука о человеке // *Русский язык в научном освещении*. №1. С. 107–113. М.: Языки славянской культуры.
- Исаченко А. В., 1960. Русский язык в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. 2. Братислава.
- Калашникова К. В. и С. С. Сай, 2006. Системные отношения между классами русских рефлексивных глаголов в связи с их частотными характеристиками (по данным корпусного исследования). В сб. *Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича*. С. 56–64. Санкт-Петербург: Нестор — История.
- Кацнельсон С. Д., 1988. Заметки о падежной теории Ч. Филлмора // *Вопросы языкознания*. №1. С. 110–117. М.: Наука.
- Кибрик А. А. и В. А. Плунгян, 2002. Функционализм. Глава 9 кн. *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления* (под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секириной). С. 276–339. М.: Едиториал УРСС.

- Кибрик А. Е., 1982. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике. В сб. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. С. 5–36. М.: Прогресс.
- Кибрик А. Е., 1992. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке)*. М.: Издательство МГУ.
- Кибрик А. Е., 1996. Лингвистические истины и лингвистические заблуждения. В сб. *Труды международного семинара ДИАЛОГ'96 по компьютерной лингвистике и её приложениям*. М.
- Кибрик А. Е., 1997. Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической информации // *Вопросы языкознания*. №4. С. 27–57. М.: Наука.
- Кибрик А. Е., 2000. К проблеме ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: свидетельства арчинского языка // *Вопросы языкознания*. №5. С. 32–67. М.: Наука.
- Кибрик А. Е., 2003. *Константы и переменные языка*. Санкт-Петербург.: Алетея
- Кибрик А. Е. и Е. А. Богданова, 1995. САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // *Вопросы языкознания*. №3. С. 28–47. М.: Наука.
- Князев Ю. П., 1978. Нейтрализация противопоставлений по лицу и залог. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 122–128. Ленинград: Наука.
- Князев Ю. П., 1989. Конструкция с русскими причастиями на *-н*, *-т* в семантической классификации предикатов // *Вопросы языкознания*. №6. С. 83–94. М.: Наука.
- Князев Ю. П., 1999а. Переходность/непереходность глагола: форма и значение. В сб. *Предложение и слово (доклады и сообщения международной научной*

конференции, посвящённой памяти профессора В. С. Юрченко). С. 177–182.

Саратов: Издательство Саратовского педагогического института.

Князев Ю. П., 1999б. Соотносительность возвратных глаголов с причастиями на *-н*, *-т* и её границы. В сб. *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века*. С. 47–51. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Князев Ю. П. и В. П. Недялков, 1985. Рефлексивные конструкции в славянских языках. В сб. *Рефлексивные глаголы в индо-европейских языках: сборник научных трудов*. С. 20–39. Калинин: Калининский государственный университет.

Кобозева И. М., 2000. *Лингвистическая семантика: учебное пособие*. М.: Эдиториал УРСС.

Копосов Д. Р., 2003. Страдательное причастие и имя прилагательное (механизмы различения и орфографический аспект). В сб. *Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых* (под ред. Н. А. Андрамоновой (отв. ред.) и М. А. Козыревой). С. 42–47. Казань.

Королёв Э. И., 1969а. Использование пассива при автоматическом синтезе русского предложения // *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. Вып. 11. М.: 1-й Московский педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза.

Королёв Э. И., 1969б. О залогах русского глагола. В сб. *Мысли о современном русском языке* (отв. ред. В. В. Виноградов). М.

Коряковцева Е. И., 1996. Статус имени действия // *Вопросы языкознания*. №3. С. 55–66. М.: Наука.

- Крейдлин Г. Е. и Е. В. Рахилина, 1981. Денотативный статус отглагольных имён // *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*. №12. С. 17–22. М.: ВИНТИ.
- Кретов А. А., 1978. Особенности семантики возвратных глаголов включённого неодушевлённого объекта в русском языке. В сб. *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. С. 162–168. Воронеж: Издательство Воронежского университета.
- Крысин Л. П., 2002. Неявные ограничения в лексической и семантической сочетаемости слова // *Известия академии наук: серия литературы и языка*. Вып. 61. №4. С. 49–51. М.: Наука.
- Кустова Г. И., 1998. Производные значения с экспериенциальной составляющей. В сб. *Семиотика и информатика* (гл. ред. В. А. Успенский). Вып. 36. С. 19–40. М.: Языки русской культуры.
- Кустова Г. И., 2006. Валентности и конструкции прилагательных. В сб. *Материалы конференции «Диалог-2006»*. С. 323–329. М.
- Кустова Г. И., 2007. Русские прилагательные: форма, семантика и синтактика в предикативной позиции. В сб. *Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы*. С. 468–469. М.: МГУ.
- Левицкий Ю. А., 2000. Пассив и конверсив // *Лингвистический вестник*. №2. Ижевск.
- Лингвистический энциклопедический словарь, 1990. М.: Советская энциклопедия.
- Матханова И. П., 2002. Выражение состояния предикатами типа *работается, поётся* (интерпретационные аспекты семантики состояния). В сб. *Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности*. Новосибирск.

- Мелиг Х. Р., 1998. Вид, отрицание и референциальный статус глагольной предикации в тексте. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 289–304. М.: Школа «Языки русской культуры»
- Мельникова К. А., 2002. В поисках семантической структуры медиальных глаголов и декаузативов (на материале отадъективных глаголов изменения состояния) // *Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы*. №3. С. 30–36. М.: ВИНТИ.
- Мельникова К. А., 2003. Семантические классы возвратных глаголов категории «действие» // *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы*. №8. 19–29. М.: ВИНТИ.
- Мельчук И. А., 1974. О синтаксическом нуле. В сб. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. С. 343–361. Ленинград: Наука.
- Мельчук И. А., 1997–2000. *Курс общей морфологии*. ТТ. 1–4. Москва–Вена.
- Мещанинов И. И., 1982. *Глагол*. Ленинград: Наука.
- Милославский И. Г., 1978. Какому залогов принадлежит глагол «нравиться»? В сб. *Проблемы теории грамматического залогов* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 208–213. Ленинград: Наука.
- Мирошникова М. Г., 2002. Разговорный синтаксис как стилистическая особенность современной прозы" // *Glossos*. Vol. 2.
- Муравенко Е. В., 1998. О случаях нетривиального соответствия семантических и синтаксических валентностей. В сб. *Семиотика и информатика* (гл. ред. В. А. Успенский). Вып. 36. С. 71–81. М.: Языки русской культуры.
- Недялков В. П., 1978. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций (опыт исчисления). В сб. *Проблемы теории грамматического залогов* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 28–37. Ленинград: Наука.

- Никитевич В.М., 1963. *Грамматические категории в современном русском языке*. М.: Учпедгиз.
- Обнорский С.П., 1953. *Очерки по морфологии русского глагола*. М.: Издательство АН СССР
- Падучева Е. В., 1974. *О семантике синтаксиса*. М.
- Падучева Е. В., 1996. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Падучева Е. В., 1998а. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики. В сб. *Семиотика и информатика* (гл. ред. В. А. Успенский). Вып. 36. С. 82–107. М.: Языки русской культуры.
- Падучева Е. В., 1998б. Неоднозначность как следствие метонимических переносов: русский перфект на *-н-/-т-*. В сб. *Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского*. С. 142–156. Санкт-Петербург: Наука.
- Падучева Е. В., 1998в. Систематизация понятий и терминов аспектологии // *Russian Linguistics*. Vol. 22. Pp. 35–58. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Падучева Е. В., 2001а. Аспектуальная специфика глаголов с актантом Результат: парадокс имперфектива // *Glossos*. Vol. 1.
- Падучева Е. В., 2001б. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. №1. 52–79. М.: Языки славянской культуры.
- Падучева Е. В., 2002. Диатеза и диатетический сдвиг // *Russian Linguistics*. Vol. 26. Pp. 179–215. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Падучева Е. В., 2004. Роли участников и диатезы глаголов эмоции. В сб. *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского* (отв. ред. А. П. Володин) М.: Знак.

- Паневова Я., 1978. Критерии для установления облигаторных партиципантов глагола. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 62–64. Ленинград: Наука.
- Пахомова Е. А., 1990. Страдательный залог в немецком и русском языках (автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук). М.
- Перцов Н. В., 1996а. Грамматическое и обязательное в языке // *Вопросы языкознания*. №4. 39–61. М.: Наука.
- Перцов Н. В., 1996б. О парадоксах лингвистических понятий и терминологии. В сб. *Труды международного семинара ДИАЛОГ'96 по компьютерной лингвистике и её приложениям*. М.
- Перцов Н. В., 1999. Заметки об инварианте. В сб. *Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика* (под ред. Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестельца). С. 412–421. М.: Языки русской культуры.
- Перцов Н. В., 2001. *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Перцов Н. В., 2003. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // *Вопросы языкознания*. №4. С. 43–71. М.: Наука.
- Перцов Н. В., 2006. О словоизменительном статусе и особенностях словоизменения возвратных страдательных форм русского глагола // *Московский лингвистический журнал*. Вып. 9. №1. С. 29–50. М.: РГГУ.
- Плунгян В. А., 1989. К определению результатива (универсальна ли связь результатива и предельности?) // *Вопросы языкознания*. №6. С. 55–63. М.: Наука.
- Плунгян В. А., 1998. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология. В сб. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. С. 370–381. М.: Школа «Языки русской культуры».

- Плунгян В. А., 2000. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: УРСС.
- Плунгян В. А. и Е. В. Рахилина, 1998. Парадоксы валентностей. В сб. *Семиотика и информатика* (гл. ред. В. А. Успенский). Вып. 36. С. 108–119. М.: Языки русской культуры.
- Почепцов Г. Г., 1978. Грамматика предложения и залог. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 98–102. Ленинград: Наука.
- Пупынин Ю. А., 1984. Взаимосвязи категорий вида и залога в русском языке при функционировании форм несовершенного вида в пассивных конструкциях. В сб. *Теория грамматического значения и аспектологические исследования* (отв. ред. А. В. Бондарко). 175–188. Ленинград: Наука.
- Пупынин Ю. А., 1991. Активность/Пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями. В сб. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. С. 211–239. Санкт-Петербург: Наука.
- Пупынин Ю. А., 1992. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // *Вопросы языкознания*. №1. М.: Наука.
- Пупынин Ю. А., 1996. Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке. В сб. *Межкатегориальные связи в грамматике* (отв. ред. А. В. Бондарко). С. 144–152. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин».
- Пупынин Ю. А., 2001. О качественном пассиве в русском языке // *Исследования по славянским языкам*. №6. 127–136. Сеул.
- Ружичка Р., 1978. Несколько соображений о теории понятий «залог» и «диатеза». В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 16–21. Ленинград: Наука.

- Русская грамматика, 1980. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. II. Синтаксис. М.: Наука*
- Сай С. С., 2007а. Два подхода к семантике русских рефлексивных глаголов (в печати).
- Сай С. С., 2007б. К вопросу о статусе русских возвратных глаголов в свете новых тенденций в их употреблении (доклад в ИППИ РАН 11 мая 2007 г.).
- Сай С. С., 2007в. Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке // *Вопросы языкознания. №2. М.: Наука.*
- Сильницкий Г. Г., 1974. Глагольная валентность и залог. В сб. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов.* Ленинград: Наука.
- Смолянинова М. И., 2001. К вопросу о семантических и других ограничениях в образовании страдательных причастий прошедшего времени. В сб. *Семантика. Функционирование. Текст.* Киров.
- Стрельцова М. И., 1978. О связи видо-временных и залоговых значений в причастиях на -м-, -н-, -т- в древнерусском языке. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 213–220. Ленинград: Наука.
- Сумбатова Н. Р., 2002. Ещё раз про обязательность. В сб. *Лингвистический беспредел (Сборник статей к 70-летию проф. А. И. Кузнецовой)*. С. 289–304. М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Татевосов С. Г., 2005. Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания. №1. С. 108–141. М.: Наука.*
- Тестелец Я. Г., 2001. *Введение в общий синтаксис.* М.: РГГУ.
- Тимберлейк, Алан. 1982. Косвенно-объектные контролёры рефлексивизации в русском языке. *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XI. С. 166–192. М.: Прогресс.

- Урысон Е. В., 1996. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // *Вопросы языкознания*. №4. С. 25–38. М.: Наука.
- Успенский В. А., 1977. К понятию диатезы. В сб. *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Ленинград.
- Филлмор, Чарльз. 1981а. Дело о падеже. В сб. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. С. 369–495. М.: Прогресс.
- Филлмор, Чарльз, 1981б. Дело о падеже открывается вновь. В сб. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. X. С. 496–530. М.: Прогресс.
- Филякова Е. В., 1986. Дефектные личные парадигмы глаголов в современном русском языке // *Филологические науки*. №4. М.: Высшая школа.
- Холодович А. А., 1979. *Проблемы грамматической теории*. Ленинград: Наука.
- Храковский В. С., 1974. Пассивные конструкции. В сб. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги*. Ленинград: Наука.
- Храковский В. С., 1978. Залог и рефлексив. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 50–61. Ленинград: Наука.
- Храковский В. С., 1981. Диатеза и референтность. Глава I кн. *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*. С. 5–38. Ленинград: Наука.
- Храковский В. С., 1991. Пассивные конструкции. В сб. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука.
- Храковский В. С., 1998. Понятие сирконстанта и его статус. В сб. *Семиотика и информатика* (гл. ред. В. А. Успенский). Вып. 36. С. 141–153. М.: Языки русской культуры.
- Храковский В. С., 2000а. Взаимодействие залога с лицом и числом при пассивном преобразовании. В сб. *Фортуатовский сборник. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию Московской лингвистической школы 1897-1997 гг.* (ред. Е. В. Красильникова). С. 125–133. М.: Эдиториал УРСС.

- Храковский В. С., 2000б. Диатезы и залого (30 лет спустя). В сб. *Слово в тексте и в словаре: Сборник статей к 70-летию академика Ю. Д. Апресяна* (отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин). С. 466–474. М.: Языки русской культуры.
- Цейтлин С. Н., 1978. Возвратные глаголы и детская речь. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 193–197. Ленинград: Наука.
- Циммерманн И., 1978. Синтаксические функции актантов, залог и переходность. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 71–79. Ленинград: Наука.
- Шелякин М. А., 1991. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости. В сб. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука.
- Широглазова Н. С., 2004. Система глубинных падежей и средств их выражения. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук.
- Шмелёв А. Д., 1998. Типы «нев्यраженных валентностей». В сб. *Семиотика и информатика* (отв. ред. В. А. Успенский). Вып. 36. С. 167–176. М.: Языки русской культуры.
- Юшина Л. Ю., 2003. Семантика и особенности употребления формы творительного падежа субъекта при полном страдательном причастии // *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*. №4. С. 87–93. М.: Издательство МГУ.
- Якобсон Р. О., 1972. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. В сб. *Принципы типологического анализа языков различного строя* (отв. ред. Б. А. Успенский). С. 95–113. М.: Наука.
- Янко-Триницкая Н. А., 1962. *Возвратные глаголы в современном русском языке*. М.
- Янко-Триницкая Н. А., 2001. *Словообразование в современном русском языке*. Индик.

- Яхонтов С. Е., 1974. Формальное определение залога. В сб. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. С. 46–53. Ленинград: Наука.
- Яхонтов С. Е., 1978. Классы глаголов и падежное оформление актантов. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 102–108. Ленинград: Наука.
- Ackermann, Farrell and John Moore, 2001. *Proto-properties and grammatical encoding*. CSLI Publications
- Aijmer, Kristofer, 2002. Constraints on Passivisation: a Comparison of Voice in the Russian and Swedish Verb. In: *Komparativa studier i språk och litteratur. Gusli working papers 10. Institutionen för slaviska språk*. Pp. 11–46. Göteborg: Göteborgs universitet.
- Aranovich, Raúl and Jeffrey T. Runner, 2001. Diathesis Alternations and Rule Interaction in the Lexicon. In: K. Megerdooian and L. A. Barel (eds.) *WCCFL 20 Proceedings*. Pp. 15–28. Sommerville, MA: Cascadilla Press.
- Babby, Leonard H., 1973. The deep structure of adjectives and participles in Russian" // *Language*. Vol. 49. №2. Pp. 349–360. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Babby, Leonard H. and Richard D. Brecht, 1975. The syntax of voice in Russian // *Language*. Vol. 51. №2. Pp. 342–367. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Baker, Mark C., 1997. Thematic Roles and Syntactic Structure. In: L. Haegeman (ed.) *Elements of Grammar*. Pp. 73–137. Dordrecht: Kluwer.
- Barber, E., 1978. Synonymy judgments as syntactic evidence. In: Peter Cole (ed.) *Syntax and semantics, 9: Pragmatics*. Pp. 299–313. New York: Academic Press.

- Belletti, Adriana and Luigi Rizzi, 1988. Psych-verbs and θ -theory // *Natural language & Linguistic theory*. Vol. 6. №3. Pp. 291–352. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Bertinetto, Pier Marco and Denis Delfitto, 2000. Aspect vs. Actionality: Why They Should Be Kept Apart. In: Östen Dahl (ed.) *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Pp. 189–225. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Björklund, Martina, 2003. On the Russian agentive passive // *Glossos*. Vol. 4.
- Blevins, James P., 2003. Passives and impersonals // *Journal of linguistics*. Vol. 39. №3. Pp. 473–520. Cambridge.
- Broekhuis, Hans (n. d.). The subject of causative object experiencer verbs (unpublished).
- Buysens, Eric, 1979. The active voice with passive meaning in modern English // *English Studies*. Vol. 60. №6. Pp. 745–761. Brussels.
- Bybee, Joan L., 1985. *Morphology. A study of the relation between meaning and form [Typological studies in language 9]*. Amsterdam: John Benjamins B. V.
- Dahl, Östen, 1998. Grammaticalization and the life-cycles of constructions. Keynote lecture at the 17th Scandinavian Conference of Linguistics, August 20-22, 1998 Funen, Denmark. To be published in a volume in the series RASK Supplement Volumes.
- Davidson, Alice, 1980. Peculiar passives // *Language*. Vol. 56. №1. Pp. 42–66. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Davis, Tony, 1996. Lexical Semantics and Linking in the Hierarchical Lexicon. A dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Stanford: Stanford University.
- Dewart, M. Hazel, 1979. Children's hypotheses about the animacy of actor and object // *British Journal of Psychology*. Vol. 70. №4. Pp. 525–530.

- Dietrich, Ayse Pamir, 1999. Relational grammar and impersonal passives. In: *Poznań studies in contemporary linguistics*. Vol. 35. Pp. 35–54. Poznań: Adam Mickiewicz University.
- Dowty, David, 1991. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. Vol. 67. №3. Pp. 547–619. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Dryer, Matthew S., 1982. In defense of a universal passive // *Linguistic analysis*. Vol. 10. №1. New York: Elsevier Science Publishing.
- Embick, David, 1997. Voice Systems and the Syntax/Morphology Interface. In: Heidi Harley (ed.) *MITWPL 32: The Proceedings of the UPenn/MIT Workshop on Aspect, Argument Structure, and Events, May 1997*. Pp. 41–72. Cambridge, MA.
- Embick, David, 2004. On the Structure of Resultative Participles in English // *Linguistic Inquiry*. Vol. 35. №3. Pp. 355–392. Cambridge, MA / London: Massachusetts Institute of Technology.
- Engelberg, Stefan, 2002. Intransitive Accomplishments and the Lexicon: The Role of Implicit Arguments, Definiteness, and Reflexivity in Aspectual Composition // *Journal of Semantics*. Vol. 19. Pp. 369–416. Oxford: Oxford University Press.
- Foley, William A. and Robert D. van Valin, Jr., 1984. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Franks, Steven, 1995. *Parameters of Slavic Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Freidin, Robert, 1975. The analysis of passives // *Language*. Vol. 51. №2. Pp. 384–405. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Hale, Ken and Jay Keyser, 1998. The basic Elements of Argument Structure. In: *Papers from the Upenn/MIT Roundtable on Argument Structure and Aspect*; H. Harley (ed.), *MIT Working papers in Linguistics*. Vol. 32. Pp. 73–118. Cambridge, MA: MIT Press.

- Harrison, W., 1967. *Expression of the passive voice (Studies in the modern Russian language, 4–5)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hasegawa, Nobuko, 2001. Causatives and the Role of *v*: Agent, Causer, and Experiencer. In: K. Inoue and N. Hasegawa (eds.) *Linguistics and Interdisciplinary Research*. Pp. 1–35. COE, Kanda University of International Studies.
- Haspelmath, Martin, 1990. The grammaticization of passive morphology // *Studies in Language*. Vol. 14. №1. Pp. 25–71. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins B. V. — John Benjamins North America.
- Haspelmath, Martin (n. d.) Against markedness (and what to replace it with) // to appear in *Journal of Linguistics*.
- Hinkel, Eli, 2004. Tense, aspect and the passive voice in L1 and L2 academic texts // *Language Teaching Research*. Vol. 8. №1. Pp. 5–29.
- de Hoop, Helen and Monique Lamers, 2006. Incremental distinguishability of subject and object. In: L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.) *Case, Valency and Transitivity (SLCS vol. 77)*. Pp. 269–287. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B. V.
- Hopper, Paul J. and Sandra A. Thompson, 1980. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. Vol. 56. №2. Pp. 251–299. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Jaeggli, Osvaldo A., 1986. Passive // *Linguistic Inquiry*. Vol. 17. №4. Pp. 587–622. Cambridge, MA / London: MIT Press.
- Jenkins, Diana R., 2003. Active voice? Usually best. Passive voice? Sometimes better // *Writing*. Vol. 25. №5. Pp. 26–27.
- Kazenin, Konstantin I., 2001. The passive voice. In: *Language Typology and Language Universals*. Vol. 2. Pp. 899–916. Berlin — New York: Walter de Gruyter.

- Keenan, Edward L., 1985. Passive in the world's languages. In: Shopen, Timothy (ed.) *Language typology and syntactic description*. Vol. 1. Pp. 243–282. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kennedy, Graeme, 2001. The distribution of agent marking and finiteness as possible contributors to the difficulty of passive voice structures. In: *A Wealth of English: Studies in honour of Göran Kjellmer (Gothenburg Studies in English 81)*. Pp. 39–46. Göteborg.
- Kibort, Anna, 2001. The Polish passive and impersonal in Lexical Mapping Theory. In: *Proceedings of the LFG01 Conference (University of Hong Kong, Hong Kong)*. CSLI Publications.
- Kibort, Anna, 2004. Passive and passive-like constructions in English and Polish. A dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy.
- Kratzer, Angelika, 2000. Building statives. In: Lisa J. Conathan et al. (eds.) *Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Pp. 385–399. Berkeley.
- Kratzer, Angelika, 2005. Building resultatives. In: Claudia Maienborn & Angelika Wöllstein-Leisten (eds.): *Events in Syntax, Semantics, and Discourse*. Pp. 177–212. Tübingen: Niemeyer.
- Lakoff, George, 1970. Linguistics and natural logic // *Synthese*. Vol. 22. Pp. 151–271. Dordrecht: Reidel Publishing Company.
- Langacker, Ronald and Pamela Munro, 1975. Passives and their meaning // *Language*. Vol. 51. №2. Pp. 789–830. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).
- Levin, Beth and Malka Rappaport, 1986. The formation of adjectival passives // *Linguistic Inquiry*. Vol. 17. №4. 623–661. Cambridge, MA / London: MIT Press.

- O'Grady, W. D., 1980. The universal characterization of passivization // *Linguistic analysis*. Vol. 6. Pp. 393–405. New York: Elsevier Science Publishing.
- Partee, Barbara Hall, 2005. The semantics of diathesis alternations (Formal Semantics Lectures at RGGU, Lecture 10).
- Perlmutter, David M. and Paul Postal, 1983. Toward a universal characterization of passivization. In: Perlmutter, David M. (ed.) *Studies in relational grammar*. Vol. 1. Pp. 3–30. Chicago: The University of Chicago.
- Perry, James Whitney, 1969. *Scientific Russian*. New York: Interscience Publishers.
- Pesetsky, David, 1987. Binding problems with Experiencer verbs // *Linguistic Inquiry*. Vol. 18. №1. 126–140. Cambridge, MA / London: MIT Press.
- Piñón, Christopher, 1999. Durative adverbials for result states. In: Sonya Bird, Andrew Carnie, Jason D. Haugen, and Peter Norquest (eds.) *Proceedings of the 18th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Pp. 420–433. Sommerville, MA: Cascadia Press.
- Piñón, Christopher, 2001. A Finer Look at the Causative-Inchoative Alternation (unpublished).
- Piñón, Christopher, 2007. Verbs of creation. To appear in: Dölling, Heyde-Zybatow & Schäfer (eds.) *Event structures in linguistic form and interpretation*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Say, S. S., 2005. Antipassive *Sja*-Verbs in Russian: Between Inflection and Derivation. In: Wolfgang U. Dressler et al. (eds.) *Morphology and its demarcations*. [Current issues in linguistic theory, 264]. Pp. 253–275. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Shibatani, Masayoshi, 1985. Passives and related constructions: a prototype analysis // *Language*. Vol. 61. №4. Pp. 821–849. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).

- Shibatani, Masayoshi, 1998. Voice parameters. In: Leonid Kulikov, Heinz Vater (eds.) *Typology of verbal categories (Linguistische Arbeiten, 382)*. Pp. 117–138. Tübingen: Niemeyer.
- Siewierska, Anna, 1988. The Passive in Slavic. In: Masayoshi Shibatani (ed.) *Passive and voice (Typological studies in language 16)*. Pp. 243–289. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B. V.
- Spyropoulos, Vassilios, 2002. A note on arbitrary null-subjects // *Reading Working Papers in Linguistics*. Vol. 6. Pp. 85–100.
- Tenny, Carol, 1998. Psych-verbs and verbal passives in Pittsburghese // *Linguistics*. Vol. 36. №3. Pp. 591–597. Walter de Gruyter.
- Timberlake, Alan, 1976. Subject properties in the North Russian passive. In: Li, Charles (ed.) *Subject and topic*. New York: Academic Press.
- Unbegaun, Boris O., 1975. *Russian grammar*. Oxford: Clarendon Press
- van Valin, Robert D. Jr., *The Syntax-Semantics-Pragmatics Interface: an Introduction to Role and Reference Grammar* (in print).
- Wiemer, Björn, 2004. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages. In: Walter Bisang, Nikolaus P. Himmelmann and Björn Wiemer (eds.) *What makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and Components*. Pp. 271–331. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.
- Wilson, Steven J., 1979. Factors influencing the frequency of switches of voice during the recall of active and passive sentences // *Journal of General Psychology*. Vol. 100. №2. Pp. 277-285.
- Woolford, Ellen, 1993. Symmetric and Asymmetric Passives // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 11. Pp. 679-728.
- Woolford, Ellen, 2006. Lexical Case, Inherent Case, and Argument Structure // *Linguistic Inquiry*. Vol. 37. №1.

Woolford, Ellen, 2007. Differential Subject Marking at Argument Structure, Syntax, and PF. To appear in: Helen de Hoop and Peter de Swart (eds.) *Differential Subject Marking. Studies in Natural Language and Linguistic Theory series*. Springer.

Wunderlich, Dieter, 1997. Cause and structure of verbs // *Linguistic Inquiry*. Vol. 28. №1. Pp. 27–68.

Ziff, Paul.1966. The non-synonymy of active and passive sentences // *The Philosophical Review*. Vol. 75. №2. Pp. 226–232. Bruges (Belgium): St Catherine Press.

Приложения

бытийные — начало существования	вводить (не движение)	порождать	создавать (предельный процесс)	строить
	возрождать	рождать	создавать (пунктивный)	творить
	основывать	рождать (перен.)	составлять (документ)	формировать
	открывать (учреждение)	рождать (предельный)	сотворять	
бытийные — прекращение существования	уничтожать	устранять		
бытийные — остальные	организовывать	переживать (проходить через)	являть	
	основывать (на)	проживать (переходный)		
восприятие	видать	наблюдать	регистрировать (наука, процесс)	устанавливать (обнаруживать)
	видеть	оглядывать	слыхать	фиксировать (регистрировать)
	воспринимать	отрывать (взгляд)	слышать	читать
	замечать	ощущать	смотреть	читать (перен.)
	локализовать	прослеживать	улавливать	чувствовать
движение — изменение положения тела, части тела	ворочать	насупливать	поворачивать	сводить (прямой, вместе)
	выворотить	нахмуривать	подёргивать	сгибать
	высунуть	обращать (прямой)	покачивать	сгорбить
	вышагивать	опускать	пригибать	склонять (прям.)
	гнуть (часть тела или себя)	останавливать (мгновенно)	прижмуривать	скособочивать
	задирать	отстранять (движение)	прищуривать	сложить (один предмет)
	зашевелить	перекашивать	распрямлять	сотрясать
	морщить	повалить	растопыривать	трясти
	наклонять	повернуть	сваливать (прямой)	шевелить
движение — остальные	везти	мчать	покидать	растрепывать
	влечь	окружать (процесс)	понукать	ронять
	возвращать (непредельный)	опрокидывать	посылать	сближать
	возить	останавливать	посы'пать (агрессивный)	сбрасывать
	вращать	отдалять	преследовать	сбрасывать (отходы)
	выбрасывать	отделять (действие)	приближать	сдвигать
	выбрасывать (в атмосферу)	отправлять	приводить в движение	сдёргивать
	выводить	перебрасывать (войска)	приносить	сдерживать (прямой)
	вывозить	перевернуть	приподнимать	снимать
	двигать	перевернуть	проводить (вести)	сносить (ветром)

движение — остальные	доставлять (груз)	передвигать	продвигать (прям.)	сопровождать (прямой)
	достигать	передёргивать	пройти	спускать
	ездить	перейти (switch)	проходить (от начала до конца)	сронить
	заваливать	перекачивать	разверзать	сыпать
	задв'игать	переkreщивать (прямой)	разворачивать	уводить
	зашатать	пересыпа'ть	раздвигать	удалять (движение)
	изгонять	пилотировать	раскачивать	уносить
	колебать	подгонять (гнать)	раскрывать (прямой)	ходить
	колыхать	поднимать (непредельный)	распространять	эвакуировать
	конвоировать	подравнивать (строй)	распускать (пружину)	
	кружить	подталкивать	рассылать	
	крутить	покатить	рассыпа'ть	
запах	пригонять (запах)			
звук	доносить (звук)	издавать (звук)	принимать (радио)	
	заглушать	исполнять (музыку)		
изменение состояния или признака	автоматизировать	милитаризовать	охлаждать	сбалансировать
	адаптировать	мистифицировать	парализовывать	сводить (к)
	американизиро- вать	мобилизовывать	перестраивать (перен.)	скапливать
	венчать	модернизировать	повышать	сменять
	видоизменять	моторизовать	погружать	снижать
	включать (техника)	нагревать	подготавливать	сокращать
	возвращать (предельный)	нагревать (перен.)	поднимать (в цене)	сокращать (вооружения)
	вскрывать (информация)	нагружать	поднимать (утром)	состаривать
	выдавать (делать явным)	накапливать	поколебать	стабилизировать
	выказывать	наполнять	пополнять	стеснять (урезать)
	выключать	наращивать	портить	сужать
	выпрямлять	натапливать	превращать	суживать (делать уже)
	выращивать	натруживать (натруженный)	превращать (постепенно)	убавлять
	выстаривать	натурализовать	преобразать	увеличивать
	выстуживать	обезвреживать	преобразовывать	углублять
	газировать	обессиливать	приводить (в порядок)	укорачивать
	готовить (подготавливать)	обесценивать	приготавливать	укоренять (перен.)
	греть	облегчать	примутнять	укреплять
	демонополизиро- вать	обновлять	приспосабливать	улучшать
	закрывать (дело)	обогащать	причислять	уменьшать

изменение состояния или признака	замораживать	обострять	пробуждать	унифицировать
	замутнять	обращать (превращать)	проявлять	усиливать
	занижать	округлять (сделать круглым)	разбавлять	усложнять
	изменять	осваивать	развеивать	усреднять (математически)
	институционализировать	освежать	развивать	усугублять
	искажать	освобождать	раздувать	утверждать (провозглашать)
	комбинировать	осложнять	расслаблять	учащать
	коммерциализировать	отключать	расширять	феминизировать
	конкретизировать	открывать (сделать явным)	реабилитировать	централизовывать
	менять	отлаживать	реформировать	цивилизовать
	метить	отрывать (уводить от основы)	русифицировать	
контакт и опора	вжимать	подвязывать	пришивать	соединять
	гладить (утюгом)	подгонять (одно к другому)	протирать	спутывать
	душить	покрывать (процесс)	распинать	сталкивать
	обвевать (ветром)	прибивать	распластать	сцеплять
	обдавать (чем)	прибинтовывать	расстелить	сшивать
	обдывать	привинчивать	сбивать (вместе)	толкать
	облеплять	привязывать	сваривать (сварка)	трогать
	обнимать	придавливать	связывать (прямой)	устилать
	обтекать	прижимать	седлать	утыка'ть
	обтягивать (стативный)	прикалывать	скраивать (перен.)	ухватывать
	обхватывать	прикрывать	скреплять (стативный)	хватать (прямой)
	обшивать	прислонять	слеплять	цеплять (стативный)
	окроплять	присоединять (кого)	сливать (воедино)	
	осязать	пристыковывать	смыкать	
ментальная сфера	абсолютизировать	интересовать	планировать (строить планы)	различать
	актуализировать	исповедовать (точку зрения)	поглощать (ментальный)	разменивать (идею)
	аттестовать	мнить	подбирать (выбрать)	разрешать (решать)
	ведать	мыслить	подозревать	рассматривать (обдумывать)
	верить	надумывать	подразумевать	рассчитывать (делать расчёт)
	возводить (в)	намекать	подсказывать (стативный)	решать

ментальная сфера	воображать	намечать	подсчитывать	сбивать (с толку)
	вспоминать	обдумывать	подумать	соотносить
	выверять	обследовать	позабыть	сосредоточивать (мент.)
	выдумывать	обучать	помнить	составлять (образ)
	вынашивать (замысел)	ограничивать	понимать	ставить (вопрос)
	выучивать	одаривать (талант)	предвидеть	ставить (стативный)
	выявлять	ожидать	предназначать	считать (мент.)
	выяснять	ориентировать	предполагать	считать (прямой)
	детерминировать	осмысливать	представлять (мент.)	трактовать
	диктовать (перен.)	отбирать	предусматривать	убеждать
	думать	отвергать	признавать	увлекать (интерес)
	забрасывать (забывать)	отвлекать	принимать (в расчёт)	угадывать
	забывать	отдавать (предпочтение)	принимать (решение)	уделять (внимание)
	запоминать	отключать (мент.)	припоминать	усваивать
	затверждать	отличать	приучивать	учесть
	затевать	относить (принадлежность)	продиктовывать (быть мотивом)	учитывать
	знать	отодвигать (на второй план)	продумывать	учить (кого)
	идеологизировать	отстаивать	проектировать	
изучать	отучать	просветлять (мент.)		
иметь (в виду)	оценивать	прочитывать		
местонахождение	девать	заслонять	пересекать (стативный)	удерживать
	дислоцировать	окружать (стативный)	располагать (в пространстве)	хранить
	занимать (место)	отделять (стативный)	содержать (под стражей)	
поведение человека	вперять (взгляд)	приносить (в жертву)	стыдить	угрожать
	втапывать (в грязь)	проводить (взглядом)	судить	укладывать (в рамки)
	гипнотизировать	работать	табуировать	унижать
	делать (изображать)	разыскивать	таить	управлять
	дисциплинировать	распомаживать	терпеть	упражнять
	лелеять	собирать (готовить вещи)	терять	успевать
	мирить	спасать	топить (печь)	утверждать (голосованием)
	молить	ссорить	торопить	утверждать (устанавливать порядок)

поведение человека	набирать (манер от кого-то)	ставить (в положение)	тревожить (отвлекать, пунктивный)	хоронить
	носить	ставить (пьесу)	убирать (прибирать)	штрафовать
	положить (силы)	стилизовать	увольнять	экономить
помещение объекта	бросать (перен.)	высаживать (десант)	настелить	протягивать (тянуть)
	вкapyивать	выставлять	насыпа'ть	прятать
	вносить (удобрения)	грузить	натаскивать	разбрасывать
	вписывать	забивать (наполнять)	начинять (нашпиговать)	размещать
	вплетать	загонять (перен.)	начислять	рассаживать (в помещении)
	впрягать	зарывать	обложить	селить
	впрягать (перен.)	затапливать (в воде)	отставлять	складировать
	вреза'ть	зачехлять	переплетать	складывать (один предмет)
	вставлять	извлекать	перепутывать (прямой)	скрывать
	встраивать	имплантировать	переселять	скучивать (сделать кучу)
	втаскивать	набивать (наполнять)	подвешивать	смешивать
	втыкать	наваливать	попрятать	ссылать
	выбивать	накидывать	приземлять	укрывать (прятать)
выносить (откуда)	наливать	припрятывать	упрятывать	
посессивная сфера	арендовать	завещать	обделять	презентовать
	ассигновать	задаривать	обретать	приватизировать
	брать	заимствовать	одаривать	принимать
	взять	закреплять (что за кем)	оккупировать	принимать (обязательства)
	включать (содержать)	закупать	отвоёвывать	приобретать
	вооружать	зарабатывать	отдавать	продавать
	воровать	захватывать	отпускать (выдать, товар)	протягивать (давать)
	выдавать (предмет)	избавлять	отпускать (выделить)	раздавать
	выделять (деньги)	иметь	отпускать (деньги)	раскулачивать
	выплачивать	купить	отчуждать	сдавать (отдавать)
	давать	лишать	передавать	сдавать (после битвы)
	дарить	менять (switch)	перехватывать	содержать (в себе)
	даровать	набирать	перечислять (деньги)	сыпать (орденами)
	делегировать	награждать	платить	утрачивать
доставать (выискивать)	наделять	получать	экспроприировать	

посессивная сфера	жаловать (кому)	назначать	похищать	
	жертвовать	наследовать	предоставлять	
природное явление	извергать	испускать	проветривать	
	излучать	облучать	продувать (непредельный)	
	индуцировать	поддувать	рассеивать (физика)	
психика — воля	возлагать (надежды)	желать	поднимать (подвигнуть)	склонять (к решению)
	выстрадать	заботить	понуждать	сламливать (волю)
	двигать (мотив)	захотеть	поощрять	слушать (повиноваться)
	дезориентировать	иссушать (чувство)	предпочитать	устремлять
	дёргать (дёрганый)	обращать (на что, цель)	прощать	хотеть
психика — эмоции	беспокоить	обижать	почитать (уважать)	стеснять
	веселить	облюбовывать	презирать	терзать (эмоц.)
	взвинчивать	обожать	привлекать	томить
	взмучать	обозлять	приковывать (перен.)	уважать
	возбуждать	обрадовать	пугать	угнетать
	возлюбить	огорчать	радовать	удивлять
	волновать	одолевать (стативный, эмоция)	раздражать	удовлетворять
	восхищать	ожесточать (прям.)	разочаровывать	ужасать
	всполошить	охватывать (ужас)	распирать (эмоция)	умилять
	встревожить	перепугать	расстраивать	успокаивать
	замыкать (кого, эмоция)	перехватывать (горло)	сглаживать (переживание)	утешать (субъект - не человек)
	изумлять	поднимать (переполох)	сдерживать (эмоции)	ценить
	испытывать (чувство)	подогревать (эмоция)	сердить	чтить
	любить	пожирать (эмоц.)	смущать	шокировать
	напугать	поражать (эмоция)	снедать	
ненавидеть	потрясать (эмоц.)	срывать (эмоцию на ком-то)		
речь	адресовать	обещать	переводить	просить
	анонсировать	обнародовать	пересыпа'ть (шутками)	разоблачать
	велеть	обозначать (называть)	петь	распевать
	вести (разговор)	обращать (слово к кому)	писать	рассказывать
	возводить (нарекание)	обсуждать	подавать (проблему)	рекомендовать

речь	воспевать	объявлять	поднимать (вопрос)	рифмовать
	выдавать (за)	объяснять	поднимать (голос)	ругать
	выдуть (петь)	оглашать	подтверждать	сказать
	высказывать	окрестить (назвать)	подчёркивать	сказать (о документе)
	говорить	описывать	предлагать	советовать
	договаривать(ся)	оправдывать (процесс)	предрекать	сообщать
	доказывать	опрашивать	предупреждать	спрашивать
	задавать (вопрос)	определять (давать определением)	преподносить	требовать
	закавычивать	опровергать	приветствовать	упомянуть
	заявлять	оспаривать	приводить (пример)	упрашивать
	звать	осуждать (стативный)	приглашать	устанавливать (подтверждать)
	звать (называть)	отказывать	приказывать	утверждать (говорить)
	информировать	отменять	принимать (закон)	формулировать
	клясть	отмечать (подчёркивать)	провозглашать	цитировать
	называть	отрицать	произносить	шептать
обвинять	перебивать	пропагандировать		
свет	высвечивать	озарять	отбрасывать (тень)	светить
	заливать (светом)	освещать	позлащать (светом)	
	затемнять	осиять	расцветивать	
служебные — каузативные	вызывать (стать причиной)	подвергать	вести (работу)	
	допускать (общий)	подвергать (общий)		
служебные — общие глаголы действия	выполнять	осуществлять (непредельный)	применять	удовлетворять (потребность)
	делать	осуществлять (пунктивный)	принимать (меры)	устраивать (мероприятие)
	делать (пунктивный)	практиковать	проводить (мероприятие, общий)	эксплуатировать
	доделывать	предпринимать	производить (общий)	
	исполнять (процесс)	претерпевать (общий)	совершать	
	использовать	приложить (применить к)	содейть	
служебные — фазовые	включать (в работу)	заканчивать	начинать	прерывать
	возобновлять	инициировать	почать (начать)	продолжать
	завершать	кончать	прекращать	
физиология	выделять (растение)	жмурить	потреблять	сожмуривать
	выдыхать	заплакать (переходный)	простужать	съедать (перен.)

физиология	выпучивать	кормить	разбивать (хмелём голову)	употреблять (секс)
	глотать	косить (глаза)	разгорячить	щурить
	допивать	напрягать	разжевывать	
	дышать	переваривать	рассасывать	
	жевать (перен.)	пить	скашивать (глаза)	
физическое воздействие — создание физического объекта	вырабатывать	лить (металл)	сварить	фальсифицировать
	вязать	образовывать	сложить (печь)	чеканить
	закладывать (фундамент)	печь	сооружать	шить
	изготавливать	писать (картину)	сплестать	выпускать
	издавать	плести	ставить (строить)	
	ковать	производить (товар)	стегать (одежда)	
	конструировать	разрабатывать	стелить	
физическое воздействие — уничтожение	бить	замучивать	обваливать (уничтожение)	растерзать
	бить (разбивать)	изламывать	обламывать	сбивать (авиация)
	бить (убивать)	измучивать	обрушивать (разрушить)	сжигать
	взрывать	изранить	осыпа'ть (разрушать)	сносить (дом)
	взрывать (перен.)	изрыть	разбивать	стирать (уничтожать)
	вспарывать	истаптывать	разлагать	убивать
	выжигать	истреблять	разламывать	четвертовать
	гильотинировать	истюкать	разрушать	
	загублять	казнить	разрывать (моментальный)	
	задавить	ломать	расстреливать	
физическое воздействие — остальные	асфальтировать	запылять	обдирать	разделявать (лес)
	атаковать	застеклять	обезобразивать	разминать
	белишь	застилать	обжигать	ранить
	беречь	застраивать	облить (перен.)	распаривать
	бетонировать	засыпа'ть (сыпать)	обмётывать	распарывать
	брить	затягивать (гайки)	обмораживать	распахивать
	бронировать	зачесывать	оборудовать	распирать (прямой)
	варить	зашибить (прям.)	обрабатывать	расплавлять
	вентилировать	зашивать	обреза'ть	расчесывать
	вершить (копны)	золотить	обрушивать	расчленять
	взлохмачивать	избивать	обрушивать (процесс)	расщеплять
	взрыть	инкрустировать	обстреливать	рвать
	взъерошивать	испытывать (проводить испытания)	обугливать	ремонттировать
	вить	иссосать	окислять	рубить
	вонзать	калечить	омывать	свернуть
воронить	клеить	оплавлять	сжимать	
всклокочивать	кондиционировать	оснащать	скалывать	

физическое воздействие — остальные	вскрывать (прямой)	конопатить	остригать	скашивать (сельхоз)
	выбривать	копать	осыпа'ть (чем)	сминать
	вывернуть	косить	отапливать	спрессовывать
	выветривать	красить	отворять	среза'ть
	выкорчевывать	крепить (укреплять)	открывать (прямой)	срубать
	выложить (из камня)	крыть	отмывать	срывать
	вымыть	купать	отполировывать	стачивать
	выплёскивать	кусать	отрывать	стирать (бельё)
	выравнивать	лакировать	очищать	стричь
	выреза'ть	легировать	ошпаривать	стругать
	высекать (из камня, перен.)	лечить	пережаривать	стругать (перен.)
	выскабливать	мазать	пережигать	сушить (фрукты)
	вытапывать	мариновать	перекрашивать	татуировать
	вытирать	молоть	перереза'ть	тереть (готовка)
	вытянуть	монтировать	плавить	тесать
	выщерблять	мостить	пломбировать	толочь
	глазуровать	мучать	побить	тонировать
	глушить (бомбой)	мыть	повреждать	топтать
	гнуть	мять	погребать	травмировать
	гравировать	мять (перен.)	подбивать (выстрелом)	тратить (портить)
	гранить	навойлочить	подвяливать	трепать
	делить (на части)	надрывать	позолотить	увечить
	деформировать	надсаживать (подкосить)	полировать	уколоть
	добывать	надсаживать (растение)	поранить	уродовать
	дуть (надувать)	намачивать (соленья)	причёсывать	устанавливать (монтировать)
	жарить	намучить	прокаливать	уты'кать
	забивать (гвоздями)	наносить (вред)	прокоптить	ушибить
	завязывать	наносить (удар)	промораживать	фаршировать
	зажаривать	нареза'ть	пронизывать (стативный)	фильтровать
	зажимать	наряжать	прорывать	царапать
	заколачивать	насиживать (место)	проспиртовывать	чинить
	закоптить	настаивать (сделать настой)	проторивать	чистить
закреплять	начищать	прясть	шить (расшивать)	
закрывать	оббивать	пытать	штамповать	
заметать	обветривать	разглаживать	штукатурить	
заправлять (штаны)	обвязывать	раздавливать	эмалировать	
остальные	авторизовывать	занимать (делом)	обсаживать (раст.)	прорабатывать
	аккредитовывать	заносить (в список)	обставлять	простреливать (территорию)
	арестовывать	запечатлевать	обувать	процарапывать
	бить (карты)	запирать	обусловливать	публиковать

остальные	бить (перен.)	записывать (на что-то)	обходить (запрет)	путать
	блокировать	запрещать	объединять	разграфлять
	браковать	засаживать (огород)	одевать	раздевать
	бросать (оставлять)	заслуживать	одолевать (преодолевать)	разделять
	вести (за собой)	затрагивать	оказывать (услугу)	разнашивать (одежду)
	вирировать	затрачивать	окровавливать	разорять (разграблять, что)
	вложить (перен.)	затягивать (время)	олицетворять	разрешать
	внедрять	заявлять (переходный)	оплачивать	разукрашивать
	вносить (проект)	знакомить	опосредовать	раскавычивать
	возбуждать (дело)	играть (в игры)	оправдывать (надежды)	раскрывать (объяснять, документ)
	возвращать (switch)	избирать	оправдывать (стативный)	расписывать (assign)
	возглавлять	изводить (тратить)	определять (быть фактором)	распределять
	возлагать	изживать	определять (насаждать)	распространять (на что)
	возобновлять (энергия)	излагать (о тексте)	опутывать (стативный)	расстёгивать
	воплощать	измерять (стативный)	оркестровать	растягивать (время)
	воспитывать	изображать	оставлять	ратифицировать
	востребовать (не)	именовать (стативный)	останавливать (кого)	реализовывать
	встречать	импровизировать	осуждать (на суде)	регламентировать
	встречать (в штыки)	интернировать	осы'пать (чем, перен.)	редактировать
	втягивать (make involved)	исповедовать (в церкви)	отводить (время для чего)	рекрутировать
	выбирать	исполнить (наполнить)	отводить (угрозу)	репрессировать
	выводить (информацию)	исследовать	отмечать (награждать)	рецензировать
	выдвигать	истратить	отмечать (подчёркивать, документ)	рисовать
	выдвигать (вопрос)	исчерпать	отмечать (праздник)	руководить
	выдвигать (задачу)	исчислять (стативный)	отражать	санкционировать
	вызывать	камуфлировать	отъединять	сберегать
	выискивать	канонизировать	отыскивать	свергать
	выноси'ть (на страницы газет)	квантовать	охватывать (абстрактный)	связывать (с)
	выносить (обвинение)	классифицировать	охранять	сдабривать (приправа)

остальные	выписывать (из больницы)	клиппировать	очерчивать	сдавать (объект)
	выписывать (портрет)	командировать	передавать (связь)	сервировать
	выражать	комиссовать	переодевать	слагать (слагаемое)
	выстраивать (зависимость)	координировать	печатать	снимать (кино)
	вытеснять	короновать	повторять	снимать (фото)
	гарантировать	коррумпируют	поддерживать	собирать
	гнать	кутать	подкреплять	собирать (людей в множество)
	говорить (документ)	лимитировать	подменять	совмещать
	датировать	меблировать	поднимать (движение, пунктив.)	содержать (деньги)
	декольтировать	мерять	подписывать	солить (грибы в банке)
	демотилизовывать	моделировать	подпоясывать	сопровождать (непрямой)
	демонстрировать	муштровать	подстёгивать	сосредоточивать (в кучу)
	держать	нагнетать	подчинять	сохранять
	детализировать	надевать	показывать	сочетать
	дисквалифицировать	найти	положить (положено)	специализировать
	дифференцировать	наказывать	полонить	списывать (затраты)
	доедать (о болезни)	накладывать (абстрактный)	помечать	ставить (вопрос, о документе)
	дозировать	налаживать	помянуть (упомянуть, документ)	структурировать
	дополнять	наливать (краской, перен.)	посвящать (чему)	судить (суждено)
	допускать (кого)	наметывать (глаз)	предводительствовать	тасовать
	допускать (позволять)	намешивать	предотвращать	тереть (перен.)
	дрессировать	наморить	представлять (к ордену)	титловать
	дымить	направлять (пунктивный)	представлять (на рассмотрение)	транслировать
	женить	направлять (стативный)	предъявлять	требовать (правило, стативный)
	забинтовывать	нарушать	преодолевать	тренировать
	заводить (традицию)	находить	пресекать	указывать (о документе)
	загружать (чем)	находить (перен.)	привлекать (к)	укомплектовывать
	задерживать (арест)	нацеливать	призвать (призвание)	употреблять (занять делом)
	задерживать (время)	номинировать	приложить (прибавить)	упускать

остальные	заказать (запретить)	оберегать	приносить (вред)	усеивать
	заканчивать (повесть)	обживать	приобщать	устанавливать (предписывать)
	заключать (договор)	облекать (в одежды, перен.)	припасать	устраивать (устроен)
	закрывать (стативный)	обнаруживать	причинять (вред)	фундировать (дать основание)
	закутывать	обносить (забором)	проверять	шить-крыть
	заложить (куда, абстр.)	обойти (оставить без)	проводить (время)	шифровать (процесс передачи)
	заменять	оборонять	программировать (составлять план)	
	замуровывать	обрекать	пропускать (не пойти куда-то)	

непредельный	американизиро- вать	использовать	передвигать	сказать
	беречь	испускать	перекатывать	скалывать
	бить (перен.)	истаптывать	перекашивать	скапливать
	везти	колебать	пересыпа'ть (шутками)	смотреть
	вентилировать	колыхать	петь	снижать
	вершить (копны)	комбинировать	пилотировать	сносить (ветром)
	веселить	кондиционировать	пить	содержать (деньги)
	вести (за собой)	координировать	побить	сокращать
	вести (работу)	копать	повернуть	сокращать (вооружения)
	вести (разговор)	кормить	поворачивать	сопровождать (прямой)
	видоизменять	косить	повышать	состаривать
	влечь	кружить	подвергать (общий)	спрессовывать
	вложить (перен.)	крутить	подваливать	спускать
	возвращать (непредельный)	купать	подгонять (гнать)	стачивать
	возить	кутать	поддуть	стеснять (урезать)
	воплощать	лелеять	поднимать (в цене)	стирать (уничтожать)
	воровать	мазать	поднимать (голос)	стругать
	ворочать	менять	поднимать (непредельный)	стыдить
	воспевать	мерять	подталкивать	судить
	вращать	молить	положить (силы)	сужать
	втаптывать (в грязь)	молоть	пополнять	суживать (делать уже)
	выбрасывать (в атмосферу)	мучать	потреблять	сыпать
	выветривать	муштровать	практиковать	сыпать (орденами)
	выделять (растение)	мчать	предводительство вать	тасовать
	выдуть (петь)	мыслить	преобразовывать	тесать
	выпускать	мять	преследовать	топить (печь)
	вырабатывать	наваливать	претерпевать (общий)	топтать
	выстаривать	нагнетать	приближать	торопить
	выстрадать	нагревать	пригонять (запах)	транслировать
	выстуживать	накапливать	примутнять	тратить (портить)
	вытаптывать	наклонять	принимать (радио)	тренировать
	вышагивать	наливать	приносить (вред)	трепать
	газировать	наносить (вред)	припасать	убавлять
	гипнотизировать	наращивать	причинять (вред)	увеличивать
	гнать	насыпа'ть	проводить (мероприятие, общий)	углублять
	гнуть	натаскивать	провождать (взглядом)	угнетать

непредельный	говорить	носить	продвигать (прям.)	угрожать
	гранить	оббивать	продувать (непредельный)	удалять (движение)
	греть	обвевать (ветром)	проживать (переходный)	удовлетворять (потребность)
	двигать (мотив)	обветривать	производить (товар)	укорачивать
	делать	обдирать	произносить	улучшать
	демонстрировать	обдывать	пропагандировать	уменьшать
	детализировать	оберегать	просить	унижать
	добывать	облучать	прясть	употреблять (занять делом)
	дозировать	обмётывать	пытать	употреблять (секс)
	дымить	обогащать	работать	управлять
	дышать	обострять	разбавлять	упражнять
	ездить	обрабатывать	разбрасывать	уродовать
	загонять (перен.)	обрушивать (процесс)	развивать	усеивать
	заплакать (переходный)	обрушивать (разрушить)	раздвигать	усилять
	запылять	обставлять	раздувать	усложнять
	зарабатывать	обстреливать	распевать	усугублять
	затемнять	обтекать	распространять	учащать
	затрачивать	обугливать	рассеивать (физика)	феминизировать
	играть (в игры)	ожесточать (прям.)	рассказывать	фильтровать
	избивать	оплавлять	растягивать (время)	ходить
	извергать	опрашивать	расширять	царапать
	изводить (тратить)	осложнять	регистрировать (наука, процесс)	цитировать
	издавать	осуществлять (непредельный)	реформировать	читать
	излучать	осыпать (разрушать)	рецензировать	шептать
	изменять	осязать	рубить	шифровать (процесс передачи)
	измучивать	отапливать	ругать	штукатурить
	изображать	отдалять	руководить	экономить
	импровизировать	отстранять (движение)	сближать	эксплуатировать
	индуцировать	охлаждать	сбрасывать (отходы)	
	искажать	охранять	сгибать	
исполнять (процесс)	передавать (связь)	сдерживать (эмоции)		
стативный	беспокоить	исчислять (стативный)	подогревать (эмоция)	сохранять
	ведать	камуфлировать	подозревать	сочетать
	возлагать (надежды)	любить	подразумевать	ставить (вопрос, о документе)

стативный	возобновлять (энергия)	мять (перен.)	подсказывать (стативный)	стругать (перен.)
	волновать	наблюдать	пожирать (эмоц.)	судить (суждено)
	востребовать (не)	накладывать (абстрактный)	поминать (упоминать, документ)	сушить (фрукты)
	гнуть (часть тела или себя)	ненавидеть	помнить	съесть (перен.)
	говорить (документ)	облить (перен.)	почитать (уважать)	таить
	делать (изображать)	обожать	предвидеть	тереть (перен.)
	дёргать (дёрганый)	обращать (слово к кому)	предназначать	терзать (эмоц.)
	держать	обтягивать (стативный)	презирать	терпеть
	диктовать (перен.)	обуславливать	призвать (призвание)	томить
	дислоцировать	одолевать (стативный, эмоция)	продиктовывать (быть мотивом)	трактовать
	дифференцировать	ожидать	прослеживать	уважать
	думать	окружать (стативный)	радовать	ужасать
	заботить	опосредовать	раскрывать (объяснять, документ)	указывать (о документе)
	заказать (запретить)	оправдывать (стативный)	сберегать	утверждать (говорить)
	знать	определять (быть фактором)	светить	фундировать (дать основание)
	излагать (о тексте)	опутывать (стативный)	сказать (о документе)	хотеть
	измерять (стативный)	основывать (на)	складировать	хранить
	иметь	осы'пать (чем, перен.)	слушать (повиноваться)	ценить
	иметь (в виду)	отделять (стативный)	снедать	читать
	интересовать	отмечать (подчёркивать, документ)	содержать (в себе)	(шить-крыть)
исповедовать (точку зрения)	отрицать	содержать (под стражей)	щурить	
исполнить (наполнить)	пересекать (стативный)	солить (грибы в банке)		
иссушать (чувство)	планировать (строить планы)	сопровождать (непрямой)		
сильный инцептивно-стативный	абсолютизировать	заслуживать	осуждать (стативный)	распирать (эмоция)
	адресовать	затевать	отбрасывать (тень)	распространять (на что)
	арендовать	затягивать (время)	отвергать	регламентировать

сильный инцептивно- стативный	блокировать	звать (называть)	отводить (время для чего)	сводить (к)
	верить	изумлять	отдавать (предпочтение)	связывать (с)
	вжимать	именовать (стативный)	отличать	сдерживать (прямой)
	видеть	испытывать (чувство)	относить (принадлежность)	сердить
	включать (содержать)	классифицировать	отражать	сжимать
	возглавлять	косить (глаза)	отрывать (уводить от основы)	скашивать (глаза)
	возлюбить	лимитировать	охватывать (абстрактный)	склонять (прям.)
	воображать	мистифицировать	оценивать	скреплять (стативный)
	воспринимать	мнить	ощущать	скрывать
	восхищать	морщить	поглощать (ментальный)	слышать
	выдавать (делать явным)	называть	подчинять	смущать
	выдавать (за)	намекать	позлащать (светом)	соотносить
	вызывать (стать причиной)	намечать	показывать	специализировать
	выказывать	направлять (стативный)	понимать	ставить (стативный)
	выражать	нарушать	поражать (эмоция)	стеснять
	высвечивать	нацеливать	предполагать	стилизировать
	гарантировать	обвинять	предпочитать	считать (мент.)
	датировать	обделять	представлять (мент.)	требовать (правило, стативный)
	дезориентировать	обижать	предусматривать	увлекать (интерес)
	детерминировать	облекать (в одежды, перен.)	привлекать	уделять (внимание)
	дисциплинировать	обозначать (называть)	придавливать	удерживать
	дополнять	обойти (оставить без)	прижимать	удивлять
	допускать (позволять)	огорчать	признавать	удовлетворять
	желать	ограничивать	прикрывать	укрывать (прятать)
	жмурить	озарять	принимать (в расчёт)	умилять
	заглушать	оккупировать	причислять	устанавливать (предписывать)
	задавить	олицетворять	пронизывать (стативный)	утешать (субъект - не человек)
	закреплять (что за кем)	оправдывать (надежды)	протягивать (давать)	учесть

сильный инцептивно- стативный	закрывать (стативный)	определять (давать определением)	прятать	учитывать
	заливать (светом)	определять (насаждать)	раздражать	цеплять (стативный)
	замутнять	ориентировать	различать	чувствовать
	запрещать	освещать	разрешать	шокировать
	заслонять	осиять	распирать (прямой)	
сильный предельный	автоматизировать	затапливать (в воде)	освободить	распределять
	адаптировать	затверждать	осмысливать	распрямлять
	асфальтировать	затягивать (гайки)	останавливать	распускать (пружину)
	белить	зачесывать	остригать	рассаживать (в помещении)
	бетонировать	зачехлять	отбирать	рассасывать
	бить	зашибить (прям.)	отвоёвывать	рассматривать (обдумывать)
	бить (убивать)	зашивать	отлаживать	расстёгивать
	брить	золотить	отмечать (праздник)	расстелить
	бронировать	идеологизировать	отмывать	рассчитывать (делать расчёт)
	варить	изживать	отполировывать	рассылать
	взрывать	изламывать	отстаивать	растерзать
	вирировать	изучать	отучать	расцветивать
	вить	имплантировать	отыскивать	расчесывать
	вкапывать	инкрустировать	очерчивать	расчленять
	внедрять	институционализи- ровать	очищать	расщеплять
	вносить (удобрения)	исповедовать (в церкви)	перебрасывать (войска)	рвать
	возвращать (предельный)	исполнять (музыку)	переваривать	редактировать
	возрождать	испытывать (проводить испытания)	переводить	ремонттировать
	воронить	исследовать	пережигать	решать
	воспитывать	истреблять	перекрашивать	рисовать
	впрягать	клеить	переодевать	рождать (предельный)
	вреза'ть	ковать	переселять	русифицировать
	всклопочивать	коммерциализи- ровать	перестраивать (перен.)	сбалансировать
	вскрывать (прямой)	конвоировать	пересыпа'ть	сбивать (вместе)
	вспарывать	конопатить	печатать	сваривать (сварка)
	вспоминать	конструировать	печь	сварить
	вставляя	коррумпируют	писать	свернуть
	встраивать	красить	писать (картину)	сводить (прямой, вместе)
	втаскивать	крепить (укреплять)	плавить	связывать (прямой)

сильный предельный	выбривать	крыть	плести	сглаживать (переживание)
	вывернуть	лакировать	погружать	седлать
	выверять	легировать	подбирать (выбрать)	сервировать
	выводить	лечить	подвешивать	сжигать
	выворотить	лить (металл)	подвязывать	скашивать (сельхоз)
	выжигать	мариновать	подгонять (одно к другому)	складывать (один предмет)
	выискивать	меблировать	подготавливать	скраивать (перен.)
	выкорчевывать	милитаризовать	подпоясывать	скучивать (сделать кучу)
	выложить (из камня)	мирить	подсчитывать	слеплять
	вымыть	мобилизовывать	позолотить	сливать (воедино)
	выносить (откуда)	моделировать	покрывать (процесс)	сложить (один предмет)
	выписывать (портрет)	модернизировать	полировать	сложить (печь)
	выполнять	монтировать	превращать (постепенно)	смешивать
	выпрямлять	мостить	прибивать	снимать (кино)
	выравнивать	моторизовать	прибинтовывать	собирать
	выращивать	мыть	привинчивать	собирать (готовить вещи)
	выреза'ть	набивать (наполнять)	приводить (в порядок)	создавать (предельный процесс)
	высекать (из камня, перен.)	набирать	привязывать	сооружать
	выскабливать	набирать (манер от кого-то)	приготавливать	сосредоточивать (в кучу)
	высказывать	навойлочить	прикалывать	составлять (документ)
	выстраивать (зависимость)	нагревать (перен.)	приспосабливать	спасать
	вытирать	нагружать	пристыковывать	сплетать
	вытянуть	надевать	приучивать	стабилизировать
	выучивать	надсаживать (растение)	причёсывать	ставить (пьесу)
	выяснять	налаживать	пришивать	ставить (строить)
	вязать	наливать (краской, перен.)	проверять	стегать (одежда)
	гладить (утюгом)	намачивать (соленья)	проветривать	стелить
	глазуровать	наметывать (глаз)	проводить (вести)	стирать (бельё)
	готовить (подготавливать)	намешивать	проводить (время)	стричь
	грузить	наполнять	программировать (составлять план)	строить
	делить (на части)	нареза'ть	продумывать	структурировать
	демонополизовать	наряжать	проектировать	считать (прямой)
договаривать(ся)	настелить	пройти	сшивать	

сильный предельный	доделывать	натапливать	прокаливать	творить
	доедать (о болезни)	натруживать (натруженный)	промораживать	тереть (готовка)
	доказывать	натурализовать	прорабатывать	толочь
	допивать	начинять (нашпиговать)	проспиртовывать	тонировать
	доставать (выискивать)	начищать	протирать	убеждать
	дрессировать	обваливать (уничтожение)	проторивать	убивать
	дуть (надувать)	обвязывать	протягивать (тянуть)	убирать (прибирать)
	душить	обдумывать	проходить (от начала до конца)	уводить
	жарить	обесценивать	процарапывать	угадывать
	жевать (перен.)	обживать	прочитывать	укомплектовывать
	забивать (гвоздями)	обложить	проявлять	укоренять (перен.)
	забинтовывать	обновлять	развеивать	укреплять
	заваливать	обносить (забором)	разворачивать	унифицировать
	завязывать	оборонять	разглаживать	уничтожать
	задаривать	оборудовать	разграфлять	упрашивать
	зажаривать	обращать (прямой)	раздавать	упрятывать
	заканчивать	обсаживать (раст.)	раздевать	усваивать
	заканчивать (повесть)	обследовать	разделявать (лес)	успокаивать
	заколачивать	обсуждать	разжевывать	устанавливать (монтировать)
	закоптить	обувать	разлагать	устилать
	закреплять	обучать	разминать	утверждать (устанавливать порядок)
	закрывать	обшивать	разнашивать (одежду)	уты'кать
	закутывать	объединять	разорять (разграблять, что)	учить (кого)
	заметать	объяснять	разрабатывать	фаршировать
	замораживать	оглашать	разрешать (решать)	формировать
	замуровывать	оглядывать	разрушать	формулировать
	замучивать	одевать	разукрашивать	хоронить
	запирать	одолевать (преодолевать)	разыскивать	централизовывать
	запоминать	окислять	раскачивать	цивилизовать
	заправлять (штаны)	окружать (процесс)	раскрывать (прямой)	чинить
	зарывать	омывать	раскулачивать	чистить
	засаживать (огород)	описывать	распаривать	шить
застеклять	оправдывать (процесс)	распарывать	шить (расшивать)	

сильный предельный	застилать	организовывать	расписывать (assign)	эвакуировать
	застраивать	оркестровать	расплавлять	эмалировать
	засыпа'ть (сыпать)	осваивать	распомаживать	
пунктивный	авторизовывать	затрагивать	отрывать (взгляд)	разверзать
	аккредитовывать	захватывать	отставлять	разгорячить
	актуализировать	заявлять	отчуждать	раздавливать
	анонсировать	заявлять (переходный)	отъединять	разделять
	арестовывать	звать	охватывать (ужас)	разламывать
	ассигновать	знакомить	ошпаривать	разменивать (идею)
	атаковать	избавлять	парализовывать	размещать
	аттестовать	избирать	перебивать	разоблачать
	бить (карты)	извлекать	перевернуть	разочаровывать
	бить (разбивать)	изгонять	переворотить	разрывать (моментальный)
	браковать	издавать (звук)	передавать	ранить
	брать	инициировать	передёргивать	раскавычивать
	бросать (оставлять)	интернировать	пережаривать	распахивать
	бросать (перен.)	информировать	переживать (проходить через)	распинать
	вводить (не движение)	исчерпать	перейти (switch)	распластать
	велеть	казнить	перекрещивать (прямой)	располагать (в пространстве)
	венчать	калечить	переплетать	расслаблять
	взвинчивать	канонизировать	перепугать	расстреливать
	взломачивать	квантовать	перепутывать (прямой)	рассыпа'ть
	взмучать	клиппировать	перереза'ть	растопыривать
	взрывать	клясть	перехватывать	растрепывать
	взрывать (перен.)	командировать	перехватывать (горло)	ратифицировать
	взъерошивать	комиссовать	перечислять (деньги)	реабилитировать
	взять	конкретизировать	платить	реализовывать
	видать	кончать	пломбировать	рекомендовать
	включать (в работу)	короновать	повалить	рекрутировать
	включать (техника)	купить	повреждать	репрессировать
	вносить (проект)	кусать	погребать	рифмовать
	возбуждать	лишать	подавать (проблему)	рождать
	возбуждать (дело)	локализовать	подбивать (выстрелом)	рождать (перен.)
	возводить (в)	ломать	подвергать	ронять
	возводить (нарекание)	менять (switch)	подкреплять	санкционировать
	возвращать (switch)	метить	подменять	сбивать (авиация)

пунктивный	возлагать	награждать	поднимать (вопрос)	сбивать (с толку)
	возобновлять	наделять	поднимать (движение, пунктив.)	сбрасывать
	вонзать	надрывать	поднимать (переполох)	сваливать (прямой)
	вооружать	надсаживать	поднимать	свергать
	вперять (взгляд)	надумывать	поднимать (утром)	сгорбить
	вписывать	назначать	подписывать	сдабривать (приправа)
	вплетать	найти	подтверждать	сдавать (объект)
	впрягать (перен.)	наказывать	подумать	сдавать (отдавать)
	вскрывать (информация)	накидывать	подчёркивать	сдавать (после битвы)
	всполошить	наносить (удар)	позабыть	сдвигать
	встревожить	направлять (пунктивный)	покидать	сдёргивать
	встречать	насиживать (место)	поколебать	селить
	втыкать	наследовать	положить (положено)	скособочивать
	втягивать (make involved)	наsupливать	полонить	слагать (слагаемое)
	выбивать	нахмуривать	получать	сламливать (волю)
	выбирать	находить	помечать	слыхать
	выбрасывать	находить (перен.)	поощрять	сменять
	выводить (информацию)	начинать	поранить	сминать
	вывозить	начислять	порождать	смыкать
	выдвигать	номинировать	портить	снимать
	выдвигать (вопрос)	обдавать (чем)	посвящать (чему)	снимать (фото)
	выдвигать (задачу)	обезвреживать	посылать	сносить (дом)
	выделять (деньги)	обезобразивать	потрясать (эмоц.)	собирать (людей в множество)
	выдумывать	обессиливать	похищать	совершать
	вызывать	обещать	почать (начать)	советовать
	выключать	обжигать	превращать	совмещать
	выноси'ть (на страницы газет)	обламывать	предлагать	содеять
	выносить (обвинение)	облегчать	предоставлять	соединять
	выписывать (из больницы)	облеплять	предотвращать	сожмуривать
	выплачивать	облюбовывать	предпринимать	создавать (пунктивный)
	выпучивать	обмораживать	предрекать	сообщать
	высаживать (десант)	обнародовать	представлять (к ордену)	сосредоточивать (мент.)
	выставлять	обнаруживать	представлять (на рассмотрение)	составлять (образ)

пунктивный	высунуть	обозлять	предупреждать	сотворять
	вытеснять	обрадовать	предъявлять	списывать (затраты)
	выщерблять	образовывать	презентовать	спрашивать
	выявлять	обращать (на что, цель)	прекращать	спутывать
	гильотинировать	обращать (превращать)	преображать	среза'ть
	глотать	обреза'ть	преодолевать	сронить
	глушить (бомбой)	обрекать	преподносить	срубать
	гравировать	обретать	прерывать	срывать
	давать	обрушивать	пресекать	срывать (эмоцию на ком-то)
	дарить	обхватывать	приватизировать	ссорить
	даровать	обходить (запрет)	приветствовать	ссылать
	девать	объявлять	привлекать (к)	ставить (в положение)
	декольтировать	одаривать	приводить (пример)	ставить (вопрос)
	делать (пунктивный)	одаривать (талант)	приводить в движение	сталкивать
	делегировать	оказывать (услугу)	пригибать	сцеплять
	демотивировать	окрестить (назвать)	приглашать	табуировать
	деформировать	окровавливать	прижмуривать	татуировать
	дисквалифицировать	окроплять	приземлять	терять
	доносить (звук)	округлять (сделать круглым)	приказывать	титуловать
	допускать (кого)	оплачивать	приковывать (перен.)	травмировать
	допускать (общий)	опровергать	приложить (прибавить)	тревожить (отвлекать, пунктивный)
	доставлять (груз)	опрокидывать	приложить (применить к)	увечить
	достигать	опускать	принимать	увольнять
	жаловать (кому)	освежать	принимать (закон)	укладывать (в рамки)
	женить	оснащать	принимать (обязательства)	уколоть
	жертвовать	основывать	принимать (решение)	улавливать
	забивать (наполнять)	оставлять	приносить	уносить
	забрасывать (забывать)	останавливать (кого)	приносить (в жертву)	упоминать
	забывать	останавливать (мгновенно)	приобретать	упускать
	завершать	осуждать (на суде)	приобщать	усреднять (математически)
завещать	осуществлять (пунктивный)	приподнимать	устанавливать (обнаруживать)	

пунктивный	заводить (традицию)	осыпа'ть (чем)	припомянуть	устанавливать (подтверждать)
	загружать (чем)	отвлекать	припрятывать	устраивать (мероприятие)
	загублять	отводить (угрозу)	прислонять	устраивать (устроен)
	задавать (вопрос)	отворять	присоединять (кого)	устранять
	задерживать (арест)	отдавать	прищуривать	устремлять
	задерживать (время)	отделять (действие)	пробуждать	утверждать (голосованием)
	задирать	отказывать	провозглашать	утверждать (провозглашать)
	заимствовать	отключать	продавать	утрачивать
	закавычивать	отключать (мент.)	производить (общий)	утыка'ть
	закладывать (фундамент)	открывать (прямой)	пропускать (не пойти куда-то)	ухватывать
	заключать (договор)	открывать (сделать явным)	прорывать	ушибить
	закрывать (дело)	открывать (учреждение)	просветлять (мент.)	фиксировать (регистрировать)
	заложить (куда, абстр.)	отменять	простреливать (территорию)	хватать (прямой)
	заменять	отмечать (награждать)	простужать	четвертовать
	замечать	отмечать (подчёркивать)	прощать	читать (перен.)
	замыкать (кого, эмоция)	отодвигать (на второй план)	публиковать	штрафовать
	занижать	отправлять	пугать	экспроприировать
	заноить (в список)	отпускать (выдать, товар)	путать	являть
	запечатлеть	отпускать (выделить)	разбивать	
	записывать (anmelden)	отпускать (деньги)	разбивать (хмелью голову)	
ингрессивно-непредельный	встречать (в штыки)	занимать (место)	поддерживать	принимать (меры)
	двигать	напрягать	подстёгивать	продолжать
	зажимать	обнимать	понуждать	расстраивать
	занимать (делом)	оспаривать	применять	требовать
мультипликативный	выдавать (предмет)	изготавливать	сотрясать	фальсифицировать
	выдыхать	повторять	толкать	чеканить
	выплёскивать	подравнивать (строй)	трогать	шевелить
	закупать	понукать	трясти	штамповать
неясно (пролептическая видовая пара)	вынашивать (замысел)	склонять (к решению)		
	настаивать (сделать настой)			
	отрывать			
	успевать			

(совершаемость)	завд'игать	изрыть	намучить	попрятать
	захотеть	иссосать	напугать	посы'пать (агрессивный)
	зашатать	истратить	подёргивать	прокоптить
	зашевелить	истюкать	покатить	
	изранить	наморить	покачивать	

-н-				-т-
автоматизировать	золотить	опутать	разделать (лес)	бить
авторизовать	играть (в игры)	организовать	разделять	бить (карты)
адаптировать	идеологизировать	ориентировать	разжевать	бить (перен.)
адресовать	избрать	оркестровать	размещать	бить (разбивать)
аккредитовать	известить (потратить)	освежить	разносить	бить (убивать)
американизировать	изгнать	освещать	разоблачить	брить
анонсировать	изложить (о тексте)	освободить	разорить (разграбить, что)	вжать
арестовать	изломать	освоить	разработать	взрыть
асфальтировать	изменять	оседлать	разрешать	взять
атаковать	измучить	осиять	разукрасить	вить
аттестовать	изранить	осмыслить	ранить	воспринять
белить	изумлять	оснащать	раскавычить	вскрыть (информация)
бетонировать	изуродовать	основать	распарить	вскрыть (прямой)
блокировать	импровизировать	основать (на)	расписать (assign)	вспороть
браковать	индуцировать	оставлять	расплавлять	выбрить
бронировать	инициировать	остричь	распластать	вывернуть
бросить	инкрустировать	осуждать (на суде)	расположить (в пространстве)	выдвинуть
бросить (перен.)	институционализировать	осуждать (стативный)	распомадить	вымыть
варить	интернировать	осы'пать (разрушить)	распределить	гнуть
вести (не движение)	информировать	осы'пать (чем)	рассмотреть	гнуть (часть тела или себя)
ведать	искажать	осы'пать (чем, перен.)	расстелить	греть
велеть	испечь	отвести (время для чего)	рассчитать (делать расчёт)	допить
венчать	исполнить (музыку)	отвести (угрозу)	растерзать	достигнуть
вершить (копны)	исполнить (наполнить)	отвоевать	растопырить	дуть (надувать)
взвинтить	использовать	отдалять	расцветить	забить (наполнить)
взлохматить	испугать	отделить (стативный)	расчесать	зажать
взъерошить	испытать (проводить испытания)	отладить	расширить	закрыть
видать	исследовать	отмечать	расщеплять	залить (светом)
видеть	иссосать	отмечать (наградить)	ратифицировать	занять (делом)
вирировать	истоптать	отнести (принадлежность)	рвать	запереть
включать (содержать)	истратить	отобрать	реабилитировать	зарыть
вкопать	истюкать	отполировать	реализовать	затянуть (гайки)
вложить (перен.)	исчерпать	отправлять	регламентировать	зашить

-н-				-т-
внедрить	казнить	отпустить (выдать, товар)	рекомендовать	знать
внести	калечить	отпустить (выделить)	ремонтировать	изрыть
возбуждать	камуфлировать	отражать	репрессировать	клясть
возложить	канонизировать	отредактировать	реформировать	крыть
возлюбить	квантовать	отставлять	решить	лить (металл)
вонзить	классифицировать	отчуждать	рисовать	молоть
вооружать	клеить	охватить	рифмовать	мыть
воровать	клиппировать	охватить (ужас)	рождать	мять
воронить	ковать	оценить	рождать (предельный)	мять (перен.)
воспитать	командировать	очертить	рубить	набить (наполнить)
востребовать (не)	комбинировать	парализовать	русифицировать	нагреть
впрягать	комиссовать	перевернуть	санкционировать	нагреть (перен.)
вре'зать	коммерциализировать	пережечь	сбалансировать	накинуть
всколочить	кондиционировать	перейти	сберечь	налить
вставляя	конкретизировать	перекрасить	сбросить	начать
встревожить	конопатить	перепутать (прямой)	сварить	обжить
встроить	координировать	перере'зать	свести	облить (перен.)
выбрать	кормить	пересечь (стативный)	связать	обтянуть
выбросить	короновать	перехватить	связать (с)	обуть
вывезти	корруптировать	перехватить (горло)	сделать	обшить
выверить	косить	печь	сделать (пунктивный)	одеть
вывести	красить	писать	сдобрить (приправа)	омыть
выветрить	крепить (укреплять)	писать (картину)	сервировать	опрокинуть
выворотить	купить	плавить	сжечь	открыть (прямой)
выделить (деньги)	лакировать	платить	сказать	отмыть
выдумать	легировать	плести	сказать (о документе)	перебить
выжечь	лимитировать	пломбировать	сконструировать	перевернуть
вызвать (стать причиной)	лишать	повалить	скосить (сельхоз)	пережить
выключить	локализовать	повреждать	скособочить	пить
выкорчевать	мазать	поглощать	скреплять	побить
выложить (из камня)	мариновать	погружать	скроить (перен.)	повернуть
вынести (откуда)	меблировать	подвергать	слепить	подбить (выстрелом)
вы'носить (замысел)	мерять	подвесить	сложить (один предмет)	поднять
выписать (портрет)	метить	подвязать	сложить (печь)	поднять (вопрос)
выполнить	милитаризовать	подвзлать	сломать	поднять (голос)
выпучить	мистифицировать	подготовить	сломить (волю)	позабыть
выработать	мобилизовать	подкреплять	слыхать	покрыть

-н-				-т-
выравнить	модернизировать	подобрать (выбрать)	слышать	понять
выражать	молить	подогнать (одно к другому)	смешать	почать (начать)
вырастить	мостить	подписать	смуцать	прибить
вырезать	моторизовать	подпоясать	собрать	приколоть
высветить	муштровать	подсчитать	совершать	принять
высечь (из камня, перен.)	навалить	подтверждать	содеять	пришить
высказать	навойлочить	подчинять	сожмурить	прожить
выскоблить	награждать	пожертвовать	создать	протянуть
выстрадать	нагружать	позолотить	солить	разбить (хмелём голову)
выстроить	наделять	показать	сооружать	развить
выстудить	надорвать	поколебать	сорвать	распахнуть
вытоптать	надсадить (подкосить)	полировать	сосредоточить (в кучу)	распороть
выщерблять	надсадить (растение)	положить (положено)	составлять (документ)	распять
выявлять	надумать	положить (силы)	сотворить	расстегнуть
вязать	назвать	полонить	спасти	сбить (авиация)
газировать	назначать	получать	специализировать	сбить (вместе)
гарантировать	найти	помечать	сплести	свергнуть
гильотинировать	накопить	поражать (эмоция)	спутать	свернуть
гладить (утюгом)	наладить	поранить	сре'зать	сдёрнуть
глазуровать	наметать (глаз)	порвать	сронить	сколоть
глушить (бомбой)	намечать	порождать	срубить	скрыть
говорить	намешать	портить	стабилизировать	слить (воедино)
гравировать	наморить	посвящать (чему)	стегать (одежда)	смять
гранить	намучить	послать	стелить	снять (кино)
грузить	нанести (вред)	поставить (в положение)	стеснить (урезать)	сшить
дарить	напечатать	поставить (вопрос, о документе)	стилизировать	тереть (готовка)
даровать	написать	поставить (вопрос, цель)	стирать	тереть (перен.)
датировать	наполнить	поставить (построить)	сточить	титловать
дать	направлять (стативный)	поставить (пьесу)	стричь	топить (печь)
дезориентировать	напугать	построить	строить	тронуть
декольтировать	наре'зать	потрясать (эмоц.)	стругать	убить
делать (изображать)	нарушить	похищать	стругать (перен.)	упомянуть
делегировать	наряжать	похоронить	структурировать	шить
делить (на части)	насидеть (место)	почувствовать	судить (суждено)	шить (расшивать)
демонизировать	настелить	предвидеть	сужать	шить-крыть
демонополизовать	настоять (сделать настой)	предложить	сушить (фрукты)	

	-н-		-т-
дёргать (дёрганный)	насупить	предназначать	сформировать
детализировать	насы'пать	предоставлять	сформулировать
детерминировать	натаскать	предотвратить	считать (прямой)
дисквалифицировать	натопить	представить (к ордену)	сэкономить
дисциплинировать	натрудить (натруженный)	представлять (на рассмотрение)	табуировать
дифференцировать	натурализовать	предупреждать	татуировать
договорить	нацелить	предусмотреть	тесать
доделать	начинить (нашпиговать)	презентовать	титуловать
дозировать	начищать	преобразать	толочь
доказать	номинировать	преобразовать	тонировать
дополнить	носить	преодолеть	топить (печь)
допустить	обветрить	прервать	топтать
доставлять (груз)	обвязать	прибинтовать	травмировать
дрессировать	обделить	приватизировать	тратить (перен.)
ездить	обдумать	привести (пример)	тренировать
жаловать (кому)	обезвредить	привинтить	трепать
жарить	обезобразить	привлечь	увеличить
жевать (перен.)	обессилить	привязать	увечить
желать	обещать	приготовить	уволить
забинтовать	обжечь	придавить	угрожать
забросить (забыть)	обижать	прижмурить	удовлетворять (потребность)
завалить	облегчать	призвать	укомплектовать
завершить	облеплять	признать	укоротить
завести (традицию)	обложить	приказать	укреплять
завещать	обломать	приковать	уловить
завязать	облюбовать	приложить (применить к)	унаследовать
загружать (чем)	обморозить	примутнить	унижать
загублять	обнаружить	принести	унифицировать
задавить	обнести (забором)	принести (в жертву)	употреблять (занять делом)
задержать (арест)	обновлять	припасти	упрятать
задрать	обогащать	припрятать	упустить
задушить	ободрать	прислонить	уронить
зажарить	обозлить	приспособить	усеять
заимствовать	обозначать (называть)	пристыковать	усилить
закавычить	обойти (оставить без)	приучить	усилять
заказать (запретить)	оборудовать	причесать	услышать
заколотить	обращать (на что, цель)	причинять (вред)	успокоить
закончить	обращать (прямой)	провести (мероприятие, общий)	усреднить
закончить (повесть)	обращать (слово к кому)	провозгласить	установить (обнаружить)
закоптить	обре'зать	провозглашать	установить (подтвердить)

-н-			-т-
заложить (куда, абстр.)	обрести	программировать	установить (предписывать)
заметать	обретать	продемонстрировать	установить (смонтировать)
замечать	обречь	продиктовать	устлать
заморозить	обрушить (разрушить)	продумать	устранить
замуровать	обсадить (раст.)	произвести (общий)	устремить
замутнить	обследовать	производить (товар)	устроить (устроен)
замучить	обуглить	произнести	утверждать (говорить)
занести (в список)	обусловить	пройти	утверждать (голосованием)
занижать	обхватить	прокалить	утратить
запечатлеть	объединить	прокоптить	уты'кать
записать	объявлять	проморозить	учесть
записать (на что-то)	ограничить	пронизать	фальсифицировать
заплакать (переходный)	одарить (талант)	пропустить	фаршировать
заправлять (штаны)	озарять	прорвать	феминизировать
запылить	оккупировать	просветлить (мент.)	фундировать (дать основание)
заработать	окрестить (назвать)	проспиртовать	ходить
заслужить	окровавить	простужать	централизовать
застеклить	окроплять	проторить	цивилизовать
застелить	округлить (сделать круглым)	процитировать	цитировать
застроить	окружить (процесс)	прочитать	чеканить
засы'пать	окружить (стативный)	проявлять	четвертовать
затверждать	олицетворять	прясть	чинить
затемнить	описать	публиковать	чистить
затопить (в воде)	оплавлять	путать	читать
захватить	опосредовать	пытать	шифровать
зачесать	оправдать (стативный)	разбавлять	шокировать
зачехлить	определять (давать определением)	разбросать	штамповать
заявлять	определять (насаждать)	разгорячить	штукатурить
заявлять (переходный)	опросить	разграфлять	эвакуировать
звать	опубликовать	раздавить	экспроприировать
			эмалировать

биться (за)	засмеяться (речь)	отбиваться	придерживаться (взгляда)	сговориться
биться (перен.)	застесняться	отбиться (отойти)	признаваться	сгущаться
биться (сердце)	заторопиться	отважиться	прийтись (будет)	сдаться
болтаться (находиться)	заулыбаться	отвернуться	прийтись (к случаю)	сделаться (стать)
бороться	захлёбываться	отворачиваться	прийтись (куда пришлось)	сказаться
бояться	заявиться (прийти)	отделаться (выйти сухим)	прийтись (на)	сказываться
братся (за)	здороваться	отделаться (избавиться)	прийтись (надо)	складываться
братся (появляться)	здоровиться (с "не")	отдуваясь	прикасаться	склониться
бросаться	знакомиться (изучать)	отзываться (отвечать)	приключиться	славиться (чем)
бросаться (в глаза)	значиться	отзываться (последствия)	прикоснуться	сливаться
бросаться (движение)	изворачиваться	откашляться	приниматься (за)	сливаться (воедино, звук)
броситься	издеваться	откликаться	приняться (начать делать)	слипнуться
вглядеться	измениться (в лице)	откликнуться	приняться (начать)	сложиться
вглядываться	измеряться	отклониться	присаживаться	слоняться
вдаваться	изумиться	отлучаться	прислушаться	случаться
вдариться (побежать)	испариться	отлучиться	прислушиваться	случиться
вдуматься	испаряться (перен.)	отмалчиваться	присматриваться	слушаться (повиноваться)
вернутся (движение)	исхитряться	относиться (мент.)	присниться	смеяться
вернуться (движение)	казаться	относиться (принадлежать)	пристроиться (идти рядом)	смириться
вернуться (переход)	касаться	отозваться	притаиться	смиряться (с)
взбираться	касаться (относиться)	отправиться	притвориться	смутиться (речь)
взвиться	кинуться	отправляться	притворяться	смыкаться
вздуться (о вене)	кинуться (движение)	отрывать (от народа)	притеплиться	снизиться
вздыматься	кичиться	отсидеться	притронуться	сниться
взяться (за)	кланяться	отсиживаться	приходиться (на)	собираться (намерение)
виднеться	клубиться	отчитаться	приходиться (надо)	собраться (намерение)
виться (движение)	колебаться (мент.)	отшатнуться	приходиться (случаться)	соваться
виться (сост.)	колоситься	отъедаться	прицелиться	согласиться
влюбиться	кончаться (сост.)	отыгрываться (кому)	причитаться (быть положенным)	согласоваться (с чем)
вмешиваться	кончиться	очутиться	пробираться	соглашаться
водиться (животные)	кончиться (иссякнуть)	ошибаться	пробиться	соглашаться (речь)
водиться (как водится)	копаться	ошибиться	провалиться	содрогнуться
возвращаться (движение)	копаться (перен.)	переваливаться (идти)	провиниться	сойтись (на мнении)

возвышаться	коснуться	перевестись (в небытие)	продвинуться (перен.)	сойтись (свет клином)
возиться (перен.)	крутиться (находиться)	переворачиваться (перен.)	продираться	сомневаться
возмутиться (речь)	купаться (перен.)	переглянуться	продолжаться (длиться)	сопротивляться
возмущаться (речь)	ложиться	переговариваться	проехаться (задеть)	соскучиться
волноваться (океан)	ложиться (перен.)	перекачываться (звук)	прокатиться (звук)	сослаться
ворваться	ломиться (куда)	переключиться (акцент)	прокатиться (слеза)	состояться
воспользоваться	лосниться	переливаться (о цвете)	проливаться (дождь)	спиться
восторгаться	любоваться	перестраиваться (строй)	промахиваться	споткнуться
впиться	материться	перехрюкнуться	прорваться	спотыкаться
вращаться (перен.)	маяться	печься (о)	прорваться (перен.)	спохватиться
врезаться (в)	метаться	плестись (движ.)	прорываться	спохватываться
врываться	метаться (туда-сюда)	побаиваться	проснуться	справиться
всматриваться	метнуться	побояться	просочиться	справляться
всмотреться	мириться	повадиться	просыпаться	спускаться (пешком)
встревожиться (речь)	молиться	повелось	прохаживаться	спускаться (сост.)
встрепенуться	мяться (неуверенность)	повстречаться (перен.)	прошвырнуться	спуститься
вторгаться	набраться	повязаться (чем)	прощаться	спуститься (пешком)
вцепиться	набраться (всякого)	подбираться (ближе)	путаться (под ногами)	сражаться
вчитаться	наваливаться (толкать)	подвернуться (случай)	пылиться	срывать (сост.)
выбиться (вылезать)	нагнуться	поддаваться	пытаться	ссыхаться
выдаваться	надвигаться	поддаваться (неодуш.)	пятиться	сталкиваться (встречать)
выдаться (день, погода)	надеяться	поддаваться (чему)	радоваться (речь)	сталкиваться (перен.)
вызваться (предложить)	наесться	поделиться (рассказать)	разбалтываться	становиться (в позу)
выкрошиться	налиться (кровью)	поделиться (чем)	разбегаться (в стороны)	становиться (включение)
выпутаться	намаяться	подивиться	разбежаться	становиться (вставить)
выражаться (говорить)	намереваться	подниматься (сост.)	разбежаться (в стороны)	становиться (движ.)
выразиться	направиться	подниматься (перен.)	разбираться	становиться (достижение)
вырваться	направляться (движ.)	подниматься (пешком)	разбредаться	становиться (на место)
вырождаться (в)	напрашиваться	подняться (встать утром)	развёртываться	становиться (на сторону)
выругаться	напроситься	подняться (о здании)	разветвляться (перен.)	становиться (переход)
высадиться	наслушаться	подняться (пешком)	раздаваться	становиться (степень)

высказаться	насмехаться	подобраться (подойти)	раздаваться (звук)	стараться
высказываться	наталкиваться	подраться	раздаться (звук)	стелиться (перен.)
выстроиться (сост.)	наткнуться	пожаловаться	разделаться	столкнуться (проблема)
вытягиваться (в струнку)	наткаться	позаботиться	раздуться (болезнь)	стремиться
вытянуться (лицо)	находиться	поздороваться	разладиться	струиться
гнаться	начинаться (сост.)	поздоровиться (не)	разлетаться	стыдиться
годиться	начитаться	поинтересоваться	разлететься	суетиться
гоняться	нестись (движ.)	показаться	размахнуться	сходиться (сост.)
гордиться	носиться (движ.)	показаться (стать видным)	разминуться (с)	считаться (легитимность)
горячиться	нравиться	показываться	размягчиться (перен.)	считаться (с)
громоздиться (сост.)	нуждаться	покатиться	разобраться	съежиться
даваться (получаться)	обвалиться	покатиться (слезы)	разразиться	таиться
даться (удаться)	обернувшись	поклониться	разрастись	теплиться
двинуться	обернуться	покоиться (лежать)	разуметься	теряться (не быть видным)
делаться (происходить)	обзавестись (чем)	покоситься (посмотреть)	разъезжаться (губы)	теряться (стесняться)
дёргаться	облокотиться	покоситься (сост.)	разъехаться	толкаться (в толпе)
держаться (имидж)	облупиться	полагаться	разыгаться	толпиться
держаться (сохраняться)	обозлиться	полагаться (за заслугу)	расколоться (рассказать)	топорщиться
деться (куда)	обойтись (без)	полагаться (на)	раскраснеться	топаться
длиться	обойтись (благополучно)	полагаться (надо)	распадаться	торопиться (идти быстро)
добиваться	обойтись (с кем)	положиться (на)	расписаться	трехнуться
добираться	обойтись (цена)	получаться (нейтральный)	расплакаться	трудиться
добиться	оборачиваться	получаться (после усилий)	распластаться	тягаться (соревноваться)
добраться	оборачиваться (для кого)	получиться (нейтральный)	расплачиваться	тянуться
довестись (бывать)	оборачиваться (чем)	получиться (после усилий)	расплываться (в глазах)	тянуться (перен.)
доводиться	обратиться (в инстанцию)	пользоваться	расползаться	увязываться (за кем)
догадаться	обратиться (взором)	пользоваться (вниманием)	распорядиться	углубляться (мент.)
догадываться	обратиться (перейти к)	пользоваться (перен.)	распоряжаться	угнаться (за)
договориться	обратиться (речь)	поместиться	распоряжаться (дать указание)	удаваться
дождаться	обращаться (в инстанцию)	помещаться (находиться)	распоряжаться (чем)	удалиться (уйти)
допытываться	обращаться (в инстанцию)	помчаться	распоясаться	удаться
доставаться	обращаться (говорить)	понадобиться	распоясываться	удивиться (речь)

достаться	обращаться (речь)	понестись (движ.)	расправиться	удивляться
дотрагиваться	обходиться (без)	понравиться	распроцаться	укладываться (в голове)
дотронуться	обходиться (цена)	пообноситься	рассаживаться (один чел.)	уклоняться (от чего)
дотянуться (до)	общаться	поотнекиваться	рассмеяться	укутаться
драться	объявляться (появляться)	попадаться	расставаться	улечься
дымиться	оглядываться	поперхнуться	расставаться (перен.)	улыбаться
ёжиться	оглянуться	поплестись (движ.)	расстаться	улыбнуться
жаловаться	оживляться (воспрять)	поправиться (выздороветь)	расступаться	улыбнуться (речь)
забеспокоиться	озираться	попроцаться	рассчитываться (за что)	упереться (не хотеть)
забраться (куда)	оказаться	попытаться	растеряться	упираться
завязаться (растение)	оказываться	попятиться	расходиться	усесться
загореться (перен.)	опаматоваться	послушаться (повиноваться)	расходиться (мнения)	условиться
задохнуться	опасаться	послышаться	расходиться (свет)	усмехнуться
задуматься	опереться	постараться	расхрабриться	уставиться (смотреть)
задуматься (вхождение)	опираться	постесняться	расшибаться (в лепёшку)	устремиться
задуматься (состояние)	опомниться	поступаться	рваться	устремляться
задумываться	оправиться	поступиться (чем)	резвиться	ухитриться
задумываться (состояние)	опуститься (перен.)	посчастливиться	решаться (осмеливаться)	уцепиться
задышаться	осечься (запнуться)	посчитаться (с мнением)	решиться (осмелиться)	хлопнуться (упасть)
заикаться	оскальзываться	посыпаться	ринуться	хотеться
закатываться (зрачок)	осклабиться	потесниться	руководствоваться	церемониться
заключаться	оставаться	потоптаться	ручаться	числиться
заколебаться (мент.)	оставаться (от уменьшение)	потрескаться	садиться	чураться
замахиваться (намерение)	оставаться (от уменьшения)	потупляться	сбеситься	шарахнуться (движ.)
заметаться	остановиться (мгновенно)	потянуться	сбиваться (ткань)	шлёпнуться (куда)
замяться (эмоция)	остановиться (перен.)	потянуться (к)	сбыться	явиться
занестись (самомнение)	остаться	появиться	свалиться	явиться (куда)
заниматься	остаться (от уменьшения)	появляться	свалиться (перен.)	явиться (прийти)
заняться	остаться (служебный)	приблизиться	свершиться (произойти)	явиться (чем)
запинаться	осунуться (лицо)	пригорюниваться	сवेशиваться (сост.)	являться
засмеяться	осыпаться	пригорюниться	свыкнуться	являться (приходить)

Глагол	Пример	Примечание
браться	Квалификация преподавателя, который берётся обучать ребят, тем или иным предметам, конечно, должна быть на порядок выше. <i>(Вместо дискуссии — подвох. "Известия", 88-07-10 (1.001). Уппсальский корпус)</i>	промежуточная стадия
	В горячую воду сыплут муку, добавляют чуть соли, варят — и всё в порядке: берись за ложку и проверяй свою жизнь. <i>(Лиханов, А., Крутые горы, в кн. "Благие намерения", М., 1981, стр. 6-24 (4.997). Уппсальский корпус)</i>	
доставаться	Веня вздохнул, он привык, что во всех наших историях ему доставалось самое трудное. <i>(Гранин, Д., Дом на Фонтанке, в кн. "Однофамилец", М., 1983, стр. 410-424 (4.426). Уппсальский корпус)</i>	ОМОНИМЫ
	Если вспомнить их боевую молодость, то все это достаётся сейчас (в смысле "достать", "доставать"), можно сказать, даром. <i>(Битов А., Пушкинский дом, "Новый мир", 1987:10, стр. 6-15 (5.020). Уппсальский корпус)</i>	
находиться	На молочнотоварной ферме, что находится тоже поблизости, не действуют очистные сооружения. <i>(Отвести беду. "Правда", 87-08-26 (1.574). Уппсальский корпус)</i>	ОМОНИМЫ
	Почти всегда находилась два-три человека, которые спрашивали, сколько он съедает, недоумевали. <i>(Дубов, Н., Небо с овчинку, "Собрание сочинений в 3-х томах", т. л, М., 1970. Уппсальский корпус)</i>	
относиться	Но чем дальше врач от больших городов, тем ответственнее каждое его решение, тем безотказнее следует относиться к каждой его просьбе. <i>(Чем болеет медицина. "Известия", 87-08-25 (1.319). Уппсальский корпус)</i>	ОМОНИМ
	На столе в беспорядке, словно после сражения, покоились две раскрытые папки с бумагами, относившимися к изобретению Лесных... <i>(Бек, А., Новое назначение, "Знамя", 1986:10, стр. 53-62 (5.008). Уппсальский корпус)</i>	одна лексема
	Челышев понял — вот к какому известию относилось восклицание Онисимова. <i>(Бек, А., Новое назначение, "Знамя", 1986:10, стр. 53-62 (5.008). Уппсальский корпус)</i>	
посыпаться	И вдруг Л. Скрягина приглашают в кабинет первого секретаря обкома и предлагают стать министром. Коллектив, что называется, был в шоке от этой вест. Посыпались жалобы, протесты. <i>(С места на место. "Правда", 88-04-04 (1.788). Уппсальский корпус)</i>	одна лексема
	Я увидел, как опять дунул легкий ветер и на траву посыпались вишнёвые белые лепестки. <i>(Лиханов, А., Крутые горы, в кн. "Благие намерения", М., 1981, стр. 6-24 (4.997). Уппсальский корпус)</i>	
прощаться	Знаете, чем для меня особенно памятен тот день? — сказал, прощаясь со мной, Склярков. <i>(Четвертый удар. "Правда", 87-05-06 (1.573). Уппсальский корпус)</i>	ОМОНИМЫ
	С трудом мы научили его играть в очко на деньги. Но всё процалось ему за храбрость. <i>(Гранин, Д., Дом на Фонтанке, в кн. "Однофамилец", М., 1983, стр. 410-424 (4.426). Уппсальский корпус)</i>	

Глагол	Пример	Примечание
свалиться	Белый снег всюду, только один снег в поле — больше ничего. Зима свалилась с неба. (Троепольский, Г., "Белый Бим Черное ухо", М., 1979, стр. 179-207 (4.999). Уппсальский корпус)	одна лексема
	Я падал и снова бежал, пока не свалился , ломая кусты, в пробитый солнцем ивняк. (Гранин, Д., Дом на Фонтанке, в кн. "Однофамилец", М., 1983, стр. 410-424 (4.426). Уппсальский корпус)	
сложиться	Вот ситуация, которая сложилась на собрании в совхозе имени газеты "Правда". (Строгий экзамен по осуществлению перестройки держат сегодня парторганизации в ходе отчетов и выборов. "Правда", 88-11-18 (812). Уппсальский корпус)	ОМОНИМЫ
	Головня опять склонился над листом. Губы сложились так, будто он намеревался свистнуть. (Бек, А., Новое назначение, "Знамя", 1986:10, стр. 53-62 (5.008). Уппсальский корпус)	
снизиться	Потом мы очутились над лунной поверхностью. Картина была жуткой: грязно-серая пустыня. Пройдя "лунные горы", вертолет снизился над полем. (Соль на рану. "Литературная газета", 88-03-02 (999). Уппсальский корпус)	ВОЗМОЖНО, ОМОНИМЫ
	Существенно снизилось число случаев резких "пиковых" загрязнений. (Экология без косметики. "Правда" 87-09-07 (2.044). Уппсальский корпус)	
удивляться	Немолодая женщина удивлялась : "Сколько корове ни подстилаю, а в сарае мокро". (Соль на рану. "Литературная газета", 88-03-02 (999). Уппсальский корпус)	"удивляться" как глагол речи?
	Редко-редко по улице проходила машина, и петух удивлялся , глядя вбок оранжевым глазом. (Грекова, И., Кафедра, в кн. "Кафедра", М., 1980, стр. 30-44 (4.998). Уппсальский корпус)	
явиться	[В фильме] во весь рост явился образ рыцаря — героя без страха и упрека, судьба которого — вечные поиски истины. (Источник неизвестен. Уппсальский корпус)	ОМОНИМЫ
	Еще одним этапом реформы явится реорганизация власти на местах. (Источник неизвестен. Уппсальский корпус)	

Обозначения:
Пример на непроизводный глагол
Пример на деривированный глагол

бить	замыкать (кого, эмоция)	отказывать	признать	собирать (людей в множество)
бросить	занять (делом)	отключить (мент.)	приковать	советовать
вжимать	зарыть	оторвать (увести от основы.)	приобщить	сочетать
взять	засы'пать	отстранить (движение)	прислонить	спрятать
вить	зашибить (прям.)	отъединить	присоединять	стыдить
включить (в работу)	знакомить	перекатить	приспособить	судить
вкопать	избавить	перекрасить	причесать	схватить
внедрить	копать	подготовить	просить	сцепить
ворочать	кусать	поднимать (подвигнуть)	раздеть	торопить
впрягать (перен.)	кутать	поднимать (утром)	разукрасить	уволить
встроить	мобилизовать	подпоясать	распомадить	укрыть (спрятать)
выбросить	назвать	познакомить	рассаживать (в помещении)	упражнять
вымыть	обвязать	показать	расстелить	упрятать
высказать	обжить	помирить	ругать	уронить
гнуть (часть тела или себя)	обложить	попрятать	свалить	устремить
договорить	обнять	послушать (повиноваться)	светить	ухватить
дымить	оглядеть	посмотреть	сдать (после битвы)	ушибить
женить	оправдывать (процесс)	посоветовать	сдержать (эмоции)	хватать
задать (вопрос)	освежить	поссорить	селить	царапать
задержать (время)	освоить	посы'пать (агрессивный)	сжимать	цеплять (стативный)
закрепить	останавливать (кого)	пошевелить	скапливать	шевелить
закутать	остановить (кого)	прижать	скупить (сделать кучу)	шептать
замкнуть (кого, эмоция)	отказать	признавать	собирать (готовить вещи)	

беречь	зашевелить	отключить	пошевелить	сдерживать (эмоции)
бить	зашибить (прям.)	отключить (мент.)	приблизить	селить
брать	знакомить	отличить	прижать	сжимать
брить	избавить	отмыть	приземлить	скапливать
вжимать	копать	оторвать (взгляд)	признавать	склонить (прям.)
взять	косить (глаза)	оторвать (увести от основы.)	признать	склонять (к решению)
включить (в работу)	купать	отрывать	приобщать	скупить (сделать кучу)
ворочать	кусать	отстранить (движение)	приобщить	собирать (готовить вещи)
воткнуть	кутать	отучить	прислонить	собирать (людей в множество)
впрягать (перен.)	морщить	отъединить	присоединять	собрать (в множество)
встретить	набрать (манер от кого-то)	перекатить	приспособить	советовать
втянуть (make involved)	наклонить	перекосить	приучить	сосредотачивать (мент.)
выпрямить	наклонять	переодевать	причёсывать	сочетать
высадить (десант)	наsupливать	переселять	прищурить	спрятать
высказать	нахмурить	перестраивать (перен.)	провозглашать	стыдить
выстроить	обнять	повернуть	продвигать (прям.)	схватить
вытянуть	оглядеть	поворачивать	просить	сцепить
выучивать	ограничить	подготовить	прятать	толкать
готовить (подготавливать)	одевать	подёргивать	разворачивать	торопить
дымить	одеть	поднимать (подвигнуть)	раздевать	укрыть (спрятать)
женить	оправдывать (процесс)	поднимать (утром)	раздеть	упражнять
жмурить	опустить	подравнивать (строй)	расположить (в пространстве)	успокоить
здать (вопрос)	ориентировать	познакомить	распрямить	ухватить
задержать (время)	освобождать	помирить	рассаживать (в помещении)	ушибить
закрепить	останавливать	попрятать	ругать	хватать
закутать	останавливать (кого)	послушать (повиноваться)	свалить	царапать
замкнуть (кого, эмоция)	остановить (кого)	посмотреть	светить	цеплять (стативный)
замыкать (кого, эмоция)	отвлекать	посоветовать	сдать (после битвы)	шевелить
заслонять	отказать	поссорить	сдвинуть	шептать
зацепить	отказывать	посы'пать (агрессивный)	сдержать (эмоции)	щурить

абсолютизировать	завязать	ожидать	преодолевать	содержать (в себе)
актуализировать	загонять (перен.)	озарить	преподносить	содержать (деньги)
ассигновать	заканчивать	озарять	пресекать	содержать (под стражей)
вводить (не движение)	закончить	оправдать (надежды)	пресечь	создавать (предельный процесс)
верить	закоптить	определять (быть фактором)	привлекать (к)	создать
веселить	закреплять (что за кем)	опускать	приводить (пример)	сократить
вести (работу)	закрывать (дело)	осложнить	приложить (прибавить)	сокращать
вести (разговор)	закупать	осложнять	применять	сомкнуть
взорвать (перен.)	замечать	осмысливать	принимать (в расчёт)	сообщать
видоизменять	запомнить	остановить (мгновенно)	принимать (радио)	сопровождать (сопутствовать, не прямой)
внедрять	запрещать	осуществлять (непредельный)	припомнить	составить (образ)
вносить (удобрения)	затевать	осуществлять (пунктивный)	причислять	составлять (документ)
возводить (в)	затрагивать	отдавать (предпочтение)	проводить (мероприятие, общий)	состарить
возвращать (предельный)	затягивать (время)	открывать (учреждение)	продолжать	сотрясать
возглавлять	затягивать (гайки)	открыть (прямой)	производить (общий)	сохранить
возлагать	затянуть (время)	открыть (учреждение)	процарапывать	сохранять
возлагать (надежды)	захотеть	отличать	прощать	сочетать
возобновить	зашатать	отмечать	проявить	списывать (затраты)
возродить	звать (называть)	отмечать (подчёркивать, документ)	проявлять	спрессовать
возрождать	издавать	отмечать (праздник)	публиковать	спускать
волновать	изменить	относить (принадлежность)	пугать	срывать
вонзить	измерять (стативный)	отодвигать (на второй план)	работать	ставить (вопрос)
воплощать	изучать	оторвать	радовать	ставить (вопрос, о документе)
воспитывать	именовать (стативный)	отражать	разбить	ставить (пьесу)
воспринимать	иметь	отрицать	разверзнуть	ставить (стативный)
восхищать	иметь (в виду)	отстаивать	развеять	сталкивать

вписывать	интересовать	отыскать	раздражать	стереть (уничтожить)
вплести	исповедовать (в церкви)	очищать	различать	стеснять
вскрыть (информация)	исполнять	ощущать	разломать	стирать (уничтожать)
всполошить	использовать	переводить	разменивать (идею)	строить
вспоминать	испортить	передавать	разорвать (моментальный)	считать (мент.)
вспомнить	испугать	передавать (связь)	разочаровать	сыпать
встречать (в штыки)	исследовать	передать	разрабатывать	сыпать (орденами)
выбрасывать (в атмосферу)	колебать	пережарить	разрешать (решать)	таить
выдвигать (вопрос)	кончать	перекрестить (прямой)	разрушать	творить
выделять (деньги)	лишать	переплестать	разрушить	терпеть
выискать	лишить	перепугать	раскрывать (объяснять)	томить
выказать	мучать	пересыпа'ть	раскрыть	трактовать
вынашивать (замысел)	наблюдать	перечислять (деньги)	располагать (в пространстве)	требовать (правило, стативный)
выноси'ть (на страницы газет)	набрать	петь	распространять (на что)	убавить
выносить (обвинение)	найти	печатать	распускать (пружину)	убедить
выписывать (из больницы)	наказывать	планировать (строить планы)	рассказывать	убеждать
выплеснуть	накапливать	повторить	рассматривать (обдумывать)	увлечь (интерес)
выполнять	накопить	повторять	рассосать	углублять
выражать	наливать (краской, перен.)	повысить	расстраивать	уделять
выстарить	намекать	повышать	расстроить	удивить
выстраивать (зависимость)	намечать	подавать (проблему)	рассылать	удивлять
вытеснять	наносить (удар)	подвергать	растягивать (время)	удовлетворять
выявить	наполнить	подвергать (общий)	расширить (круг задач)	ужасать
выяснить	направлять (пунктивный)	подвергнуть	расширять	указывать (в документе)
выяснять	наращивать	подкреплять	регистрировать (наука, процесс)	укладывать (в рамки)
говорить	нарушать	подменять	рекрутировать	укоренить (перен.)
говорить (документ)	находить	поднимать (вопрос)	рецензировать	укреплять
давать	находить (перен.)		решать	улучшать
делать	начать	поднять (в цене)	рисовать	улучшить
делать (пунктивный)	начинать	поднять (вопрос)	родить	умилять

делить (на части)	оббить	поднять (переполох)	родить (перен.)	уничтожать
демобилизировать	обвалить (уничтожение)	подразумевать	рождать	управлять
демонстрировать	обесценить	подтвердить	рождать (предельный)	усложнить
детализировать	обидеть	подумать	сбрасывать (отходы)	усложнять
донести (звук)	обижать	подчёркивать	свести (к)	успеть
доносить (звук)	обмётывать	покрыть	сводить (к)	устраивать (мероприятие)
допускать (кого)	обнародовать	получить	сгладить	усугублять
допускать (общий)	обнаружить	помянуть (упомянуть)	сдавать (объект)	утверждать (провозглашать)
допускать (позволять)	обновить	помнить	сердить	утверждать (устанавливать порядок)
доставать (выискивать)	обозлить	пополнить	складировать	утешать (субъект - не человек)
доставлять (груз)	обострять	поразить (эмоция)	сломать	утрачивать
думать	обрадовать	посы'пать (агрессивный)	слышать	участвовать
дышать	образовать	потребовать (правило, стативный)	смешивать	учитывать
забивать (гвоздями)	образовывать	превращать	смуцать	фильтровать
заботить	обрушивать	превращать (постепенно)	снижать	хотеть
забывать	обрушивать (процесс)	предлагать	снизить	ценить
забыть	обрушить (разрушить)	предполагать	снимать (фото)	читать
завершить	обставлять	предпринимать	сносить (ветром)	читать (перен.)
	обсуждать		сносить (дом)	чувствовать
	обходить (запрет)	предусматривать	совершать	штрафовать
	объявлять	предъявлять	совмещать	
	огорчать	прекратить		
	огорчить	преобразовать		

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
белить	отключить	беспокоить	подвергать (общий)	авторизовать	абсолютизи- ровать	осуждать (стативный)
беречь	открыть (прямой)	вводить (не движение)	подгонять (гнать)	аттестовать	автоматизи- ровать	осущест- лять (непре- дельный)
брить	открыть (сделать явным)	вентилиро- вать	подготовли- вать	вести (за собой)	адаптировать	осущест- лять (пунктив- ный)
варить	открыть (учреждение)	включить (техника)	поддержи- вать	вирировать	адресовать	отворять
вжать	отличить	вносить (удобрения)	поддувать	включить (в работу)	актуализи- ровать	отдалять
взлохматить	отмечать (подчёрки- вать, доку- мент)	возводить (в)	поддёргивать	выполнить	американи- зировать	отделить (стативный)
взорвать	отмыть	возводить (нарекание)	поднимать (вопрос)	доедать (о болезни)	анонсировать	отменять
взъерошить	оторвать	возвращать (непредель- ный)	поднимать (движение, пунктив.)	доказать	арендовать	отмечать
возбуждать	оторвать (взгляд)	возглавлять	поднимать (непредель- ный)	допустить	ассигновать	отмечать (награждать)
возвращать (switch)	отполировать	возить	подогревать	желать	асфальтиро- вать	отмечать (праздник)
вонзить	отучить	возлагать	подозревать	завещать	атаковать	отправлять
воронить	отыскать	возлагать (надежды)	подравни- вать (строй)	загублять	бетонировать	отражать
воспитать	очертить	волновать	подразуме- вать	заявлять (переходный)	блокировать	отставлять
восхищать	парализовать	воображать	подсказы- вать	знать	бронировать	отчуждать
воткнуть	перевернуть	воспевать	подстёгивать	изложить (о тексте)	венчать	охлаждать
вре'зать	передать	воспитывать	подталкивать	индуциро- вать	взмучать	очищать
всклопочить	передвинуть	восприни- мать	подчёркивать	информиро- вать	видеть	ощущать
вскрыть (информация)	пережарить	вписывать	пожирать (эмоц.)	испытывать (чувство)	видоизме- нять	переплетать
всполошить	перекосить	вращать	покачивать	казнить	включать (содержать)	перечислять (деньги)
вспомнить	перекрестить (прямой)	вспарывать	покидать	квантовать	включать (техника)	пломбировать
встревожить	перепугать	вспоминать	покрывать (процесс)	кусать	внедрять	повторять
втянуть (make involved)	перепутать (прямой)	втапывать (в грязь)	помянуть (упомянуть)	локализовать	возбуждать (дело)	повышать

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
вывезти	пересечь (стативный)	втаскивать	понимать	мобилизо- вать	возвращать (предельный)	поглощать
вывернуть	печь	втягивать (make involved)	понуждать	моторизовать	возрождать	погребать
выветрить	писать	выбивать	пополнять	направлять (стативный)	вооружать	погружать
выворотить	писать (картину)	выбирать	посылать	наре'зать	воплощать	подвергать
выдвинуть	пить	выбрасывать	почитать	оправдывать (процесс)	воровать	подкреплять
выдвинуть (вопрос)	плавить	выбрасывать (в атмосферу)	практиковать	отъединить	вперять (взгляд)	подменять
выделить (деньги)	плести	выводить	предводитель- ствовать	поколебать	впрягать	подтверж- дать
выискать	повалить	выводить (ин- формацию)	предлагать	посы'пать (ин- грессивный)	вставлять	подчинять
выказать	повернуть	выдавать (де- лать явным)	предполагать	потрясать (эмоц.)	встречать	позлащать
выключить	повреждать	выдавать (за)	предпочитать	предотвратит ь	встречать (в штыки)	полировать
выплеснуть	подвергнуть	выдавать (предмет)	предприни- мать	присоеди- нить	выделять (деньги)	получать
выпучить	подвялить	выдвигать	предрекать	ранить	выделять (растение)	помечать
выработать	поднять	выдвигать (вопрос)	представлять (мент.)	угрожать	выражать	поощрять
выравнить	поднять (в цене)	выдвигать (задачу)	предусматрив ать		выставлять	поражать (эмоция)
высадить (десант)	поднять (вопрос)	выдувать	презирать		вытеснять	порождать
высветить	поднять (голос)	выдыхать	преодоле- вать		выявлять	посвящать (чему)
выстарить	поднять (переполох)	вызывать	преподно- сить		выяснять	потреблять
выстроить	подобрать (выбрать)	вызывать (стать причиной)	пресекать		газировать	превращать
выстудить	подумать	вынашивать (замысел)	преследо- вать		гарантиро- вать	превращать (постепенно)
высунуть	позабыть	выноси'ть (на страницы газет)	претерпевать (общий)		гильотини- ровать	предвидеть
вытоптать	покрыть	выносить (обвинение)	привлекать (к)		глазуровать	предназна- чать
вытянуть	пополнить	выписывать (из больницы)	приводить (в порядок)		гравировать	предостав- лять
выщерблять	поранить	выплачивать	приводить (пример)		даровать	представлять (на рассмот- рение)

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
вязать	порвать	выполнять	приводить в движение		датировать	предъявлять
глушить (бомбой)	портить	выпускать	пригонять		дезориентировать	преображать
гнуть	почувствовать	вырабатывать	прижимать		делегировать	преобразовать
говорить	предупредить	выстраивать (зависим-ть)	приземлять		делить (на части)	приближать
гранить	презентовать	вытирать	прикрывать		демобилизовать	приватизировать
греть	прервать	выучивать	принимать		демонополизовать	приглашать
грузить	пресечь	выяснить	принимать (в расчёт)		детализировать	приготовить
дарить	привинтить	гипнотизировать	принимать (закон)		детерминировать	приложить (применить к)
дёргать (дёрганый)	пригнуть	глотать	принимать (меры)		деформировать	применять
донести (звук)	придавить	давать	принимать (обязательства)		дисквалифицировать	приобретать
думать	прижмурить	двигать	принимать (радио)		дислоцировать	приобщать
жарить	приложить (прибавить)	делать (пунктивный)	принимать (решение)		дифференцировать	причинять (вред)
забить (наполнить)	примутнить	демонстрировать	приносить (вред)		дозировать	пробуждать
забыть	приподнять	диктовать (перен.)	причёсывать		доставлять (груз)	провозглашать
завалить	припомнить	добывать	причислять		дрессировать	программировать
завершить	пристыковать	доносить (звук)	проверять		жаловать (кому)	производить (товар)
завести (традицию)	приучить	допускать (кого)	проветривать		заглушать	простужать
завязать	прищурить	допускать (общий)	проводить (мероприятие, общий)		задержать (арест)	прощать
задрать	прокалить	допускать (позволять)	продавать		заимствовать	проявлять
зажарить	прокоптить	доставать (выискивать)	продвигать (прямо)		заключать (договор)	публиковать
закончить	проморозить	забивать (гвоздями)	продолжать		закреплять (что за кем)	пугать
закончить (повесть)	прорвать	забывать	продувать		заменять	разбавлять
закоптить	просветлить (мент.)	завязывать	проектировать		заметать	разграфлять
закрыть	проспиртовать	загонять (перен.)	производить (общий)		занижать	разделять
замечать	протянуть	задавать (вопрос)	произносить		заправлять (штаны)	раздражать
заморозить	прясть	задаривать	пропагандировать		запрещать	различать

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
замутнить	прятать	задерживать (время)	прорабаты- вать		заслонять	размещать
замучить	путать	заканчивать	прослежи- вать		затверждать	разрешать
запечатлеть	пытать	закладывать	прострели- вать (террито- рию)		идеологизи- ровать	разрешать (решать)
записать	работать	закрывать	протирать		изменить	разрушать
записать (на что-то)	разбить	закрывать (дело)	протягивать		изменять	расплавлять
запомнить	разверзнуть	закупать	процарапы- вать		изображать	расслаблять
запылить	развеять	заливать (светом)	радовать		изумлять	расчленять
застроить	развить	занимать (место)	развивать		изучать	расширять
затемнить	разгорячить	засаживать (огород)	разворачи- вать		имплантиро- вать	ратифициро- вать
затянуть (гайки)	разжевать	затевать	разглаживать		инициировать	реабилити- ровать
зачесать	разломать	затрагивать	раздавать		инкрустиро- вать	регламенти- ровать
золотить	разносить	затрачивать	раздвигать		институцио- нализировать	рекомендо- вать
играть (в игры)	разорвать (моменталь- ный)	затягивать (время)	раздевать		интерниро- вать	рекрутиро- вать
избрать	разочаровать	затягивать (гайки)	разделить		искажать	ремонтиро- вать
изломать	раскачать	избивать	раздувать		исповедо- вать (церк.)	реформиро- вать
измучить	раскрыть	избирать	разлагать		использовать	рецензиро- вать
изранить	распарить	извергать	разменивать (идею)		исследовать	решить
испечь	распахнуть	извлекать	разминать		иссушать (чувство)	рисовать
испортить	распластать	изготавли- вать	разрабаты- вать		истреблять	рифмовать
испугать	расположить (в прост- ранстве)	издавать	разрывать (моменталь- ный)		исчерпать	рождать
истоптать	распреде- лить	изживать	разыскивать		канонизиро- вать	рождать (предельный)
ковать	рассосать	излучать	раскрывать (объяснять)		классифици- ровать	русифици- ровать
конопатить	расстегнуть	измерять (стативный)	раскрывать (прямой)		командиро- вать	санкциони- ровать
кончать	расстроить	именовать (стативный)	раскулачи- вать		комбиниро- вать	сближать
кормить	растопырить	исповедо- вать (точку зрения)	распевать		коммерциа- лизировать	сервировать

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
косить	растрепать	исполнять	распирать		конвоировать	скреплять
красить	расцветить	исполнять (музыку)	распирать (эмоция)		кондиционировать	слышать
лить (металл)	расчесать	испускать	располагать (в пространстве)		конкретизировать	сменять
мазать	расширить	исчислять	распределять		координировать	смущать
мерять	расщеплять	колебать	распространять		короновать	снижать
молоть	рвать	крутить	распространять (на что)		лакировать	совершать
мостить	реализовать	купать	распускать (пружину)		легировать	соединять
мыть	рубить	лелеять	рассеивать (физика)		лимитировать	сокращать
мять	сварить	менять	рассказывать		лишать	сокращать (вооружения)
набрать	свернуть	менять (switch)	рассматривать (обдумывать)		мариновать	сообщать
нагреть	свести (к)	мнить	расстраивать		милитаризовать	сооружать
надорвать	сгладить	моделировать	расстреливать		мистифицировать	сопровождать (прямой)
найти	сгорбить	монтировать	рассылать		модернизировать	сопровождать (сопутствовать, непрямой)
наклонять	сдвинуть	мучать	рассыпать		награждать	составлять (документ)
накопить	сдёрнуть	мыслить	растягивать (время)		нагружать	сохранять
наладить	склонить (прям.)	наблюдать	регистрировать (наука, процесс)		надевать	специализировать
налить	сколоть	нагнетать	решать		наделять	стеснять
намешать	скособочить	называть	руководить		назначать	стилизовать
намучить	скрыть	наказывать	сбрасывать (отходы)		намечать	стирать
напечатать	слепить	накапливать	сваривать (сварка)		направлять (пунктивный)	структурировать
наполнить	сложить (один предмет)	накладывать	сводить (к)		нарушать	сужать
напрячь	сломать	намачивать (соленья)	сгибать		наряжать	считать (прямой)
напугать	смешать	наносить (вред)	сдавать		натурализовать	табуировать
нарушить	смотреть	наносить (удар)	сдавать (объект)		начислять	тасовать

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
настоять (сделать настой)	собрать (в множество)	напрягать	сдерживать (прямой)		начищать	тонировать
насупить	создать	наращивать	сдерживать (эмоции)		номинаро- вать	трактовать
насы'пать	солить	начинать	сжигать		носить	транслиро- вать
натаскать	сомкнуть	обвевать (ветром)	скашивать (глаза)		обвинять	тренировать
натопить	сорвать	обдуть	складировать		обещать	убеждать
научить	сосредото- чить (в кучу)	оберегать	складывать (один предмет)		облеплять	угнетать
нахмурить	сосредото- чить (мент.)	облекать (в одежды, перен.)	склонять (к решению)		облучать	удалять (движение)
нацелить	состарить	обмётывать	скрывать		обновлять	уделять
начать	спасти	обновить	слагать (слагаемое)		обогащать	удивлять
оббить	спрессовать	обрабатывать	смешивать		обозначать (называть)	удовлетво- рять
обвалить (унич- тожение)	спутать	образовы- вать	снимать		оборонять	удовлетво- рять (потребность)
обветрить	стабилизо- вать	обрушивать	снимать (фото)		обострять	укреплять
обезобразить	стелить	обрушивать (процесс)	сносить (ветром)		обращать (на что, цель)	уменьшать
обесценить	стереть (уничтожить)	обстреливать	сносить (дом)		обращать (превращать)	умилять
обжечь	сточить	ограничивать	собирать		обращать (прямой)	унижать
обижать	стричь	одаривать	совмещать		обращать (слово к кому)	унифициро- вать
облегчать	строить	одевать	создавать (предельный процесс)		обретать	уничтожать
обломать	стругать	оказывать (услугу)	создавать (пунктивный)		обследовать	употреблять (секс)
обморозить	сушить (фрукты)	описывать	сократить		обставлять	усилять
обнародо- вать	сформиро- вать	оплачивать	соотносить		обсуждать	усложнять
обнаружить	сформулиро- вать	опровергать	сосредота- чивать		обучать	усугублять
ободрать	тереть (готовка)	опускать	сотрясать		объявлять	утверждать (голосовани- ем)

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
обозлить	толочь	организовывать	списывать (затраты)		объяснять	утверждать (провозглашать)
оборудовать	топить (печь)	осложнять	спрашивать		оглашать	утверждать (устанавливать порядок)
обрадовать	топтать	осмысливать	спускать		ожидать	утешать (субъект - не человек)
образовать	убить	основывать (на)	срывать		озарять	фальсифицировать
обрушить	увеличить	оспаривать	срывать (эмоцию на ком-то)		окислять	фаршировать
обрушить (разрушить)	увлечь (интерес)	останавливать	ссылать		оккупировать	феминизировать
обуглить	углублять	осязать	сталкивать		окроплять	фиксировать
обуть	уколоть	отапливать	стирать (уничтожать)		олицетворять	фильтровать
объединить	укоренить (перен.)	отбрасывать (тень)	суживать (делать уже)		оплавлять	фундировать (дать основание)
огорчать	укоротить	отвергать	считать (мент.)		опосредовать	централизовать
ограничить	улучшить	отвлекать	таить		определять (давать определением)	цитировать
одеть	унаследовать	отдавать	творить		определять (насаждать)	четвертовать
ожесточить (прям.)	усеять	отдавать (предпочтение)	терзать (эмоц.)		организовать	читать
озарить	усилить	открывать (прямой)	толкать		ориентировать	шифровать
округлить (сделать круглым)	успокоить	открывать (сделать явным)	томить		оркестровать	штамповать
омыть	установить (подтвердить)	открывать (учреждение)	требовать (правило, стативный)		освещать	штрафовать
оправдать (надежды)	установить (предписывать)	отличать	тревожить (отвлекать)		освобождать	эвакуировать
оправдать (стативный)	устранить	относить (принадлежность)	убирать (прибирать)		оснащать	эксплуатировать
определять (быть фактором)	утверждать (говорить)	отодвигать (на второй план)	уважать		оставлять	экспроприировать
опрокинуть	утратить	отпускать (деньги)	увеличивать		осуждать (на суде)	эмалировать
опустить	учесть	отрицать	уводить			
осложнить	ходить	отрывать	увольнять			

только пассивное -ся и прич. -н-/-т-		только пассивное -ся и прич. -м-		только два причастия	все три	
осмыслить	чеканить	отстаивать	угадывать			
основать	чинить	охранять	удерживать			
остановить	чистить	ошпаривать	указывать (в документе)			
остановить (мгновенно)	шить	ощутить	укладывать (в рамки)			
остричь	шить (расшивать)	перебрасывать (войска)	улучшать			
осы'пать (разрушить)	штукатурить	переваривать	уносить			
отделить (действие)		переводить	упоминать			
		передавать	управлять			
		передавать (связь)	упрашивать			
		передёргивать	усваивать			
		переживать	успокаивать			
		переодевать	устанавливать (монтировать)			
		переселять	устраивать (мероприятие)			
		перестраивать (перен.)	утрачивать			
		пересыпа'ть	учитывать			
		пересыпа'ть (шутками)	формировать			
		печатать	хранить			
		пилотировать	ценить			
		планировать (строить планы)	читать (перен.)			
		поворачивать	читать			
		подавать (проблему)	чувствовать			

Приложение 10: Свойства актантов пассивного предложения и возможность смены типа конструкции

В каждом случае будет приведена статистика возможности замены вообще, вне зависимости от типа конструкции (например, может выясниться, что в целом предложения с конкретным подлежащим чаще допускают замену пассивизатора), а затем для варианта «да» (то есть когда замена возможна) мы изучим статистику в зависимости от конструкции (например, возможно, что возвратные глаголы чаще, чем это предсказывает расчётная частота, могут заменяться причастиями именно с конкретным субъектом). В первом случае мы будем иметь дело со свойствами актантов как таковыми, во втором — с предпочтениями каждого типа конструкции. Так, если в конструкциях с причастиями на *-н/-т-* подлежащее в большинстве случаев имеет конкретного денотата, то можно ожидать, что среди предложений с возвратными глаголами именно конструкции с конкретным субъектом чаще допускают замены на причастие. При этом мы будем сравнивать статистику для варианта «да» с общей статистикой для каждого типа конструкции: например, доля конкретного субъекта при возможной замене будет сравниваться с долей конкретного субъекта вообще для данного типа пассивных предложений.

Конкретность/абстрактность

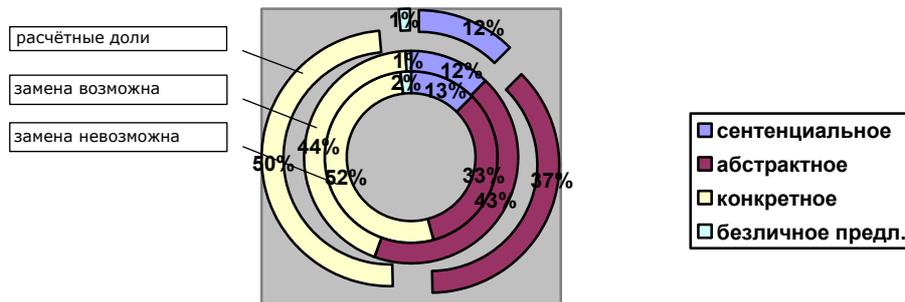

Диаграмма 1. Возможность замены пассивизатора и свойства подлежащего

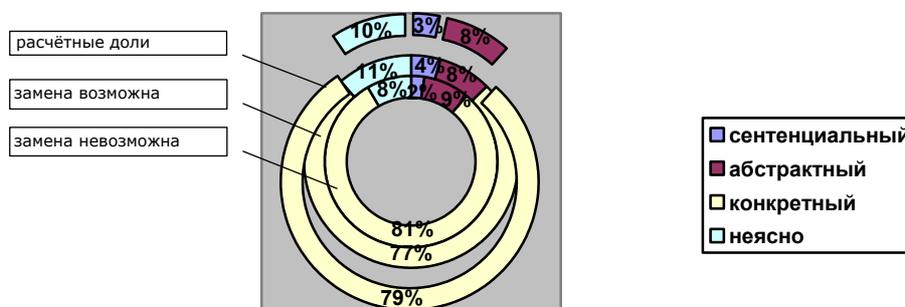

Диаграмма 2. Возможность замены пассивизатора и свойства Актора

Итак, первые диаграммы содержат данные о возможности замены для любого типа конструкции (то есть собраны данные из трёх таблиц). На последней диаграмме значения отличаются от расчётных ненамного (хотя и этого достаточно, чтобы по статистическому критерию вероятность случайного распределения была равна 0,006%), на первой же видно, что в целом в предложениях с конкретным подлежащим замена реже допустима — факт примечательный, но доля подлежащего с конкретным денотатом по-прежнему практически совпадает с долей абстрактной сущности в позиции подлежащего. Взглянем на статистику актантов при возможности замены для разных типов конструкций, сравнивая их с данными о распределении свойств актантов, взятыми из предыдущих диаграмм¹:

Таблица 1. Свойства подлежащего и возможность замены

		Сентенц.	Абстрактное	Конкретное	Безличное
пассивные возвратные	общие данные	190 (18,5%)	452 (44%)	353 (34,5%)	32 (3%)
	замена на прич. -м-	2 (5%)	24 (61,5%)	13 (33,5%)	0
	замена на прич. -н-	80 (15,5%)	243 (46,5%)	191 (36,5%)	7 (1,5%)
причастия на -м-	общие данные	112 (11,5%)	407 (41%)	471 (47,5%)	0
	замена на -ся	78 (13%)	284 (49%)	221 (38%)	0
причастия на -н-/-т-	общие данные	167 (9,5%)	553 (31,5%)	1015 (58%)	22 (1%)
	замена на -ся	34 (8,5%)	138 (34%)	227 (56%)	7 (1,5%)

Таблица 2. Свойства Актор и возможность замены

		Сентенц.	Абстрактный	Конкретный	Неясно
пассивные возвратные	общие данные	83 (8%)	133 (13%)	623 (61%)	187 (18%)
	замена на прич. -м-	2 (5%)	4 (10%)	26 (67%)	7 (18%)

¹ В самих таблицах заменяемости не представлено значение вероятности случайного распределения, поскольку каждая из них составлена из двух отдельных статистик (свойства актантов для каждого типа конструкции и возможность замены в зависимости от этих свойств).

		Сентенц.	Абстрактный	Конкретный	Неясно
	замена на прич. -н-	50 (9,5%)	60 (11,5%)	313 (60%)	97 (19%)
причастия на -м-	общие данные	12 (1,5%)	48 (5%)	891 (92%)	17 (1,5%)
	замена на -ся	6 (1%)	23 (4%)	541 (93,5%)	8 (1,5%)
причастия на -н-/-т-	общие данные	21 (1,5%)	125 (7,5%)	1372 (82,5%)	147 (8,5%)
	замена на -ся	10 (2,5%)	37 (9,5%)	282 (72,5%)	60 (15,5%)

Хотя различие всего в несколько процентов в соотношении математически сильно снижает вероятность случайного распределения, в целом, как можно видеть, конкретность/абстрактность актантов достаточно слабо влияет на возможность смены типа конструкции. Те достаточно сильные отличия (они выделены полужирным шрифтом), однако, соответствуют данным, представленным на диаграммах соответствующих свойств актантов в зависимости от типа конструкции: большая процентная доля замены пассивного возвратного глагола на причастие на -м- соответствует большей доле этого свойства для этих причастий, то же самое при обратной замене (для возвратных глаголов доля абстрактного субъекта тоже велика). Для Актора только в одном случае наблюдается отклонение от общих значений: в тех предложениях с причастиями на -н-/-т-, которые допускают смену типа, конкретный Актор встречается реже, чем вообще для конструкций этого типа, а опция 'неясно', наоборот, чаще — это снова соответствует поведению пассивных конструкций с возвратными глаголами, как мы и ожидали.

Одушевлённость

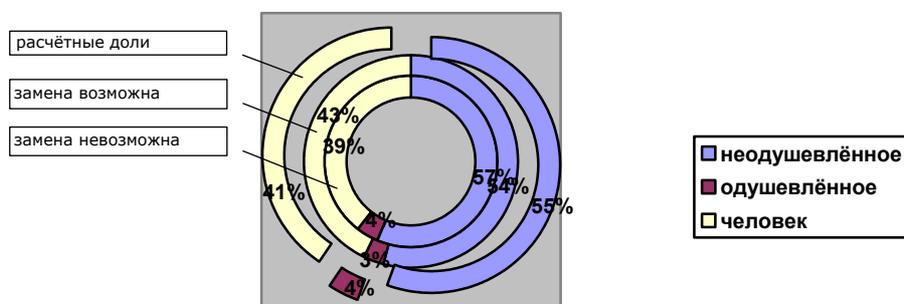

Диаграмма 3. Возможность замены пассивизатора и свойства подлежащего

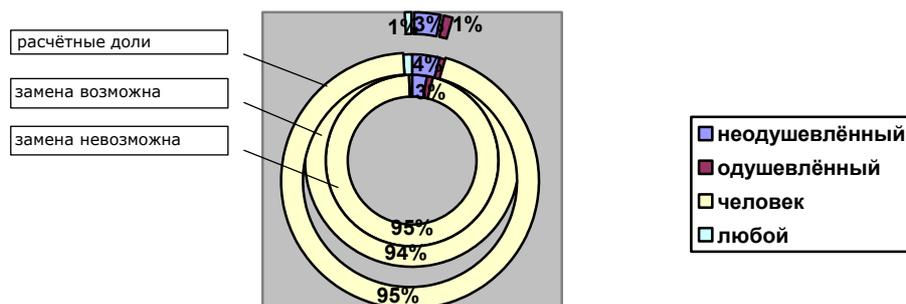

Диаграмма 4. Возможность замены пассивизатора и свойства Актора

Отличия в долях снова невелики (так, для подлежащего статистическая вероятность, что распределение случайно, сравнительно велика — 23%), но можно отметить, что мы могли бы ожидать скорее преобладания неодушевлённого подлежащего среди тех примеров, которые допускают замену. В общей статистике одушевлённость актантов, как и конкретность, не играет большой роли. Несколько любопытных наблюдений можно сделать из таблиц для каждого из типа замен:

Таблица 3. Свойства подлежащего и возможность замены

		Неодушевлённое	Одушевлённое	Человек
пассивные возвратные	общие данные	147 (41,5%)	12 (3,5%)	194 (55%)
	замена на причастие -м-	8 (61,5%)	0	5 (38,5%)
	замена на причастие -н-	77 (40,5%)	7 (3,5%)	107 (56%)
причастия на -м-	общие данные	207 (44%)	17 (3,5%)	247 (52,5%)
	замена на -ся	116 (52,5%)	6 (2,5%)	99 (45%)
причастия на -н-/-т-	общие данные	669 (66%)	40 (4%)	306 (30%)
	замена на -ся	173 (76,5%)	6 (2,5%)	48 (21%)

Таблица 4. Свойства Актора и возможность замены

		Неодушевл.	Одушевлён.	Человек	Любой
пассивные возвратные	общие данные	25 (4%)	9 (1,5%)	587 (94%)	2 (0,5%)
пассивные возвратные	замена на прич. -м-	2 (7,5%)	0	24 (92,5%)	0
	замена на прич. -н-	7 (2%)	5 (1,5%)	299 (95,5%)	2 (1%)
причастия на -м-	общие данные	44 (5%)	7 (1%)	828 (93%)	12 (1%)
	замена на -ся	30 (5,5%)	3 (0,5%)	497 (92%)	11 (2%)
причастия на -н-/-т-	общие данные	28 (2%)	12 (1%)	1320 (96%)	12 (1%)
	замена на -ся	9 (3%)	3 (1%)	267 (95%)	3 (1%)

Наиболее интересные результаты мы снова наблюдаем среди результатов для подлежащего. При этом наши ожидания опровергаются: как уже было сказано, можно было ожидать, что распределение по свойствам актантов среди допускающих замену примеров смещалось в пользу распределения того типа конструкции, на который происходит замена (то есть если в конструкциях какого-либо типа актанты чаще имеют определённые свойства, то замены на конструкции этого типа должны чаще происходить именно при этих свойствах актантов). В то же время при возможности замены причастий обоих типов на пассивный возвратный глагол доля подлежащего с денотатом-человеком даже ниже стандартной доли, хотя именно пассивные предложения с возвратными глаголами по статистике чаще, как мы помним, содержат подлежащее с денотатом-человеком. Остальные же результаты демонстрируют практически полную индифферентность по отношению и к этому свойству субъекта. Едва ли можно ожидать иного результата от денотативного статуса.

Денотативный статус

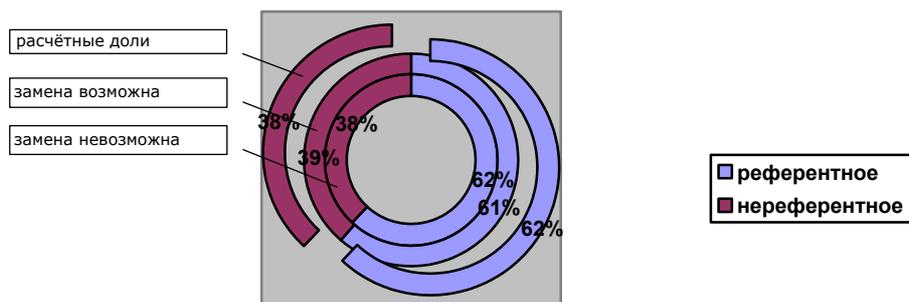

Диаграмма 5. Возможность замены пассивизатора и свойства подлежащего

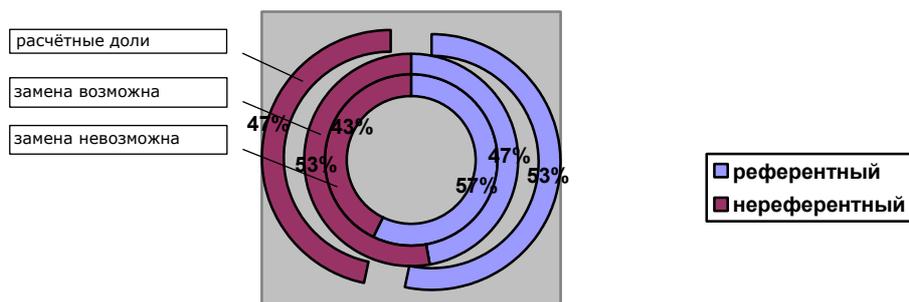

Диаграмма 6. Возможность замены пассивизатора и свойства Актора

В этом случае Актор снова демонстрирует большее различие, чем подлежащее, для которого вероятность случайности очень высока: 76%. Преобладание референтного статуса при невозможности замены можно объяснить тем, что это ситуация для пассива теоретически менее типичная, хотя количественная доля референтного Актора вообще достаточно велика. Посмотрим, какой именно заменой может объясняться преобладание референтного статуса; помимо этого в первой из таблиц мы увидим, что такое равновесие у подлежащего создаётся не полным равенством для всех типов конструкций, а сочетанием противоположностей.

Таблица 5. Свойства подлежащего и возможность замены

		Референтное	Нереферентное
пассивные возвратные	общие данные	247 (70%)	106 (30%)
	замена на причастие -м-	7 (54%)	6 (46%)
	замена на причастие -н-	145 (76%)	46 (24%)

		Референтное	Нереферентное
причастия на -м-	общие данные	250 (53%)	223 (47%)
	замена на -ся	89 (40%)	131 (60%)
причастия на -н-/-т-	общие данные	641 (63%)	374 (37%)
	замена на -ся	154 (68%)	73 (32%)

Таблица 6. Свойства Актора и возможность замены

		Референтный	Нереферентный
пассивные возвратные	общие данные	380 (61%)	243 (39%)
	замена на причастие -м-	12 (46%)	14 (54%)
	замена на причастие -н-	210 (67%)	103 (33%)
причастия на -м-	общие данные	378 (42,5%)	509 (57,5%)
	замена на -ся	163 (30%)	378 (70%)
причастия на -н-/-т-	общие данные	776 (56,5%)	594 (43,5%)
	замена на -ся	165 (59%)	115 (41%)

В первой таблице замены возвратных глаголов на причастия на -н-/-т- и обратные замены уравновешивают статистику замен причастий на -м- по свойствам подлежащего: отчётливо видно, что причастия на -м- чаще заменяются на пассивный возвратный глагол при нереферентном подлежащем, то же самое имеет место для Актора. При этом сами конструкции с возвратными глаголами намного чаще содержат именно референтные актанты. В результате возможность замены не может быть объяснена предпочтениями той

конструкции, на которую происходит замена, более того, данная таблица демонстрирует статистику полностью противоположную, и объяснения этому факту пока нет.

Семантическая роль Актора

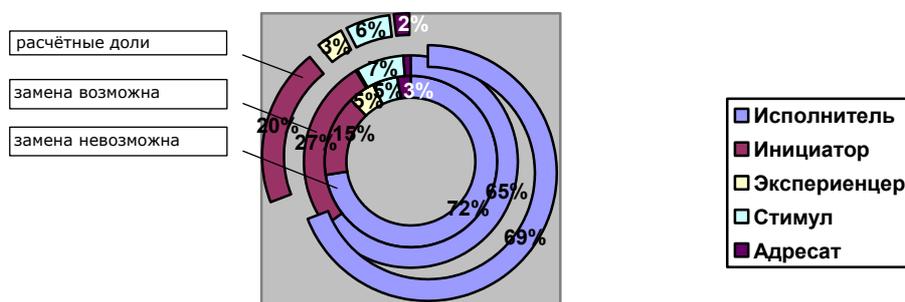

Диаграмма 7. Возможность замены пассивизатора и семантическая роль Актора

Крайне интересный результат — каноническая роль Исполнителя реже допускает смену типа конструкции. Возможно, эта роль в некоторой степени закреплена за конструкциями с причастием на *-н-/-т-*, а роль Инициатора в этом отношении обладает определённой гибкостью и допускает разные типы пассивных предложений. Проверим это предположение:

Таблица 7. Семантическая роль Актора и замены

		Исполнитель	Инициатор	Экспертиенцер	Стимул	Адресат
пассивные возвратные	общие данные	650 (63,5%)	223 (22%)	4 (0,5%)	147 (14%)	1 (0%)
	замена на прич. <i>-м-</i>	28 (72%)	10 (25,5%)	0	1 (2,5%)	0
	замена на прич. <i>-н-</i>	336 (65%)	94 (18%)	2 (0%)	87 (17%)	1 (0%)
причастия на <i>-м-</i>	общие данные	525 (54,5%)	267 (27,5%)	111 (11,5%)	20 (2%)	41 (4,5%)
	замена на <i>-ся</i>	332 (57,5%)	222 (38,5%)	4 (1%)	6 (1%)	13 (2%)
причастия на <i>-н-/-т-</i>	общие данные	1359 (81,5%)	239 (14,5%)	2 (0%)	40 (2,5%)	29 (1,5%)
	замена на <i>-ся</i>	294 (75,5%)	77 (20%)	0	17 (4,5%)	1 (0%)

Роль Инициатора в целом действительно чаще позволяет смену конструкции, а доля роли Исполнителя у причастий на *-н-/-т-* в самом деле несколько упала для возможных замен на возвратные глаголы; при этом при замене возвратных глаголов на причастия на *-м-* примеры с Агенсом-исполнителем встречаются гораздо чаще, хотя это причастие не отличается предпочтением к этому типу Актора.

Отметим практически полное отсутствие роли Экспериенцера и сравнительно небольшую, но стабильную долю роли Стимула среди возможных замен, причём в целом последняя допускает замены чаще, чем не допускает.

Подводя итоги влияния свойств актантов на возможность смены типа, можно сделать следующее заключение: общей тенденции обнаружить не удалось (в отличие от влияния акциональных характеристик, которое было более заметным). Были выявлены некоторые случаи отклонения от общих долей тех или иных свойств, причём не всегда объяснимые, и тем более не поддающиеся общему объяснению и формулированию в виде правила. Это сам по себе очень интересный факт: ведь, обнаружив предпочтения того или иного типа конструкций, мы могли ожидать, что этот результат отразится и в статистике возможности замен. Мы же наблюдаем обратную картину, более того — смещение долей определённых свойств часто идёт в направлении, противоположном ожидаемому. Некоторые данные соответствуют нашим ожиданиям: например, роль Исполнителя действительно оказывается закреплена за причастиями на *-н-/-т-* и реже допускает замену; но при том, что иные результаты ожиданиям противоречат, опираться только на эти результаты достаточно сложно.

Гиперглагол

Мыть

Тип (наличие видов)

Обычный (парный)

Приставка в СВ (событийное значение)

База - глаголы

Семантический класс

Физическое воздействие - остальные

Основа для причастия на -н/-т

Одна из основ

Член тройки? (для тангум)

Акциональный класс

Сильный предельный

Гиперглагол: Мыть

Поиск по глаголу

Примечание:

Глагол

Мыть

Вид

Несовершенный

Служебная - постфикс ся мини

Предложение:

В одном углу стояла клетка с попугаем, и у него был такой вид, как будто он каждое утро моется мылом.

Образован от:

Мыть

Запись: 1 1 из 1

Служебная - причастие м мини

Предложение:

Губы надуты (верхняя выпукло нависает над нижней), ручки короткопалые, неловкие, до яркой розовости мытые холодной водой (холодная вода входила в программу воспитания)

Образован от:

Мыть

Запись: 1 1 из 6

Служебная - причастие н мини

Предложение:

Губы надуты (верхняя выпукло нависает над нижней), ручки короткопалые, неловкие, до яркой розовости мытые холодной водой (холодная вода входила в программу воспитания)

Образован от:

Мыть

Запись: 1 1 из 1

- Любое СЯ: можно?
- Пассивное СЯ: можно?
- Наличие СЯ в корпусе
- Наличие пассив. СЯ в корпусе

- Возможность причастия
- Наличие причастия в корпусе

- Возможность причастия -м
- Наличие причастия -м

- Возможность причастия -н
- Наличие причастия -н
- Возможность прич. -н в СВ
- Возможность прич. -н в НСВ

Предложение: Ценность любого телескопа определяется тем, насколько слабый небесный источник он может зафиксировать и насколько детализированной будет "картинка" исследуемого/particip_prs_sg_masc_passiv_gen_langform объекта.

Источник: Радиотелескоп больше планеты. "Известия", 88-04-10 (1.083). Жанр: Публицистика

Полный текст оригинала:
Для обработки огромного потока ожидающейся информации создаются четыре специальных центра, оборудованных самыми мощными и быстродействующими ЭВМ, в Западной Европе, Австралии, США и у нас. Ценность любого телескопа определяется тем, насколько слабый небесный источник он может зафиксировать и насколько детализированной будет "картинка" исследуемого/particip_prs_sg_masc_passiv_gen_langform объекта. "Ахиллесовой пятой" радиотелескопов долгое время оставалась так

Тип причастия: М Образован от: Исследовать Вид: Несовершенный Форма: Потеря пассивности

Непассивность -ся: Только в отдельной клаузе

Акциональный ярлык: процесс Акц. ярлык с -ся: процесс

Сложности: Деривация Прилагательное? Пассивность К Опросу

Примечания:

23 УК

Поверхностный субъект:
Сентенциальный? Абстрактная ИГ? Нет?
Одушевлённость: неодушевлённый
Денотативный статус: экзистенциальный
Собирательный?
Глубинный субъект:
Сентенциальный? Абстрактная ИГ? Неясно?
Одушевлённость: человек
Денотативный статус: родовой
Собирательный?
Падеж деятеля: Производител
Тип деятеля: Производител
-ся: другой падеж деятеля?

Предложение: Люди поражены/partizir_prt_rl_x_rassiv_kurgzfgm и говорят: нам стыдно за некоторых наших писателей, ученых, которых мы любим и уважаем.

Полный текст оригинала: Источник: [Наращивать интеллектуальный потенциал перестройки, реч Жанр: Публицистика]

Что говорят и думают об этом рабоче, видно из недавних откликов с московского завода "Калибр". Люди поражены/partizir_prt_rl_x_rassiv_kurgzfgm и говорят: нам стыдно за некоторых наших писателей, ученых, которых мы любим и уважаем. стид3 Когда политикой занимаются всеерьез.

Тип: **н без приставки** Образован от: **поражать (эмоция)** Вид: **Совершенный** Форма: [] Жанр: []

Непассивность Возможность -ся Потеря пассивности -ся: другой падеж деятеля?

Акц. ярлык: **СОСТОЯНИЕ**
Акц. ярлык с -ся: **2**
Вид с -ся: **2**
-ся: изменение основы:

Сложности: **Деривация** Прилагательное?
Пассивность К Опросу

Примечания: []

Поверхностный субъект:

Сентенциальный? Абстрактная ИГ? Нет?
Одушевлённость: **человек**
Денотативный статус: **родовой**
Собирательный?

Глубинный субъект:

Сентенциальный? Абстрактная ИГ? Неясно?
Одушевлённость: []
Денотативный статус: []
Собирательный?
Падеж деятеля: []
Роль деятеля: **Стимул**

Предложение: Впервые перешагнут вузовский порог 654 тысячи юношей и девушек — столько же, как и в прошлом году. Кем пополнилась студенческая семья?

Полный текст оригинала: Источник: Жанр:

1 сентября гостеприимно распахнут двери 895 университетов и институтов страны. Впервые перешагнут вузовский порог 654 тысячи юношей и девушек — столько же, как и в прошлом году. Кем пополнилась студенческая семья? Как идет перестройка в высшей школе? На эти и другие вопросы корреспондента ТАСС отвечает первый заместитель председателя Государственного комитета СССР по народному образованию Ф. И. Перегудов.

Исходная форма глагола: Форма:

Образован от: Акциональный класс (если глагол недеривированный):

Пассивность Возможно ли обратное Акц. ярлык:

Поверхностный субъект

Пропозитивный? Абстрактная ИГ? Нет?

Причастие

Возможно ли причастие

Тип причастия:

Вид причастия:

Акц. ярлык пр.:

Изменение основы причастия

Причина невозможности причастия:

Для предметных ИГ: Одушевлённость:

Денотативный статус:

Собирательный?

Глубинный субъект

Пропозитивный? Абстрактная ИГ? Неясно?

Для предметных ИГ: Одушевлённость:

Денотативный статус:

Собирательный? Падеж деятеля:

Тип агенса:

Примечания:

Сложности:

Опрос: возможно ли

Причастие

Не/пассивное значение

1645